DK
ф 511

ИЗЪ КАЗАНСКОЙ ИСТОРІИ.

Magnum sane forer potuisse,
Non indecorum est tentasse.

Николая Агафонова.

КАЗАНЬ.
Лито-Типографія И. Н. Харитонова.
1906

Мо 9.

„Пооп 38“

Дозволено цензурою Г. Казань.

БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ

Женитьба Кафтанникова.

(Изъ Царевококшайскихъ преданій)

Царевококшайскій уѣздъ можетъ быть названъ поистинѣ «медвѣжьимъ угломъ» Казанской губерніи. Почти весь онъ покрытъ лѣсомъ, преимущественно хвойнымъ, и населенъ инородцами, преимущественно черемисами. Никогда не зналъ Царевококшайскій уѣздъ, что такое было въ старину «крѣпостничество», на рѣдкость встрѣтить тамъ дворянскую усадьбу

Зато изъ мѣстныхъ самородковъ выходили иногда такіе магнаты, что умѣли держать въ рукахъ цѣлый уѣздъ. Впрочемъ, одни изъ царевококшайскихъ уроженцевъ выселились въ Казань и здѣсь впослѣдствіи составили себѣ имя въ торгово-промышленной сферѣ, какъ, напримѣръ, почетные граждане. Мурзаевъ, Варакинъ, братья Тихоновы и проч Другіе гремѣли на мѣстѣ. Въ особенности громка была слава въ Царевококшайскѣ мѣстныхъ тузовъ во времена сѣдой старины, когда было больше простора для необузданной дѣятельности и когда столь извѣстный на Руси девизъ: «до Бога высоко, до Царя—далеко» находился въ полномъ процвѣтаніи.

Во второй половинѣ XVIII-го столѣтія славился въ городѣ Царевококшайскѣ мѣстный именитый купецъ Иванъ Андреевичъ Пчелинъ. Онъ былъ уже преклонныхъ лѣтъ и имѣлъ нестолько женатыхъ сыновей, но и женатыхъ внуковъ Семья его была многолюдная, всѣ члены которой жили вмѣстѣ, нераздѣльно, въ огромнѣйшемъ каменномъ прадѣдовскомъ домѣ, занимаемомъ нынѣ царевококшайскими присутственными мѣстами. У Ивана Андреевича Пчелина было только два сына: Ефремъ Ивановичъ и Сила Ивановичъ, зато у каждаго изъ этихъ двухъ сыновей была цѣлая куча дѣтей. У Ефрема. Александръ, Ефремъ и Семенъ; у Силы: Петръ, Иванъ, Алексѣй и Михаилъ, не считая дочерей, которыя всѣ вышли замужъ, на-сторону, за богатыхъ и чиновныхъ жениховъ. Двѣ изъ нихъ сдѣлались даже дворянками, выйдя: Марія Ефремовна—за симбирскаго

помѣщика Ульянова и Елизавета Александровна—за казанскаго помѣщика Юферова.

Богатство у Пчелиныхъ было большое. Они арендовали у удѣльнаго вѣдомства много земли въ Царевококшайскомъ уѣздѣ, которую засѣвали хлѣбомъ. кромѣ того, у нихъ было нѣсколько вѣтряныхъ и водяныхъ мельницъ, кожевенный и поташный заводы, лѣсопильня, а впослѣдствіи завели они въ Карсунскомъ уѣздѣ, Симбирской губерніи, на рѣкѣ Талѣ, богатую писчебумажную фабрику. Пріѣзжая часто по торговымъ дѣламъ въ Казань, они не останавливались въ гостинницахъ и на подворьяхъ, а имѣли на этотъ случаи свои собственный каменный домъ, находившійся въ концѣ Проломной улицы, подъ самымъ бульваромъ, рядомъ съ домами почетныхъ гражданъ Яковлевыхъ, тоже кожевенныхъ заводчиковъ.

Въ то самое время, когда слава и сила Пчелиныхъ была несокрушима, въ одномъ съ ними городѣ Царевококшайскѣ проживало совсѣмъ неизвѣстное, бѣдное семейство Кафтанниковыхъ. Самъ Яковъ Спиридоновичъ Кафтанниковъ по званію былъ мѣстный мѣщанинъ. Онъ занималъ должность копіиста въ городскои думѣ, проживая съ женою, двумя сыновьями и дочерью въ собственномъ небольшомъ деревянномъ домикѣ, стоявшемъ почти на краю города. Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1774 года случилось страшное несчастіе въ семьѣ Кафтанниковыхъ: Яковъ Спиридоновичъ, возвращаясь съ однимъ изъ своихъ малолѣтнихъ сыновей, Кузьмой, въ гор. Царевококшайскъ изъ поѣздки въ какое-то село, былъ настигнутъ шайкою пугачевцевъ и ими убитъ вмѣстѣ съ сыномъ. Лошадь была уведена пугачевцами, а тѣлежка брошена съ тѣлами убитыхъ на самой дорогѣ, въ виду города

Нужно-ли говорить, что скорбь вдовы Кафтанниковой была велика. Осталась она съ трехлѣтнею дѣвочкою на рукахъ и двѣнадцати-лѣтнимъ сыномъ Никитою, который былъ только двумя годами старше убитаго брата Кузьмы. Но въ старину соболѣзнованіе къ бѣдѣ собрата было сильнѣе развито въ простомъ народѣ, а потому нашлись многіе изъ сосѣдей и людей, знавшихъ покойнаго кописта, которые не замедлили помочь сиротамъ: кто деньгами, кто услугами, а кто добрымъ совѣтомъ. Тѣла убитыхъ были погребены на счетъ городской Думы, которая, кромѣ того, сочла справедливымъ выдавать вдовѣ покойнаго денежное вспомоществованіе въ размѣрѣ трехъ рублей.

По истеченіи дней плача, которые, по старинному завѣту отцовъ, продолжаются шесть недѣль (сорочины), вдова Кафтанникова хотѣла везти сына Никиту въ Казань, чтобы пристроить его въ какую-нибудь купеческую контору, такъ какъ онъ умѣлъ писать и разумомъ былъ смышленъ: но добрые люди отсовѣтывали, потому что въ Казани въ это время было

обширное пожарище, учиненное Пугачевымъ. Жители ея были въ унынии, многіе купцы убиты, а изъ оставшихся въ живыхъ большинство увидѣло себя разоренными въ корень вообще, казанская общественная жизнь была въ мертвенно-плачевномъ положеніи. Никита Кафтанниковъ поступилъ въ тутошнее городскую управу, гдѣ служилъ его отецъ, но, къ сожалѣнію, мальчика приняли писцомъ безъ жалованья. Но «за сиротою—Богъ съ калитою», говоритъ мудрая русская пословица. Такъ случилось и въ настоящемъ случаѣ. Никита прослужилъ въ Думѣ только лишь до весны 1775 года. Послѣ Пасхи мать отвезла его въ Казань и отдала въ услуженіе къ купцу Жаркову, который велъ обширную оптовую торговлю, имѣлъ свои росшивы и коноводныя машины и занимался подрядами съ казною. Впрочемъ, о купцѣ Жарковѣ не мѣшаетъ немного распространиться.

Иванъ Степановичъ Жарковъ (умершій въ 1813 году, 73-хъ лѣтъ) былъ именитымъ казанскимъ купцомъ, прошедшимъ всѣ общественныя выборныя должности, начиная съ ратмана магистрата и кончая почетною службою въ званіи городского головы, каковую должность занималъ Жарковъ въ самые первые годы XIX-го столѣтія Каменный домъ его былъ самымъ крайнимъ на лѣвой набережной Булака, выходя дворомъ своимъ къ оградѣ Успенской церкви Теперь этотъ домъ принадлежитъ казанскому дворянину А. А. Лебедеву. Противъ своего дома купецъ Жарковъ выстроилъ на свой счетъ подъемный (на цѣпяхъ) мостъ черезъ Булакъ Днемъ можно было по мосту ходить и ѣздить, а на ночь его поднимали для пропуска въ Булакъ разныхъ судовъ. Унжаки, тихвинки, бѣляны, астраханскія косныя лодки—во множествѣ наполняли низовья нашего Булака, въ которомъ, въ тѣ времена, вода держалась долго, иногда до конца іюня мѣсяца, и только къ осени превращался Булакъ въ тинный протокъ Здѣсь суда грузились хлѣбомъ, рогожами, лубомъ, ободьями, кожами, мыломъ, сальными свѣчами и холстомъ. поэтому, какъ у Жаркова, такъ и на той сторонѣ, у казанскаго купца Осипа Семеновича Петрова, построено было много амбаровъ, въ которыхъ скапливались названные товары, ожидая весны. Въ 1815 году, въ великій пожаръ 3 сентября, всѣ амбары, равно и «Жарковскій мостъ», сгорѣли. На мѣстѣ амбаровъ Жаркова построены теперь обывательскіе дома, а громадное каменное зданіе съ амбарами купца Петрова до настоящаго времени остается мрачнымъ, неотстроеннымъ корпусомъ, обросшимъ травою Кое-гдѣ въ нижнемъ этажѣ этого зданія помѣщаются кузницы, а въ верхнемъ—обитаютъ лишь совы да летучія мыши...

Иванъ Степановичъ Жарковъ поставлялъ для войскъ рубашечный и подкладочный холстъ, сапожный товаръ и ремни,

сначала одинъ, а потомъ въ компаніи съ казанскимъ купцомъ Григоріемъ Максимовичемъ Гогулинымъ, кожевеннымъ заводчикомъ Подлужной слободы. Поэтому у Жаркова было большое число служащихъ конторщиковъ, приказчиковъ, подростковъ для разсылокъ и чернорабочихъ. Никита Кафтанниковъ былъ принятъ въ контору для письма и здѣсь началась его карьера. Онъ былъ тихъ, скроменъ, застѣнчивъ, но въ то-же время трудолюбивъ и расторопенъ Его нерѣдко брали хозяева въ свои покои для службы при гостяхъ Жена Жаркова, Марія Матвѣевна (урожденная Клюева), не имѣвшая дѣтей, скоро полюбила мальчика, жалѣла его, да и вообще Никита никому въ домѣ Жаркова противенъ не былъ.

Прошло нѣсколько лѣтъ Кафтанниковъ изъ простого мальчика сталъ приказчикомъ: онъ и контору велъ, и исполнялъ разнообразныя порученія хозяина, иногда очень сложныя и нелегкія, напримѣръ, умѣлъ сдать искусно въ комиссаріатъ хозяйскую поставку, такъ что у него и волки были сыты и овцы оставались цѣлы Во всемъ этомъ нашъ Никита отличался замѣчательнымъ умѣньемъ и сообразительностью. Мать его и сестра, подходившая уже къ лѣтамъ невѣсты, стали поправляться, получая отъ Никиты хорошую денежную поддержку Вдова перестроила свой домъ, приходившій въ упадокъ, и исподволь шила приданое для дочери, хотя судьба устроила прежде женитьбу сына, нежели замужество его сестры.

Какъ-то лѣтомъ Никита Кафтанниковъ получаетъ отъ матери письмо, въ которомъ родительница его, съ худо скрываемою боязливостью, между прочимъ, сообщаетъ «Еще хочу сказать тебѣ, дорогой моему сердцу сынокъ, что я, по совѣту всегда неоставлявшихъ насъ добрыхъ людей и по совѣту тетеньки Лукерьи и братца Лаврентія Спиридоновича, которые тебѣ низко кланяются и желаютъ несчетнаго отъ Господа Бога счастія, также и супруга Лаврентьюшкина Васса Григорьевна,—я по совѣту и расположенію ихнему нашла тебѣ, сынокъ мой милый, невѣсту. Все дѣлается не безъ Бога и не безъ совѣта людей, намъ близкихъ и доброжелательныхъ, а потому я вижу въ этой дѣвушкѣ истинную судьбу твою. Тебѣ извѣстенъ домъ Василія Якимовича Якимова, который и съ отцомъ твоимъ въ дружбѣ и пріятствѣ всегда состоялъ. У Василія Якимовича вторая дочка Танюшка—скромна, кротка, ко всякому рукодѣлью и хозяйству пріучена, и изъ себя дѣвушка видная. Она тебѣ, Никитушка, понравится. Эхъ, какъ была-бы я радешенька, ежели-бы благословилъ васъ Богъ!»... Прочитавши письмо матери, Кафтанниковъ впервые почувствовалъ въ себѣ какое-то особенное, до сей поры невѣдомое волненіе: и ходить сталъ задумчиво, и смотрѣть на людей какъ-то особенно. Дня черезъ два онъ сообщилъ содержаніе письма хозяйкѣ, Маріи Матвѣевнѣ.

— Что же, Никитушка; мать тебѣ не врагъ, дурного не посовѣтуетъ. Поговори съ Иваномъ Степановичемъ.

Никита послѣ хозяйскихъ словъ ободрился и сталъ проявлять нѣкоторую веселость Но съ хозяиномъ объясниться рѣшимости у него не хватало Такъ протекло съ недѣлю времени.

Жарковъ, пріѣхавъ 8 іюля отъ праздника въ казанскомъ монастырѣ, призвалъ къ себѣ въ комнаты Кафтанникова и спрашиваетъ:

— Ты, Никита, жениться задумалъ?

— Мнѣ, Иванъ Степановичъ, и въ голову не приходило. Да вотъ матушка написала.

При этомъ Кафтанниковъ досталъ изъ бокового кармана письмо и подалъ его хозяину. Тотъ сталъ читать

— Дѣло это хорошее, хаить нельзя. Но вотъ что: отбудемъ прежде „макарьевскую“ и возвратимся изъ не я Богъ дастъ благополучно, управимся со счетами,—тогда и поѣзжай. Ежели невѣста люба тебѣ будетъ—веди въ церковь, только пировни тамъ разной не задавай: въ этомъ одинъ грѣхъ да изъянъ.

Никита Кафтанниковъ вышелъ изъ покоевъ хозяина, какъ послѣ благополучно совершенной надъ нимъ операціи: съ облегченнымъ сердцемъ, здоровъ, бодръ и веселъ Вскорѣ стали снаряжаться къ Макарью

Всю ярмарку Кафтанниковъ работалъ за двоихъ, удивлялся самъ—откуда брались у него силы. Хозяинъ только молчалъ да изрѣдка подмигивалъ прочимъ своимъ приказчикамъ, указывая втихомолку на Никиту. Въ концѣ ярмарки, передъ отъѣздомъ домой, Жарковъ подарилъ Никитѣ тонкаго коричневаго сукна на бекешку, а Марія Матвѣевна штофной матеріи для его невѣсты и платокъ для матери. Впервые Кафтанниковъ сдѣлался обладателемъ сукна, ибо до сихъ поръ носилъ одежду изъ нанки и казинета.

Наконецъ настала вожделѣнная пора Отъ Макарья возвратились благополучно, ярмарочныя дѣла привели въ ясность Кафтанниковъ, съ разрѣшенія Жаркова, отправился въ Царевококшайскъ. Время стояло теплое, сухое дни были солнечные. Мать встрѣтила сына со слезами радости, свойственной только матерямъ На другой день пріѣзда Кафтанникова въ домъ матери устроены были „смотрины“. Невѣста привела Никиту въ восхищеніе, ему все въ ней нравилось: и голосъ, и походка, и взглядъ мягкій и привѣтливый, и цвѣтъ волосъ, и нарядъ скромный, но пріятный. Послѣ смотринъ ударили обѣ стороны по рукамъ и, не откладывая дѣла въ дальній ящикъ, назначили день свадьбы. Мать Никиты нѣсколько разъ въ день принималась плакать,—то были слезы истинной радости. «Велика моя радость, говорила она дочери,—но сердце нѣтъ-нѣтъ да такъ вдругъ заноетъ, что сдѣлается даже страшно».. Дочь утѣшала ее.

Наступилъ день свадьбы Никита совсѣмъ захлопотался. нужно было побывать у родни, у знакомыхъ, нѣсколько разъ сбѣгать къ попу, чтобы поторговаться на счетъ вѣнчанья, приготовить то, другое и третье Часа за два до свадьбы Кафтанниковъ торопливо возвращался отъ своего родного дяди Лаврентія Спиридоновича, которому надлежало благословить Никиту передъ бракомъ вмѣсто отца. Вдругъ солнце, стоявшее еще довольно высоко, такъ какъ было не поздно, заслонилось огромнѣйшею тучей. На берегу Кокшаги рабочіе Пчелина старались какъ можно скорѣе убрать въ амбары зерно, которое сушилось на солнцѣ на широкихъ парусахъ, разостланныхъ по берегу. Никита, не обращая ни на что вниманія, торопливыми шагами спѣшилъ домой, погруженный въ свои заботы и мечты. Только внезапный грохотъ богатаго экипажа, заложеннаго парою щегольскихъ лошадей, заставилъ его оторваться отъ нити дорогихъ мыслей Онъ поднялъ голову и сразу узналъ сидящаго въ экипажѣ купца Силу Ивановича Пчелина. Никита снялъ быстро картузъ и вѣжливо поклонился царевококшайскому богачу, который, при видѣ нависшей тучи, ѣхалъ на берегъ Кокшаги понукать своихъ батраковъ къ наискорѣйшей уборкѣ зерна. Увидѣвъ поклонившагося ему человѣка, Пчелинъ, не отвѣчая на поклонъ, далъ знакъ кучеру остановиться и, подозвавъ къ себѣ Никиту, проговорилъ внушительнымъ тономъ

— Ступай скорѣе къ нимъ,—указалъ Пчелинъ на рабочихъ, и пособляй убирать зерно. Видишь дождь накрапываетъ!

— Я, Силантій Ивановичъ, имѣю много собственнаго дѣла, нетерпящаго отлагательства, и потому не могу исполнить вашего приказанія.

— Хорошо, мерзавецъ!—сказалъ глухо Пчелинъ Узнаешь, какъ шутить со мною!..—и быстро покатилъ къ Кокшагѣ. Пріѣхавши, онъ спросилъ одного изъ своихъ приказчиковъ·

— Не знаешь-ли ты, кто тотъ мѣщанинишка, съ которымъ я сейчасъ останавливался Онъ, кажется, отсюда шелъ?

— Какъ не знать. Это Никита Яковлевъ Кафтанниковъ Мы съ нимъ маленькіе въ шаръ-мазлу вмѣстѣ играли

Пчелинъ вынулъ записную книжку и отмѣтилъ въ ней имя Кафтанникова, который, часъ спустя, совсѣмъ забывши встрѣчу съ Пчелинымъ, стоялъ уже на коврѣ, принимая передъ вѣнчаніемъ благословеніе отъ матери и дяди. Первая держала въ рукахъ икону преподобнаго Никиты-Столпника, переяславскаго чудотворца, а второй—коровай хлѣба съ солоницею на верхней коркѣ. Послѣ благословенія и пролитія матерью и прочими женщинами обычныхъ слезъ, женихъ отправился въ церковь, куда, спустя немного времени, привезена была и невѣста, одѣтая въ бѣлую одежду и убранная цвѣтами.

Бракосочетание совершилось

Брачный пиръ въ домѣ Кафтанникова тянулся далеко за полночь. Присутствовали на немъ нетолько родные новобрачныхъ, но и всѣ болѣе или менѣе близкіе знакомые, забытъ никто не былъ. Все шло благопристойно и благополучно. Но наступившее утро принесло съ собою новое бѣдствіе для Кафтанниковскаго дома. Туча, нависшая надъ городомъ наканунѣ, увеличила свои размѣры, все небо было обложено мглою: всюду былъ мракъ и духота. Въ домѣ Кафтанникова еще спали, какъ на ихъ дворъ явился разсыльный изъ мѣщанской управы и сталъ требовать Никиту Кафтанникова

— Что тебѣ надо, другъ любезный?—спросилъ его разбуженный и наскоро одѣвшійся Никита.

— Ты будешь Никита Яковлевъ?

— Я самый.

— Такъ пожалуйте со мною въ управу Староста требуетъ.

Никита Яковлевичъ былъ въ полной увѣренности, что дѣло касалось какого-нибудь спроса насчетъ написанія и выдачи ему паспорта на выѣздъ въ Казань. Отправился немедленно съ посланнымъ. Въ управѣ, однако, онъ узналъ нѣчто необычайное, чему никакъ не хотѣлъ вѣрить. Ему тамъ показали бумагу, въ которой значилось, чтобы забрить царевококшайскому мѣщанину Никитѣ Яковлеву Кафтанникову лобъ, «какъ зѣло зазорнаго поведенія обчественнику».

— Помилуйте,—вопилъ несчастный. Вѣдь я одинъ сынъ у матери!.

— На тебѣ очереди нѣтъ,—пояснилъ спокойно староста. но ты отдаешься въ солдаты, яко злонравный и мятежный членъ обчества

Никита заплакалъ, какъ ребенокъ.

— Пожалуйте сюда!—скомандовалъ кто-то въ управѣ, обращаясь къ Кафтанникову

Никита вошелъ въ слѣдующую комнату и тамъ стали набивать на его ноги тяжелыя деревянныя колодки —обычную, встарину, принадлежность для лицъ, предназначенныхъ къ отдачѣ въ рекруты, дабы пресѣчь имъ возможность къ побѣгу и укрывательству. Никита блѣдный, какъ мертвецъ, сидѣлъ на скамьѣ, смутно поводя глазами по сторонамъ и все еще недоумѣвая: правда-ли все то, что творится съ нимъ и около него. Но тутъ онъ вдругъ вспомнилъ свою встрѣчу съ Пчелинымъ, его угрожающія слова и—опять, схватившись за голову, залился слезами.

Мать и молодая жена Кафтанникова стали тревожиться, не видя возвращенія Никиты. Нѣкоторые изъ родныхъ успѣли уже узнать въ чемъ дѣло, но остерегались объявлять объ этомъ въ домѣ Кафтанникова. Наконецъ, мать, чувствуя силь-

ную, зловѣщую боль въ сердцѣ, рѣшилась отправиться въ мѣщанскую управу и только здѣсь получила страшную вѣсть. Она увидѣла въ маленькое квадратное окошечко, продѣланное въ двери, сидящаго на скамьѣ сына, который, протянувъ съ тяжелыми колодками ноги и свѣсивъ на грудь голову, находился въ безсознательномъ состояніи, похожемъ на бредъ больного горячкою. Бѣдная женщина взвизгнула и упала въ обморокъ.

Въ управѣ никого не было, кромѣ сторожа и разсыльнаго, изъ которыхъ одному приказано ни на шагъ не отлучаться, а другой, послѣ нѣкотораго, довольно, впрочемъ, продолжительнаго размышленія по случаю удара съ матерью заключеннаго, рѣшилъ доложить объ этомъ письмоводителю управы.

— Не дохтуръ я; что ко мнѣ лѣзешь!—грубо отвѣтилъ ему подъячій. Да и дѣло не диковинное случилось; полежитъ, полежитъ старуха, очнется и уйдетъ.

— Какъ-бы намъ чего не досталось, Назаръ Евстифѣичъ?

— Иди, знай, въ свое мѣсто—заключилъ подъячій и, помолчавъ немного, почти шопотомъ прибавилъ:

— Ты слышалъ, какой приказъ данъ отъ Силантія Ивановича?

При этихъ словахъ разсыльный низко поклонился и тихими шагами безмолвно вышелъ.

Тревога въ домѣ Кафтанникова все росла и росла. Молодая жена его хотѣла во что бы то ни стало добиться толку и съ этою цѣлью отправилась, въ сопровожденіи отца, въ ту же злосчастную мѣщанскую управу, откуда не возвращались ни мужъ ея, ни его мать. Сторожъ и разсыльный, завидя приближеніе новыхъ посѣтителей, поспѣшили заткнуть въ двери камеры окошко и не объяснять болѣе никому о мѣстѣ нахожденія Никиты Кафтанникова.

— Гдѣ Никита Яковличъ?—былъ первый вопросъ Татьяны Васильевны, когда перешагнула она порогъ управы.

— Мы не могимъ знать эвтого,—отвѣчали въ одинъ голосъ приставники, не вставая съ своихъ мѣстъ.

— Неправда, вы знаете—возразилъ отецъ молодушки, Василій Якимовичъ.

Сторожъ и разсыльный молчали. Послѣдній изъ нихъ подошелъ къ двери камеры и сталъ охранять заткнутое окошко.

— Вы бы, почтенные, отвели старушку во-свояси,—проговорилъ разсыльный, указывая на лежащую на полу мать Никиты.

Посѣтители едва разсмотрѣли въ потемкахъ бѣдную страдалицу—мать, которая лежала на полу. Новый ужасъ объялъ ихъ. Они наклонились къ ней и стали легонько шевелить По-

звали людей и общими усилиями отнесли на широкой простынѣ старушку домой.

Трудно описывать всю скорбь этого дня и всей наступившей ночи, которую въ домѣ Кафтанникова провели всѣ безъ сна. Передъ образами зажжены были лампадки, затеплены свѣчи; тамъ и сямъ молились, вездѣ слышался вопль и плачъ: въ комнатѣ, въ сѣняхъ, на дворѣ, на улицѣ передъ окнами. Тайны уже не было, дѣло было для всѣхъ яснымъ, всѣ узнали, какая участь постигла того, кто еще вчера ликовалъ отъ радости.

Наступило новое утро. Чтобы не доставлять лишней назолы семейству Кафтанникова, забрили ему быстро лобъ и, не давши проститься ни съ женою, ни съ матерью, ни съ сестрою, отправили его къ вечеру въ Казань. Тамъ надѣли на него толстую, неуклюжую солдатскую шинель, присоединили къ такимъ-же несчастнымъ, отданнымъ въ рекруты изъ дворовыхъ людей, по распоряженію помѣщиковъ, и черезъ двои сутки угнали всѣхъ на Украйну.

На югѣ Россіи начинались въ то время военныя дѣйствія противъ хана крымскаго, окончившіяся присоединеніемъ къ Россіи всего Крымскаго полуострова Всю тяготу солдатской службы временъ минувшихъ описывать нѣтъ надобности. Объ этомъ существуетъ масса преданій Что перенесъ и испыталъ въ ней нашъ бѣдный Никита Кафтанниковъ, особенно въ первые дни рекрутства, про то знаетъ лишь его грудь да подоплека. Но, благодаря уму, кроткому и тихому отъ природы характеру, военная служба открыла ему дорогу къ славѣ и почестямъ. Участвовалъ или нѣтъ онъ въ крымскомъ походѣ— неизвѣстно, но во вторую турецкую войну, находясь въ арміи Потемкина, онъ оказалъ, при штурмѣ Очакова, замѣчательные подвиги храбрости и смѣтливости, такъ что имя Кафтанникова стало извѣстнымъ главнокомандующему. Одно только печалило ежедневно Никиту Яковлевича: не получалъ онъ изъ дому никакихъ извѣстій, такъ какъ находился въ дѣйствующей арміи, куда письма для солдата въ то время не достигали. Самъ онъ послалъ въ далекій Царевококшайскъ два письма: одно—когда произвели его въ унтеръ-офицеры и другое—когда сдѣлали его фельдфебелемъ.

По взятіи Очакова, свѣтлѣйшій князь Таврида наградилъ Кафтанникова чиномъ прапорщика. Объ этомъ радостномъ событіи Никита Яковлевичъ, письмомъ изъ Бендеръ, извѣстилъ своихъ родныхъ, а вскорѣ онъ заболѣлъ и его отправили въ Херсонъ, гдѣ долго лежалъ онъ въ лазаретѣ. Поправившись, онъ отправилъ изъ Херсона новое письмо на родину, а вскорѣ ему посчастливилось получить разрѣшеніе уѣхать въ отпускъ, для окончательнаго поправленія здоровья На немъ былъ красивый

офицерскій мундиръ съ эполетами, грудь его увѣшана была медалями и орденами. Въ такомъ видѣ явился онъ къ родному очагу.

Но что нашелъ онъ дома? Мать его скончалась черезъ нѣсколько дней послѣ отдачи его въ солдаты, сестра вышла замужъ въ гор. Царевосанчурскъ, жена переселилась къ родителямъ своимъ; домъ Кафтанниковыхъ оказался необитаемымъ и заколоченнымъ, такъ что на счетъ его не замедлили явиться въ народѣ разныя легенды. Первымъ распоряженіемъ Никиты Яковлевича было то, что онъ подарилъ домъ одному изъ бѣднѣйшихъ своихъ родственниковъ, а самъ, взявъ жену, уѣхалъ въ Казань. Тяжело было ему смотрѣть на тѣ мѣста, гдѣ испыталъ онъ столько несчастій отъ людской несправедливости. Берегъ Кокшаги, каменныя палаты Пчелиныхъ, зданіе мѣщанской управы—всѣ эти предметы поднимали въ его душѣ массу тяжелыхъ воспоминаній и производили на нервы самое мучительное дѣйствіе. Въ Казани, напротивъ, старый его хозяинъ, Иванъ Степановичъ Жарковъ, оказалъ Никитѣ Яковлевичу всѣ знаки своего искренняго расположенія и пріязни. Недалеко отъ дома Жаркова, рядомъ съ церковью Успенія, Кафтанниковъ купилъ себѣ небольшой деревянный домикъ и здѣсь потекла его мирная семейная жизнь. Къ довершенію благополучія, ему удалось перевестись на службу въ Казань, въ мѣстный гарнизонный полкъ, а осенью 1790 года, къ великой радости его, Богъ наградилъ его сыномъ Николаемъ.

Никита Яковлевичъ Кафтанниковъ умеръ въ чинѣ маіора въ то время, когда сынъ его, Николай Никитичъ, женатый на казанской дворянкѣ Аннѣ Степановнѣ Ивановой, по окончаніи курса въ казанскомъ университетѣ въ 1814 году, служилъ учителемъ въ Оренбургѣ

Въ тридцатыхъ годахъ Николай Никитичъ Кафтанниковъ переселился изъ Оренбурга въ Казань, купивъ домъ у церкви Георгія. Онъ съ любовью занимался мѣстной археологіей, сотрудничалъ въ *Заволжскомъ Муравьѣ* Рыбушкина, гдѣ между прочимъ помѣстилъ статью: «Болгаре или развалины столицы сего народа» (см. этотъ журналъ 1832 г. №№ 11 и 16). Рисунки болгарскихъ развалинъ, палатъ и минаретовъ, приложенные къ статьѣ, рисованы съ натуры и гравированы самимъ Кафтанниковымъ. Онъ умеръ въ чинѣ коллежскаго ассесора 10 февраля 1841 г., какъ значится на чугунной плитѣ, положенной на его могилу на кладбищѣ Арскаго поля.

Ноябрь, 1891 г

Изъ мѣстныхъ литературныхъ воспоминаній.

I Высылка изъ Казани баккалавра Щапова.

Въ одиннадцатомъ выпускѣ «Дѣйствій нижегородской губернской ученой Архивной комиссіи» напечатаны любопытныя свѣдѣнія (стр. 536) объ извѣстномъ А. П. Щаповѣ, сообщенныя членомъ этой комиссіи А. И. Звѣздинымъ *). Прочитавъ немногія, но очень интересныя строки г. Звѣздина о Щаповѣ, я вспомнилъ личную бесѣду мою съ покойнымъ Матвѣемъ Пантелеевичемъ Карягинымъ, бывшимъ жандармскимъ офицеромъ, сопровождавшимъ въ 1861 году Щапова изъ Казани въ С.-Петербургъ.

М. П. Карягинъ, умершій въ отставкѣ, въ чинѣ маіора, 10 января 1887 года въ Казани (имѣя 80 лѣтъ отъ роду), разсказалъ мнѣ нѣкоторыя, нелишенныя интереса подробности о служебной командировкѣ своей, въ качествѣ правительственнаго наблюдателя за личностію казанскаго профессора исторіи, препровождавшагося въ С.-Петербургъ, послѣ рѣчи, произнесенной имъ на панихидѣ (16 апрѣля 1861 года, въ Вербное воскресенье) по убіеннымъ крестьянамъ села Бездны, Спасскаго уѣзда, Казанской губерніи, имѣніи Мусина-Пушкина. Это глубоко-прискорбное событіе въ селѣ Безднѣ описано въ «Сѣверной Пчелѣ» 1861 г. № 107; но справедливость требуетъ замѣтить, что многіе переданные этою газетою факты, къ сожалѣнію, не совсѣмъ соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Сообщенныя г. Карягинымъ свѣдѣнія я тогда-же записалъ, съ намѣреніемъ передать ихъ въ печать, когда наступитъ подходящій для этого случай Случай теперь представляется вполнѣ удобный: статья А. И. Звѣздина побуждаетъ меня вызвать

---

*) Сообщеніе А И. Звѣздина доложено въ засѣданіи 22 октября 1891 г, подъ заглавіемъ „А. П Щаповъ въ Нижнемъ“.

изъ забвенія залежавшійся матеріалъ о лицѣ, которое сдѣлалось историческимъ, и о томъ времени, въ которое происходили бурные эпизоды кипучей дѣятельности знаменитаго баккалавра казанской духовной академіи.

М. П. Карягинъ передалъ мнѣ 26 іюня 1880 года слѣдующее.

... До Нижняго я ѣхалъ съ Афанасіемъ Прокофьевичемъ секретно. Онъ не зналъ, что я посланъ слѣдить за нимъ всю дорогу, наблюдать за всѣми разговорами и дѣйствіями его. Мнѣ приказано было помѣститься въ той-же каютѣ, въ которой расположится Щаповъ, и зорко смотрѣть за всякимъ шагомъ этого человѣка, не открывая передъ нимъ моей миссіи; но вступать въ разговоръ, какъ съ нимъ, такъ и съ собесѣдниками его, запрещено не было. Отъ Казани провожали Щапова какіе-то молодые люди и казанскій книгопродавецъ И. В. Дубровинъ, ктиторъ академической церкви, какъ онъ самъ рекомендовалъ себя въ пароходномъ буфетѣ, куда очень часто дѣлалъ визиты съ Афанасіемъ Прокофьевичемъ *). О молодежи, сопровождавшей Щапова до Нижняго, мною было сообщено въ Казань по телеграфу, лишь только мы прибыли въ Нижній.

Въ этомъ городѣ я уже оффиціально приставленъ былъ къ „ввѣренному мнѣ путешественнику“ и ѣхалъ съ нимъ вмѣстѣ до Москвы въ одномъ экипажѣ (желѣзная дорога еще не была открыта для движенія)... Славно было ѣхать въ обществѣ такого человѣка: Афанасій Прокофьевичъ находился все время въ веселомъ расположеніи духа, шутилъ всю дорогу, заставлялъ ямщика пѣть народныя пѣсни, подносилъ ему водочки, когда встрѣчался на пути кабачекъ, и самъ пропускалъ при этомъ гдѣ стаканчикъ, гдѣ два. Я не препятствовалъ, ибо въ данную мнѣ инструкцію такого запрещенія не входило. Стали мы переѣзжать Клязьму. Невдалекѣ отъ берега стояла кучка народу и пѣла пѣсню (день, кажется, былъ праздничный). Пѣсня до того понравилась Щапову, что онъ обратился ко мнѣ и умоляющимъ голосомъ произнесъ:

— Батюшка, Матвѣй Пантелеевичъ! Обниму, разцѣлую Васъ,—остановимся здѣсь подольше: мнѣ хочется выслушать эту пѣсню.

Я согласился. Путникъ мой, давши мужикамъ рубль, за-

---

*) Иванъ Васильевичъ Дубровинъ, теперь уже умершій, былъ издателемъ сочиненій Щапова и постояннымъ его собутыльникомъ въ Казани. Онъ былъ нижегородецъ, родомъ изъ села Павлова, и въ послѣднее время такъ усердно погрузился въ служеніе бахусу, что умеръ пьянымъ въ торговой банѣ въ 1866 году.

писалъ пѣсню въ свою памятную книжку, даже съ нотами. Начало этой пѣсни я и теперь помню; вотъ оно:

Протекала рѣченька,
Быстрая, глубокая,
За рѣчкой—слободушка,
Не велička, маленька—
Три-четыре домика
Первый домикъ—дядюшкинъ,
Другой домикъ—тетушкинъ,
Третій домикъ—вдовушкинъ,
У вдовушки—доченька
И проч

Поѣхали дальше. Ямщики, по неотступной просьбѣ Щапова, продолжали услаждать его пѣснями, изъ которыхъ многія приводили его въ восторгъ и онъ торопливо заносилъ ихъ въ свою тетрадку. Проѣзжая вечеромъ черезъ какое-то селеніе, мы встрѣтили многолюдный и шумный хороводъ. Крестьянскія дѣвушки и парни пѣли пѣсню, и пѣсня эта опять пришлась по-сердцу моего ученаго спутника.

— Милый, дорогой, серебряный, золотой, Матвѣй Пантелеевичъ! Остановимся...

Нечего было дѣлать, уступилъ. Вышли изъ тарантаса, и Щаповъ, подавая дѣвушкамъ рублевку на орѣхи, просилъ повторить пѣсню съ начала, которую и записалъ всю и также съ нотами.

— Что за чудная пѣсня!—восклицалъ Щаповъ, повторяя слова ея, сидя въ экипажѣ, и воспроизводя въ полголоса мотивъ. Какое богатство, какое необъятное море красотъ въ поэтическомъ творчествѣ русскаго народа...

И такъ гянулся почти весь путь нашъ—заключилъ свое повѣствованіе словоохотливый разказчикъ, пожимая мою руку на прощанья.

Далѣе, вслѣдъ за этой записью словъ Карягина, идутъ нѣсколько строкъ о томъ-же Щаповѣ, записанныхъ мною подъ диктовку одного изъ близкихъ ему людей въ Казани, каковыя строки я нахожу кстати присоединить къ сказанному выше «А. П. Щаповъ прибылъ въ Казань въ августѣ 1852 года, въ качествѣ студента казанской духовной академіи. Онъ родился въ 1830 году въ Сибири. Отецъ его, дьячокъ, былъ сыномъ сосланнаго за старую вѣру раскольника; мать — природная бурятка Родная сестра Щапова, Пелагея Прокофьевна, была замужемъ за крестьяниномъ Мальцевымъ, который подъ старость впалъ въ нищету и собиралъ милостыню по улицамъ г. Верхоленска, о чемъ было напечатано въ газетѣ «Сибирь» (№ 36, отъ 5 сентября 1876 г). Въ иркутской семинаріи Щаповъ учился съ 1846 года, въ казанской духовной академіи кончилъ курсъ весною 1856 г., а въ сентябрѣ того-же года утвержденъ

баккалавромъ. Карьера улыбалась ему. Онъ обезпечилъ-бы себѣ очень выгодное и видное служебное положеніе, если-бы выразилъ хоть небольшую ласку къ благоволившимъ къ нему людямъ, имѣвшимъ вѣсъ. Но Щаповъ былъ холоденъ и даже суровъ съ такими лицами. Кромѣ того, нисколько не скрывалъ онъ своихъ симпатій къ народу, сочувствовалъ его быту и скорбѣлъ о томъ великомъ изнеможеніи, какое вынесъ народъ изъ тяготѣвшаго надъ нимъ крѣпостного права, сломленнаго могучею рукою благороднѣйшаго изъ Монарховъ. Свое народофильство Щаповъ выражалъ съ каждымъ годомъ все рѣзче и рѣзче. Сказавши рѣчь на панихидѣ по убіеннымъ въ селѣ Безднѣ крестьянамъ, Щаповъ поплатился своею свободою. Его сослали, правда, не въ Сибирь, а въ Петербургъ, но столица была для него тяжелѣе Сибири, которая произвела его на свѣтъ. Какая-то особенная любезность, чуждая простоты и искренности, сразу окружила его въ столицѣ: одни разверзали ему свои объятія, приглашая дѣйствовать за-одно, другіе тянули его въ сторону противоположную. Онъ жаловался на такую обстановку пріятелямъ въ Казани и, цитируя Гейне, писалъ въ одномъ изъ писемъ

Они меня злили и мучили такъ,
Что даже блѣднѣлъ и краснѣлъ я порою:
Одни—безотвязной любовью своей,
Другіе—своей клеветою
Они отравляли насущный мой хлѣбъ,
И яду вливали въ стаканъ мой съ водою:
Одни—безотвязной любовью своей,
Другіе—своей клеветою

Впрочемъ, побились, побились и оставили Щапова въ покоѣ, какъ волчонка, котораго сколько ни корми, а онъ все въ лѣсъ смотритъ... Литературнымъ занятіямъ его однако не мѣшали, щадя талантъ, хотя доносы на вредное вліяніе его сочиненій не замедлили появиться. Извѣстный святоша Андрей Николаевичъ Муравьевъ, этотъ второй въ русской литературѣ Стурдза, про котораго Пушкинъ сказалъ.

Я вкругъ Стурдзы хожу,
Вкругъ библическаго:
Я на Стурдзу гляжу монархическаго

писалъ къ одному высокопоставленному лицу письмо (въ декабрѣ 1862 года), въ которомъ уподоблялъ духъ сочиненій Щапова съ духомъ Стеньки Разина и мятежныхъ стрѣльцовъ. Письмо это, какъ документъ, рисующій эпоху, напечатано въ шестой книгѣ «Русскаго Архива» за 1882 годъ (стр. 210), куда и рекомендуемъ обратиться любителямъ, занимающимся изученіемъ минувшихъ дней русской умственной жизни.

БИБЛІОТЕ
СОЦІАЛИСТИЧ
АКАДЕМІИ

Разумѣется, обладай Щаповъ нѣкоторымъ практическимъ тактомъ и уживчивостію, онъ свыкся-бы въ концѣ-концовъ съ петербургскими условіями Но онъ сталъ прежде всего усиленно пить водку, и во хмѣлю былъ зѣло не воздержень на языкъ. Народныя или, какъ любилъ онъ выражаться, земскія тенденціи высказывались имъ и въ печати, и устно, во всеуслышаніе, чуть не на улицѣ. Понятно, терпѣть его въ Петербургѣ не сочли болѣе возможнымъ, и его отправили въ Восточную Сибирь, водворивъ въ мѣстахъ родины и колыбели, въ нѣдрахъ дорогой его сердцу природы...

Въ Сибири Щаповъ еще болѣе запилъ, хотя на долю его выпалъ весьма рѣдкій случай въ жизни—пріобрѣсти замѣчательно преданнаго ему человѣка въ лицѣ подруги-жены. Ольга Ивановна Жемчужникова употребляла сильное нравственное вліяніе на убѣжденія мужа, но онъ уже былъ на очень низкой ступени паденія и ей поднять его на высоту разумнаго пониманія жизни не удалось; здоровье его разрушилось въ конецъ, мысли спутались и отупѣли, и онъ умеръ 27 февраля 1876 года, пережившъ неизмѣннаго своего друга-жену, потратившую столько любви и стойкости къ возвращенію милаго ей человѣка на нормальный жизненный путь...

Письма Щапова, его бумаги и всѣ конченныя и неоконченныя литературныя работы послѣднихъ годовъ попали въ залогъ къ иркутскому чиновнику Кониду Васильевичу Лаврову, которому покойный остался долженъ по векселю нѣкоторую сумму *). С.-Петербургское общество литературнаго фонда собиралось выкупить у Лаврова всѣ щаповскія бумаги; но приведено-ли это справедливое побужденіе въ исполненіе, неизвѣстно.

О Казани осталось у Щапова навсегда самое безотрадное воспоминаніе. Здѣсь очень долго ходило въ рукописи стихотвореніе, приписываемое Афанасію Прокофьевичу, которое пишущій эти строки передалъ потомъ покойному М. И. Семевскому, для напечатанія въ его «Русской Старинѣ».

Вотъ это стихотвореніе:

КАЗАНЬ.

Городъ сплетенъ, городъ пыли,
Городъ разныхъ лихорадокъ,
Городъ, гдѣ меня судили,
Какъ змѣя ты сталъ мнѣ гадокъ!

—

Восемь лѣтъ въ твоихъ объятьяхъ,

*) Этотъ *Лавровъ* былъ сынъ законоучителя казанской первой гимназіи Онъ кончилъ курсъ въ казанской духовной академіи въ 1860 г., а въ октябрѣ 1862 г сосланъ за какую-то политическую затѣю. Умеръ въ Сибири въ 1880 году.

Городъ, ты меня душилъ
То въ мученьяхъ, то въ проклятьяхъ
Дни въ тебѣ я проводилъ

—

Много слезъ въ тебѣ я пролилъ
За страданья мужичка:
Ты широкихъ думъ не понялъ
Сына бѣднаго дьячка

—

Жалкій городъ! Ты потѣхи
Ждалъ съ каѳедры отъ меня.
Думалъ ты, что я для смѣха
Выступаю предъ тебя?
Нѣтъ! Не въ томъ мое признанье,
Чтобъ потѣхою служить·
Не хочу святое званье
Я учителя срамить
Я открыто, прямо, ясно
Все сказалъ тебѣ, что могъ.
А теперь въ тебѣ я гласно
Отрясаю прахъ отъ ногъ

—

Спи-же, городъ, сномъ глубокимъ
До востанья мужичка
Ты не внялъ рѣчамъ широкимъ
Сына бѣднаго дьячка)

Вступительная лекція А. П. Щапова, которою онъ открылъ въ казанскомъ университетѣ чтеніе русской исторіи и которая произвела небывалую сенсацію въ городѣ, такъ и не появлялась въ печати до настоящаго времени въ цѣломъ своемъ видѣ. Только начало ея напечатано было въ изданномъ въ 1876 году въ Казани литературномъ сборникѣ: «Первый Шагъ» (стр. 408) однимъ изъ бывшихъ слушателей Щапова въ казанскомъ университетѣ, К. В. Лаврскимъ, славнымъ нижегородскимъ уроженцемъ, имя котораго занимаетъ въ нашей провинціальной литературѣ очень почетную и вполнѣ достойную извѣстность.

29 ноября 1892 года.

II. Пріѣздъ въ Казань Всеволода Крестовскаго.

...Лѣтъ тридцать тому назадъ, на россійскомъ литературномъ горизонтѣ было очень популярно имя писателя Всеволода Владиміровича Крестовскаго. Тогда, кромѣ Всеволода Крестовскаго, никакихъ другихъ Крестовскихъ знать не хотѣли. А

---

*) Стихотвореніе это напечатано нами впервые и безъ пропусковъ въ „Сборникѣ“ статей, сообщеній, описей и документовъ Нижегородской Архивной Коммиссіи“ 1895 г, стр 43 Отсюда оно перепечатано г. Юдинымъ въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ 1898 г. и г Барсуковымъ въ XVIII книгѣ его соч: „Жизнь и труды Погодина“, 1904 г., стр. 67

ихъ было еще двое: Надежда Дмитріевна Хвощинская (вышедшая послѣ замужъ за доктора Заюнчковскаго), написавшая подъ псевдонимомъ В. Крестовскій романы: «Въ ожиданіи лучшаго», «Большая Медвѣдица» и др., и петербургскій актеръ Н. И. Куликовъ, усердный поставщикъ для театральнаго міра водевилей своего издѣлія, изъ которыхъ многіе изданы имъ подъ псевдонимомъ Н. Крестовскій. Очень нерѣдко всѣхъ этихъ авторовъ считали за одного, что можно видѣть изъ тогдашнихъ книжныхъ каталоговъ. Впрочемъ, въ этихъ каталогахъ смѣшивали даже Гейне нѣмецкаго съ Гейне «изъ Тамбова» (псевдонимъ П. И. Вейнберга).

Всеволодъ Владиміровичъ Крестовскій создалъ себѣ извѣстность стихотвореніями «Изъ испанскихъ мотивовъ» и, главнымъ образомъ, романомъ «Петербургскія трущобы», начавшимся въ 1864 году въ «Отечественныхъ Запискахъ» Краевскаго и тянувшимся въ этомъ журналѣ года три. Этотъ романъ, названный авторомъ «Книгою о сытыхъ и голодныхъ», читался тогда нарасхватъ и добиться его въ публичныхъ библіотекахъ было не легко: нужно было ждать очереди мѣсяцъ и болѣе. Критика всѣхъ лагерей отнеслась, однако, къ литературному произведенію покойнаго Всеволода Владиміровича не совсѣмъ лестно. Въ тогдашней критикѣ, еще не утратившей завѣтовъ Бѣлинскаго, сильны были идеалы и требованія, воспитанные на такихъ истинно-художественныхъ произведеніяхъ, какъ романы Тургенева, Льва Толстого, Григоровича и Гончарова.

Я завелъ рѣчь о давно-минувшемъ времени, соединенномъ съ личностью Всеволода Крестовскаго, потому, что намѣренъ сказать нѣсколько словъ о посѣщеніи этимъ писателемъ нашей Казани весною 1867 года. Онъ пріѣхалъ сюда въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, путешествуя по Волгѣ, съ цѣлью познакомиться ближе съ русскою провинціальною жизнью и мѣстными нравами, для новаго, замышляемаго имъ тогда романа, какъ это оповѣщено было въ «Справочномъ Листкѣ г. Казани", издававшемся профессоромъ С. М. Шпилевскимъ (см. 1867 г. № 48).

Пріѣздъ изъ Петербурга литератора, и притомъ столь извѣстнаго, привелъ въ движеніе маленькій муравейникъ казанскихъ писателей, которыхъ было тогда очень немного. Между ними главнымъ коноводомъ и, такъ сказать, литературнымъ старостой, какъ Погодинъ въ Москвѣ, былъ незабвенный Петръ Петровичъ Васильевъ. Мелкія и многочисленныя статьи его и замѣтки въ печати подписывались имъ въ большинствѣ случаевъ псевдонимами: П Библіографъ или просто П—льевъ Онѣ были самаго разнообразнѣйшаго характера и содержанія, и ежели всѣ ихъ собрать въ одинъ томъ, то получиться довольно объемистая „Энциклопедія". Чего-чего въ нихъ не было: писалъ покойный рецензіи на вновь выходившія въ Каза-

ни книги и брошюры, разбиралъ и компилировалъ популярныя сочиненія по ботаникѣ, технологіи, даже медицинѣ; писалъ статьи по мѣстной этнографіи и исторіи, пріурочивая ихъ къ какому-нибудь лѣтописному событію, имѣвшему мѣсто въ здѣшнемъ краѣ; посылалъ изъ Казани массу «корреспонденцій», большею частью обличительныхъ, въ столичныя газеты, печаталъ даже критическіе отзывы о своихъ собственныхъ литературныхъ произведеніяхъ, какъ это стало извѣстнымъ изъ оставшихся послѣ его смерти бумагъ Однимъ словомъ, Васильевъ былъ у насъ, въ Казани, неустаннымъ и неумолимымъ зоиломъ своего времени. Его ежедневно можно было встрѣтить въ казанскихъ библіотекахъ, книжныхъ лавкахъ и у ларей букинистовъ. Онъ не прочь былъ и выпить, подчасъ даже не въ мѣру, что и было причиною гибели этого человѣка: онъ попалъ въ прорубь Кабана, въ которой и утонулъ ночью 25 марта 1883 года, возвращаясь изъ гостей въ хмѣльномъ состояніи. Тѣло его лѣтомъ выплыло у забора вараксинскаго водочнаго завода, какъ-бы желая сдѣлать нѣмой укоръ заводу, какъ производителю продукта, который свелъ покойнаго и сводитъ массу народа въ преждевременную могилу. 10 іюня 1883 года небольшой кружокъ родныхъ и знакомыхъ похоронилъ Петра Петровича на кладбищѣ Зилантова монастыря.

Лишь только П. П. Васильевъ узналъ, что въ Казань пріѣхалъ Всеволодъ Крестовскій, какъ тотчасъ-же явился къ нему съ визитомъ, отрекомендовавшись представителемъ небольшой семьи мѣстныхъ литераторовъ, причемъ захватилъ съ собою кучу брошюръ собственнаго пера, составлявшихъ отдѣльные оттиски его статей. Авторъ «Петербургскихъ трущобъ» былъ весьма польщенъ такимъ вниманіемъ къ его особѣ, очень любезно принялъ Васильева, распрашивалъ его о казанской интеллигенціи, о студентахъ, о мѣстной прессѣ и издательской дѣятельности. Петръ Петровичъ развязно отвѣчалъ на всѣ вопросы. Все оказывалось, по его словамъ, хорошо и благополучно, только одно обстоятельство вызвало въ немъ негодованіе. Это тогдашняя «казанская цензура»; на нее Петръ Петровичъ сильно жаловался пріѣзжему гостю.

— Не повѣрите, Всеволодъ Владиміровичъ, какъ взыскательна здѣшняя цензура. задумалъ я въ прошломъ году издавать ливрезонами невиннѣйшій историко-библіографическій сборникъ, подъ заглавіемъ: «Казанское книжное дѣло». Первый выпускъ вышелъ въ свѣтъ сильно урѣзанный, а второго вовсе не позволили...

— Э, не удивляйтесь, батенька!—отвѣтилъ Крестовскій. У насъ, въ Питерѣ, цензура не легче. Еслибы не ея строгости, то мои «Трущобы» вышли-бы не въ шести, а въ шестидесяти шести частяхъ.

Петръ Петровичъ просвѣтлѣлъ, ибо раздѣленное горе—полъ-горе

— О, конечно!—продолжалъ Васильевъ. Развѣ можно въ одной книгѣ, хотя и толстой, описать всѣ безобразія жизни петербургскаго полусвѣта.

Всеволодъ Владиміровичъ распорядился на счетъ фриштика. Бесѣда пошла еще словоохотливѣе.

— Однако, не одни цензоры,— началъ опять Васильевъ, —а и редакторы у васъ тамъ суровы. Трудно нашему брату, провинціалу, помѣстить что-либо въ столичномъ изданіи.

Да,—согласился Крестовскій. Помните стихи

Въ доброе, старое время,
Время эклогъ и балладъ,
Пишущей братіи племя
Было скромнѣе сто-кратъ
Руки дыханіемъ грѣя,
Труженикъ пѣлъ соловьемъ,
А журналистъ, богатѣя,
Строилъ то дачу, то домъ

«Вотъ гдѣ настоящій-то литераторъ!»—подумалъ Петръ Петровичъ, глядя съ умиленіемъ на Крестовскаго.. «И говоритъ-то стихами и тембръ голоса какой-то особенный, а глаза-то, глаза: такъ и искрятся».

Объ этомъ свиданіи своемъ съ Крестовскимъ Васильевъ разсказывалъ намъ съ большимъ энтузіазмомъ.

— Впрочемъ, продолжалъ Крестовскій, переходя отъ стиховъ къ прозѣ:—у насъ только Григорій Благосвѣтловъ невыносимъ; ему никто изъ литераторовъ руки не подаетъ; ее подобностратно жметъ ему только литературный строчила изъ нѣжинскихъ евреевъ Данило Мордовцевъ... Съ прочими редакторами все-таки можно имѣть дѣло. Правда, есть еще одинъ.

— Ну, а какого вы мнѣнія о Краевскомъ?—перебилъ Крестовскаго Васильевъ.

Всеволодъ Владиміровичъ улыбнулся и, подумавъ съ минуту, отвѣтилъ опять стихами:

Какъ рѣпа желтъ лицомъ,
Одѣтъ весьма прилично,
И смотритъ хитрецомъ,
И дѣйствуетъ двулично,
Сотрудникамъ своимъ
Ни гроша онъ не платитъ,
Предъ каждымъ хнычетъ, плачетъ:
Нѣтъ денегъ, говоритъ,
Нѣтъ денегъ, говоритъ,
Спросите хоть сосѣда!
Ей-ей умру, ей-ей умру!
Ей-ей умру безъ хлѣба!

— Это, изволите видѣть, свободное подраженіе милѣйшему Ивану Петровичу Беранже,—заключилъ съ громкимъ смѣхомъ Крестовскій.

Петръ Петровичъ находился въ неописанномъ восторгѣ. Проживая много лѣтъ на Рыбнорядской улицѣ, въ одномъ изъ сырыхъ угловъ знаменитой «Марусовки», онъ вдругъ почувствовалъ себя какъ-бы перенесеннымъ на самую вершину дивнаго Парнаса... Конечно, по нынѣшнимъ временамъ, восторгъ Васильева могъ-бы быть названъ «телячьимъ», я въ этомъ увѣренъ.. Но что-же дѣлать, если мы въ тѣ годы, во дни нашей юности, до самозабвенія зачитывались такимъ нелѣпымъ и глупымъ твореніемъ, какъ извѣстный романъ Чернышевскаго: «Что дѣлать?». Это гораздо досаднѣе, если поразмыслишь теперь. Всего удивительнѣе то, что и теперь находятся такіе ограниченные въ умственномъ отношеніи люди, которые считаютъ этотъ бездарный и неестественный романъ перломъ творчества. Полусумасшедшая писательница А. Вербицкая передѣлала его и выпустила въ свѣтъ въ 1903 году въ сокращенномъ видѣ, подъ заглавіемъ: «По новому». Отвратительно!

— Ну скажите, наконецъ, вы что-нибудь, уважаемый представитель умственнаго пролетаріата провинціи, — обратился Крестовскій къ Васильеву, когда тотъ пропустилъ еще рюмочку.—Какъ у васъ идетъ дѣло «интеллектуальнаго развитія»? Чего у васъ больше: школъ или кабаковъ?

„Я было совсѣмъ растерялся передъ такимъ вопросомъ столичнаго литератора, — говорилъ намъ послѣ Петръ Петровичъ. Но меня вдругъ осѣнила мысль. дай-ка, думаю, и я блесну стихами; благо, что рѣчь зашла о кабакахъ. О нихъ я гдѣ то вычиталъ подходящее стихотвореніе, которое отлично удержалось въ моей памяти. Я вскочилъ быстро съ дивана, поднялъ руку и, какъ Мочаловъ въ Гамлетѣ, произнесъ:

Вѣдь, строить школъ мужикъ не проситъ.
Ему дороже свѣта мракъ:
Доходовъ школа не приноситъ,
Приноситъ ихъ казнѣ кабакъ.
И такъ, питейные умножить,
Начать, какъ можно больше, пить·
Скорѣй всѣ школы уничтожить
Вотъ средство—Русь обогатить!

«Едва я кончилъ мою декламацію, разсказывалъ Петръ Петровичъ, какъ Крестовскій бросился ко мнѣ и, обнявъ меня крѣпко руками, сталъ цѣловать. Мнѣ казалось, что мы были стародавніе друзья съ этимъ человѣкомъ. Когда я уходилъ отъ него, онъ проводилъ меня черезъ всю лѣстницу (Крестовскій останавливался въ номерахъ Рязанова, на Большой-Пролом-

ной, теперь домъ Журавлевыхъ) и, сжимая мнѣ руку у самой выходной двери, сказалъ:

— За самое великое удовольствіе сочту быть у васъ, дорогой мой собратъ, Петръ Петровичъ!

Васильевъ, подавая ему свою карточку съ адресомъ, не преминулъ, однакоже, спросить, когда намѣренъ посѣтить его Всеволодъ Владимировичъ, чтобы знать и имѣть возможность собрать у себя къ этому времени всѣ наличныя «литературныя силы Казани», какъ выразился Петръ Петровичъ, чтобы всѣмъ вмѣстѣ провести въ квартирѣ его пріятный вечеръ въ обществѣ столь значительнаго петербургскаго литератора

— О, это для меня будетъ высокое наслажденіе!—воскликнулъ Крестовскій и назначилъ Васильеву день и часъ, въ который разсчитывалъ пріѣхать къ нему по оставленному адресу.

Съ этой минуты бѣдный Петръ Петровичъ потерялъ всякій покой. Онъ вырабатывалъ въ головѣ планъ, какъ достойнымъ образомъ принять у себя «литературную знаменитость» (а о томъ, что эта «литературная знаменитость» была далеко не изъ первостепенныхъ,—разсуждать было не время, да и неприлично). Васильевъ обѣгалъ всѣ чердаки и подвальныя коморки, въ которыхъ обитало большинство его пріятелей, приглашая къ себѣ тѣхъ изъ нихъ, которые хоть немного были причастны къ литературѣ Но такъ какъ такихъ нашлось очень ограниченное количество, то для пополненія комплекта пришлось позвать и такихъ знакомыхъ, которые хотя сами въ литературѣ участія не принимали, но были извѣстны за страстныхъ любителей и знатоковъ ея. Однимъ словомъ, мой Петръ Петровичъ совсѣмъ захлопотался.

— Можете себѣ представить,—говорилъ онъ мнѣ, встрѣтившись случайно на улицѣ передъ вечеромъ назначеннаго Крестовскимъ дня, т. е. въ пятницу, 28 апрѣля,—мой извозчикъ и завтракалъ и обѣдалъ сегодня, не слѣзая съ козелъ пролетки. Бѣжу весь день, съ ранняго утра, приглашая пріятелей для «званнаго вечера съ Крестовскимъ». Сейчасъ я былъ у васъ и оставилъ записку. Вы ужъ пожалуйста, Н. Я—чъ, не забудьте. Помните: ровно въ семь часовъ. Я сильно опасаюсь,—произнесъ послѣ нѣкотораго размышленія Васильевъ, —какъ-бы не повторилась такая-же исторія, какая, помните, случилась во время пріѣзда Семевскаго.

Здѣсь я долженъ сдѣлать маленькое уклоненіе въ сторону, чтобы сказать нѣсколько словъ по поводу ссылки Васильева на случай, бывшій въ пріѣздъ въ Казань М. И Семевскаго.

Покойный редакторъ «Русской Старины» посѣтилъ Казань въ іюнѣ 1861 г., бывши молодымъ гвардейскимъ офицеромъ, но уже очень извѣстнымъ тогда писателемъ по исторической литературѣ Тогдашняя молодежь зачитывалась его жур-

нальными очерками изъ русской придворной исторіи XVIII вѣка. Эти очерки были свободны отъ того псевдо-патріотическаго, докторальнаго тона, какимъ отличались труды господствовавшихъ у насъ до этого времени историковъ: Погодина, Устрялова, Вейдемейера и др. Мы увлекались Семевскимъ потому, что раньше его никто не говорилъ такимъ языкомъ, какимъ заговорилъ Михаилъ Ивановичъ. Его критическій разборъ шестого тома «Исторіи Петра Великаго», соч. Устрялова (о царевичѣ Алексѣѣ Петровичѣ), появившійся въ январской книжкѣ журнала «Русское Слово» за 1860 г. (издававшагося графомъ Кушелевымъ-Безбородко), а также монографіи: „Царица Прасковья“, «Семейство Монсовъ» и др производили сильное дѣйствіе на нервы юныхъ читателей, какъ пикантностію раскрываемыхъ тайнъ исторіи, такъ и неслыханною до того времени смѣлостію сужденій рецензента. Когда пріѣхалъ въ Казань авторъ этой необыкновенной для даннаго времени критики (онъ описалъ свое пребываніе въ Казани въ декабрьской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» за 1862 г.), имъ первый визитъ сдѣланъ былъ казанскому книгопродавцу Ивану Васильевичу Дубровину, какъ издателю сочиненій А. П. Щапова, начало дѣятельности котораго по русской исторіи, по своему «костомаровскому» направленію, уже было извѣстно и симпатично М. И. Семевскому, принадлежавшему отчасти къ этой-же вновь народившейся исторической школѣ.

П. П Васильевъ, какъ ярый поклонникъ Щапова и Семевскаго, задумалъ, во что-бы то ни стало, устроить у себя вечеринку въ честь сего послѣдняго, съ приглашеніемъ на эту вечеринку своихъ знакомыхъ, преимущественно изъ людей, прикосновенныхъ къ литературѣ. Но эта попытка Васильева успѣха не имѣла. Дѣло происходило среди жаркаго лѣта; вся знакомая Васильеву мѣстная интеллигентная молодежь отсутствовала: кто уѣхалъ къ роднымъ на вакацію, кто приглашенъ былъ на уроки въ помѣщичьи деревни, и Петру Петровичу собрать никого не удалось, а тѣ немногіе, которые хотя и оказались въ городѣ, почему-то не явились на вечеръ къ Васильеву, хотя, по его словамъ, и обѣщали. Семевскій, однако, къ Васильеву пріѣхалъ, надѣясь познакомиться у него съ казанскими писателями, но таковыхъ, къ прискорбію хозяина и гостя, не оказалось, и послѣднему пришлось провести нѣсколько скучныхъ часовъ въ бесѣдѣ со старикомъ-отцомъ Васильева, Петромъ Михайловичемъ, отставнымъ директоромъ пермской гимназіи (онъ былъ предмѣстникомъ Грацинскаго), и его старшимъ сыномъ Павломъ Петровичемъ, тогда еще студентомъ историко-филологическаго факультета казанскаго университета.

Но пора вернуться къ Всеволоду Крестовскому. Обѣщаясь

прибыть къ Васильеву къ назначенному сроку, я (не скрою своего чувства) съ нетерпѣніемъ ожидалъ этого момента. Мнѣ главнымъ образомъ милъ и симпатиченъ былъ тогда Всеволодъ Владиміровичъ не «Трущобами» своими, которыхъ въ это время я еще не успѣлъ прочесть, но его прекраснымъ, небольшимъ по объему, но производящимъ сильное впечатлѣніе по содержанію разсказомъ, подъ заглавіемъ. «Безнравственная дѣвушка», напечатаннымъ въ № 27 газеты «Русскій Міръ» 1862 года (газета эта издавалась музыкальнымъ магазиномъ Стелловскаго, въ С.п.б.). Въ этой чудной литературной картинкѣ перо Крестовскаго изобразило, какъ и что дамы избранныхъ салоновъ понимаютъ подъ словомъ «нравственность». Здѣсь выведена одна барыня, типъ которой охарактеризованъ въ слѣдующемъ небольшомъ стихотвореніи покойнаго драматурга Ѳедора Алексѣевича Кони (отецъ нынѣшняго знаменитаго юриста):

Ѣздитъ каждый день къ обѣднѣ,
Бьетъ людей своихъ въ передней,
Любитъ мужа муштровать
И оброки собирать
Смотритъ набожной старушкой,
Цѣлый день сидитъ за мушкой,
Или ѣздитъ по гостямъ
Клеветать на прочихъ дамъ
Молодежъ—морали учитъ,
Дѣвушекъ стрижетъ и мучитъ,
Страсть другимъ считать года,
А свои сбавлять всегда
За копѣйку рада драться .
За сто верстъ ѣдетъ спасаться
Отъ нея-жъ спасенья нѣтъ
Въ сплетни путаетъ весь свѣтъ

И вотъ отъ такой-то компетентной цѣнительницы высшей этики вполнѣ нравственная дѣвушка получила наименованіе «безнравственной» только потому, что не захотѣла сдѣлаться развратной. Весь разсказъ дышетъ искренностью и реализмомъ жизненной правды.

Ровно въ семь часовъ назначеннаго вечера я уже былъ у Васильева. Здѣсь сидѣло нѣсколько человѣкъ изъ числа приглашенныхъ и между ними два мѣстные писателя: извѣстный казанскій корреспондентъ столичныхъ газетъ Семенъ Ивановичъ Черепановъ (умершій въ октябрѣ 1884 года и ожидающій себѣ біографіи) и отставной флота—лейтенантъ Владиміръ Петровичъ Невельской, авторъ „Казанскихъ трущобъ», «Казанскихъ тайнъ» и разныхъ книжонокъ изъ народнаго быта, обличающихъ въ сочинителѣ полнѣйшую литературную безталанность. Впрочемъ, Невельской писалъ свои книжки, находясь большею частію въ пьяномъ состояніи, въ каковомъ пребы-

валъ почти ежедневно, отчего заболѣлъ и умеръ въ земской больницѣ въ іюлѣ 1872 г. Вскорѣ послѣ моего прихода прибыли еще гости Николай Арсеньевичъ Травинъ, Ѳедоръ Ивановичъ Жуковъ, Валерьянъ Ивановичъ Годяевъ, Иванъ Николаевичъ Гавриловъ и еще два или три студента, занимавшіеся литературою. Впрочемъ, въ числѣ пришедшихъ одновременно съ ними былъ одинъ офицеръ, лѣтъ тридцати, фамилію котораго я теперь забылъ (поэтому назову его хоть буквою Р.) страстный любитель писать стихи на темы изъ классическаго міра, напримѣръ: «Похищеніе сабинянокъ», «У алтарей Филеновъ», «Стоялъ я на берегу священнаго Оронта», «Негритянка мыла ребенка въ Нилѣ» и проч. Но стихи свои, какъ и многіе философскіе этюды, излагать которые онъ также былъ большой охотникъ, господинъ Р. нигдѣ не печаталъ. Я встрѣчалъ его послѣ разъ или два на литературныхъ воскресеньяхъ у профессора Н. Н. Булича, гдѣ офицеръ этотъ разсказывалъ, какъ написалъ онъ для какого-то толстаго столичнаго журнала большой историко-философскій трактатъ, но прочитавши вслѣдъ затѣмъ Бокля, не рѣшился печатать своей работы, такъ какъ, по его словамъ, Бокль говоритъ буквально тоже самое, поэтому онъ, господинъ Р. опасаясь обвиненія въ плагіатѣ, раздумалъ предавать тисненію свой трудъ.

Въ сосѣдней комнатѣ приготовленъ былъ столъ съ закуской. На большомъ, очень старинномъ подносѣ стоялъ графинъ съ водкою, коньякъ, бутылка полыновки (Васильевъ узналъ, что Крестовскій пилъ только полыновку) и нѣсколько тарелокъ съ соленьемъ и копченьемъ; пиво покоилось на полу, а бутылки съ зельтерскою водою помѣщались на окнѣ, среди массы книгъ и брошюръ. Для полной законченности картины не доставало только одного Всеволода Крестовскаго.

Въ ожиданіи его всѣ собравшіеся стали пить чай. Петръ Петровичъ поминутно выбѣгалъ на крыльцо освѣдомляться, не ищетъ-ли его квартиры ожидаемый гость, такъ какъ марусовскій домъ и въ тѣ времена представлялъ порядочный лабиринтъ, биткомъ набитый жильцами. Кто-кто въ немъ не обиталъ: бѣдные студенты, мелкіе чиновники, трактирные музыканты, прачки, пирожники, заѣзжіе греки и итальянцы—продавцы гипсовыхъ статуэтокъ, владимірскіе офени-ходебщики и люди совсѣмъ неопредѣленныхъ и темныхъ профессій. Въ лѣтнее время здѣсь даже холодные чуланы и амбарушки отдавались желающимъ для жилья.

Чаепитіе, которымъ мы пробавлялись, ожидая Крестовскаго, не всѣмъ собравшимся было по душѣ. Трое изъ гостей, въ особенности Невельской (очутившійся на этотъ разъ трезвымъ), испытывали, въ виду столика съ водкой, сильное физіологическое угнетеніе и, тоскуя по выпивкѣ, изыскивали

случай, какъ-бы, хоть украдкой отъ хозяина, шмыгнуть въ заманчивую комнату и заморить неугомоннаго червяка. Хозяинъ, безъ сомнѣнія, и самъ тосковалъ не менѣе ихъ, но былъ строгъ къ себѣ, по крайней мѣрѣ таковъ былъ его видъ. Однако, случай заморить червяка выпалъ на долю Невельского очень скоро. Васильевъ, увидѣвши въ окошко какого-то господина въ шляпѣ, выбѣжалъ быстро на дворъ и пока тамъ узнавалъ, въ чемъ дѣло, Невельской съ быстротою молніи побѣжалъ къ соблазнительному столу, выпилъ коньяку и безъ всякой закуски вышелъ оттуда, какъ ни въ чемъ не бывало, къ великому искушенію прочихъ томившихся, которые не прочь были послѣдовать примѣру автора «Казанскихъ Тайнъ», но вернувшійся хозяинъ помѣшалъ замыслу.

— Кто-же будетъ произносить «прочувствованную», когда явится гость?—обратился къ хозяину Черепановъ.

— Разумѣется я,—отвѣтилъ Васильевъ Долгъ хозяина привѣтствовать гостя.. У меня уже приготовлено приличное слово...

— Позвольте мнѣ сказать рѣчь,—прервалъ его Невельской, у котораго коньякъ началъ уже давать себя чувствовать.—Надѣюсь, въ грязь лицомъ себя не ударю.

— Не суйтесь, пожалуйста, Владиміръ Петровичъ!—отвѣтилъ обиженнымъ тономъ Васильевъ. У васъ много своихъ аудиторій, въ любой произносите ваши рѣчи и спичи: дешевые трактиры, портерныя, харчевни—всѣ къ вашимъ услугамъ. Невельской обидчиво замолчалъ и сѣлъ на прежнее мѣсто

Однако время шло, а желанный гость не показывался. Васильевъ старался ободрить присутствующихъ, увѣряя, что жители столицъ рано въ гости не ходятъ,—это дикій провинціализмъ Всеволода Владиміровича слѣдуетъ-де ждать не ранѣе девяти часовъ.

Слова эти почтенный хозяинъ проговорилъ такимъ неровнымъ голосомъ, что для всѣхъ стало ясно, что и онъ успѣлъ уже заморить червячка. Дѣйствительно, въ комнатѣ его сестры, Софіи Петровны, была спрятана имъ гдѣ-то за печкой бутылка, къ которой изрѣдка и забѣгалъ Васильевъ среди невязавшагося разговора бесѣдующихъ.

Настроеніе собравшихся было вообще скучное; нѣкоторые изъ гостей нисколько не скрывали своего недовольства и не замедлили учинить открытое возстаніе. Первый знакъ къ бунту подалъ Невельской

— Что за глупости въ самомъ дѣлѣ: сидѣть и ждать съ пересохшимъ горломъ!—воскликнулъ онъ, порывисто вскакивая со своего стула. Идемте, господа, за мною!..

— Это дерзко, господинъ Невельской!—попробовалъ громко вознегодовать хозяинъ

Но было уже поздно.

Невельской, въ компаніи съ двумя-тремя единомышленниками, мигомъ очутился у стола съ закусками и началъ безъ церемоніи распоряжаться бутылками.

— Пожалуйста, «полынную» не трогайте! — оставалось только прокричать хозяину.

— Она останется неприкосновенной, какъ пифія, посвященная петербургско-трущобному Аполлону!—послышалось въ отвѣтъ.

Гости налили рюмки, стали чокаться; къ нимъ (нечего дѣлать) присоединился и самъ Васильевъ, приглашая въ тоже время и другихъ гостей, не гнушавшихся бахусомъ, принять участіе въ жертвоприношеніи сему идолу.

Мало-по-малу языки развязались. Стали городить всякую чепуху Говорили разомъ двое или трое, какъ чиновницы, сошедшіяся подъ аркою гостиннаго двора. Пробило и десять, а петербургская знаменитость не являлась. Офицеръ Р. и С. И. Черепановъ поднялись съ своихъ мѣстъ и ушли домой, махнувъ рукою и на гостей, и на Крестовскаго. Я тоже покушался улепетнуть вслѣдъ за ними, но меня поймалъ Петръ Петровичъ и просилъ остаться, такъ что я могъ освободиться лишь, давши ему слово, что вскорѣ опять вернусь сюда.

Когда часа черезъ два я снова пришелъ къ Васильеву, меня встрѣтила въ слезахъ его сестра (родителей у Васильева въ живыхъ уже не было), отъ которой я узналъ, что Крестовскій къ нимъ не пріѣзжалъ, что многіе гости разошлись, а оставшіеся напились и едва не подрались между собою. Теперь они храпѣли, лежа на полу въ разныхъ положеніяхъ, и черезъ нихъ приходилось перешагивать. Бутылки были опорожнены, не исключая «полыновки», пиво выпито, а можетъ быть пролито, ибо у самаго стола въ пивной лужѣ, среди черепковъ разбитой посуды, лежалъ самъ Петръ Петровичъ; неподалеку отъ него—Невельской, далѣе Годяевъ и еще кто-то

Вотъ, подумалось мнѣ: теперь-бы пожаловать сюда Крестовскому, какъ собирателю трущобныхъ сюжетовъ

Съ щемящимъ сердцемъ побрелъ я домой.

На другой день, утромъ, я отправился провѣдать Петра Петровича Но ни его самого, ни его сестры дома не было. Служанка-же ничего не могла объяснить мнѣ толкомъ, а лишь ворчала и плевалась, вѣроятно вслѣдствіе усталости послѣ уборки комнатъ. Около полудня является ко мнѣ Васильевъ съ печатною афишкою въ рукахъ (у меня и сейчасъ хранится эта афишка).

— Каково!—воскликнулъ Петръ Петровичъ. Этотъ столичный штукарь даетъ завтра въ дворянскомъ клубѣ литературное утро.

— И прекрасно!—отвѣтилъ я. На что-же вы сердитесь?

— Какъ на что?.. И вы спрашиваете... Невѣжда онъ, неучъ!.. Какъ я готовился, сколько хлопотъ положилъ, старанія... И вдругъ надуть!.. Пожалуйста, не ходите на его «чтеніе».

— Я не могу быть на его «утрѣ» уже потому, что завтра рано уѣзжаю въ Свіяжскъ, гдѣ долженъ провести весь день.

Васильевъ тѣмъ не менѣе не могъ успокоиться. Отъ меня онъ пошелъ къ другимъ своимъ знакомымъ удерживать ихъ, чтобы не ходили на литературныя чтенія Крестовскаго, желая хоть этимъ способомъ отмстить ему за вчерашнее.

— Ну, а сами вы вѣдь будете на этихъ «чтеніяхъ»?— спросили его въ одномъ домѣ.

— Обязательно-съ—отвѣтилъ Петръ Петровичъ взволнованнымъ голосомъ. Пойду исключительно для того, чтобы хорошенько отдѣлать его въ газетахъ... Ужь постараюсь отшлифовать его, бестію!

Насколько успѣшна была эта оригинальная агитація Петра Петровича противъ Крестовскаго, мнѣ неизвѣстно; равнымъ образомъ я не встрѣчалъ и въ печати описанія литературнаго утра, даннаго въ Казани Всеволодомъ Владиміровичемъ. Знаю только, что «утро» дало чтецу самый ничтожный сборъ и что Васильевъ и Крестовскій послѣ не видались болѣе другъ съ другомъ...

1898 г

Къ столѣтнему юбилею Лобачевскаго.

Лобачевскій принадлежитъ несомнѣнно къ числу тѣхъ ученыхъ XIX столѣтія, работы которыхъ явились не только цѣннымъ вкладомъ въ науку, но и открыли ей новые пути

Геніальнымъ умамъ, прокладывающимъ новые пути, часто приходилось отвергать положенія, считавшіяся до нихъ неоспоримою и не требующею доказательствъ истиною.

Такая-же почетная роль въ наукѣ выпала на долю Лобачевскаго, этого „Коперника геометріи"

Проф. А. В. Васильевъ

Человѣкъ, выбравшій цѣли для жизни въ области духовной дѣятельности, имѣетъ то преимущество передъ другими, что долго будетъ жить его имя и память о немъ. Подвигъ мысли дороже намъ всѣхъ другихъ подвиговъ

Изъ рѣчи проф Н Н. Булича передъ гробомъ Лобачевскаго

...Въ нынѣшнемъ году, 22 октября нашего стиля (писано въ 1893 году), ожидается въ Казани большое ученое торжество: празднованіе столѣтней годовщины со дня рожденія знаменитаго русскаго математика-геометра *Николая Ивановича Лобачевскаго,* воспитанника и профессора казанскаго университета.

Вполнѣ сочувствуя мысли о чествованіи мѣстнаго ученаго, пріобрѣвшаго своими трудами извѣстность въ Европѣ, пишущій эти строки считаетъ не излишнимъ сдѣлать небольшой очеркъ жизни казанскаго «Коперника геометріи», какъ назвалъ Лобачевскаго уважаемый предсѣдатель математическаго общества при нашемъ университетѣ, профессоръ А. В. Васильевъ, иниціативѣ котораго обязанъ своимъ возникновеніемъ ожидаемый ученый праздникъ въ Казани.

Имя Н. И. Лобачевскаго составляетъ славу и гордость Казани. Здѣсь, въ стѣнахъ старѣйшей изъ русскихъ гимназій, прошелъ Лобачевскій первую стадію своего научнаго образованія и въ здѣшнемъ университетѣ завершилась высшая и спеціальная законченность этого образованія, открывшая для пытливаго ума юноши широкій путь къ изысканію философско-математическихъ истинъ. Мы надѣемся, что, за перемѣщеніемъ съ университетскаго двора памятника Державину, въ близкомъ будущемъ и съ гораздо большимъ правомъ, станетъ на его мѣстѣ безсмертный монументъ Лобачевскаго.

По мѣсту рожденія Н. И. Лобачевскій былъ нижегородецъ. Онъ вышелъ изъ безвѣстной семьи мелкаго уѣзднаго чиновника. Отецъ его былъ землемѣромъ въ г. Макарьевѣ, славномъ

когда-то своею ярмаркою. Здѣсь, 22 октября 1793 года, и родился нашъ именитый юбиляръ. Оставшись послѣ отца, умершаго въ чинѣ колежскаго регистратора, малолѣтними сиротами, три брата Лобачевскіе. Александръ, Николай и Алексѣй, по мѣрѣ того, какъ достигали соотвѣтствующаго для ученія возраста,—отвозимы были матерью ихъ, Прасковьей Александровной, въ Казань, для помѣщенія въ гимназію. Средній изъ братьевъ, будущій знаменитый математикъ, опредѣленъ въ казанскую гимназію 5 января 1802 года и покончилъ въ ней курсъ въ 1807 году, вмѣстѣ съ младшимъ братомъ Алексѣемъ Ивановичемъ, умершимъ въ Казани 1-го марта 1870 года, какъ это видно изъ надписи на его могилѣ на Арскомъ кладбищѣ, сдѣланной родственникомъ его Алексѣемъ Гавриловичемъ Осокинымъ. Въ томъ-же 1807 году (21 января) Н. И. Лобачевскій вступилъ въ число студентовъ казанскаго университета.

Какъ въ гимназіи, такъ и въ университетѣ, Лобачевскій воспитывался въ то время, когда во главѣ этихъ учебныхъ заведеній стоялъ извѣстный въ свое время директоръ Илья Ѳедоровичъ Яковкинъ, управлявшій, съ властью диктатора, одновременно обоими названными разсадниками просвѣщенія въ нашемъ городѣ. Упоминая о мѣстѣ образованія столь выдающагося ученаго, какимъ былъ Лобачевскій, важно знать и тѣхъ людей, которые были его первыми воспитателями, подъ ближайшимъ вліяніемъ которыхъ развивался геній человѣка, включившаго впослѣдствіи свое имя въ пантеонъ славныхъ сподвижниковъ науки. Начнемъ съ попечителя казанскаго учебнаго округа. Должность эту занималъ вице-президентъ Императорской академіи наукъ Степанъ Яковлевичъ Румовскій, математикъ и астрономъ своего времени, открытый среди семинаристовъ великимъ Ломоносовымъ. Будучи математикомъ, Румовскій особенно старался, чтобы каѳедры математическія въ казанскомъ университетѣ были заняты людьми достойными. И дѣйствительно, ни одинъ изъ факультетовъ тогдашняго казанскаго университета (хотя раздѣленія на факультеты, въ строгомъ смыслѣ, тогда еще не существовало) не былъ такъ счастливо обставленъ представителями знанія, какъ отдѣленіе физико-математическихъ наукъ. Имена Бартельса, Реннера, Броннера, Литтрова украшали собою названныя каѳедры казанскаго университета въ первые годы его существованія. Но Лобачевскій учился лишь у двухъ первыхъ изъ поименованныхъ нами профессоровъ, такъ какъ остальные пріѣхали въ Казань уже въ концѣ его университетскаго курса.

Іоганнъ-Мартинъ-Христіанъ Бартельсъ былъ родомъ изъ Брауншвейга. Онъ учился въ гельмстедтскомъ и геттингенскомъ университетахъ и въ нихъ-же былъ потомъ профессоромъ математики. Затѣмъ, путешествуя по Германіи, онъ по-

бывалъ въ іенскомъ университетѣ, въ которомъ получилъ степень доктора философіи. Въ 1805 году Бартельсъ приглашенъ былъ въ Россію и опредѣленъ профессоромъ математики въ только что основанный въ Казани университетъ. Другой математикъ этого университета уже рекомендованъ Бартельсомъ. Это былъ докторъ философіи геттингенскаго университета Каспаръ-Фридрихъ Реннеръ или—какъ звали его въ Казани—Каспаръ Ѳедоровичъ. Оба профессора были истинные ученые, отдавшіеся всецѣло интересамъ излюбленной науки. Они, какъ математики-философы, вѣрные старинамъ традиціямъ германской школы, нетолько могли давать юношеству научное ознакомленіе съ читаемымъ предметомъ, но и воспитывать это юношество въ духѣ исканія истины, въ сообщеніи красотъ умственнаго труда и неисчерпаемаго творчества мысли. Такой типъ носителей истинной учености занесенъ былъ въ нашъ университетъ съ самыхъ первыхъ дней его возникновенія и долго потомъ держался въ немъ, переходя преемственно изъ поколѣнія въ поколѣніе. Достаточно вспомнить имена Лобачевскаго, Симонова, Котельникова, Попова, Аристова, Мейера, Фойгта, Григоровича, Вагнера - отца, Зинина, Бутлерова, Ковалевскаго и нѣкоторыхъ другихъ выразителей этого типа, чтобы сказанное нами не было голословнымъ.

Періодъ студенческой жизни Н. И. Лобачевскаго не былъ однакоже лишенъ нѣкоторыхъ эпизодовъ, по характеру своему свойственныхъ какъ вообще юношескому возрасту, такъ и свидѣтельствовавшихъ, съ другой стороны, объ индивидуальной особенности склада ума будущаго ученаго. Режимъ, господствовавшій въ описываемое время среди оффиціальныхъ сферъ нашего отечества, когда нетолько въ захолустной провинціи, но и въ столицахъ разные Аракчеевы, Магницкіе, Фотіи и имъ подобные „актеры исторіи“ — представляли какую-то давильню, тяготѣвшую надъ всѣми функціями отправленія умственной и общественной жизни. Когда цензоры разсматривали въ лупу транспаранты, отыскивая въ нихъ признаки вольнодумства и карбонаризма; когда ректоръ московскаго университета Харитонъ Чеботаревъ, въ халатѣ, но при орденахъ, бѣгалъ, шлепая туфлями, по корридорамъ и аудиторіямъ и распекалъ всѣхъ, ему попадавшихся, не исключая и профессоровъ, къ которымъ обращался на «ты»; когда директоръ казанскаго университета Яковкинъ, пародируя извѣстный девизъ Людовика XIV, восклицалъ. «университетъ — это я!», а инспекторы студентовъ, какъ солдаты, стояли передъ нимъ въ вытяжку, держа руки по-швамъ; когда, наконецъ, казанскій губернаторъ графъ Илья Андреевичъ Толстой чуть не въ шею выгналъ незабвеннаго для Казани доктора Фукса, когда послѣдній, во время страшнаго въ городѣ пожара 1815 года, просилъ позво-

леніе вынести изъ архива губернскаго правленія старинныя рукописи, имѣвшія важное значеніе для мѣстной исторіи. Такой режимъ не могъ не вызывать по временамъ чувства негодованія въ юныхъ сердцахъ тѣхъ изъ молодыхъ людей, въ которыхъ успѣли зародиться начатки иныхъ идеаловъ, идеаловъ, призывающихъ къ борьбѣ съ невѣжествомъ и тупоуміемъ, къ служенію истинѣ и всему прекрасному, облагораживающему умъ и сердце людей и ихъ взаимныя отношенія между собою.

Впечатлительная натура Лобачевскаго, всегда готовая поддаться благотворному движенію души и мысли, не разъ заставляла его нарушать ровную, какъ поверхность стоячаго озера, жизнь университетскаго интерната. Одинъ изъ біографовъ его, профессоръ Янишевскій, самъ бывшій нѣкогда инспекторомъ студентовъ, приводитъ цѣлый рядъ случаевъ, когда живой, пылкій характеръ молодого Лобачевскаго давалъ себя чувствовать пугливой и ворчливой университетской инспекціи того времени. Такъ, помощникъ инспектора студентовъ Кондыревъ, вообразивъ себя важнымъ человѣкомъ, принялъ со студентами строгій начальническій тонъ, который часто смѣшилъ студентовъ, а иногда и выводилъ изъ терпѣнія нѣкоторыхъ изъ нихъ, такъ какъ отзывы его о поведеніи студентовъ во всякомъ случаѣ имѣли большое значеніе у Яковкина; а Кондыревъ, въ своихъ рапортахъ инспектору, иногда такъ описывалъ характеръ и нравственныя качества многихъ студентовъ, что они не могли не оскорбляться этими рапортами (см Янишевскаго: Историч. Зап. о жизни и дѣятельности Лобачевскаго». Казань, 1868 г., стр. 6). Тотъ-же біографъ говоритъ, что въ протоколѣ засѣданія совѣта университета 7 іюля 1811 года, когда четверо студентовъ представлены были къ повышенію въ степень кандидата, о Лобачевскомъ сказано: «нѣкоторыми изъ гг. членовъ совѣта замѣчено, что Николай Лобачевскій по отличнымъ успѣхамъ своимъ и дарованіямъ въ наукахъ математическихъ могъ-бы быть удостоенъ званія студента-кандидата, если-бы худое его поведеніе не препятствовало сему, почему онъ и не одобренъ, причемъ особенно профессоръ, инспекторъ студентовъ и кавалеръ и нѣкоторые другіе изъ членовъ подтвердили, что сдѣлать сего въ настоящее время, согласно съ справедливостью и узаконеніями, никакъ невозможно, а лучше подождать его исправленія» (ibid, стр. 7).

Другой біографъ Лобачевскаго, заслуженный профессоръ Буличъ, сообщаетъ, что «изъ среды своихъ сверстниковъ Николай Ивановичъ выдавался далеко впередъ, какъ по уклоненіямъ отъ тогдашнихъ правилъ благоповеденія, вызывавшимъ карательныя мѣры противъ него, такъ и по своимъ дарованіямъ и успѣхамъ въ математикѣ. Вотъ почему только о немъ одномъ дошло до насъ историческое изображеніе поведенія его;

поступки Лобачевскаго названы достопримѣчательными, характеръ—упрямымъ, нераскаяннымъ, весьма много мечтательнымъ о самомъ себѣ; его мнѣніе получило многія ложныя понятія (такъ, въ журналѣ инспектора, помощникомъ его Кондыревымъ, было записано, что Лобачевскій въ значительной степени явилъ признаки безбожія). Требовались инспекціею противъ Лобачевскаго рѣшительныя мѣры» (см. Булича: «Изъ первыхъ лѣтъ казанскаго университета» т. I, стр 246).

Впрочемъ, какъ ни серьезны были обстоятельства, обѣщавшія, повидимому, надолго отодвинуть ученую карьеру Николая Ивановича, благодаря только-что приведеннымъ выше отзывамъ о его поведеніи, однако профессоры: Бартельсъ, Литтровъ, Броннеръ и Германъ (классикъ), какъ преданные поборники науки, игнорируя придирчивыя усилія инспекціи подорвать нравственную репутацію ускользающаго безнаказанно изъ ихъ рукъ молодого ученаго,—настояли, чтобы Николай Лобачевскій «по его чрезвычайнымъ успѣхамъ и дарованіямъ въ наукахъ физическихъ и математическихъ» былъ удостоенъ степени не только кандидата, но и магистра. Яковкинъ долженъ былъ сдѣлать эту уступку, чтобы только провести одновременно съ этимъ нѣкоторыхъ своихъ любимцевъ, мотивируя эту уступку тѣмъ, что Лобачевскій яко-бы «вчера оказалъ совершенное признаніе и раскаяніе въ прежнихъ своихъ поступкахъ, и дабы излишнею строгостію не привести его, какъ весьма лестную надежду дарованіями и успѣхами подающаго для университета, въ отчаяніе и не убить духъ его» (см. Янишевскаго стр. 8, и Булича: стр. 247). Попечитель Румовскій утвердилъ (3 августа 1811 года) Лобачевскаго въ степени магистра.

Выбравшись такимъ образомъ изъ кондуитныхъ дебрей и получивши магистерство, Лобачевскій не замедлилъ представить въ совѣтъ университета разсужденіе: «Теорія эллиптическаго движенія небесныхъ тѣлъ». Это была первая, сколько извѣстно, ученая работа его, вызвавшая со стороны профессора Бартельса самый восторженный отзывъ. Въ слѣдующемъ, 1812 году, Лобачевскій началъ свое преподавательское служеніе въ стѣнахъ воспитавшаго его университета и плодотворные результаты его научныхъ познаній стали выражаться въ постепенномъ и длинномъ рядѣ сочиненій, создавшихъ ему громкое и славное имя между извѣстнѣйшими геометрами нашего времени.

Объемистый формуляръ о службѣ Николая Ивановича Лобачевскаго представляетъ замѣчательную лѣстницу всей ученопреподавательской и служебно-административной его карьеры. Мы отмѣтимъ изъ этого списка одни главнѣйшіе моменты его разносторонней дѣятельности, чтобы читатель могъ въ бѣгломъ очеркѣ ознакомиться съ тѣмъ, какъ росло его значеніе въ исторіи казанскаго университета и какъ двигались его шаги

по этой длинной и безъ сомнѣнія усѣянной не однѣми розами, но и шипами,—лѣстницѣ.

«Дѣйствительный статскій совѣтникъ, говорится въ этомъ формулярѣ, составленномъ въ 1855 г. (за годъ до смерти), Николай Ивановичъ Лобачевскій, помощникъ попечителя казанскаго учебнаго округа и заслуженный профессоръ казанскаго университета, 62 лѣтъ, православнаго вѣроисповѣданія, кавалеръ орденовъ: св. Анны и св. Станислава 1-й степени, св. Владиміра 3 и 4-й степени и св Анны 2-й степени, Императорскою короною украшеннаго, имѣетъ знакъ отличія безпорочной службы за 40 лѣтъ, получаетъ пенсіи 1829 р. 87 коп., столовыхъ 800 р.—итого 2629 р. 87 к. Изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей, у него родоваго имѣнія нѣтъ, а благопріобрѣтеннаго въ Казанской губерніи, въ Чебоксарскомъ уѣздѣ, 101 душа, у жены родовое имѣніе въ Казанской губерніи, Спасскаго уѣзда, 169 душъ и каменный 2-хъ-этажный домъ въ Казани. По окончаніи курса наукъ въ казанской гимназіи, поступилъ въ казанскій университетъ въ 1807 г. Во время бытности въ университетѣ отправлялъ должность камернаго студента. Будучи студентомъ, по экзамену признанъ отъ совѣта университета достойнымъ степени магистра физико-математическихъ наукъ, въ каковой степени и утвержденъ 3 августа 1811 г. За успѣхи въ математикѣ отъ имени министра народнаго просвѣщенія объявлена ему похвала 19 сентября того-же 1811 г. Утвержденъ адъюнктомъ физико-математическихъ наукъ 26 марта 1814 года. Экстра-ординарнымъ профессоромъ, съ порученіемъ каѳедры ординарнаго профессора, 7 іюля 1816 года. Поручено преподавать астрономію и имѣть надзоръ надъ обсерваторіею 15 апрѣля 1819 года. Приглашенъ участвовать въ изданіи «Казанскихъ Извѣстій» 13 іюня того-же года. Поручено преподавать начальныя основанія чистой математики 30-го іюня, теоретическую и опытную физику—14 ноября, повѣрить и привести въ должное устройство и порядокъ университетскую библіотеку—16 декабря 1819 года. Утвержденъ деканомъ физико-математическаго отдѣленія 19 ноября 1820 года. Ординарнымъ профессоромъ чистой математики и физики—14 мая 1822 г За увольненіемъ профессора Симонова въ С.-Петербургъ поручена ему астрономическая обсерваторія 1 іюня 1823 г. За отсутствіемъ ординарнаго профессора Тимьянскаго поручены ему кабинеты естественной исторіи, рѣдкостей и минцъ-кабинетъ 1 іюня; деканомъ вторично—31 мая; кавалеромъ ордена св. Владиміра 4-й ст. 3 февраля 1823 г Деканомъ въ 3-й разъ 27 августа 1824 года. Поручена должность библіотекаря университета 8-го октября 1825 года, утвержденъ въ сей должности 19 февраля 1826 г По избранію совѣта Высочайше утвержденъ ректоромъ казанскаго университета на 3 года 30 іюля 1827 г. Изъявлена

благодарность отъ министра народнаго просвѣщенія за доставленіе въ надлежащее время отчета о денежныхъ суммахъ университета—13 апрѣля 1828 г. Изъявлена попечителемъ благодарность за успѣхи студентовъ по его каѳедрѣ—13-го августа того-же года. По избранію совѣта утвержденъ ректоромъ на второе 3-хъ-лѣтіе—19 іюня 1830 г. Объявлено ему Высочайшее благоволеніе за усердіе, оказанное имъ при предохраненіи подвѣдомственныхъ ему учебныхъ заведеній отъ холеры—20 сентября 1831 года. Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ оставить его въ должности ректора въ третій разъ, впредь до преобразованія университета по новому уставу и штату—25 апрѣля 1833 года. Всемилостивѣйше награжденъ брилліантовымъ перстнемъ 23 мая того-же 1833 года. За составленіе отчета по университету и казанскому учебному округу за 1833 годъ, который найденъ составленнымъ во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворительно, управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія изъявилъ ему признательность 3 марта 1834 г. За таковое-же составленіе отчета за 1834 г. изъявлена министромъ благодарность 22 мая 1835 г. По желанію его, отъ должности библіотекаря университета уволенъ того-же 22 мая. По предложенію попечителя отправленъ былъ для осмотра нижегородской гимназіи и уѣздныхъ училищъ—20 декабря 1835 г. Обозрѣвалъ симбирскую гимназію въ апрѣлѣ 1836 года. Изъявлена министромъ народнаго просвѣщенія особенная благодарность за содѣйствіе попечителю къ устройству казанскаго университета и гимназіи—4 сентября 1836 года. Отправленъ по дѣламъ службы въ С.-Петербургъ 9 сентября 1836 года, гдѣ пробылъ до 8 января 1837 г. Избранъ совѣтомъ въ ректоры университета на 4 года—28 іюня 1837 г. По преобразованіи казанскаго университета, оставленъ ординарнымъ профессоромъ чистой математики 1 августа 1837 года. Награжденъ полнымъ пенсіономъ въ 2000 руб. въ годъ съ 18 ноября 1836 г Пожалованъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники 12 іюля 1838 г. Отъ министра народнаго просвѣщенія изъявлена совершенная благодарность за успѣшное окончаніе построекъ университетскихъ зданій—16 марта 1839 г. Такая-же благодарность изъявлена ему министромъ за добросовѣстное и вполнѣ удовлетворительное выполненіе возложеннаго на него порученія при разсмотрѣніи опытовъ занятій, представленныхъ старшими учителями гимназій казанскаго учебнаго округа, а также за успѣшное и весьма полезное чтеніе въ университетѣ публичныхъ лекцій физики. Изъявлена благодарность министра за скорый и успѣшный ходъ постройки клиническаго зданія при казанскомъ университетѣ—18 декабря 1840 г. Утвержденъ въ званіи заслуженнаго профессора, съ оставленіемъ еще на 5 лѣтъ на службѣ въ университетѣ при занимаемой имъ каѳедрѣ, съ про-

изводствомъ ему за 25-лѣтнюю безпорочную въ должности профессора службу, въ пенсію, полнаго штатнаго оклада по 1143 р. 68 к. въ годъ, сверхъ жалованья, и съ прекращеніемъ получаемой до того пенсіи 2000 р.,—23 іюля 1841 г. Утвержденъ въ званіи ректора въ 5-й разъ на 4 года—12-го августа 1841 г. Командированъ въ г. Пензу для наблюденія надъ полнымъ солнечнымъ затменіемъ—26 іюня того-же года, и для производства наблюденій физическихъ, съ порученіемъ осмотрѣть во всѣхъ отношеніяхъ тамошнюю гимназію съ благороднымъ при ней пансіономъ. За отличное самоотверженіе и труды, оказанные имъ къ спасенію зданій и имущества учебнаго вѣдомства, во время бывшихъ въ Казани въ августѣ мѣсяцѣ 1842 г. пожаровъ, изъявлено ему Монаршее благоволеніе. Избранъ членомъ-корреспондентомъ геттингенскаго королевскаго общества наукъ 11 ноября 1842 г. Пожалованъ орденомъ св. Станислава 1-й степени 28 октября 1844 г. По случаю Высочайшаго назначенія попечителя казанскаго учебнаго округа (Мусина-Пушкина) на таковой-же постъ въ Петербургъ, вступилъ въ управленіе казанскимъ учебнымъ округомъ—18 апрѣля 1845 г. По единодушному желанію всѣхъ членовъ университетскаго совѣта избранъ и Государемъ Императоромъ утвержденъ въ шестой разъ въ званіи ректора университета на 4-ре года—20 ноября 1845 г. По Высочайшему повелѣнію назначенъ помощникомъ попечителя казанскаго учебнаго округа, съ увольненіемъ отъ профессорской и ректорской должностей,—14-го августа 1846 г. Пожалованъ кавалеромъ ордена св Анны 1-й степени 6 декабря 1852 г. Былъ предсѣдателемъ комиссіи для составленія «Исторіи казанскаго университета по случаю его 50-лѣтія»—съ 27 октября по 11 ноября 1853 года. Избранъ почетнымъ членомъ московскаго университета 12 сентября 1855 года. Высочайшимъ приказомъ 24 ноября 1855 года уволенъ отъ занимаемой должности, по болѣзни, съ причисленіемъ къ министерству народнаго просвѣщенія на одинъ годъ, съ сохраненіемъ получаемаго содержанія, съ 12 ноября 1855 года. Состоя на службѣ, умеръ 12 февраля 1856 года».

Формулярный списокъ Лобачевскаго занялъ-бы очень много мѣста, если-бы мы, приводя его, не выпустили нѣкоторыя статьи въ немъ, казавшіяся намъ второстепенными. Но при этомъ должны упомянуть, что въ формулярѣ Николая Ивановича нѣтъ нигдѣ свѣдѣній о томъ, чтобы нашъ ученый ѣздилъ въ чужіе краи. Весь свой вѣкъ, съ ранняго дѣтства прожилъ онъ въ Казани, безъ всякихъ личныхъ связей съ университетами Европы и, тѣмъ не менѣе, съумѣлъ поставить свое имя на ряду съ первоклассными математиками его времени

Въ двадцатыхъ годахъ Н. И. Лобачевскій женился на казанской дворянкѣ Варварѣ Алексѣевнѣ Моисеевой. Она была

дочь помѣщика Алексѣя Ѳедоровича Моисеева и второй жены его Надежды Сергѣевны, урожденной княжны Болховской, бывшей въ первомъ бракѣ за генералъ-маіоромъ Ермолаемъ Ивановичемъ Великопольскимъ. За женою Лобачевскій получилъ хорошее имѣніе въ Спасскомъ уѣздѣ и большой каменный домъ въ Казани, на Проломной улицѣ, не далеко отъ Богоявленской церкви (домъ этотъ принадлежитъ теперь нѣкому Смоленцеву). По родству жены Николай Ивановичъ сталъ своимъ человѣкомъ во всѣхъ гостинныхъ казанскаго beau mond'a. Другая сестра Надежды Сергѣевны Моисеевой, Авдотья Сергѣевна Болховская, была за камергеромъ Н. М. Мусинымъ-Пушкинымъ, слѣдовательно жена Лобачевскаго приходилась двоюродною сестрою столь извѣстнаго казанскаго попечителя Михаила Николаевича Мусина-Пушкина, женатаго на княжнѣ А. С. Баратаевой, дочери бывшаго казанскаго губернатора и чрезвычайно важнаго въ городѣ магната, благодаря принадлежности къ владѣтельному и незадолго передъ тѣмъ, разшатавшемуся дому царей Грузіи. Домъ Лобачевскихъ былъ самымъ популярнымъ центромъ собраній казанской аристократіи, хотя самъ хозяинъ этого дома принадлежалъ лично совершенно къ иному міру—міру науки, и въ этомъ смыслѣ онъ былъ окруженъ ореоломъ всеобщаго уваженія со стороны мѣстной интеллигенціи. Но справедливость требуетъ замѣтить, что въ кабинетѣ Лобачевскаго никогда не было той оживленности, какая господствовала въ гостепріимномъ домѣ другого дѣятеля того-же времени, доктора Фукса и жены его Александры Андреевны, извѣстной казанской писательницы. Гостинная Фуксовъ была любимѣйшимъ средоточіемъ бесѣдъ и собраній казанскихъ литераторовъ и всѣхъ любителей и любительницъ исторіи, словесности и изящныхъ искусствъ.

Н. И. Лобачевскій, по отзывамъ его современниковъ и слушателей, держалъ себя нѣсколько важно, хотя никогда не былъ человѣкомъ недоступнымъ. Лекціи его были образцовы по ясности, занимательности и тонкости анализа. Передъ его аудиторіей, которая была всегда одна и таже, называемая «Лобачевскою», первая со входа, на право,—приготовлялся тазъ съ умывальникомъ и полотенце: выходя съ лекціи онъ мылъ руки отъ мѣла. Какъ ректоръ и потомъ помощникъ попечителя, онъ дѣйствовалъ всегда прямо, честно, за что снискалъ любовь и почтеніе, какъ въ высшихъ сферахъ, такъ и среди многихъ поколѣній учащейся молодежи.

Скажемъ, въ заключеніе, нѣсколько словъ о составѣ его семьи. Онъ имѣлъ двухъ сыновей и двухъ дочерей. Старшій сынъ его, Николай Николаевичъ, женатый на Вѣрѣ Николаевнѣ Манассеиной, служилъ корнетомъ въ кирасирскомъ принца Петра Ольденбургскаго полку; младшій, Алексѣй Николаевичъ, умеръ въ юношескомъ возрастѣ (23 января 1859 г.),

будучи студентомъ казанскаго университета. Одна изъ дочерей Николая Ивановича, Софья—была въ замужествѣ за казанскимъ помѣщикомъ Ниломъ Дмитріевичемъ Казинымъ.

Похороны Лобачевскаго были очень многолюдны. Передъ гробомъ покойнаго, въ университетской церкви, профессоръ Н. Н. Буличъ произнесъ короткое, но теплое слово, напечатанное въ № 8 «Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» 1856 г. «Вся жизнь Лобачевскаго—говорится въ этомъ словѣ—отъ первыхъ бодрыхъ силъ до потухающихъ стремленій старости, когда духъ боролся съ немощію организма, была отдана родному университету и на каждой страницѣ его исторіи съ почетомъ, честію и благодарною памятью стоитъ имя Лобачевскаго»...

1893 г

Гавріилъ Ильичъ Солнцевъ.

(Изъ рукописи подъ заглавіемъ „Старые люди Казани")

...Люди, о которыхъ я намѣренъ повести рѣчь, представляли собою замѣчательные типы, какихъ болѣе не встрѣтится, ибо время, уничтожая старое, взамѣнъ даетъ такое новое, которое хотя тоже можетъ быть само по себѣ замѣчательнымъ и типичнымъ, но отнюдь не повтореніемъ прежняго. Когда новое и молодое станетъ старымъ, представителей прежняго порядка уже не будетъ, и сравнивать вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій будетъ не съ чѣмъ. Повѣримъ на слово натуръ-философамъ, утверждающимъ, что «природа не любитъ повтореній». Всякое явленіе, случившееся во второй разъ, непремѣнно чѣмъ-нибудь отличается отъ перваго, третье отъ второго, и такъ далѣе.

Повѣствованіе о старыхъ людяхъ Казани я долженъ начать съ двухъ весьма замѣчательныхъ представителей казанской интеллигенціи первой половины истекшаго столѣтія: Гавріила Ильича Солнцева и Саввы Андреевича Москотильникова. Оба они очень памятны многимъ казанцамъ.

Гавріилъ Ильичъ Солнцевъ, у котораго пишущій эти строки не только въ домѣ бывалъ, но и въ кабинетѣ его сиживалъ, былъ сѣдымъ, какъ лунь, старикомъ, средняго роста, немного широкоплечій, съ бородой и усами, которые подъ носомъ были желто-бураго цвѣта отъ куренія табаку, вѣроятно; онъ носилъ на лбу зеленый козырекъ, какъ это нерѣдко предписывается врачами людямъ, больнымъ глазами. Съ этимъ зеленымъ надъ глазами зонтикомъ, въ темно-сѣромъ халатѣ и трубкою на длинномъ чубукѣ Гаврилъ Ильичъ сидѣлъ дома, ходилъ по двору, гулялъ по саду и показывался на улицѣ около своего дома. Домъ его находился въ Верхне-Ѳедоровской улицѣ, на лѣвой сторонѣ (если идти отъ Бассейной къ Ѳедоровскому монастырю), на серединѣ порядка, деревянный, на каменномъ фундаментѣ. Супруга Гавріила Ильича, Татьяна Николаевна, урожденная

Волкова († 16 сентября 1883 г.), была низенькая, худенькая старушка, но до самой смерти своей сохранившая и бодрость, и память, и зрѣніе, и ясность ума. Я зналъ ее больше, нежели ея знаменитаго супруга, часто бесѣдовалъ съ нею о казанской старинѣ. Мнѣ удалось записать съ ея словъ очень много любопытнаго о прежнихъ временахъ казанской жизни. Братъ ея, Николай Николаевичъ Волковъ, котораго я тоже зналъ отлично, былъ также очень небольшого роста старичекъ въ военномъ мундирѣ. Онъ вышелъ въ отставку съ чиномъ капитана и занималъ, по выборамъ дворянства, какую-то незначительную должность въ Казани. У Татьяны Николаевны Солнцевой была еще сестра, Надежда Николаевна, вдова капитана Ивана Андреевича Филипузина, служившаго все время въ казанскомъ гарнизонѣ. Всѣ эти люди давно покоятся вѣчнымъ сномъ на кладбищѣ Арскаго поля.

Впрочемъ, на личности капитана Филипузина я долженъ на нѣсколько минутъ остановиться, чтобы разсказать маленькій эпизодъ изъ его служебной дѣятельности, слышанный мною непосредственно изъ устъ самого Ивана Андреевича.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ онъ командовалъ одною изъ ротъ мѣстнаго горнизона (переименованнаго вскорѣ губернскимъ батальономъ). Весною 1861 года Филипузинъ посланъ былъ съ своею ротою въ большое село Теньки (Свіяжскаго уѣзда) усмирять бунтъ крестьянъ, оказавшихъ яко-бы неповиновеніе вотчинной конторѣ помѣщика своего кн. Гагарина при введеніи уставныхъ грамотъ. Въ разсказѣ Филипузина объ этомъ походѣ слышался неподдѣльный восторгъ героя, воротившагося побѣдителемъ послѣ жаркаго дѣла. (На сколько разсказъ этотъ или—вѣрнѣе сказать—восторгъ былъ искреннимъ судить не берусь)

— «Подходя къ селу (говорилъ разскащикъ), я распорядился бить въ барабанъ: подойдя еще ближе—велѣлъ бить въ другой барабанъ. войдя въ село, я громко скомандовалъ «Смирно»! Все это—изволите видѣть, должно производить подавляющее впечатлѣніе на крестьянъ, толпы которыхъ стояли на базарной площади Выбравъ удобную позицію, выгодную для дальнѣйшаго эффекта, я скомандовалъ еще громче: «Стой! Равняйсь! Ружье къ заряду!» Послѣ этихъ словъ оглушительный визгъ женщинъ раздался во многихъ мѣстахъ Женщины и дѣти подняли вой, толпы мужиковъ заколыхались Одинъ сѣдой, рослый старикъ, съ непокрытою головой, подошелъ ко мнѣ и, низко поклонившись, проговорилъ:

— Вы поговорите съ нами прежде, ваше благородіе...

— Я тебѣ поговорю, старый бунтовщикъ!—крикнулъ я на него.—Вотъ я васъ, негодяевъ (обратился я къ прочимъ мужикамъ, стоявшимъ поодаль), всѣхъ велю сейчасъ перестрѣ-

лять. Будете тогда знать, какъ не повиноваться начальству, и такъ далѣе.

Все это я дѣлалъ (продолжалъ разскащикъ) больше для острастки и для политики. Однако мужики и не думали расходиться, хотя многихъ изъ нихъ и тащили домой ихъ жены и матари».

Чѣмъ кончилась вся эта баталія, я не знаю. Можетъ быть и разсказывалъ Филипузинъ, но я конца его разсказа не помню. Да и тяжело (сказать по-правдѣ) вести такую рѣчь въ теперешнее время..

Возвращаюсь къ Солнцеву. У Гавріила Ильича были два сына: Александръ Гавриловичъ, служившій въ казанской уголовной палатѣ, страстный ружейный охотникъ. Онъ, благодаря слабости къ спиртнымъ напиткамъ, прожилъ на свѣтѣ не долго. Другой сынъ, Иванъ Гавриловичъ, служилъ въ военной службѣ. Это былъ очень умный человѣкъ, съ прекраснымъ, благороднѣйшимъ характеромъ *). Изъ дочерей Гавріила Ильича я зналъ трехъ (да ихъ, кажется, больше и не было): Юлію Гавриловну Анучину, Клавдію Гавриловну Носову († 27 октября 1878 г.) и Лидію Гавриловну, умершую дѣвицей 24 іюля 1879 г. Всѣ три сестры, а равно и почтенная мать ихъ, испытали не мало тяжелаго горя, благодаря крутому нраву, а подчасъ дикому самодурству ихъ именитаго родителя.

Но мнѣ необходимо для тѣхъ изъ читателей, которые не имѣютъ понятія о томъ, кто былъ Г. И. Солнцевъ, сказать о немъ нѣсколько біографическихъ словъ. Происходя изъ духовнаго сословія, Солнцевъ (онъ родился въ 1785 г. въ селѣ Радогощахъ, Дмитровскаго уѣзда, Орловской губерніи) «сверхъ домашняго воспитанія обучался въ народномъ училищѣ, а по окончаніи въ немъ курса, поступилъ въ орловскую духовную семинарію, въ которой, въ теченіе десяти-лѣтняго курса, обучался: грамматикѣ, поэзіи, всеобщей и россійской исторіи и географіи, математикѣ, экспериментальной физикѣ, краснорѣчію, философіи, наукамъ богословскимъ и медицинскому искусству; языкамъ: греческому, латинскому, нѣмецкому и французскому. Слушалъ потомъ лекціи въ московскомъ университетѣ и, кромѣ наукъ, учился приватно итальянскому и польскому языкамъ.—По увольненіи изъ духовнаго званія, поступалъ 24 мая 1807 года въ орловское губернское правленіе, съ оставленіемъ при канцеляріи гражданскаго губернатора. 31 декабря 1809 г. получилъ первый классный чинъ коллежскаго

*) Послѣ его смерти осталась вдова Александра Николаевна, урожденная Волкова-же, которая убита 28 сентября 1898 г. въ имѣніи ея с Шигалеевѣ, Казанскаго уѣзда.

регистратора. 9-го сентября того-же года, получивъ отъ орловскаго губернатора, д. с. с. П И. Яковлева, аттестатъ «съ прописаніемъ, что во время его служенія, онъ, Солнцевъ, исправлялъ поручаемыя ему дѣла съ особеннымъ прилежаніемъ, дѣятельностію и знаніемъ, а въ поведеніи всегда отличалъ себя честностію и благонравіемъ",—помѣщенъ былъ, по его желанію, въ канцелярію правительствующаго сената 7-го департамента, гдѣ служа, награжденъ былъ 31-го декабря 1812 г. чиномъ губернскаго секретаря. Въ слѣдующемъ (1813 г.) избранъ въ члены общества любителей отечественной словесности при казанскомъ университетѣ. 27 января 1814 г. по именному Высочайшему указу награжденъ за отличную службу полугодовымъ жалованьемъ и въ томъ-же году (15-го апрѣля) изъ канцеляріи правительствующаго сената по прошенію уволенъ исправлявшимъ должность министра юстиціи, товарищемъ министра, тайнымъ совѣтникомъ, сенаторомъ и кавалеромъ Алексѣемъ Ульяновичемъ Болотниковымъ, для перемѣщенія въ другой родъ службы, для чего при увольненіи отъ оберъ-прокурора 7-го департамента Озерова снабженъ былъ, за похвальное служеніе, аттестатомъ, съ изъясненіемъ, что во время службы поручаемыя ему дѣла онъ, Солнцевъ, исправлялъ съ отличнымъ усердіемъ и способностями, былъ поведенія всегда добропорядочнаго. Въ томъ-же мѣсяцѣ, по подачѣ просьбы въ совѣтъ казанскаго университета объ опредѣленіи его, Солнцева, въ ученые университета чиновники, предсталъ въ факультетъ нравственно-политическихъ наукъ на испытаніе для полученія ученыхъ степеней магистра, потомъ доктора обоихъ правъ, и по окончаніи возведенъ, 2 декабря 1814 года, на высшую степень доктора.

«По утвержденіи въ семъ званіи, въ концѣ 1814 и въ 1815 году Солнцевъ занимался при университетѣ исполненіемъ различныхъ порученій, на него возлагаемыхъ, какъ-то: разсмотрѣніемъ дипломатическихъ бумагъ на латинскомъ и польскомъ языкахъ, писанныхъ и препровожденныхъ въ совѣтъ университета отъ генералъ-маіора и кавалера Реслейна *), кои, при переводѣ на россійскій языкъ, съ нужными замѣчаніями и рецензіею на содержаніе оныхъ, и обращены были по принадлежности, куда слѣдовало; также занимался изданіемъ сочиненія: «Естественное право» покойнаго профессора Финке въ пользу инвалидовъ. А по представленіи имъ, Солнцевымъ, совѣту казанскаго университета сочиненій своихъ (на латинскомъ языкѣ: 1) «Историко-юридическій трактатъ, содержащій въ себѣ изложеніе о правовѣдѣніи и законахъ, вообще относи-

(*) Командиръ казанскаго пороховаго завода.

тельно оныхъ начальнаго происхожденія и постепеннаго хода, частное обозрѣніе законодательства какъ древнихъ, такъ и нынѣшнихъ народовъ, юридическую энциклопедію и методологію, состоящій въ 3-хъ частяхъ, на главы раздѣленныхъ»; 2) «Начальныя основанія римскаго гражданскаго права»; 3) «Начальныя основанія общаго уголовнаго германскаго права», и на россійскомъ языкѣ: 4) «Изложеніе теоріи уголовнаго права Грольмана», и 5) «Краткое обозрѣніе исторіи россійскаго законодательства»), — факультетомъ нравственно-политическихъ наукъ одобренныхъ, совѣтомъ казанскаго университета по балламъ удостоенъ единогласно просимаго имъ званія экстраординарнаго профессора правъ знатнѣйшихъ, какъ древнихъ такъ и нынѣшнихъ народовъ, въ каковомъ званіи утвержденъ бывшимъ министромъ народнаго просвѣщенія, графомъ А. К. Разумовскимъ—9 іюня 1815 года. Въ слѣдующемъ году, 4 января, по опредѣленію совѣта, въ составленномъ комитетѣ, разсматривалъ «дѣло о жалобахъ учителя казанской гимназіи на директора оной Яковкина», а въ маѣ того-же (1816 года), по опредѣленію совѣта, разсматривалъ, въ составленномъ комитетѣ, «дѣло о противозаконныхъ поступкахъ правившаго должность директора оренбургскихъ училищъ Чекіева». 7-го декабря того-же года утвержденъ членомъ училищнаго комитета на 1816 академическій годъ. Въ томъ-же декабрѣ разсматривалъ, по опредѣленію совѣта, въ составленномъ комитетѣ, «дѣло объ удовлетвореніи лектора татарскаго языка Хальфина жалованьемъ съ 1802 по 1809 годъ за должность цензора азіатской типографіи». Въ томъ-же году, за болѣзнію синдика университета, командированъ былъ для присутствованія въ слѣдственной комиссіи, составленной изъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, по жалобѣ ученика гимназіи Манассеина на полковника Траскина въ нанесенной обидѣ въ церкви. Въ томъ-же году опредѣленъ къ чтенію лекцій для чиновниковъ служебно-обязанныхъ. Въ томъ-же году занималъ студентовъ правовѣдѣнія частными упражненіями въ юриспруденціи на россійскомъ и латинскомъ языкахъ, безмездно, въ теченіи всего академическаго года. По представленію совѣта университета вновь сочиненій на латинскомъ языкѣ: 1) «Монограммы науки римскаго гражданскаго и уголовнаго права, изложенныя легчайшимъ методомъ въ пользу слушателей», и 2) «Наставленія римскаго гражданскаго права, изъ чистыхъ источниковъ извлеченныя и древностями объясненныя въ пользу слушателей»,—и отдѣленіемъ нравственно-политическихъ наукъ одобренныхъ, баллами членовъ совѣта удостоенъ былъ званія ординарнаго профессора. Но по поводу учиненнаго передъ тѣмъ распоряженія бывшимъ министромъ народнаго просвѣщенія графомъ Разумовскимъ объ ограниченіи университета, впредь до времени,

наличнымъ числомъ ординарныхъ профессоровъ, для соблюденія выгодъ университета въ полученіи, на надобности его, въ большомъ числѣ экономической суммы,—утвержденіе его, Солнцева, въ званіи ординарнаго профессора министромъ отложено впредь до времени. Потомъ, по вторичному представленію совѣта, онъ утвержденъ былъ, 23 іюля 1817 г., исправляющимъ должность министра народнаго просвѣщенія княземъ Александромъ Николаевичемъ Голицынымъ въ званіи ординарнаго профессора, на основаніи прежде учиненнаго совѣтомъ выбора и отзыва бывшаго попечителя Салтыкова о заслугахъ, трудахъ и познаніяхъ Солнцева. Въ этомъ-же году (1817) вторично избранъ и министромъ кн. Голицынымъ утвержденъ въ должности члена училищнаго комитета. Въ третій разъ избранъ и утвержденъ въ той-же должности 23 мая 1818 г. и въ томъ году избранъ и утвержденъ въ званіи декана отдѣленія нравственно-политическихъ наукъ и занимался сочиненіемъ «Устава медицинскаго при университетѣ Института», а также сочиненіемъ «Устава для Императорской казанской гимназіи». Вслѣдствіе постановленія совѣта, по большинству балловъ, избранъ въ званіе проректора университета, каковую должность исправлялъ непрерывно во все время болѣзни ректора (И. О. Брауна), а по смерти его утвержденъ министромъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія въ должности ректора казанскаго университета съ 29 октября 1819 года. По случаю смерти адъюнкта Алехина принялъ на себя добровольно изъясненіе Юстиніановыхъ институцій, что и было утверждено совѣтомъ университета. Въ томъ-же 1819 году сочинилъ подробное руководство для старшихъ студентовъ, по комнатамъ и классамъ и внутренняго университетскаго надзора, каковое руководство одобрено совѣтомъ. Въ томъ-же году, по опредѣленію совѣта, разсматривалъ дѣло объ азіатской гимназической типографіи. Въ томъ-же году поручено подъ его предсѣдательствомъ составленной комиссіи осмотрѣть перестраиваемое зданіе дома казанской гимназіи, а равно образовать смѣты и подряды въ предохраненіе казны отъ излишнихъ издержекъ, что и было приведено къ окончанію. Въ томъ-же году (21 апрѣля) награжденъ орденомъ св. Анны 2 степени, и въ 1820 году, вслѣдствіе инструкціи, Высочайше данной ректору казанскаго университета, по соединеніи каѳедръ правъ, возложено на него преподаваніе права естественнаго, частнаго, публичнаго и народнаго и правъ россійскихъ, сверхъ изъясняемыхъ имъ правъ древнихъ и новыхъ иностранныхъ народовъ, и изъясненіе конституцій представительныхъ правительствъ. Наконецъ, 13 ноября 1820 г., по его прошенію и за утвержденіемъ профессора Г. Б. Никольскаго въ должности ректора казанскаго университета, онъ, Солнцевъ, отъ этой должности (ректора),

равно отъ званія члена училищнаго комитета и должности декана уволенъ»...

Этимъ 1820 годомъ можно считать законченнымъ столь блестящій, какъ это видно изъ вышеприведенныхъ данныхъ формулярнаго списка, періодъ учено-университетской жизни Г. И. Солнцева. Въ слѣдующемъ 1821 году онъ былъ уже отданъ подъ судъ очень извѣстнымъ Магницкимъ, который послѣ Салтыкова (*) назначенъ былъ попечителемъ казанскаго учебнаго округа. Профессоръ Солнцевъ обвиненъ былъ въ чтеніи лекцій естественнаго права, основанныхъ будто-бы на «разрушительныхъ началахъ». По распоряженію Магницкаго, лекціи эти отобраны отъ бывшихъ слушателей Солнцева, но лекціи представлены только девятью человѣками: 1) Василіемъ Лопатинымъ, старшимъ учителемъ вятской гимназіи, на 48 четвертинкахъ; 2) кандидатомъ Поповымъ на 12 четвертинкахъ, 3) старшимъ учителемъ пензенской гимназіи Дмитревскимъ—на 63 четвертинкахъ; 4) старшимъ учителемъ той-же гимназіи Васильевымъ—на 36 четвертинкахъ; 5) юнкеромъ учебно-карабинернаго батальона Алексѣемъ Страховымъ — на 18 четвертинкахъ; 6) Василіемъ Красицкимъ—на 33 четвертинкахъ: 7 и 8) Иваномъ и Николаемъ Соловьевыми—на 29 четвертинкахъ, и 9) Николаемъ Бородулинымъ — на 56 четвертинкахъ. Судъ надъ Гавріиломъ Ильичемъ продолжался два года; приговоромъ его Солнцевъ не только удаленъ отъ профессорства въ казанскомъ университетѣ, но ему запрещено было преподавать даже въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ Обстоятельное изложеніе университетскаго суда надъ профессоромъ Солнценымъ любопытные могутъ найти въ 1-й книжкѣ «Ученыхъ записокъ казанскаго университета» за 1864 годъ, а потому я вдаваться въ подробное изложеніе этого процесса считаю излишнимъ, отсылая интересующихся къ только что названной статьѣ «Ученыхъ записокъ».

Въ 1823 году, т. е. въ томъ-же самомъ, въ которомъ окончился надъ нимъ судъ, онъ опредѣленъ былъ казанскимъ губернскимъ прокуроромъ. На этомъ новомъ поприщѣ дѣятельности Гавріилъ Ильичъ стяжалъ себѣ новую славу, славу замѣчательнаго юриста, каковая слава сдѣлала его извѣстнымъ Императору Николаю I. Прокурорскую должность занималъ Солнцевъ до 1844 года. Въ этомъ году онъ былъ отъ нея уволенъ съ причисленіемъ къ департаменту министерства юстиціи. Не столько старость его была причиною увольненія (ему было въ

(*) Михаилъ Александровичъ Салтыковъ умеръ въ званіи сенатора 6 апрѣля 1851 г. Дочь его, Софія Михайловна, была въ 1 бракѣ за поэтомъ бароном А А Дельвигомъ, а во 2 бракѣ за С А Боратынскимъ, братомъ поэта Е А Боратынскаго.

это время 59 лѣтъ), сколько сильно развившаяся страсть къ спиртнымъ напиткамъ.

Великое множество анекдотовъ, ходившихъ по городу о жизни старика Солнцева за время его отставки, не было нисколько преувеличеннымъ.

Замѣчательно, что большая и многосторонняя ученость Солнцева, отличавшаяся серьезнымъ философскимъ направленіемъ, уживалась очень легко и охотно съ самымъ дикимъ необузданнымъ самодурствомъ этого человѣка; философски исповѣдуемая и проповѣдуемая имъ гуманность шла рука объ руку съ проявленіемъ самаго звѣрскаго крѣпостничества. Мнѣ лично говорили его дворовые люди, что имъ не было никакого житья отъ деспотизма стараго ученаго барина. Я пришелъ однажды къ Солнцеву по дѣлу. Мнѣ на дворѣ сказали его люди, что баринъ въ саду, куда и приглашали меня отправиться. Всѣ дворовые его, какъ мужчины, такъ и женщины, были блѣдны и худы, какъ мертвецы и двигались словно тѣни, едва передвигая ноги. Каждую минуту эти несчастные трепетали и трепетъ ихъ вызывался тѣмъ, что Солнцевъ, бывало, крикнетъ своимъ зычнымъ голосомъ, подзывая кого-нибудь изъ слугъ и, призвавъ, станетъ бить своей толстой сучковатой палкой, съ которою не разставался Билъ онъ обыкновенно гдѣ попало: по головѣ, плечамъ, рукамъ, спинѣ и проч. Такое его обращеніе испытывали не рѣдко и члены его семьи, но ихъ могло спасать бѣгство, между тѣмъ крѣпостному человѣку такой способъ спасенія былъ непозволителенъ. Были случаи, что когда Гавріилъ Ильичъ объявитъ себя «на военномъ положеніи», то въ это время не подходи никто, ни свой, ни чужой. Въ кабинетѣ его была нестерпимая вонь, а неопрятность, среди которой онъ возсѣдалъ, была поразительна, и среди этой невозможной обстановки Солнцевъ принималъ гостей.

Такимъ-ли былъ Гавріилъ Ильичъ раньше, когда занималъ постъ губернскаго прокурора, я не знаю и говорю лишь о послѣднихъ годахъ его жизни, когда сталъ его знать лично. Къ нему, однако, до конца его жизни ѣздили совѣтываться многіе дворяне, чиновники и купцы, какъ къ мудрецу, и вѣрили ему, какъ оракулу. Онъ, дѣйствительно, былъ человѣкъ съ очень широкимъ горизонтомъ познаній и съ всеобъемлющимъ умомъ, вслѣдствіе чего называли его «казанскимъ графомъ Сперанскимъ». Покойный Императоръ Николай Павловичъ, въ бытность свою въ Казани въ 1836 году, сказалъ Солнцеву въ присутствіи мѣстнаго генералитета: «У меня въ Россіи два солнца: одно на небѣ, другое—ты» *). Но геніальныя стороны духовной

*) См объ этомъ въ моей статьѣ въ „Справочномъ Листкѣ г Казани“, издававшемся профессоромъ Шпилевскимъ, 1867 г., № 12, стр 46

природы Солнцева проявлялись только тогда, когда Солнцевъ былъ трезвъ, а этакое состояніе, къ сожалѣнію, посѣщало его, особенно въ послѣдніе годы, очень рѣдко. Когда пьянъ, то сумасбродству и озорничеству его не было предѣловъ: онъ озорничалъ и безобразничалъ по-всякому и всегда безнаказанно.

Разъ, стоя передъ открытымъ окошкомъ, онъ остановилъ шедшаго по улицѣ чьего-то кучера «Ей—ты, борода, постой!»—крикнулъ ему пьяный Солнцевъ. Тотъ остановился и снялъ шапку. «Ты чей?»—спрашиваетъ Солнцевъ. «Я кучеръ госпожи такой-то...» «А, знаю, братецъ, твою госпожу, и супруга ея, покойника, зналъ. Славный былъ баринъ, и кучеръ у него славный... Зайди ко мнѣ на минутку, другъ любезный: дѣло есть». Тотъ заходитъ. Солнцевъ наливаетъ стаканъ водки и подаетъ его стоящему въ прихожей кучеру. «Пей!»—тотъ, послѣ нѣкотораго размышленія, беретъ и выпиваетъ. Солнцевъ выноситъ ему тотчасъ-же второй стаканъ. «Помилуйте, баринъ, какъ это возможно»,—начинаетъ возражать кучеръ. «Пей, безъ разсужденій!»—крикнулъ Солнцевъ и голосъ его становился зловѣщимъ. Гость, не идущій далѣе прихожей, инстиктивно чувствуетъ, что надо выпить, дабы грѣха не вышло, но вышло хуже: Солнцевъ подноситъ ему третій полный стаканъ. Кучеръ въ ужасѣ смотритъ то на грознаго барина, то на дверь Но у двери стоитъ самъ Солнцевъ и чтобы выбѣжать, нужно его оттолкнуть... «Пей!»—раздалось снова въ прихожей. Кучеръ отказался на отрѣзъ, умоляя отпустить его, такъ какъ посланъ-де по одному очень спѣшному дѣлу. Тогда разгнѣванный Солнцевъ начинаетъ дѣйствовать сучковатою палкой. Сбѣжавшіеся на крикъ люди не смѣютъ отнимать жертвы, но слушаютълишь приказанія владыки, который велитъ держать руки несчастному...

Разсказанный фактъ не былъ единичнымъ въ обыденной жизни старика Солнцева. Онъ представлялъ только одну изъ формъ его обычныхъ забавъ въ нетрезвомъ состояніи. Возмутительная сцена съ кучеромъ не имѣла для нашего ученаго мужа никакихъ дурныхъ послѣдствій, а лишь послужила темою для смѣха и остротъ въ мѣстномъ клубѣ, пока на смѣну ей не появлялась другая выходка нашего героя, въ родѣ травленія прохожихъ собаками. Собакъ у Солнцева былъ полный дворъ и полны комнаты. Мимо дома его боялись ходить. Вотъ кто былъ нашъ мѣстный знаменитый ученый, говорившій полатынѣ, знавшій всѣ философскія системы и европейскую литературу. Зилантовскій архимандритъ Гавріилъ (Воскресенскій) включилъ біографію Солнцева въ свой ученый трудъ: «Исторія философіи» (Казань, 1839—1840), какъ знаменитаго русскаго мыслителя девятнадцатаго вѣка...

Гавріилъ Ильичъ умеръ 29 ноября 1866 года въ глубокой старости.

Къ біографіи Н. Н. Булича.

Въ ночь съ 24 на 25 мая 1893 г. умеръ въ своемъ имѣніи, селѣ Юрткуляхъ, Спасскаго уѣзда, бывшій заслуженный профессоръ русской словесности казанскаго университета и почетный его членъ, тайный совѣтникъ Николай Никитичъ Буличъ. Тѣло его привезено 25 мая въ Казань и набальзамированное погребено здѣсь на городскомъ арскомъ кладбищѣ, гдѣ похороненъ отецъ покойнаго, коллежскій совѣтникъ Никита Ивановичъ Буличъ, умершій въ Казани 21 сентября 1854 г.

Николай Никитичъ родился въ г. Курганѣ, Тобольской губерніи, 5 февраля 1824 г. Его отецъ, малороссійскій помѣщикъ, служилъ въ то время въ Западной Сибири, въ канцеляріи инженера Гавріила Степановича Батенькова, управлявшаго X округомъ путей сообщенія при сибирскомъ генералъ-губернаторѣ Сперанскомъ, о чемъ упоминаетъ баронъ Корфъ въ жизнеописаніи графа Сперанскаго. Послѣ службы въ Сибири Никита Ивановичъ воротился, въ концѣ двадцатыхъ годовъ, въ Малороссію, гдѣ было у него населенное крѣпостными крестьянами имѣніе (въ Бордзнинскомъ уѣздѣ, Черниговской губерніи).

Живя въ Кіевѣ, онъ потерялъ здѣсь жену Татьяну Степановну, умершую въ 1832 году, и по просьбѣ тещи своей, титулярной совѣтницы Степаниды Прокофьевны Гуляевой, переселился на жительство въ Казань съ пятью малолѣтними сыновьями своими: Николаемъ, Степаномъ, Александромъ, Константиномъ и Павломъ Никитичами. На капиталъ умершей жены, вырученный отъ продажи дѣйствительному статскому совѣтнику фонъ-Брадке дома въ Кіевѣ, Никита Ивановичъ купилъ на имя дѣтей, у подпоручика Александра Семеновича Шестакова, сельцо Кушниково (Ново-Троицкое тожъ), въ Чистопольскомъ уѣздѣ. Въ Казани Никита Ивановичъ служилъ секретаремъ жандармскаго начальника П. Ѳ. Львова и жилъ на Ляцкой улицѣ, въ домѣ тещи своей Гуляевой, перешедшемъ

потомъ въ наслѣдство его сыновьямъ. Лѣтъ за двадцать до этого времени, въ Казани-же проживалъ старшій братъ Никиты Ивановича, Павелъ Ивановичъ Буличъ, служившій чиновникомъ соляныхъ дѣлъ.

Николай Никитичъ поступилъ въ казанскую вторую гимназію въ то время, когда она, только-что открытая, помѣщалась на Большой Проломной улицѣ, въ домѣ столь извѣстнаго математика Лобачевскаго. Кончивши въ 1841 году курсъ въ гимназіи, Н. Н. Буличъ поступилъ въ сентябрѣ того-же года въ студенты перваго отдѣленія философскаго факультета казанскаго университета, по разряду общей словесности, и здѣсь, въ 1845 году, кончилъ курсъ наукъ одновременно съ двумя ровесниками своими, извѣстными впослѣдствіи, какъ и самъ онъ, талантливыми тружениками на педагогическомъ и литературномъ поприщѣ: Викторомъ Гавриловичемъ Варенцовымъ, собирателемъ русскихъ духовныхъ стиховъ и волжскихъ народныхъ пѣсенъ, поборникомъ учрежденія «Дѣтскихъ садовъ» въ Россіи († 1867 г.), и Авдіемъ Ивановичемъ Соколовымъ († 1893 г.), бывшимъ директоромъ народныхъ училищъ Саратовской губерніи, ученымъ-славистомъ, переводчикомъ, между прочимъ «Суда Любуши» и очень въ свое время извѣстной Сырокомлевой «Куклы». На торжественномъ актѣ университета, бывшемъ 6-го іюня 1845 года, студентъ Николай Буличъ «за лучшее рѣшеніе предложенной факультетомъ задачи» (сочиненіе на философскую тему) награжденъ золотою медалью и званіемъ кандидата. На этомъ-же актѣ (упомянемъ кстати) награжденъ такою-же медалью кандидатъ второго отдѣленія философскаго факультета, математикъ Іосифъ Имшеникъ (впослѣдствіи столь извѣстный директоръ казанской 2-й гимназіи)

Началомъ литературной карьеры Николая Никитича можно считать время его студенчества. Будучи на 4 курсѣ, онъ избранъ былъ своими товарищами произнести рѣчь при чествованіи тогдашняго попечителя казанскаго учебнаго округа М. Н. Мусина-Пушкина, отъѣзжавшаго на такой-же постъ въ Петербургъ. Рѣчь Н. Н Булича напечатана въ № 20 «Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» за 1845 годъ Впрочемъ, за два года передъ этимъ, имъ напечатаны въ той-же газетѣ (№ 12, отъ 20 марта 1843 г.) свѣдѣнія о спектаклѣ, данномъ въ г. Березовѣ, Тобольской губерніи, въ пользу жителей города Казани, пострадавшихъ отъ пожара. Сообщеніе это и слѣдуетъ признать первою печатною статьею покойнаго.

По окончаніи курса въ университетѣ Николай Никитичъ жилъ четыре года безъ всякой службы. Въ 1849 году, по выдержаніи установленнаго испытанія и по защищеніи диссертаціи: «Значеніе формальнаго и метафизическаго взгляда на науку логики, съ особеннымъ разсмотрѣніемъ логическаго ученія Арис-

тотеля», молодой ученый удостоенъ былъ степени магистра философскихъ наукъ. Диспутъ происходилъ 1-го мая, на которомъ, кромѣ оффиціальныхъ оппонентовъ: профессора Иванова, архимандрита Гавріила и адъютанта Сбоева,—магистранту дѣлали возраженія: профессоръ чистой математики А. Ѳ. Поповъ и посторонніе посѣтители: Г. И. Солнцевъ и князь Б. А. Лобановъ-Ростовскій. Въ началѣ 1850 года Н. Н. Буличъ, по выбору университетскаго совѣта, назначенъ былъ адъюнктомъ по каѳедрѣ философіи.

Казанскій университетъ блисталъ тогда учеными силами: на его каѳедрахъ красовались славныя имена Фойгта, Григоровича, Иванова, Благовѣщенскаго, Мейера, Бабста, Станиславскаго, Аристова, Попова (А. Ѳ.), Котельникова, Больцани, Бутлерова и другихъ, не говоря уже о знаменитомъ Лобачевскомъ, бывшимъ въ это время помощникомъ попечителя казанскаго учебнаго округа. Къ этой плеядѣ можно причислить и Н. Н. Булича, ученика Фойгта и пламеннаго послѣдователя его ученыхъ воззрѣній и идеаловъ. Но на полученной Буличемъ преподавательской каѳедрѣ нашему молодому ученому пришлось пробыть лишь ровно четыре мѣсяца: по упраздненіи каѳедры философіи и по передачѣ чтенія нѣкоторыхъ предметовъ ея профессору богословія, Николай Никитичъ оставленъ за штатомъ (одновременно съ нимъ и по такой-же каѳедрѣ въ московскомъ университетѣ былъ оставленъ за штатомъ Катковъ). За штатомъ Буличъ состоялъ до 1851 года. Въ этомъ году онъ опредѣленъ адъюнктомъ русской словесности нашего университета и въ сентябрѣ того-же года привелъ въ восторгъ своею лекціею по эстетикѣ пріѣзжавшаго въ то время въ Казань министра народнаго просвѣщенія, князя Платона Александровича Ширинскаго-Шихматова, посѣтившаго аудиторію Николая Никитича 18 сентября 1851 года.

Въ 1854 году Н. Н. Буличъ сдалъ въ петербургскомъ университетѣ докторскій экзаменъ и съ успѣхомъ защитилъ тамъ-же диссертацію подъ заглавіемъ: «Сумароковъ и современная ему критика» (Спб. 1854 г.). Удостоенный степени доктора славяно-русской филологіи, онъ, приказомъ министра народнаго просвѣщенія, утвержденъ былъ (въ ноябрѣ того-же года) въ должности экстраординарнаго профессора казанскаго университета по занимаемой имъ каѳедрѣ.

Учено-профессорская дѣятельность Николая Никитича распадается на два періода: первый обнимаетъ собою время отъ начала опредѣленія его на преподавательскую должность въ казанскомъ университетѣ, въ званіи адъюнкта русской словесности, до причисленія его къ министерству народнаго просвѣщенія въ февралѣ 1860 года; ко второму періоду относится все послѣдующее время: отъ назначенія его вновь въ казанскій

университетъ на прежнюю каѳедру въ 1861 году, до дня отставки. Въ первомъ періодѣ своего ученаго поприща покойный направлялъ всѣ свои духовныя силы къ расширенію горизонта научныхъ знаній, выработкѣ критическаго метода, ознакомленію съ состояніемъ уровня философскихъ и гуманитарныхъ наукъ на Западѣ. Поэтому первымъ шагомъ Булича въ этомъ направленіи была испрошенная имъ командировка за-границу, съ ученою цѣлію. Командировка дана была ему на годъ (съ 15 іюля 1857 г.) и потомъ еще продолжена на такой-же срокъ.

Чтобы видѣть, какое сильное и плодотворное впечатлѣніе произвело на молодого ученаго время, проведенное имъ въ Берлинѣ, среди кипучей умственной жизни, средоточіе наукъ и философской мысли,—слѣдуетъ прочесть нѣсколько писемъ его изъ Берлина, напечатанныхъ въ послѣднихъ книжкахъ „Атенея», московскаго журнала, издававшагося Е. Ѳ. Коршемъ, за 1858 годъ. Письма эти (ихъ, помнится, четыре) не потеряли живого интереса даже въ теперешнее время, не смотря на ихъ почти 40-лѣтнюю давность.

По возвращеніи изъ чужихъ краевъ, Н. Н. Буличъ, уже ординарный профессоръ (съ 24 декабря 1858 г.), прожилъ нѣкоторое время въ Петербургѣ у извѣстнаго писателя и критика Павла Васильевича Анненкова, съ которымъ былъ связанъ узами тѣсной дружбы. Въ январѣ 1860 года Николай Никитичъ былъ причисленъ къ министерству народнаго просвѣщенія. Въ это время онъ еще болѣе сблизился съ выдающимися дѣятелями науки и литературы обѣихъ русскихъ столицъ: въ Москвѣ—съ Ѳ. И. Буслаевымъ, братьями Коршами, Н. С. Тихонравовымъ, издававшимъ тогда «Лѣтописи русской литературы и древности»: въ Петербургѣ—съ Я. К. Гротомъ, И. И. Срезневскимъ, И. С. Тургеневымъ, А. В. Дружининымъ и др. Имя Николая Никитича въ короткое время сдѣлалось извѣстнымъ во всѣхъ интеллигентныхъ кружкахъ столицы. Въ этомъ-же 1860 году онъ напечаталъ въ нѣсколькихъ номерахъ «Московскихъ Вѣдомостей» (издававшихся тогда В. Ѳ. Коршемъ) большую критическую статью: «Философъ Вольфъ и петербургская академія наукъ во второй четверти XVIII вѣка» (по поводу изданной академикомъ Куникомъ переписки Х. Вольфа). Въ январѣ слѣдующаго года мы уже видимъ Н. Н. Булича читающимъ въ Петербургѣ (въ залѣ пассажа) публичныя лекціи по философіи, въ пользу частныхъ воскресныхъ школъ.

Общая тема лекцій Н. Н. Булича была «Движеніе европейской мысли въ эпоху возрожденія наукъ въ Европѣ въ XV и XVI столѣтіяхъ». Объ этихъ лекціяхъ въ тогдашнихъ газетахъ говорили очень много лестнаго для нашего лектора. Главнѣйшее содержаніе ихъ изложено въ статьѣ неизвѣстнаго, но

компетентнаго автора, напечатанной въ № 24 «Сѣверной Пчелы» 1861 года. Впрочемъ, первая лекція Николая Никитича напечатана имъ цѣликомъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» Корша (1861 г. № 113).

Покрытый славою успѣха столичныхъ чтеній, Н. Н. Буличъ возвратился въ Казань то-же зимою 1861 года на занимаемую имъ каѳедру русской словесности. Университетскія лекціи его возбудили большой интересъ среди молодежи. Даже студенты казанской духовной академіи оставили академическія лекціи для лекцій Булича. Ректоръ академіи архимандритъ Іоаннъ (Соколовъ) вынужденъ былъ въ іюнѣ 1861 года обратиться съ жалобою къ московскому митрополиту Филарету на то, что «профессоръ исторіи литературы казанской духовной академіи Порфирьевъ высказываетъ сожалѣніе, что Буличъ совершенно отбилъ у него слушателей» (см. «Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета, митрополита московскаго, по учебнымъ и церковно-государственнымъ вопросамъ», томъ V, часть 1, стр. 83 и 104).

Профессорская дѣятельность Николая Никитича безпрерывно, до самыхъ дней отставки, осложнялась разными, посторонними для его каѳедры должностями: онъ былъ членомъ и предсѣдателемъ испытательнаго комитета, членомъ совѣта при попечителѣ казанскаго учебнаго округа, деканомъ факультета, проректоромъ и наконецъ ректоромъ университета. Эту послѣднюю должность занималъ онъ по ноябрь 1885 года, когда удрученный сложными занятіями и работами по службѣ, онъ выпросилъ увольненіе въ отставку, чтобы предаться уединенію, столь необходимому для полнаго отдыха отъ многолѣтняго умственнаго труда.

Характеристика Николая Никитича, какъ ученаго и какъ человѣка, уже сдѣлана. Ее съ такою теплою задушевностію обрисовалъ ученикъ покойнаго, заслуженный профессоръ нашего университета Д. А. Корсаковъ. Теплота чувствъ и искренняя признательность къ своему любимому учителю особенно сильно выразилась въ рѣчи Дмитрія Александровича, произнесенной имъ надъ гробомъ усопшаго, въ день погребенія.

Да позволено будетъ и пишущему эти строки, много обязанному въ своей жизни Николаю Никитичу, присоединиться къ голосу произнесенной рѣчи, и бросить горсть земли на могилу погребеннаго. Да приметъ Господь Богъ душу его въ лоно вѣчнаго покоя.

Профессоръ Н. А. Осокинъ.

..Конецъ минувшаго 1895 года завершился для Казани чрезвычайно грустнымъ событіемъ. Въ пятницу, 29 декабря, внезапно скончался одинъ изъ популярнѣйшихъ здѣсь людей, очень извѣстный профессоръ мѣстнаго университета и столь-же извѣстный дѣятель на поприщѣ городского и земскаго самоуправленія—Николай Алексѣевичъ Осокинъ

Покойный былъ гласнымъ губернскаго земства и гласнымъ городской думы, почетнымъ мировымъ судьей, почетнымъ попечителемъ казанскаго Михайловскаго училища, предсѣдателемъ казанскаго отдѣленія Императорскаго русскаго техническаго общества, членомъ-казначеемъ совѣта братства св. Гурія, членомъ уѣзднаго училищнаго совѣта и попечительнаго совѣта казанской Ксенінской женской гимназіи, членомъ учебнаго отдѣла казанскаго городского музея и проч. и проч.

Неожиданная смерть Н. А. Осокина поразила казанцевъ среди шума святочныхъ увеселеній, и породила массу толковъ, съ безконечными вариантами, толковъ самыхъ разнообразныхъ и во всякомъ случаѣ торопливыхъ и преждевременныхъ.

Всѣмъ, его знавшимъ, было извѣстно, какимъ цвѣтущимъ здоровьемъ пользовался покойный, какою энергіею кипѣлъ его духъ, какою неудержимою подвижностью отличалась его воля—и вдругъ.. находятъ его въ постели мертвымъ.

Событіе это озадачило наше общество и, безъ сомнѣнія, очень многихъ отрезвило, какъ способны отрезвлять людей одни лишь неожиданные и грозные удары судьбы.

Конечно, еще далеко не наступила пора для цѣльнаго, историческаго очертанія жизни и характеристики покойнаго, какъ въ области науки, такъ и въ сферѣ практической общественной дѣятельности. Эту оцѣнку, надѣемся, сдѣлаютъ въ свое время люди, близко стоявшіе къ нему по наукѣ и хорошо знающіе труды его на службѣ по городскимъ и земскимъ вы-

борамъ. Въ настоящую минуту мы желаемъ только сообщить нѣкоторыя біографическія данныя, которыя намъ извѣстны, благодаря личному, и когда-то очень близкому знакомству съ Н. А. Осокинымъ.

Николай Алексѣевичъ родился въ С.-Петербургѣ 10 апрѣля 1843 года. Первоначальное образованіе получилъ въ нѣмецкой реформатской школѣ, откуда перешелъ во второй классъ пятой петербургской гимназіи, гдѣ окончилъ курсъ въ 1860 году съ медалью. Гимназіи этой, какъ говаривалъ часто покойный, онъ обязанъ любовью къ исторіи и словесности, по этому безъ всякихъ колебаній онъ избралъ историко-филологическій факультетъ петербургскаго университета.

То было время такъ-называемыхъ «студенческихъ волненій», которыя, конечно, не особенно содѣйствовали успѣху занятій науками и черезъ годъ ихъ совершенно прервали... Въ Петербургѣ Николай Алексѣевичъ былъ много обязанъ добрымъ совѣтамъ профессора Н. М. Благовѣщенскаго: слушалъ М. М. Стасюлевича, Н. И. Костомарова, И И. Срезневскаго, А. Н. Пыпина и др. Когда, послѣ «исторій» съ матрикулами, университетъ осенью 1861 года былъ закрытъ *), то было предложено 150 студентамъ перейти въ одинъ изъ университетовъ: московскій, харьковскій или казанскій По совѣту того-же Н. М. Благовѣщенскаго, бывшаго профессоромъ классической филологіи въ казанскомъ университетѣ (1845—1852), Н. А. Осокинъ избралъ этотъ послѣдній, съ которымъ судьба связала его на долго ..

Въ Казани, куда Николай Алексѣевичъ перешолъ на II-й курсъ историко-филологическаго факультета, онъ встрѣтилъ драгоцѣннаго руководителя и наставника въ лицѣ незабвеннаго В. И. Григоровича, который внушалъ своимъ слушателямъ горячую, беззавѣтную любовь къ славянскому міру, обладая тайной передавать знаніе славянскихъ нарѣчій въ самое короткое время. Не мало также Николай Алексѣевичъ обязанъ былъ и Н. Н Буличу, какъ самъ не разъ заявлялъ, когда заходила рѣчь о Николаѣ Никитичѣ. Въ послѣднихъ курсахъ университета Осокинъ сосредоточился на итальянской исторіи, преимущественно средневѣковой, какъ на предметѣ, мало затронутомъ въ русской исторической наукѣ. Онъ тогда-же написалъ замѣчательную монографію: «Савонорола и Флоренція» (Казань, 1865 г.), которая напечатана была въ отрывкахъ въ 1864 году въ журналѣ «Эпоха», издававшемся родственникомъ автора,

*) Подробное и весьма интересное описаніе этого событія—любопытные могутъ найти въ книгѣ В Д. Спасовича: „За много лѣтъ“ Спб. 1872 г., стр 13—44

Достоевскимъ. Монографія эта, въ отдѣльномъ изданіи, представлена молодымъ ученымъ историко-филологическому факультету казанскаго университета, какъ pro venia legendi, и блестяще защищенная имъ въ 1867 году на публичномъ диспутѣ въ одной изъ аудиторій этого университета,—дала ему званіе приватъ-доцента всеобщей исторіи. Къ этому-же времени относятся и слѣдующія его работы: «Аттендоло Сфорца да-Котаньола или паломничество въ Италіи въ XV вѣкѣ» (писано на золотую медаль). Сочиненіе это напечатано въ отрывкахъ въ «Ученыхъ запискахъ казанскаго университета», а именно: «Замѣтки по экономической исторіи Италіи»—въ 1865 году и «Королева Іоганна II»—въ 1866 году. Въ 1868 году напечатана его лекція: «Личный характеръ Оливера Кромвелля».

Окончивъ курсъ въ 1865 году кандидатомъ, Н. А. Осокинъ былъ оставленъ при казанскомъ университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію. Затѣмъ, въ 1867 году, онъ выдержалъ въ московскомъ университетѣ испытаніе на степень магистра всеобщей исторіи и съ января 1868 года ему была поручена въ казанскомъ университетѣ вакантная (чуть-ли не около 10 лѣтъ) каѳедра всеобщей исторіи. Въ маѣ 1869 г Николай Алексѣевичъ защитилъ въ Казани, на степень магистра, диссертацію: «Исторія альбигойцевъ и ихъ времени» (томъ I-й, Казань, 1869 г.), а въ Парижѣ весною 1870 года собралъ архивные матеріалы для второго тома этого сочиненія, посвященнаго «Первой инквизиціи» (Казань, 1872 г.). Эту книгу Н. А. Осокинъ защищалъ на степень доктора всеобщей исторіи. Въ это-же время онъ помѣщалъ статьи въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія» по вопросамъ средне-вѣковой исторіи, а въ «Ученыхъ запискахъ казанскаго университета» (и отдѣльно) издалъ: «Неаполитанскіе государи XIV-го вѣка» (1873 г.).

Всѣ эти ученые труды покойнаго профессора остановили на себѣ, въ свое время, лестное для ихъ автора вниманіе ученыхъ и быстро разошлись въ продажѣ. Съ тѣхъ поръ Николай Алексѣевичъ сосредоточился на обработкѣ лекцій, которыя и издалъ потомъ въ Казани, въ видѣ трехъ объемистыхъ томовъ, подъ заглавіемъ: «Исторія среднихъ вѣковъ». Съ приложеніемъ очерка средне-вѣковой историіографіи. (Казань, 1888—1889 гг.). Но этотъ его трудъ появился въ свѣтъ въ то-же время, когда среди многихъ профессоровъ русскихъ университетовъ стала выдаваться за «строго-научную историческую школу»—школа византизма, всю противо-христіанскую мерзость котораго, по словамъ профессора Ореста Миллера, вполнѣ сознавали и выставляли славянофилы (см. «Историч. Вѣстникъ» 1880 г., августъ, стр. 806). Поэтому не удивительно, что въ изданныхъ Осокинымъ университетскихъ чтеніяхъ по средне-вѣковой исто-

ріи Европы, свободныхъ отъ слѣпаго поклоненія византійскому культу, представителями византизма найдены многіе недочеты... Передъ изданіемъ лекцій Н. А. Осокинъ напечаталъ рѣчь, читанную имъ на университетскомъ актѣ 1885 года: «Политическія движенія въ Западной Европѣ въ первой половинѣ нашего вѣка» (брошюра эта выдержала два изданія и сдѣлалась библіографическою рѣдкостью), а также «Процессъ Екатерины Арагонской по новымъ документамъ».

Въ послѣднее время покойный почти всецѣло отдался интересамъ муниципальной (если можно такъ выразиться) дѣятельности, принимая участіе во всѣхъ ея, даже мельчайшихъ функціяхъ. Когда, въ 1878 году, онъ дѣлалъ первые шаги на этой аренѣ, онъ идеально опирался на поставленную имъ теорію, что исторія знаетъ истинное мѣсто идей въ ходѣ человѣчества и что гражданскій долгъ—не отказываться отъ такого служенія, какъ бы оно иногда не было тяжело. Въ добавокъ, отвлекаться иногда отъ книги къ практической общественной дѣятельности было, по его мнѣнію, и пріятно, и полезно для ученыхъ занятій, особенно если эта дѣятельность, въ качествѣ уѣзднаго или губернскаго гласнаго, гласнаго думы, попечителя начальныхъ школъ и проч., имѣетъ отношеніе къ высшему народному быту, къ образованію народа.

Насколько оправдались высокія мечты покойнаго въ дѣлѣ соединенія принциповъ науки съ явленіями окружавшаго его со всѣхъ сторонъ моря общественной жизни—судить не намъ. Мы только одного желаемъ отъ души, чтобы такъ много волновавшаяся, незнавшая устатка натура этого человѣка, удрученная нахлынувшими на нее бурными волнами, нашла себѣ вѣчный покой въ загробной жизни...

Академикъ А. М. Бутлеровъ.

... 5 августа 1886 года, во вторникъ, умеръ въ имѣніи своемъ Бутлеровкѣ (Спасскаго уѣзда) знаменитый русскій химикъ и казанскій уроженецъ *Александръ Михайловичъ Бутлеровъ*, на 58 году жизни.

Міръ русской науки лишился въ лицѣ Бутлерова крупной славы, а нашъ казанскій университетъ славнаго своего воспитанника.

Покойный былъ сынъ подполковника Михаила Васильевича Бутлерова, женатаго на Софіи Михайловнѣ Стрѣлковой, принадлежавшаго къ числу небогатыхъ дворянъ Казанской губерніи. Онъ родился 3 сентября 1828 года и раннее дѣтство провелъ то въ Казани, то въ Чистополѣ, то въ имѣніи отца, пока непоступилъ въ число учениковъ казанской первой гимназіи. Гимназія эта, давшая родному краю массу даровитыхъ людей науки и дѣятелей общества, была первою умственною кормилицею и нашего Бутлерова. Изъ нея, въ 1845 году, онъ поступилъ студентомъ въ казанскій университетъ, на отдѣленіе естественныхъ наукъ. Въ гимназіи онъ кончилъ курсъ вмѣстѣ съ М. Т. Навроцкимъ и Дорджи Банзаровымъ—извѣстными учеными оріенталистами.

Въ 1849 году Александръ Михайловичъ кончилъ курсъ въ университетѣ кандидатомъ. Тамъ-же въ 1851 году получилъ онъ степень магистра химіи и затѣмъ началъ ученую службу въ званіи адъюнкта по каѳедрѣ химіи, преподавая вмѣстѣ съ этимъ и совершенно безвозмездно физику, физическую географію и климатологію. 1854 году Бутлеровъ пріобрѣлъ степень доктора химіи и физики и избранъ сначала экстраординарнымъ, а потомъ (въ 1858 году) ординарнымъ профессоромъ того-же казанскаго университета. Все время до 1857 года, т. е. до поѣздки за границу, А. М Бутлеровъ изучалъ химію дома, не выѣзжая изъ Казани. Извѣстный Менделѣевъ, въ запискѣ своей объ ученыхъ трудахъ Бутлерова, напечатанной въ іюльской книжкѣ «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія» за 1868 годъ, такъ отзывается о нашемъ ученомъ: «А. М. Бутлеровъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ ученыхъ—онъ русскій и по ученому образованію, и по оригинальности трудовъ. Ученикъ знаменитаго академика Н. Н. Зинина (бывшаго во время студенчества Бутлерова профессоромъ казанскаго университета),

онъ сдѣлался химикомъ не въ чужихъ краяхъ, а въ Казани, гдѣ образовалъ и продолжаетъ развивать самостоятельную химическую школу Направленіе ученыхъ трудовъ А. М. не составляетъ продолженія или развитія идей его предшественниковъ, но принадлежитъ ему самому: въ химіи существуетъ «бутлеровская школа», «бутлеровское направленіе». Рядъ трудовъ Бутлерова, начавшійся съ 1852 года изслѣдованіемъ надъ дѣйствіемъ осміевой кислоты на органическія соединенія, въ 1857 году пріобрѣтаетъ опредѣленное направленіе. Бутлеровъ изучалъ тогда дѣйствіе іодистаго фосфора на маннитъ и получилъ при этомъ тѣ вещества, которыя лѣтъ черезъ шесть пріобрѣтали весьма важный интересъ и были частію покрайней мѣрѣ, вновь открыты извѣстнымъ гейдельбергскимъ профессоромъ Эрленмейеромъ. Открытіе, сдѣлавшее имя Бутлерова извѣстнымъ всякому химику, связано съ вышеназваннымъ и относится къ слѣдующему 1858 году. Оно состояло въ полученіи іодистаго митилена и цѣлаго затѣмъ ряда неожиданныхъ превращеній этого вещества. Съ судьбою этого открытія связано все дальнѣйшее направленіе бутлеровскихъ работъ. Іодистый митиленъ принадлежитъ къ числу простѣйшихъ углеродистыхъ и легко превращается въ болѣе сложныя вещества; сложныя-же углеродистыя соединенія лѣтъ тридцать уже составляютъ главный предметъ химическихъ работъ, изученіе ихъ и повело къ важнѣйшимъ успѣхамъ химіи. Бутлеровъ сталъ изучать простѣйшія изъ этихъ веществъ, т. е. наименѣе сложныя по числу заключающихся въ нихъ элементовъ, но зато труднѣйшія по способамъ приготовленія, что и отклонило другихъ отъ этого предмета. Изъ простѣйшихъ онъ сталъ получать сложнѣйшія. Въ практической сторонѣ науки этотъ рядъ работъ привелъ Бутлерова къ открытію многихъ поучительныхъ примѣровъ изомерности, т. е. различія свойствъ при равенствѣ состава. Наиболѣе извѣстное открытіе этого рода составляетъ полученіе Бутлеровымъ триметилъ-корбинола, изомернаго съ бунисловымъ спиртомъ. Открытіе это оживило теоретическую часть химіи и обѣщаетъ имѣть важное прикладное значеніе, потому что, по изслѣдованіямъ Данилевскаго, этотъ триметилъ-корбинолъ такъ вліяетъ на нервную дѣятельность, что ему предрекаютъ важную роль въ излеченіи такъ-называемыхъ «душевныхъ» болѣзней. Можно насчитать до 30 новыхъ тѣлъ, открытыхъ Бутлеровымъ. Но не эта сторона его трудовъ доставила ему наибольшую извѣстность. У Бутлерова всѣ открытія истекали и направлялись одною общею идеей. Она-то и сдѣлала школу, она-то и позволяетъ утверждать, что его имя навсегда останется въ наукѣ. Это есть идея такъ-называемаго «химическаго строенія». Въ пятидесятыхъ годахъ революціонеръ химіи Жераръ низвергъ всѣ старые кумиры, двинулъ химію на новую дорогу. Онъ до-

стигъ этого, отказавшись отъ идеи проникнуть во внутреннее, атомное строеніе вещества, какъ стремились къ тому Берцеліусы и Либихи Съ новыми важными выводами и понятіями, полученными Лораномъ и Жераромъ, весь запасъ химическихъ знаній обновился и обогатился. Скоро однако потребовалось, при богатствѣ новыхъ свѣдѣній, идти далѣе Жерара. Какъ только открыты были многоатомные спирты, реакціи продуктовъ металепсіи, и развились понятія о предѣлѣ, стало ясно, что жераровское ученіе должно было развиться далѣе. Здѣсь возродилось нѣсколько отдѣльныхъ направленій. И вотъ между ними-то почетное мѣсто принадлежитъ направленію Бутлерова. Онъ вновь стремится, путемъ изученія химическихъ превращеній, проникнуть въ самую глубь связей, скрѣпляющихъ разнородные элементы въ одно цѣлое, придаетъ каждому изъ нихъ прирожденную способность вступать въ извѣстное число соединеній, а различіе свойствъ приписываетъ различному способу связки элементовъ. Никто не проводилъ этихъ мыслей столь послѣдовательно, какъ онъ, хотя онѣ и проглядывали ранѣе. Свои мысли Бутлеровъ вложилъ во всѣ мелочи многочисленныхъ своихъ работъ. Его ученіе и работы изложены въ статьяхъ «Ученыхъ записокъ казанскаго университета», въ Zeitschrift fur Chemie и Liebich's Annalen. Для проведенія этого-же способа воззрѣнія черезъ всѣ классы органическихъ соединеній Бутлеровъ издалъ въ 1864 году книгу. «Введеніе къ полному изученію органической химіи», переведенную вскорѣ на нѣмецкій языкъ. Бутлеровъ чтеніями и увлекательностію идей образовалъ вокругъ себя въ Казани школу химиковъ, работающихъ въ его направленіи. Имена: В. В. Марковникова, М. М Мясникова (умершаго за границей), А. Н. Попова, братьевъ А. М. и К. М. Зайцевыхъ, Моргунова и нѣкоторыхъ другихъ успѣли получить извѣстность по многимъ открытіямъ, сдѣланнымъ преимущественно благодаря самостоятельности бутлеровскаго направленія. Такіе ученые Франціи и Германіи, какъ Вюрцъ и Кольбе считаютъ Бутлерова однимъ изъ вліятельнѣйшихъ въ наше время двигателей теоретическаго направленія химіи».

Въ 1857 году Александръ Михайловичъ былъ командированъ съ ученою цѣлію за границу При этомъ совѣтъ казанскаго университета снабдилъ его инструкціею, въ которой опредѣлялась главная цѣль поѣздки—изученіе современнаго состоянія химіи въ Европѣ и пріобрѣтеніе личнаго знакомства съ знаменитѣйшими учеными химиками. Для достиженія этой цѣли совѣтъ между прочимъ рекомендовалъ Бутлерову: 1) посѣщать извѣстнѣйшія химическія лабораторіи и изучать новѣйшіе употребительные способы химическихъ работъ; 2) посѣщать лекціи знаменитыхъ химиковъ, съ цѣлью изучать способы ихъ преподаванія; 3) не упускать случая входить въ лич-

ныя сношенія съ пользующимися европейскою славою учеными, съ цѣлію ознакомиться съ различными взглядами на современное состояніе химіи, особенно органической; 4) пріобрѣсти для лабораторіи казанскаго университета усовершенствованные снаряды, а также препараты, выборъ которыхъ предоставляется ему самому, и 5) по возвращеніи изъ-за границы представить въ совѣтъ университета отчетъ о своемъ путешествіи.

Отчетъ этотъ А. М. Бутлеровъ представилъ своевременно. Онъ напечатанъ въ III книжкѣ «Ученыхъ Записокъ университета» за 1859 годъ и отдѣльною брошюрою. Изъ означеннаго отчета, между прочимъ, видно, что лѣтніе семестры въ заграничныхъ университетахъ уже подходили къ концу, когда прибылъ туда Бутлеровъ. Первымъ однакоже его дѣломъ было посѣщеніе лабораторій и свиданіе съ нѣкоторыми учеными. Пробывъ въ Берлинѣ около 2 недѣль, онъ отправился на Рейнъ, посѣтилъ Висбаденъ и въ сентябрѣ, къ началу 33-го собранія нѣмецкихъ врачей и натуралистовъ, мѣстомъ котораго назначенъ былъ Боннъ, отправился туда. По окончаніи собранія, онъ поѣхалъ черезъ Кобленцъ, внизъ по Рейну, въ Гейдельбергъ, откуда въ Швейцарію,—въ Цюрихъ, Бернъ и проч.; изъ Швейцаріи, черезъ С-Готардъ, въ Италію—въ Миланъ. Пробывъ въ Италіи около $1^1/_2$ мѣсяца и проѣхавъ въ продолженіе этого времени черезъ Флоренцію и Римъ до Неаполя, Бутлеровъ отправился отсюда съ пароходомъ въ Марсель, а оттуда въ Парижъ, куда и прибылъ 7 декабря (1857 г.), вслѣдъ за началомъ зимняго семестра. Парижъ представляетъ безспорно самый интересный для химиковъ пунктъ, по курсамъ, здѣсь читающимся, по многочисленности химическихъ лабораторій, устроенныхъ разнообразно, соотвѣтственно направленію производящихся въ нихъ работъ, и, наконецъ, особенно—по своимъ извѣстнымъ ученымъ представителямъ новѣйшей химіи. Все это побудило Бутлерова посвятить Парижу большую часть времени и остаться здѣсь до начала мая 1885 года. Изъ этого времени 10 дней употреблены имъ на поѣздку въ Лондонъ и обратно въ Парижъ. Въ началѣ мая изъ Парижа отправился онъ опять въ Гейдельбергъ, университетъ котораго, по мнѣнію Бутлерова, въ химическомъ отношеніи занимаетъ въ Германіи первое мѣсто, между тѣмъ какъ второе принадлежитъ гёттингенскому. Изъ Гейдельберга черезъ Карльсруге онъ съѣздилъ на короткое время въ Мюнхенъ, гдѣ химическая лабораторія извѣстна болѣе по знаменитому имени Либиха, чѣмъ по работамъ, въ ней производящимся. Изъ Мюнхена началось обратное путешествіе: черезъ Гейдельбергъ и Франкфуртъ-на-Майнѣ Бутлеровъ направился къ Берлину; по дорогѣ посѣтилъ Гиссенъ, Марбургъ и съѣздилъ на нѣсколько дней изъ Касселя въ Гёттингенъ. Около 20 іюня онъ былъ въ Берлинѣ и, проведя тамъ 10 дней,

поѣхалъ въ Лейпцигъ, Дрезденъ и Прагу, а отсюда обратно въ Берлинъ, употребивъ на эту поѣздку около 12 дней Наконецъ, въ двадцатыхъ числахъ іюля отправился въ Штеттинъ и отсюда въ Петербургъ.

Затѣмъ въ отчетѣ слѣдуютъ обстоятельныя и интересныя подробности о каждомъ изъ приведенныхъ пунктовъ, описанія осмотрѣнныхъ лабораторій, о заведенныхъ знакомствахъ съ профессорами, а также и впечатлѣнія, произведенныя лекціями химиковъ, и отзывъ о ходѣ и характерѣ преподаванія химіи въ Западной Европѣ. Объ одномъ жалѣлъ А. М. Бутлеровъ—о недостаткѣ времени, предоставленнаго ему на командировку.

Возвратившись изъ этой поѣздки заграницу, Александръ Михайловичъ былъ немедленно избранъ въ ординарные профессоры казанскаго университета, а вскорѣ ему поручено исправленіе должности ректора Не только какъ талантливый профессоръ, но и какъ ректоръ, Бутлеровъ снискалъ общее уваженіе въ Казани. Учащаяся молодежь, профессоры-сослуживцы, дворянство и вообще казанское общество—выражали ему совершенно искренно свои симпатіи. Такою общественною любовію пользовались до него только К. Ѳ. Фуксъ, К. К. Фойгтъ и Д. И. Мейеръ. Съ введеніемъ новаго университетскаго устава (1863 г.) Александръ Михайловичъ былъ первымъ выборнымъ ректоромъ нашего университета.

Послѣ первой поѣздки за границу, Бутлеровъ командированъ былъ туда отъ казанскаго университета еще два раза: въ 1861 и 1867 годахъ. Послѣдняя поѣздка его въ чужіе краи, продолжавшаяся до іюня 1868 года, имѣла главною цѣлью возстановленіе его здоровья, разстроеннаго вслѣдствіе долговременныхъ занятій летучими ядовитыми веществами Но въ этомъ году онъ къ великой скорби роднаго города, принялъ предложеніе петербургскаго университета занять въ немъ вакантную каѳедру ординарнаго профессора органической химіи. С. М. Шпилевскій, бывшій въ это время редакторомъ «Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», такъ выразилъ въ нихъ отъ лица казанскаго университета соболѣзнованіе о предстоящей разлукѣ съ дорогимъ товарищемъ:

«А. М. Бутлеровъ былъ лучшимъ украшеніемъ казанскаго университета, отличаясь глубокимъ знаніемъ своей науки, въ которой даже образовалъ школу, называемую школою Бутлерова, отличаясь и страстною преданностію своему дѣлу. Химическая лабораторія—любимое мѣсто его постояннаго пребыванія, занятія въ ней были самымъ пріятнымъ для него препровожденіемъ времени. Въ этихъ занятіяхъ онъ просиживалъ иногда цѣлые дни, и такая усидчивая работа не осталась безплодною, она повела къ новымъ открытіямъ въ наукѣ и къ усовершенствованію пріемовъ въ химическихъ изслѣдованіяхъ.

Бутлеровъ славится и особеннымъ даромъ слова, его рѣчь отличалась необыкновенною послѣдовательностію, правильностію и вмѣстѣ съ этимъ простотою. Считаясь однимъ изъ самыхъ даровитыхъ преподавателей нашего университета, А. М. Бутлеровъ скоро сдѣлался и административнымъ представителемъ его, въ должности ректора. Самое серьезное и любовное отношеніе къ наукѣ не мѣшало Бутлерову быть и полезнымъ общественнымъ дѣятелемъ, принимать живое участіе въ дѣлахъ земства, въ качествѣ губернскаго гласнаго, быть дѣятельнымъ членомъ комитета объ устройствѣ водопровода въ Казани и. т. д.» (См. Каз. Губерн. Вѣд. 1868 г. № 98.)

Товарищи Бутлерова по службѣ въ университетѣ, бывшіе его ученики и нѣкоторые изъ товарищей его по воспитанію, желая выразить особенную честь оставляющему ихъ товарищу и учителю, устроили 1 декабря 1868 г. въ биржевой гостинницѣ прощальный обѣдъ, на которомъ присутствовали: попечитель округа П. Д. Шестаковъ и его помощникъ И. М. Николичъ. Во время обѣда профессоръ математики Е. П. Янишевскій, впослѣдствіи долголѣтній и очень дѣятельный голова казанскій, обратился къ присутствующимъ съ рѣчью, въ которой живыми, яркими красками очертилъ свѣтлую личность дорогого собрата и дѣятельность его на пользу науки. Начавъ рѣчь свою исторически, Ерастъ Петровичъ перешелъ затѣмъ къ чувству глубокаго сожалѣнія, ощущаемаго университетомъ при разставаньи съ любимымъ товарищемъ, который «всегда вносилъ умиротворяющее начало въ университетскихъ дебатахъ», и «служилъ связующимъ звѣномъ нерѣдко разрозненныхъ партій»,—и окончилъ словами: «второй Бутлеровъ едва-ли будетъ и что остается гордится, что казанскій университетъ изъ своихъ воспитанниковъ даетъ въ лицѣ Бутлерова такого преподавателя с.-петербургскому университету Пожелаемъ-же, заключилъ ораторъ, чтобы дѣятельность его въ с.-петербургскомъ университетѣ была такою-же плодотворною, какою она была у насъ, и чтобы его будущіе ученики питали къ нему тоже чувство глубокаго уваженія, которое остается здѣсь въ его бывшихъ ученикахъ».

За этимъ словомъ слѣдовалъ рядъ другихъ рѣчей. Говорили. Буличъ, Больцани, Вагнеръ (переселившійся тоже въ Спб., всѣдъ за Бутлеровымъ), Марковниковъ и Геркенъ Всѣхъ одушевляло одно чувство и высказывались однѣ и тѣже пожеланія, чтобы геній ученаго также ярко свѣтилъ въ столицѣ, какъ и въ провинціи.... Къ сожалѣнію, многимъ пожеланіямъ не суждено было осуществиться: блескъ славы Бутлерова отуманился въ С.-Петербургѣ страстью, съ которою нашъ великій ученый предался такъ-называемому спиритизму, усвоивъ странное убѣжденіе, что явленія изъ области какой-то темной «демонологіи» могутъ имѣть мѣсто въ серьезной наукѣ...

Но если что слѣдуетъ еще прибавить къ блестящей славѣ Бутлерова, какъ химика, такъ это замѣчательныя свѣдѣнія его въ пчеловодствѣ. Въ имѣніи его, сельцѣ Бутлеровкѣ, унаслѣдованномъ имъ отъ отца своего, умершаго въ 1846 году,— устроена образцовая ферма пчеловодства. Знанія его по этой части извѣстны всѣмъ пчелякамъ, читающимъ книги, между которыми одно изъ первыхъ мѣстъ занимаютъ руководства къ разведенію пчелъ и уходу за ними, соч. А. М. Бутлерова.

Покойный Александръ Михайловичъ Бутлеровъ женатъ былъ на Надеждѣ Михайловнѣ Глумилиной, уфимской дворянкѣ, другая сестра которой, Юлія Михайловна, была за мужемъ за извѣстнымъ всему свѣту спиритомъ Юмомъ.

Послѣ А. М. Бутлерова осталось два сына, изъ которыхъ старшій состоитъ въ настоящее время директоромъ реальнаго училища въ г. Псковѣ (писано въ 1886 году), а младшій учится.

Сказавши наше слово о покойномъ, мы вправѣ ожидать, что многочисленные ученики А. М—ча не замедлятъ подѣлиться съ казанскимъ обществомъ своими личными воспоминаніями о великомъ человѣкѣ и великомъ учителѣ, не смотря на нѣкоторыя его слабости, свойственныя каждому изъ смертныхъ.

Къ біографіи профессора Н. К. Нелидова.

Въ началѣ XIX-го столѣтія, въ казанской духовной семинаріи обучались три родные брата Нелидовы: Александръ, Константинъ и Михаилъ Павловичи. Изъ нихъ первый, по окончаніи курса, былъ священникомъ въ казанскихъ церквахъ: сначала Николо-Ляпуновской, а потомъ Грузинской, и состоя настоятелемъ сей послѣдней, умеръ 4 октября 1847 года. Сынъ его, Александръ Александровичъ Нелидовъ, по настоящее время священствуетъ въ казанскомъ дѣвичьемъ монастырѣ. Младшій изъ братьевъ, Михаилъ Павловичъ, былъ діакономъ гдѣ-то въ селѣ и, выйдя за старостью лѣтъ въ за-штатъ, умеръ въ Казани, въ 70-хъ годахъ. Средній-же, Константинъ Павловичъ, по выходѣ изъ семинаріи, выбылъ совсѣмъ изъ духовнаго званія, поступивъ на гражданскую службу по вѣдомству министерства удѣловъ. Онъ служилъ столоначальникомъ алатырской удѣльной конторы Живя въ Симбирской губерніи, Константинъ Павловичъ Нелидовъ женился на дочери мелкопомѣстнаго дворянина, владѣльца нѣсколькихъ крѣпостныхъ душъ въ селѣ Старой-Майнѣ, находящемся на противоположномъ берегу Волги, противъ Симбирска. Здѣсь-же, въ селѣ Старой-Майнѣ, 2 декабря 1832 года, у Константина Павловича родился сынъ Николай, будущій профессоръ казанскаго университета.

Николай Константиновичъ воспитывался въ симбирской гимназіи, подъ особымъ покровительствомъ директора ея Ивана Антоновича Верниковскаго, находившагося съ Нелидовымъ отцомъ въ наилучшихъ дружественныхъ отношеніяхъ. Въ 1852 году молодой Нелидовъ кончилъ курсъ гимназіи и въ этомъ-же году поступилъ на юридическій факультетъ казанскаго университета своекоштнымъ студентомъ, вмѣстѣ съ товарищами по гимназіи: Дмитріемъ Аверкіевымъ, Николаемъ Андреевымъ, Александромъ Вернеромъ (перешедшимъ въ 1855 г. въ петербургскій университетъ), Іакинфомъ Горкунгомъ, Павломъ Ивановымъ, Ѳедоромъ Носовымъ, Михаиломъ Осокинымъ, Павломъ Ромеромъ, Петромъ Рютчи, Акинфіемъ Скаловымъ, Николаемъ Соколов-

скимъ и Михаиломъ Ѳедоровымъ. Въ это время въ симбирской гимназіи воспитывался младшій братъ Нелидова—Павелъ Константиновичъ, впослѣдствіи инспекторъ владимірской гимназіи.

2 іюня 1856 года Николай Константиновичъ окончилъ курсъ наукъ въ университетѣ кандидатомъ и въ этомъ-же году похоронилъ своего отца, умершаго въ Казани на 56 году жизни. (Мать умерла тоже въ Казани 8 октября 1875 г. на 75 году).

По окончаніи курса въ университетѣ, Николай Константиновичъ поѣхалъ на службу въ пензенскую гимназію преподавателемъ законовѣдѣнія. Здѣсь, въ первый-же годъ службы, ему поручено было произнести актовую рѣчь. Предметомъ для публичнаго чтенія Николай Константиновичъ избралъ очень интересную тему, именно о знаменитой въ нашей исторіи «судебной волокитѣ». Тема эта, столь извѣстная русскому обществу, начиная отъ высшихъ его слоевъ и кончая избою крестьянина, собрала въ необширный актовый залъ массу публики. Впереди сидѣли: директоръ Лубкинъ, губернаторъ Панчулидзевъ, архіерей Варлаамъ (Успенскій) и нѣкоторые представители мѣстнаго бомонда. Чтеніе рѣчи не обошлось безъ маленькаго приключенія, очень невиннаго въ сущности, но давшаго однако пищу для продолжительныхъ толковъ въ городѣ. Когда лекторъ мастерски и съ энтузіазмомъ пылкаго юноши, вынесшаго изъ стѣнъ университета идеалъ неподкупной правды, коснулся, въ довольно рѣзкихъ выраженіяхъ, господствовавшей въ тогдашнихъ (дореформенныхъ) судахъ и разныхъ канцеляріяхъ «волокиты»,—архіерей, толкнувъ локтемъ сидѣвшаго рядомъ губернатора, проговорилъ въ полголоса:

— Это про васъ!

Панчулидзевъ вспыхнулъ, но сдержавъ порывъ негодованія, отвѣтилъ и уже громче, чѣмъ въ полголоса:

— Если-бы это было *даже про васъ*, я и тогда не позволилъ-бы!

Эта минутная сцена произвела большую сенсанцію.

На слѣдующій годъ Николай Константиновичъ переселился въ Казань сверхштатнымъ учителемъ казанской первой гимназіи, а еще годъ спустя, онъ читалъ уже въ казанскомъ университетѣ лекціи по «энциклопедіи законовѣдѣнія».. Будучи профессоромъ, Нелидовъ женился на дочери очень почтеннаго казанскаго дворянина Александра Егоровича Износкова—Раисѣ Александровнѣ.

Въ 1861 году Николай Константиновичъ напечаталъ въ «Юридическомъ журналѣ», издававшемся Салмановымъ, первую свою ученую работу: «О необходимости пріобрѣтенія обществомъ юридическихъ и политическихъ свѣдѣній» Послѣ нея занялся приготовленіемъ магистерской диссертаціи. Она носитъ названіе: «Обзоръ нѣкоторыхъ существенныхъ вопросовъ, относя-

щихся въ древне-германскому государственному устройству», и напечатана въ «Ученыхъ запискахъ казанскаго университета» за 1868 годъ. Защита ея происходила въ Казани 22 декабря того-же года. Будучи магистромъ, Николай Константиновичъ перешелъ на службу въ Ярославль, въ Демидовскій юридическій лицей, только что передъ тѣмъ временемъ преобразованный и обновленный. Здѣсь, въ органѣ этого учебнаго заведенія— «Временникѣ Демидовскаго юридическаго лицея» за 1872 годъ появился новый ученый трудъ Н. К. Нелидова: «Наука о государствѣ, какъ предметъ высшаго спеціальнаго образованія». Изъ Ярославля онъ прислалъ въ юридическій факультетъ казанскаго университета и диссертацію на доктора: «Юридическія и политическія основанія государственной службы». Она была первоначально напечатана тоже во «Временникѣ Демидовскаго лицея» за 1874 г. Въ этомъ году Н. К. Нелидовъ прибылъ въ Казань и съ большимъ успѣхомъ защитилъ (22 мая 1874 года) докторскую диссертацію. Этою диссертаціею не закончились ученые труды покойнаго въ области науки права. Въ слѣдующемъ году онъ издалъ «Систему курса общаго государственнаго права, для руководства студентамъ при слушаніи лекцій и приготовленіи къ испытаніямъ», каковая работа помѣщена въ «Ученыхъ запискахъ казанскаго университета» за 1875 г

Если-бы не продолжительный недугъ, который мучилъ Н. К. Нелидова въ періодъ самыхъ лучшихъ лѣтъ его ученой дѣятельности, онъ, безъ сомнѣнія, обогатилъ-бы русскую юридическую науку многими новыми трудами и изслѣдованіями по вопросамъ общаго государственнаго права Начало болѣзни, которою страдалъ уважаемый всѣми профессоръ, относится къ осени 1864 года. Въ августѣ этого года былъ извѣстный симбирскій пожаръ, истребившій весь городъ. Николай Константиновичъ находился въ это время въ Симбирскѣ. Въ первую же послѣ пожара ночь, проведенную имъ въ полѣ, какъ попало, онъ простудилъ ноги и простуда эта не прошла ему даромъ Она въ послѣдствіи осложнилась и довела больного до полной парализаціи ногъ; къ этому присоединилась еще сухотка позвоночнаго мозга. Какъ то, такъ и другое причиняли несчастному невыносимыя страданія, среди которыхъ онъ и скончался въ восьмомъ часу утра 28 октября 1888 года, оставивъ жену и десять человѣкъ дѣтей.

Рѣдкій былъ человѣкъ покойный Н. К. Нелидовъ по благородству характера своего, по искренности и честности своихъ неподкупныхъ убѣжденій.

Казанскій оріенталистъ

(Памяти профессора И. Н Холмогорова)

Сегодня прочли мы въ казанскихъ газетахъ печальное извѣстіе о смерти магистра персидской словесности *И. Н. Холмогорова*, бывшаго воспитанника, а затѣмъ профессора казанскаго университета. Вспоминая былое время, когда случалось встрѣчаться съ личностію покойнаго и ближе узнать его скромную дѣятельность на избранномъ поприщѣ, мы считаемъ своимъ долгомъ почтить его память нѣсколькими словами, исходящими изъ ожившихъ воспоминаній о симпатичномъ труженикѣ науки. Будучи профессоромъ малоизвѣстной спеціальности, покойный однако принадлежалъ къ штату тѣхъ оріенталистовъ, которые, изслѣдуя сухую клинообразную письменность Востока, умѣли сообщать юношеству идеалы прекраснаго. Полуразрушенный, какъ пожарище, міръ арабовъ и персовъ, ихъ исполненный когда-то поэзіи культъ, сохранившійся въ памятникахъ, древности, составляли любимое содержаніе лекцій покойнаго, привлекавшихъ въ его аудиторію даже лицъ, самаго радикальнаго направленія.

Сынъ незначительнаго провинціальнаго чиновника, Иванъ Николаевичъ Холмогоровъ родился въ г. Симбирскѣ 20 іюля 1818 года и тамъ-же, въ стѣнахъ уѣзднаго училища, началъ свое первоначальное образованіе, пока не былъ переведенъ въ 1827 году въ казанскую гимназію. Окончивши въ ней курсъ, Холмогоровъ вступилъ въ 1837 году студентомъ въ казанскій университетъ по восточному отдѣленію факультета словесныхъ наукъ. Въ университетѣ Иванъ Николаевичъ кончилъ курсъ въ 1841 году, а съ 1843 г. началась его учебно-педагогическая служба, кончившаяся въ 1868 году, по случаю исполненія 25-лѣтняго срока ея. Пробывши нѣкоторое время въ отставкѣ съ полнымъ пенсіономъ, И. Н. Холмогоровъ получилъ приглашеніе вступить въ число преподавательскаго персонала лазаревскаго института восточныхъ языковъ въ Москвѣ, каковымъ

приглашеніемъ и воспользовался, чтобы снова реализировать съ пользою свои научныя познанія.

Еще бывши профессоромъ казанскаго университета, Иванъ Николаевичъ, среди обычныхъ трудовъ на поприщѣ чисто педагогическомъ, занимался (въ 1850 году) разборомъ и опредѣленіемъ греческихъ и римскихъ монетъ минцъ-кабинета этого университета; затѣмъ въ 1852 году былъ командированъ въ Крымъ для опредѣленія различія между сѣверно-крымскимъ и южно-крымскимъ нарѣчіями татарско-турецкаго языка. Въ это время покойный былъ прикомандированъ въ качествѣ профессора восточныхъ языковъ къ бывшему ришельевскому лицею, что нынѣ новороссійскій (одесскій) университетъ. По возвращеніи изъ Крыма, И. Н. Холмогоровъ представилъ отчетъ о своей ученой поѣздкѣ, который обратилъ вниманіе ученыхъ, и авторъ его былъ избранъ членомъ «Одесскаго общества исторіи и древностей»

Первый по времени ученый трудъ И. Н. Холмогорова, предпринятый для полученія степени кандидата арабско-персидской словесности, подъ заглавіемъ: «Объ основныхъ постановленіяхъ ислама», былъ одобренъ восточнымъ факультетомъ казанскаго университета и напечатанъ въ «Ученыхъ Запискахъ» сего университета за 1848 г. Потомъ, будучи инспекторомъ астраханской гимназіи, Иванъ Николаевичъ переслалъ въ Казань, для печати въ «Ученыхъ Запискахъ», отрывокъ изъ Мирхондовой общей исторіи статью «О Сербедарахъ»,—мелкой разбойнической династіи. Въ 1861 году совѣтъ казанскаго университета избралъ автора преподавателемъ арабскаго языка на открывшуюся каѳедру арабской словесности, благодаря, главнымъ образомъ, его объемистому ученому труду, подъ названіемъ: «Фахри. Исторія восточнаго халифата до разрушенія Богдада Гулягу-ханомъ въ 1258 году». Это переводъ съ арабскаго, съ замѣчаніями Холмогорова, приложенными въ концѣ, напечатанный въ «Ученыхъ Запискахъ» казанскаго университета.

По избраніи И. Н. Холмогорова на каѳедру арабскаго языка, имъ прочтена была, въ присутствіи членовъ факультета, вступительная публичная лекція: «Очерки арабской рѣчи и арабской письменности». Эта лекція напечатана въ томъ-же ученомъ органѣ университета за 1862 годъ.

Въ 1865 году, по выдержаніи устнаго испытанія и защиты диссертаціи по персидской словесности, покойный былъ утвержденъ въ степени магистра этой словесности. Магистерская диссертація И. Н. Холмогорова напечатана въ «Ученыхъ Запискахъ казанскаго университета» подъ загдавіемъ: «Шейхъ Мослихъ-еддинъ-Саади Широзскій и его значеніе въ исторіи персидской литературы». Она защищена авторомъ въ 1865 году въ собраніи членовъ восточнаго факультета с.-петербургскаго

университета. Эта ученая работа И. Н Холмогорова есть первый трудъ на русскомъ языкѣ, касающіися литературныхъ достоинствъ Саади.

По истеченіи профессорской службы въ казанскомъ университетѣ, Иванъ Николаевичъ продолжалъ свои занятія восточными языками, такъ какъ оставаться въ бездѣйствіи на любимомъ научномъ поприщѣ было для него дѣломъ невозможнымъ, тѣмъ болѣе, что онъ пользовался хорошимъ здоровьемъ. Кромѣ того, покойный обратился къ попечителю казанскаго учебнаго округа, П. Д. Шестакову, съ просьбою дать ему преподавательское мѣсто по латинскому языку, что и было уважено. Попечитель опредѣлилъ его учителемъ этого языка въ симбирскую гимназію, гдѣ Холмогоровъ и занимался четыре года. По кончинѣ профессора лазаревскаго института восточныхъ языковъ, доктора персидской словесности Назарянца, его каѳедра оставалась незамѣщенною, и совѣтъ института обратился съ просьбою, какъ уже нами сказано выше, къ И. Н. Холмогорову, занять каѳедру персидскаго языка и словесности въ институтѣ, что было въ 1880 г.

Въ Москвѣ отпечатанъ, въ маломъ количествѣ экземпляровъ, новый переводъ И. Н. Холмогорова: «Гюлистана», шейха Саади, съ примѣчаніями переводчика. Отзывы объ этомъ трудѣ были очень благопріятны для автора. Затѣмъ В. Ѳ. Коршъ, издатель «Всеобщей исторіи литературы», просилъ И. Н. Холмогорова написать для названнаго изданія очеркъ исторіи арабской литературы, что и было исполнено покойнымъ. Очеркъ этотъ напечатанъ въ XIII выпускѣ предпринятаго Коршемъ изданія и составляетъ пока единственный на русскомъ языкѣ трудъ въ этомъ родѣ. Онъ находится въ продажѣ и отдѣльно.

Будучи преподавателемъ симбирской гимназіи, Иванъ Николаевичъ помѣстилъ въ «Симбирскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» два (8 и 9) фирмана Надиръ-Шаха (съ персидскаго языка), писанные изъ Индустана, во время извѣстнаго Надирова похода. Фирманы заимствованы изъ астраханскаго губернскаго правленія и списаны тамъ, въ Астрахани. Въ нихъ содержится описаніе битвъ и похожденія великихъ моголовъ, а потому фирманы эти могутъ быть разсматриваемы, какъ историческіе документы.

Вотъ тѣ скромные, но плодотворные слѣды жизни человѣка, бренные останки котораго должны завтра быть опущены въ одну изъ могилъ казанскаго кладбища. Бросимъ съ миромъ горсть земли на гробъ, скрывшій въ себѣ прахъ Ивана Николаевича, оставившаго въ сердцахъ всѣхъ людей, его знавшихъ, одно глубокое къ нему уваженіе...

Ноябрь, 1891 г.

Маріанъ Альбертовичъ Ковальскій.

Математическая наука оплакиваетъ крупную утрату, ею понесенную: 28 мая 1884 г. умеръ заслуженный профессоръ казанскаго университета, извѣстный астрономъ *Маріанъ Альбертовичъ Ковальскій*, на 64 году отъ рожденія.

Покойный, по происхожденію своему, принадлежалъ къ урожденцамъ Царства Польскаго. Поступивши въ петербургскій университетъ стипендіатомъ этого Царства, онъ въ 1845 году кончилъ курсъ кандидатомъ математическихъ наукъ, съ награжденіемъ золотою медалью, а въ слѣдующемъ 1847 году уже выдержалъ экзаменъ на магистра астрономіи и геодезіи, защитивъ вслѣдъ за этимъ диссертацію на эту степень: «О неравенствахъ въ движеніи кометъ». Съ этого времени карьера молодого магистра была вполнѣ упрочена: онъ получилъ почетную извѣстность между астрономами. Благодаря пріобрѣтенной извѣстности, Маріанъ Альбертовичъ получилъ въ 1847 году приглашеніе участвовать въ ученой экспедиціи, предпринятой русскимъ географическимъ обществомъ для изслѣдованія сѣверной оконечности Уральскаго хребта. Экспедиція, во главѣ которой находился извѣстный натуралистъ Э. К. Гофманъ, профессоръ с.-петербургскаго университета, отправилась изъ Петербурга въ половинѣ марта 1847 года. Задача ея состояла въ собраніи матеріаловъ къ составленію, повозможности, вѣрной карты и подробнаго описанія въ физическомъ, геологическомъ, минералогическомъ, географическомъ и проч. отношеніяхъ Урала и обоихъ его склоновъ, въ предѣлахъ: къ югу 60° широты, къ сѣверу—Ледовитый океанъ, къ востоку черта отъ Богословска къ Березову и оттуда теченіе Оби, къ западу—рѣки. Колва, Вышерка, Печора до впаденія въ нее Усы; Уса и Коротасеха. Труды экспедиціи распадались на два отдѣленія работъ: лѣтнихъ и зимнихъ. Къ лѣтнимъ относились работы по означенію источниковъ рѣкъ, направленія ихъ, положенія главныхъ горъ и другихъ замѣчательныхъ пунктовъ; измѣреніе возвышеній и опредѣленій географическихъ широтъ и долготъ, въ особенно-

сти-же разностей долготы въ отношеніи къ хорошо изслѣдованнымъ зимою мѣстамъ. Астрономическія наблюденія должны быть производимы на каждыхъ 50-ти верстахъ. Зимой положено дѣлать точныя изсѣдованія широтъ и долготъ тѣхъ главныхъ мѣстъ, которыя послужатъ основаніями при выводѣ долготы разныхъ точекъ, соединенныхъ съ ними помощью лѣтнихъ работъ. На долю нашего астронома выпало, слѣдовательно, не мало труда. Онъ занимался магнитными и географическими изслѣдованіями всей, такимъ образомъ, территоріи, прилегающей къ сѣверной части Урала и входящей въ составъ губерній: Архангельской, Вологодской, Пермской и Тобольской; но преимущественно изученіемъ самаго Урала, отъ Богословска до Ледовитаго моря. Обширные и замѣчательные труды М. А. Ковальскаго по этой экспедиціи изложены въ его книгѣ: «Сѣверный Уралъ и береговой хребетъ Пайхой», удостоенной второй Демидовской преміи. По возвращеніи въ половинѣ 1849 года изъ ученаго путешествія, М. А. Ковальскій работалъ надъ вычисленіемъ положенія звѣздъ седьмой величины.

2 августа 1850 года онъ назначенъ адъюнктъ-профессоромъ астрономіи въ казанскій университетъ, который встрѣтилъ молодого ученаго съ полнымъ радушіемъ и лѣтомъ 1851 года поручилъ ему, вмѣстѣ съ профессоромъ А. Ѳ. Поповымъ, произвести наблюденіе солнечнаго затменія въ г. Бердянскѣ, бывшаго 16 іюля 1851 года. Отчетъ объ этой командировкѣ напечатанъ своевременно въ «Ученыхъ Запискахъ» казанскаго университета.

23 марта 1852 года въ одной изъ аудиторій казанскаго университета, Маріанъ Альбертовичъ съ успѣхомъ защитилъ докторскую диссертацію: «Теорія движенія Нептуна» (Казань, въ универ. т. 1852 г., in 4⁰). Оппонентами его были: оффиціальные: П. И. Котельниковъ и А. Ѳ. Поповъ и неоффиціальные—ректоръ И. М. Симоновъ и адъюнктъ физики А. С. Савельевъ. Общія привѣтствія и похвалы были результатомъ диспута и судьи избранной диспутантомъ спеціальности предсказали ему блестящую будущность.

И дѣйствительно, труды и знанія М. А. Ковальскаго по астрономіи оцѣнены всею ученою Европою. Знаменитыя астрономическія общества, каковы. королевско-лондонское и германское—сопричислили его къ числу своихъ членовъ. Бордосское общество физическихъ и естественныхъ наукъ, петербургскій университетъ, казанское общество естествоиспытателей, поднесли ему дипломъ на званіе почетнаго члена. Русское географическое общество признало его своимъ дѣйствительнымъ членомъ, а с.-петербурская академія наукъ избрала его членомъ-корреспондентомъ и признала докторскую диссертацію М. А. Ковальскаго: «Теорія движенія Нептуна» достойною награжденія Демидовскою премією.

Въ 1855 году астрономическая литература обогатилась новыми сочиненіями М. А. Ковальскаго: «Recherches sur le mouvement de Neptun, suivies de tables de cette planète». Въ 1856 году онъ напечаталъ книгу: «О затменіяхъ» (Казань, въ унив. т. in 8°). Въ 1859 году появились въ свѣтъ три его сочиненія: 1) «Sur les lois du mouvement propre des etoiles du catalodue de Bradley»; 2) Sur le calcul de l'orbite elliptique ou parabolique d'après un grandnombre d'observations», и 3) «D'eveloppement de la fonction perturbatric en secie». Въ 1873 году Маріанъ Альбертовичъ выпустилъ въ свѣтъ еще трудъ: «Sur la refraction astronomique.

Съ 1858 по 1879 включительно онъ состоялъ въ должности инспектора классовъ казанскаго родіоновскаго института Былъ избранъ въ ректоры университета, но отказался отъ такой высокой чести ради занятій астрономическими работами.

Жизнь покойнаго протекла почти вся въ стѣнахъ ученаго кабинета и обсерваторіи. Среди массы вопросовъ и задачъ науки онъ никогда не зналъ досуга и не понималъ, что такое развлеченіе, отказывая себѣ даже въ необходимомъ отдыхѣ. Онъ съ совершенною точностію олицетворялъ извѣстную истину, что «трудъ есть наслажденіе», и не находилъ иного духовнаго наслажденія внѣ сферы своей дѣятельности. Это былъ ученый въ буквальномъ и серьезномъ значеніи этого слова и казанскій университетъ вполнѣ справедливо гордился его именемъ. А потому понятной становится та глубокая скорбь его товарищей и учениковъ, которая выражена въ теплыхъ и искреннихъ рѣчахъ, сказанныхъ г.г. Буличемъ и Суворовымъ при погребеніи Маріана Альбертовича Ковальскаго....

Николай Ивановичъ Ильминскій.

.... Не стало Ильминскаго! Перешелъ въ область вѣчности человѣкъ, имя котораго давно сдѣлалось историческимъ на обширномъ пространствѣ восточной Россіи, отъ мордовской Суры до степей киргизовъ и каракалпаковъ. Его безчисленные ученики, въ должностяхъ народныхъ учителей, миссіонеровъ, инородческихъ священниковъ и діаконовъ, достигли своею дѣятельностью юрты бурята и мерзлой тундры остяка и тунгуса. Ограничиваясь скромнымъ званіемъ директора инородческой учительской семинаріи въ г. Казани, Николай Ивановичъ Ильминскій имѣлъ въ рукахъ своихъ незримыя нити, тянувшіяся къ нему отъ всѣхъ намѣченныхъ выше пунктовъ миссіонерской дѣятельности его учениковъ. Посредствомъ этихъ нитей, онъ умѣлою рукою управлялъ, руководилъ и приводилъ въ постоянное, безъостановочное движеніе весь этотъ сложный механизмъ, звуки котораго наполняли радостію его сердце и давали богатые результаты интересамъ государственнаго культа.

Сынъ протоіерея пензенской губерніи, Н. И. Ильминскій родился въ 1822 году. Слѣдовательно онъ немного не дожилъ до 70-лѣтняго возраста. По окончаніи курса въ пензенской духовной семинаріи, покойный поступилъ студентомъ въ казанскую духовную академію въ 1842 году. Въ этомъ году академія только что открылась и Николай Ивановичъ былъ такимъ образомъ въ числѣ первыхъ по времени ея питомцевъ. Вотъ что самъ онъ говоритъ объ этомъ времени въ своихъ воспоминаніяхъ: «Въ 1842 году предположено было и рѣшено открыть казанскую духовную академію. Въ томъ-же году Казань страшно погорѣла. Мы, студенты перваго курса казанской академіи, пріѣхали на дымящіяся еще развалины Казани. Академію долго не открывали. Покойный преосвященный архіепископъ Владиміръ думалъ отложить открытіе на нѣсколько лѣтъ, пока вновь обстроившійся городъ не представитъ больше средствъ къ помѣщенію академіи. Мы были помѣщены въ кельяхъ Спасскаго монастыря, въ крѣпости. Долго мы жили безъ всякаго дѣла,

безъ всякаго почти начальства. Время проходило въ разговорахъ и спорахъ. Въ Спасскомъ монастырѣ жили мы два года, спустя рукава Первые наши начальники были люди добрые, благодушные, оставляли студентовъ безъ всякаго надзора. Въ классы мы ходили вообще не усердно, а на языки, особенно на греческій языкъ, почти всегда являлся одинъ, либо двое, по-очереди. Языки преподавались послѣ обѣда и студенты, кто былъ посолиднѣе, ложились въ это время спать, а иные уходили на прогулку, до чая. Хотя сначала долгая жизнь безъ занятія вообще сблизила студентовъ, но потомъ занятія каждаго шли втихомолку, особенно секретничали сочиненіями. Только въ ежедневныхъ спорахъ отчасти обнаруживалась большая или меньшая даровитость студентовъ. Отъ нечего дѣлать намъ пришла мысль разыграть небольшую комедію. Одинъ студентъ на память изложилъ какую-то комическую сцену, какъ дурачекъ Гурушка пришелъ съ своимъ отцемъ сватать невѣсту. Роль неприступной невѣсты разыгрывалъ я, Бобровниковъ (товарищъ Ильминскаго по академіи) сдѣлалъ мнѣ изъ листа бумаги шляпку, а самъ онъ исполнялъ роль Гурушки.... Первое разсужденіе писали мы по-латыни на тему профессора философіи: «Справедливо-ли мнѣніе Пиѳагора, что философія есть размышленіе о смерти?» Помнится, мы всѣ поняли эту задачу въ нравственномъ смыслѣ и понаписали больше или меньше чепуху. У насъ также были еженедѣльныя сочиненія, которыя давались на одинъ вечеръ Первый публичный экзаменъ былъ въ залѣ архіерейскаго дома.» (См «Ученыя Записки казанскаго университета» 1865 г., V, стр. 420—422).

По окончаніи въ 1846 году курса наукъ въ казанской духовной академіи, Н. И—чъ, а равно и двое товарищей его. Александръ Владимірскій и Алексѣй Бобровниковъ, опредѣлены были на должность баккалавровъ: Ильминскій на классъ арабско-турецкаго языка, Владимірскій—на классъ богословскихъ наукъ и Бобровниковъ—на классъ монгольско-калмыцкаго языка. Черезъ годъ Н. И—чъ назначенъ былъ членомъ комитета, учрежденнаго при академіи, для исполненія Высочайшаго повелѣнія о повѣркѣ татарскаго перевода Новаго Завѣта и перевода на татарскій языкъ богослужебныхъ книгъ православнаго исповѣданія Въ это-же время онъ сталъ преподавателемъ въ академіи исторіи философскихъ системъ. Въ 1848 году Н. И—чъ былъ вызванъ въ С.-Петербургъ для занятія повѣркою переводовъ богослужебныхъ книгъ на татарскій языкъ, а въ 1850 году, съ Высочайшаго соизволенія его командировали въ Дамаскъ, Константинополь и Каиръ на $2^1/_2$ года для собранія основательныхъ свѣдѣній о магометанскомъ ученіи и для усовершенствованія въ языкахъ: арабскомъ, турецкомъ и персидскомъ. По возвращеніи изъ путешествія по Востоку Н. И—чъ опре-

дѣленъ былъ секретаремъ учрежденнаго при казанской духовной академіи редакціоннаго комитета по предпринятому академіей изданію духовно-историческаго журнала: «*Православный Собесѣдникъ*»

Основанный при академіи учено-литературный органъ, подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ, началъ свое существованіе съ 1855 года, по мысли и указанію казанскаго архіерея Григорія Постникова, впослѣдствіи митрополита петербургскаго. Первые годы названнаго изданія представляли глубокій интересъ для лицъ, занимающихся исторіей Благодаря обилію драгоцѣннаго матеріала, хранящагося въ Соловецкой библіотекѣ, не задолго передъ этимъ поступившей въ вѣдѣніе казанской духовной академіи, журналъ *Православный Собесѣдникъ* наполнялся любопытнѣйшими памятниками древне-русской письменности, въ немъ появились: «Просвѣтитель Іосифа Волоцкаго,» сочиненія Максима Грека, «Проскинитарій» Арсенія Суханова, „Меченъ духовный» братьевъ Лихудовъ и проч. Николай Ивановичъ сдѣлался душою академическаго журнала, преподавая въ тоже время при миссіонерскомъ отдѣленіи, открытомъ при академіи, всѣ положенныя въ немъ науки и татарскій и арабскій языки, оставаясь при этихъ должностяхъ и занятіяхъ до конца 1858 года Во все время пребыванія своего въ академіи Н. И. Ильминскій тѣсно сошелся съ товарищемъ своимъ Алексѣемъ Александровичемъ Бобровниковымъ, сыномъ протоіерея изъ Восточной Сибири. Между студентами, а потомъ и между баккалаврами. Ильминскимъ и Бобровниковымъ была самая высшая, идеальная дружба, превратившаяся въ какое-то духовное родство, крѣпкое и сильное единомыслiемъ и единодушіемъ двухъ друзей. Въ 1855 году А. А. Бобровниковъ перешелъ на службу въ Оренбургъ. Сначала онъ былъ попечителемъ киргизовъ въ Орской крѣпости, потомъ совѣтникомъ счетнаго отдѣленія въ оренбургской пограничной коммиссіи Скудость содержанія при академіи заставила этого выдающагося ученаго перемѣнить карьеру и всѣ свои духовные дары посвятить сухому концеляризму счетнаго чиновника. Ильминскій, проводивъ съ тяжелою тоскою друга, попробовалъ остаться на службѣ при академіи, но служба эта была непродолжительна: взоры его были устремлены въ Оренбургскій край, гдѣ скрылся его товарищъ и куда въ скоромъ времени сталъ проситься на службу и Николай Ивановичъ.

Будучи опредѣленъ младшимъ переводчикомъ оренбургской пограничной коммиссіи, Н. И. Ильминскій командированъ былъ оренбургскимъ и самарскимъ генералъ-губернаторомъ къ начальнику рекогносцировочнаго отряда восточнаго берега Каспійскаго моря, полковнику Дандевилю, для содѣйствія въ сношеніяхъ его съ туркменами, и по окончаніи командировки,

назначенъ при областномъ правленіи чиновникомъ для контроля въ степи. Поселившись, такимъ образомъ, въ Оренбургѣ, Ильминскій снова соединился съ другомъ своимъ Бобровниковымъ и между ними возобновились ежедневныя свиданія, среди которыхъ забывалась вся тягота несродной для ихъ натуръ канцелярской службы и они оживали духомъ въ дружескихъ бесѣдахъ, посвящаемыхъ излюбленной наукѣ. Въ 1861 году Н. И. Ильминскій былъ командированъ въ Казань и привезъ отсюда другу своему А. А. Бобровникову ярлыкъ. *Дарма-Балы*, писанный квадратными буквами. Ярлыкъ этотъ подаренъ былъ Ильминскому знаменитымъ Доржи Банзаровымъ. Но еще раньше этой командировки, Н. И—чъ посылаемъ былъ начальникомъ края, генералъ-маіоромъ Данзасомъ въ западную часть области, для размѣщенія тамъ киргизъ, выселенныхъ съ земель Уральскаго казачьяго войска. Къ этому времени относится составленіе Н. И. Ильминскимъ «Самоучителя русской грамоты для киргизовъ», который напечатанъ въ Казани въ 1861 году. Въ концѣ этого года Н. И—чъ переселился снова въ Казань, принявъ должность преподавателя турецко-татарскаго языка въ казанскомъ университетѣ.

Въ шестидесятыхъ годахъ, въ уѣздахъ казанской губерніи, населенныхъ татарами, преимущественно въ тетюшскомъ и свіяжскомъ, возникло глухое броженіе умовъ, порожденное недостаточно искусною дѣятельностью мѣстныхъ миссіонеровъ-просвѣтителей. Масса татаръ, считавшихся по приходскимъ спискамъ и вѣдомостямъ волостныхъ правленій крещеными, оказались въ магометанствѣ. Разные Иваны Петровы, Андреи Васильевы, Дарьи, Прасковьи, Феклы—не хотѣли именовать себя иначе, какъ Юсуфами, Хасанами, Хайбуллами, Биби-Зямалами, Биби-Зюграми и проч., уклоняясь въ тоже время отъ всякихъ обрядовъ православнаго исповѣданія. Администрація, губернская и епархіальная, была озабочена изысканіемъ мѣръ къ предотвращенію грозившей опасности и съ этою цѣлію казанскій вице-губернаторъ Е. А. Розовъ, по распоряженію начальника губерніи, отправленъ былъ въ мусульманскіе улусы названныхъ уѣздовъ для увѣщанія жителей татарскихъ деревень, ушедшихъ изъ православія въ магометанство. По просьбѣ администраціи, совѣтъ казанскаго университета командировалъ въ эту миссіонерскую экспедицію Н. И. Ильминскаго, успѣвшаго уже составить себѣ имя на этомъ поприщѣ основаніемъ въ Казани *крещено-татарской школы,* успѣхи которой, благодаря энергіи ея основателя, а также приглашеннаго имъ къ этому дѣлу толковаго сотрудника, крещенаго татарина В. Т. Тимофеева (ставшаго послѣ православнымъ священникомъ), получили громкую извѣстность въ нашемъ краѣ Служба Н. И-ча въ университетѣ была болѣе номинальная, нежели активная.

Каѳедра его не имѣла обязательныхъ слушателей и всѣ труды лектора обращены были на путь практической дѣятельности по просвѣщенію инородцевъ, для каковой цѣли основано въ Казани, около того-же времени, «Братство святителя Гурія.» Работая въ интересахъ развитія и расширенія задачъ крещено-татарской школы, основатель ея привлекъ нравственнымъ вліяніемъ своимъ и другія силы мѣстнаго ученаго міра къ труду въ этомъ направленіи; незамедлили явиться переводы православно-вѣроучительныхъ и богослужебныхъ книгъ на языки мѣстныхъ инородцевъ: татаръ, вотяковъ, мордвы, чувашъ и черемисъ Возникли толки объ учрежденіи въ Казани болѣе солиднаго центра для этой дѣятельности среди инородцевъ цѣлаго края и въ 1872 году была открыта въ Казани учительская семинарія, долженствующая направить всю свою силу и мудрость къ созданію достаточнаго контингента учителей, наставниковъ, миссіонеровъ и даже іереевъ изъ инородцевъ, воспитанныхъ въ духѣ учительства и проповѣдничества истинъ православія среди язычниковъ. Николай Ивановичъ былъ поставленъ во главѣ этого новаго учрежденія, съ спеціальными цѣлями просвѣщать инородцевъ, и только здѣсь, сдѣлавшись директоромъ инородческой семинаріи, вздохновителемъ и руководителемъ ея принциповъ, покойный нашелъ для своего духа то нравственное удовлетвореніе, котораго тщетно искалъ на прежнихъ поприщахъ своей служебной карьеры.... Здѣсь, среди неусыпныхъ, можно сказать, кипучихъ педагогическихъ и переводческихъ трудовъ, Николай Ивановичъ находилъ истинное свое призваніе. Плоды его обширной и многосторонней дѣятельности въ избранномъ и единственно для него любезномъ направленіи оказались громадны. Они снискали ему благосклонность въ высшихъ сферахъ государственнаго управленія, создали искреннюю переписку съ выдающимся сановникомъ государства К. П. Побѣдоносцевымъ, въ которомъ покойный находилъ всегда ободряющую поддержку въ минуты затрудненія.

Изъ многочисленныхъ печатныхъ трудовъ Н. И. Ильминскаго укажемъ лишь на нѣкоторые, предоставляя людямъ, болѣе насъ свѣдущимъ, сдѣлать ученый обзоръ педагогическихъ, литературныхъ и прочихъ научныхъ сочиненій покойнаго. Мы назовемъ слѣдующіе его труды, вышедшіе отдѣльными изданіями, въ хронологическомъ, повозможности, порядкѣ:

1) Самоучитель русской грамоты для киргизовъ. Казань, 1861 г.

2) Матеріалы для джагатайскаго спряженія изъ Баберъ-Намэ. Казань, 1863 г.

3) Воспоминанія объ Алексѣѣ Александровичѣ Бобровниковѣ. Казань, 1865 г.

4) О переводѣ православныхъ христіанскихъ книгъ на инородческіе языки. Казань, 1875 г.

5) Размышленіе о сравнительномъ достоинствѣ, въ отношеніи языка, разновременныхъ редакцій церковно-славянскаго перевода псалтири и Евангелія. Казань, 1882 г.

6) Изъ переписки по вопросу о примѣненіи русскаго алфавита къ инородческимъ языкамъ. Казань, 1883 г.

7) Къ исторіи инородческихъ переводовъ. Казань. 1884 г.

8) Переписка о трехъ школахъ Уфимской губерніи. Къ характеристикѣ инородческихъ школъ. Казань, 1885 г.

9) Исторія молебнаго пѣнія при начатіи ученія отроковъ. Казань, 1884 г.

10) Опыты переложенія христіанскихъ вѣроучительныхъ книгъ на татарскій и другіе инородческіе языки въ началѣ текущаго столѣтія. Казань, 1885 г.

11) Обученіе церковно-славянской грамотѣ въ начальныхъ народныхъ училищахъ. Книжка первая: для учениковъ; книжка вторая: для учителей. Казань, 1887 г.

12) Казанская центральная крещено-татарская школа Матеріалы для исторіи христіанскаго просвѣщенія крещеныхъ татаръ. Казань, 1887 г.

13) Святое Евангеліе Господа нашего Іисуса Христа отъ Матѳея. Древне-славянскій текстъ. Казань, 1888 г.

14) Бесѣды о народной школѣ. Выпускъ 1-й. Казань, 1888 г.

15) Матеріалы для сравнительнаго изученія церковно-славянскихъ формъ и оборотовъ, извлеченные изъ Евангелія и псалтири. Казань, 1888 г.

16) Святое Евангеліе Господа нашего Іисуса Христа. Древне-славянскій текстъ. Казань, 1889.

17) Образецъ полемики г. пастора Дальтона. Казань, 1890 г.

Кромѣ перечисленныхъ здѣсь трудовъ, покойный печаталъ многія работы, мысли, замѣчанія, возраженія, ставилъ вопросы, посылалъ отвѣты, дѣлалъ разъясненія, давалъ совѣты, и проч. во множествѣ періодическихъ изданій: Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, Ученыхъ Запискахъ казанскаго университета, Православномъ Собесѣдникѣ, Извѣстіяхъ по казанской епархіи, Церковныхъ Вѣдомостяхъ и прочихъ духовныхъ изданіяхъ. Для написанія обстоятельной біографіи Н. И. Ильминскаго и очерка его трудовъ и дѣлъ потребуется нѣсколько томовъ.

Пожелаемъ, чтобы поскорѣе явился историкъ, могущій подробно и правдиво оцѣнить всѣ заслуги его на нивѣ церковно-государственныхъ интересовъ.

28 декабря 1891 года

Воспоминаніе объ А. С. Гацискомъ.

Рѣдѣютъ силы между нами
И гаснутъ свѣтлые огни. ..
И Г.

... Послѣ первыхъ дней скорби, вызванной кончиною Александра Серафимовича Гацискаго, совершенно неожиданною для многихъ товарищей его и почитателей, наступило время собрать въ небольшомъ очеркѣ все, что сохранила память объ этомъ весьма рѣдкомъ и глубоко-симпатичномъ человѣкѣ.

Нижегородская губернія дала русскому обществу не мало видныхъ дѣятелей на поприщѣ науки, литературы и мысли. Назовемъ тѣхъ изъ нижегородцевъ, болѣе или менѣе близкихъ къ современной намъ эпохѣ, имена которыхъ подвернулись случайно на память: Николай Ивановичъ Лобачевскій, знаменитый геометръ († 1856 г.), достойный памятникъ которому съ большимъ торжествомъ открытъ 1 сентября 1896 г. въ Казани, на скверѣ его имени, противъ зданія университета; Василій Павловичъ Васильевъ, синологъ, заслуженный профессоръ петербургскаго университета и ординарный академикъ; Степанъ Васильевичъ Ешевскій, историкъ, бывшій профессоръ казанскаго, а потомъ московскаго университета († 1865 г.); Константинъ Николаевичъ Бестужевъ-Рюминъ, историкъ, бывшій профессоръ петербургскаго университета и ординарный академикъ, нижегородскій мѣщанинъ Осипъ Антоновичъ Больцани, ординарный профессоръ физики казанскаго университета, умершій въ 1876 г. (бумага объ исключеніи нижегородскою городскою думою изъ податнаго оклада нижегородскаго мѣщанина Осипа Больцани послѣдовала совѣту казанскаго университета отъ 1 ноября 1844 г. за № 3826); Мемнонъ Петровичъ Петровскій, славистъ, бывшій ординарный профессоръ казанскаго университета, ученикъ и преемникъ славнаго Григоровича, Павелъ Ивановичъ Мельниковъ (Андрей Печерскій), столь извѣстный беллетристъ-этнографъ, авторъ разсказовъ: «Въ лѣсахъ» и «На горахъ» († 1883 г.); протоіерей Платонъ Егоровичъ Заринскій, очень

почтенный казанскій археологъ († 1881 г.); Викторъ Константиновичъ Савельевъ, казанскій нумизматъ († 1882 г.), Николай Александровичъ Добролюбовъ, извѣстный критикъ, сотрудникъ «Современника», основатель и редакторъ «Свистка» († 1861 г.); Петръ Дмитріевичъ Боборыкинъ, русскій романистъ; Константинъ Викторовичъ Лаврскій, извѣстный писатель и публицистъ, проживающій въ Казани, и множество иныхъ, въ числѣ коихъ встрѣчаются имена пріобрѣвшихъ извѣстность простолюдиновъ, какъ Кулибинъ, Завьяловъ, Вырыпаевъ и др.

Александръ Серафимовичъ хотя не былъ нижегородскимъ уроженцемъ (онъ родился въ Рязани 30 мая 1838 года), но, живя въ Нижнемъ-Новгородѣ съ раннихъ дѣтскихъ лѣтъ, онъ такъ сроднился съ нимъ, что въ кружкѣ людей, знавшихъ покойнаго, давно сложилось убѣжденіе, что Гациского трудно было представить безъ Нижняго, и Нижній—безъ Гациского. Это былъ мѣстный патріотъ-исторіографъ, изслѣдовавшій всю губернію вдоль и поперекъ, изучившій ее до мельчайшихъ подробностей, знавшій жизнь нижегородскаго Поволжья во всѣхъ ея проявленіяхъ: археологическомъ, историческомъ, экономическомъ, юридическомъ, интеллектуальномъ, бытовомъ. Даже такой крупный знатокъ жизни нижегородскаго края, какъ Андрей Печерскій, и тотъ прибѣгалъ нерѣдко къ компетенціи Александра Серафимовича по нѣкоторымъ вопросамъ, касавшимся мѣстной культуры.

Будучи нижегородцемъ отъ головы до пятокъ и вполнѣ русскимъ по духу и убѣжденіямъ, А. С. Гацискій былъ, однакоже, литовскаго происхожденія и принадлежалъ къ лютеранскому вѣроисповѣданію. Отецъ его, Серафимъ Петровичъ Дахновичъ-Гацискій, кончившій курсъ въ виленскомъ университетѣ, былъ врачъ*). Онъ долго служилъ въ Малороссіи, потомъ жилъ въ Рязани и, наконецъ, переселился (въ 1847 году) въ Нижній-Новгородъ, гдѣ и сложилъ свои кости лѣтъ пятнадцать тому назадъ. Серафимъ Петровичъ былъ сынъ знатнаго и когда-то очень богатаго дворянина западнаго края, владѣльца живописнаго имѣнія «Гацищи»**), новогрудскаго уѣзда, Минской губерніи, который всю свою жизнь занимался псовою охотою. Онъ любилъ широко и весело пожить, вслѣдствіе чего прекрасное имѣніе его продано было чуть-ли не съ молотка. Дѣти его остались безъ всякаго наслѣдства, такъ что всю заботу, какъ о своей будущности, такъ и о судьбѣ семерыхъ сестеръ-дѣвицъ,

*) Фактическія данныя о родителяхъ Гациского и его дѣтствѣ сообщены автору очерка самимъ Александромъ Серафимовичемъ въ письмахъ отъ 29 октября 1875 г. и отъ 9 января 1876 г.

**) Въ фамильныхъ бумагахъ Александра Серафимовича есть свѣдѣніе, что имѣніе „Гацищи“ пожаловано его предкамъ польскимъ королемъ Сигизмундомъ I

Серафимъ Петровичъ долженъ былъ нести на своихъ плечахъ. Благодаря природному уму, благородному и уживчивому характеру и неустанному трудолюбію, Серафимъ Петровичъ преодолѣлъ всю тяжесть сцѣпившихся обстоятельствъ и вышелъ побѣдителемъ изъ неравной борьбы. Живя уроками, онъ окончилъ курсъ виленской гимназіи, а за нею и мѣстнаго университета, и поступилъ на службу. Свободный и благодѣтельный трудъ врачевателя физическихъ недуговъ человѣка былъ всегда любимѣйшимъ и единственнымъ занятіемъ его во всей жизни

Мать Александра Серафимовича имѣетъ болѣе сложную генеалогію. Она была уроженка Ревеля, нѣмка по воспитанію, француженка по происхожденію (съ материнской стороны). Дѣдъ ея, французскій графъ, игравшій видную роль при дворѣ Людовика XVI, послѣ казни этого короля, эмигрировалъ въ Россію, съ паспортомъ на имя какого-то чеха «Свободы», и поселился въ Ревелѣ, строго скрывая свою настоящую фамилію. Его дочь (родная бабушка Александра Серафимовича) во всѣхъ актахъ именовалась «Свободой». Родившись въ Ревелѣ, она выросла нѣмкой и вышла замужъ за нѣмца, драгунскаго маіора русской службы, принимавшаго участіе во всѣхъ походахъ 1807—1814 г.г. и умершаго отъ ранъ Дочь сего послѣдняго, выйдя за врача Серафима Петровича Дахновича-Гацискаго, была матерью Александра Серафимовича.

Первые годы супружества родители Гацискаго провели, какъ уже замѣчено выше, въ Малороссіи, среди хохловъ. Александръ Серафимовичъ иногда, смѣясь, говаривалъ въ кругу своихъ пріятелей, что въ развитіи его ума и сердца участвовали элементы: русскій—отъ няньки, имѣвшей на него большое воспитательное вліяніе (она умерла въ Нижнемъ въ 1867 г.), польскій—отъ отца, нѣмецкій—отъ матери, французскій—отъ учителя m-r Жако и малороссійскій—отъ воздѣйствія на характеръ родителей и его самого украинской жизни и природы, столь пламенно и страстно воспѣтой Гоголемъ и Тарасомъ Шевченко.

Въ 1849 году Александръ Серафимовичъ поступилъ во 2-й классъ нижегородской гимназіи. О гимназическомъ періодѣ его жизни мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, но изъ университетскаго времени было вынесено много впечатлѣній, съ которыми покойный успѣлъ подѣлиться даже съ публикой, напечатавъ небольшой, посвященный этому времени очеркъ подъ заглавіемъ: «Страничка изъ жизни пятидесятыхъ годовъ» (см. «Казанскій Литературный Сборникъ» 1878 года, стр. 161—176). Въ гимназіи Гацискій кончилъ курсъ въ 1855 году.

«Отъ насъ, гимназистовъ, отбирали подписку объ избраніи рода жизни»,—говоритъ Александръ Серафимовичъ въ названномъ очеркѣ.—«Кто записывался въ военную службу, кто въ

гражданскую. Мнѣ почему-то очень нравился голубой студенческій воротникъ, и я, не колеблясь, написалъ, что желаю поступить въ университетъ. Но этого мало: начальство требовало назвать факультетъ. Я и тутъ нашелся: неумѣренно предаваясь стихоплетству и зная отъ нашего учителя словесности, что есть историко-филологическій факультетъ, я его и избралъ своимъ «родомъ жизни». Такое легкое опредѣленіе своего будущаго призванія дѣлалось такъ скоро потому, что передъ самымъ окончаніемъ курса мнѣ исполнилось всего 17 лѣтъ, и если теперешнюю молодежь иногда упрекаютъ въ чрезмѣрной практичности, то мы ужъ вовсе были свободны отъ подобнаго упрека.

«17-го іюля сѣлъ я на буксирный пароходъ «Волна» (спеціально пассажирскіе пароходы тогда еще по Волгѣ не ходили) и былъ сильно польщенъ тѣмъ, что ѣхавшій на немъ-же въ Казань старый студентъ-медикъ Г. первый со мною познакомился и обращался какъ съ ровней. Узнавши, что я намѣренъ поступить на историко-филологическій факультетъ, Г. убѣдилъ меня (не помню уже какими доводами), что-всего лучше избрать камеральный разрядъ юридическаго факультета.

«На третій день, къ вечеру, увидали мы Казань. По дамбѣ, по которой теперь ходятъ кареты конно-желѣзной дороги, въ то время никто не ѣздилъ, предпочитая ей дорогу лугами. Мы наняли ломоваго извощика, сложили въ его телѣгу свои пожитки и усѣлись на нихъ. Поднявшись на Воскресенскую улицу, я оставилъ Г. и помѣстился въ номерахъ Акчурина (теперешній Hôtel de France), давши Г. слово быть у него на другой день часовъ въ 10 утра. До сумерекъ оставалось еще часа полтора, и потому я пошелъ прогуляться, но, увидавъ въ лавкахъ гостиннаго двора студенческія шпаги, не утерпѣлъ, купилъ себѣ это соблазнительное оружіе, магически превращавшее гимназиста-мальчишку въ студента, и, забывъ о прогулкѣ, пошелъ домой, провозившись вечеръ съ шпагой.

«У меня было нѣсколько рекомендательныхъ писемъ къ двоимъ-троимъ профессорамъ, частью товарищамъ моего отца по виленскому университету, частью знакомыхъ ему по экзамену его на званіе акушера, который онъ держалъ въ казанскомъ университетѣ за годъ передъ тѣмъ. Профессоръ К. принялъ меня очень радушно, продиктовалъ мнѣ самъ прошеніе, отослалъ его къ ректору и уговаривалъ переѣхать изъ номеровъ къ себѣ. Какъ только мнѣ объявили, что всѣ бумаги въ исправности, что я буду принятъ въ университетъ, я тотчасъ уѣхалъ обратно въ Нижній, такъ какъ до начала лекцій оставалось еще почти два мѣсяца.

«Въ концѣ августа я снова пріѣхалъ въ Казань, написавши, конечно, по этому поводу множество раздирательныхъ стихотвореній. По пріѣздѣ въ Казань, я аккуратно ходилъ на лекціи,

посѣщалъ даже чтенія лектора французскаго языка де-Пляньи, аудиторія котораго была совершенно почти пуста Знакомствъ съ студентами я не заводилъ, боясь оргій.

«Камеральный разрядъ юридическаго факультета былъ смѣсью всевозможныхъ наукъ, рядомъ съ государственнымъ правомъ читалась ботаника, съ исторіей—зоологія, съ политической экономіей—химія и. т. д. Я чувствовалъ больше нерасположеніе къ такой смѣси и въ первое-же полугодіе подумывалъ о перемѣнѣ факультета, склоняясь къ чисто юридическому и еще болѣе къ историко-филологическому, на которой „подписался“ еще въ гимназіи. Но меня отговорилъ отъ моего желанія—кто бы могъ это подумать! покойный В. И. Григоровичъ, котораго я встрѣтилъ однажды вечеромъ у бывшаго казанскаго почтмейстера Дубровскаго сидящимъ вмѣстѣ съ какимъ-то іеромонахомъ и толковавшимъ объ Аѳонѣ. Думаю, что мотивы свои Викторъ Ивановичъ, главнымъ образомъ, почерпнулъ, глядя на мою черезъ-чуръ юную и, какъ нѣкоторые выражались, «конфектную» физіономію, далеко не историко-филологическаго выраженія. Къ Виктору Ивановичу я чувствовалъ величайшее почтеніе, впослѣдствіи еще болѣе осмысленное, когда я съ нимъ имѣлъ случай довольно близко сойтись (около двухъ мѣсяцевъ я даже жилъ съ нимъ въ одной квартирѣ), и поэтому я безпрекословно слушался его и остался на камеральномъ, порхая вмѣстѣ съ своими товарищами изъ „Ивановской“ аудиторіи въ химическую лабораторію, отъ С. В. Пахмана къ Н. П. Вагнеру и. т. д. Н. И. Ивановъ, читавшій русскую исторію, произвелъ на меня какое-то странное впечатлѣніе: онъ еще пользовался своей прежней славой, и я положительно, какъ ни силился, не могъ увлекаться его лекціями, казавшимися мнѣ холодными, ходульными, но молчалъ, въ виду общаго поклоненія ему, которое, однако, мгновенно, испарилось, когда съ второго семестра его замѣнилъ у насъ С. В. Ешевскій, привлекшій въ свою аудиторію не только полный составъ своихъ обязательныхъ слушателей, но и медиковъ, никогда не появлявшихся въ такъ-называемыхъ общихъ аудиторіяхъ.

«Чтенія С. В. Пахмана (государственное право) или, вѣрнѣе сказать, философскіе термины, обильно разсыпанные въ этихъ чтеніяхъ, мнѣ донельзя нравились, такъ какъ я питалъ слѣпую привязанность къ философіи и даже находилъ какое-то необъяснимое удовольствіе въ чтеніи такихъ философскихъ сочиненій, которыя плохо понималъ.

«Къ химіи я не чувствовалъ никакой склонности, но съ большимъ удовольствіемъ слушалъ (именно только слушалъ) лекціи А. М. Бутлерова, который такъ мастерски ихъ читалъ, что можно было слушать ихъ, какъ музыку. Такое слушанье имѣло для меня результатомъ полученіе на репетиціяхъ (передъ

рождественской вакаціей) единицы. Чтобы поправиться, я сталъ заниматься, со второй половины полугодія, въ химической лаборатоpіи, но вплоть до экзаменовъ все добывалъ марганцовую кислоту и такъ и не добылъ.... Посѣщалъ я также лекціи профессоровъ и не своего факультета: на нѣкоторыя ходилъ вслѣдствіе возбуждаемаго ими во мнѣ интереса (напримѣръ, къ В. И. Григоровичу), на другія—ради курьеза.

«Моя уединенная жизнь продолжалась только въ теченіе перваго полугодія. Со второго я сошелся со многими товарищами и вошелъ во вкусъ тогдашняго студенческаго быта, преимущественно выражавшагося въ дружныхъ попойкахъ и въ ночныхъ прогулкахъ по улицамъ съ громкими пѣснями. Справедливость, однако, требуетъ сказать, что тому кружку, въ которомъ я вертѣлся, не были чужды, если не научные, то литературные интересы. Для меня лично развеселое студенческое житье умѣрялось еще тѣмъ, что я писалъ разныя студенческія сценки, стихи на случай и, кромѣ того, довольно аккуратно велъ свой дневникъ, сохранившійся въ видѣ объемистой тетради листовъ въ пятьдесятъ.... Мы сходились нерѣдко и для литературныхъ чтеній, на которыхъ читали и спорили о прочитанномъ; въ антрактахъ пѣли. Происходили у насъ иногда и научныя бесѣды, но преимущественно курьезнаго характера. Такъ, живо помню одну изъ нихъ. Мы уговорились бесѣдовать на тему. Темой была избрана слѣдующая: «О необходимости существованія въ государствѣ средняго сословія». Бесѣда шла очень оживленно, держась преимущественно на остротахъ и неожиданныхъ сближеніяхъ и заключеніяхъ, и разрослась, отклонившись далеко въ сторону отъ данной темы, до того, что кстати припомнилось замѣчаніе В. В. Марковникова (студента натуралиста, который былъ потомъ профессоромъ химіи, сначала казанскаго, а потомъ московскаго университета), что, по Либиху, рюмка водки, выпитая передъ обѣдомъ, нисколько не возбуждаетъ аппетита....»

Эпоха пребыванія Александра Серафимовича въ казанскомъ университетѣ была переходною отъ старыхъ порядковъ къ новымъ, отъ кутежей и карцера къ интересамъ болѣе серьезнаго характера, о которыхъ въ прежнее время страшно-бы было сдѣлать даже въ умѣ какое-либо представленіе. Прежде какую мертвечину не прочти съ каѳедры, студенты (за весьма немногими счастливыми исключеніями) относились къ этому безучастно и апатично: тупо записывали, тупо зубрили. Одинъ изъ новыхъ профессоровъ словеснаго факультета вздумалъ было оживленностью своихъ лекцій возбудить умственную работу въ головахъ юныхъ слушателей, но увы! всѣ розовыя мечты его разбились: такъ сильна была спячка на историко-филологическомъ факультетѣ передъ наступленіемъ новой эпохи. Отъ не-

торико-филологическаго не отставалъ и юридическій факультетъ со своимъ пресловутымъ камеральнымъ отдѣленіемъ, давшимъ впослѣдствіи русской наукѣ не мало бездарныхъ профессоровъ) благодаря неразборчивой протекціи Киттары). Впрочемъ, лучшіе представители каѳедръ юридическаго факультета бѣжали изъ Казани въ другіе университеты. Такъ, А. Г. Станиславскій и С. В. Пахманъ ушли въ Харьковъ, а Д. И. Мейеръ—въ С.-Петербургъ. Это были одни изъ даровитѣйшихъ профессоровъ нашего университета. О послѣднемъ изъ нихъ даже люди допотопнаго образа мыслей отзывались въ такихъ выраженіяхъ: «Дмитрій Ивановичъ Мейеръ былъ одинъ изъ самыхъ благороднѣйшихъ людей, какихъ только видали на каѳедрахъ своихъ русскіе университеты: имъ долженъ гордиться казанскій университетъ». Профессоръ Станиславскій оставилъ по себѣ не менѣе славную память (въ концѣ 1868 года Антонъ Григорьевичъ снова перешелъ въ казанскій университетъ на каѳедру энциклопедіи права и пробылъ здѣсь до самой отставки своей, испрошенной имъ въ 1879 году. Онъ умеръ въ августѣ 1883 года).

Чтобы пробудить въ студентахъ, словесникахъ и юристахъ, интересъ къ наукѣ, нѣкоторые профессоры употребляли иногда оригинальныя мѣры. Многіе изъ старыхъ студентовъ казанскаго университета, вѣроятно, помнятъ, какъ одинъ профессоръ (Гилярій Лукашевскій), послѣ долгой и тщетной попытки привлечь вниманіе слушателей къ важности идей, вложенныхъ въ основу читаемаго имъ курса, прибѣгнулъ къ слѣдующему довольно остроумному способу вразумленія: онъ, явясь на ступеняхъ каѳедры, быстро передвинулъ кресло, и, сѣвъ спиною къ слушателямъ, началъ чтеніе. Когда, послѣ нѣкотораго недоумѣнія, кто-то изъ студентовъ робко спросилъ профессора о причинѣ необычайнаго явленія, тотъ отвѣтилъ, что читать ему все равно: что имъ, что стѣнѣ. Такое уязвленіе не въ бровь, а въ глазъ отрезвило значительную часть университетской молодежи, но большинство попрежнему оставалось бездушною и искало развлеченія въ попойкахъ и скандалахъ.... Къ этому времени относится возникновеніе и той пѣсни, которая до сего времени не утратила своей популярности между казанскими студентами:

Гдѣ Варламій святой,
Съ золотой головой,
Межъ горѣлыхъ домовъ
Возвышается;
* * *
Гдѣ съ Казанкой-рѣкой,
Словно братецъ съ сестрой,
Грязный, тинный Булакъ
Обнимается,—

Отъ зари до зари,
Какъ зажгутъ фонари,
Вереницей студенты
Шатаются.

И ужъ какъ ни смотри,
Хоть ты въ оба, хоть въ три,
Не узнать, чѣмъ они
Занимаются.

А Варламій святой,
Съ золотой головой,
Сверху глядя на нихъ
Улыбается.

и т д

Вскорѣ послѣ поступленія Александра Серафимовича въ казанскій университетъ начался въ жизни этого разсадника высшаго просвѣщенія періодъ обновленія, какъ мы уже упомянули объ этомъ раньше. Старое поколѣніе студентовъ смѣнилось новымъ, а между профессорами типы каменнаго вѣка и свайныхъ построекъ смѣнились представителями учености новѣйшей, только что народившейся культурной фармаціи. Предъявленія къ наукѣ иныхъ требованій не замедлили возникнуть на первыхъ-же порахъ.. Къ сожалѣнію, на эти предъявленія взглянули не такъ, какъ ожидалось. Прошло еще нѣсколько времени—и открылся продолжительный и крайне печальный рядъ студенческихъ исторій....

Съ появленіемъ въ казанскомъ университетѣ новаго, свѣжаго контингента слушателей и самая поэзія студенческая приняла иное направленіе. Въ ней уже не было мѣста воспѣванію трущобныхъ городскихъ закоулковъ, въ темнотѣ которыхъ студенты любили пропадать на цѣлыя ночи. Содержаніе новой музы студентовъ посвящено было критической оцѣнкѣ современнаго состоянія университетской науки и личности ея преподавателей. Вотъ, въ видѣ образца, два студенческихъ стихотвореній этой эпохи, изъ которыхъ первое принадлежитъ перу студента Карлина, а другое—перу студента Гацискаго (Александра Серафимовича):

I.

Инспектору *Ланге*
Дѣлаетъ то честь,
Что часто ходитъ къ Станге*)
Узнать, кто тамъ есть,
Нашъ профессоръ *Фогель*
Дома, вечеркомъ,
Тянетъ гоголь-моголь

*) Старинный винный погребъ въ Казани, на Воскресенской улицѣ, содержавшійся нѣмцемъ Иваномъ Богдановичемъ Станге.

Иль чистѣйшій ромъ
А *Поповъ* короткій,
Онъ-же интегралъ,
Сильно занятъ водкой,
Оттого и малъ
Поповъ долговязый,
Онъ-же и монголъ *),
Подпираетъ разомъ
Потолокъ и полъ
Мишенька *Славянскій*
Ходитъ пѣтушкомъ,
Изъ породы шпанской
Съ краснымъ гребешкомъ
Дядюшка *Ровинскій*
Мѣдаль получилъ,
Чѣмъ себя прославилъ
А насъ удивилъ
Профессоръ *Ивановъ*
Тянетъ сивалдай,
Выпьетъ хоть пять жбановъ
Только подавай!..
Камбекъ фигуральный,
Философъ кривой,
Крикнетъ натурально,
„Точка съ запятой**)“!
Изъ Одессы *Мейеръ*
Къ намъ пріѣхалъ вновь
(Баронессы Дитрихъ
Грѣшная любовь).
А Евграфъ *Осокинъ*
Говоритъ мастакъ:
Во рту словно каша,
А въ глазахъ столбнякъ.
и такъ далѣе .

II.

Молодымъ либераламъ, профессорамъ казанскаго университета:

Я—кій да Больцани,
Князь,***) Сутковскій, да Козловъ,
Да еще подобной дряни
Было множество головъ.
Филологи и юристы,—
Всѣ, въ комъ совѣсть умерла,
Чьи сердца давно нечисты,

---

*) Александръ Васильевичъ Поповъ, профессоръ монгольской словесности, былъ высокаго роста, въ противоположность упоминаемому въ предыдущихъ строкахъ этого стихотворенія Александру Ѳедоровичу Попову, профессору чистой математики, который былъ ростомъ очень малъ.

**) Логинъ Ѳедоровичъ Камбекъ, профессоръ римскаго права, имѣвшій обыкновеніе диктовать студентамъ свои лекціи, произнося при этомъ и знаки препинанія

***) Князь Вяземскій—попечитель округа

Чьи сомнительны дѣла
Собралося это стадо
Подъ защитою штыковъ,
Съ ними былъ, какъ ждать и надо,
Психологъ и богословъ.
И засѣлъ совѣтъ лукавый
Въ домъ подъ сѣнію креста
„—Отпустить, кричитъ, Варраву
И замучить вновь Христа!
Все, что молодо, что смѣло,
Чей языкъ не льстивъ и строгъ,
Въ комъ святая искра тлѣла,—
Всѣхъ въ изгнанье, иль въ острогъ"
Гдѣ-жъ вы были, молодые
Либералы, крикуны,
Вы враги неподкупные
Пресловутой старины?
Что вы дѣлали?.. Ужели
Вслѣдъ за Буличемъ пошли,
Предъ Больцани онѣмѣли,
Съ княземъ дружбу завели.
Или попъ пугнулъ васъ адомъ,
Или каторгой Кремлевъ,
Иль Осокинъ мутнымъ взглядомъ
И мычаніемъ безъ словъ?
Иль примѣръ вамъ былъ забытый—
Григоровичъ буквоѣдъ.
Или Блосфельдъ—мужъ маститый,
Обезумѣвшій отъ лѣтъ
Или Чебышевъ, семействомъ
Удрученный черезъ-чуръ,
Зедерштедтъ съ своимъ лакействомъ,
Иль Сутковскій—самодуръ?
Въ чемъ найдете оправданье?
Или такъ-же, какъ Пилатъ,
Рукъ нечистыхъ умыванье
Вы начнете всѣ сподрядъ?
Тридцать сребренниковъ дали
Тамъ Іудѣ за Христа.
Вы, скажите,—сколько взяли,
Погубивши больше ста?
Что-жъ молчите? . Отвѣчайте,
Честныхъ гражданъ вожаки,
Иль во вражій станъ ступайте:
Васъ обнимутъ старики!..

Другія стихотворенія, относящіяся къ этому и послѣдующему времени, по тѣмъ или другимъ соображеніямъ, оглашенію въ печати не подлежатъ, за не наступленіемъ для этого надлежащей поры. Равнымъ образомъ и самая характеристика внутренней университетской жизни этого періода должна быть предоставлена перу будущаго историка. Мы же на этомъ прерываемъ наше повѣствованіе о казанскомъ университетѣ въ связи съ пребываніемъ въ немъ Александра Серафимовича, тѣмъ болѣе, что послѣдній къ этому времени успѣлъ кончить въ немъ курсъ

и уѣхать въ свой любезный Нижній. Послѣдуемъ и мы за нимъ туда

А. С. Гацискій кончилъ курсъ юридическихъ наукъ въ казанскомъ университетѣ въ 1861 году. Здѣсь слѣдуетъ объяснить, почему, поступивши въ университетъ въ 1855 году, онъ кончилъ его не черезъ четыре года, какъ слѣдовало-бы, а черезъ шесть лѣтъ. Дѣло въ томъ, что, видя оскудѣніе ученыхъ силъ въ казанскомъ университетѣ (за уходомъ Мейера, Станиславскаго и Пахмана, о которыхъ упомянуто выше, этотъ университетъ покинули въ 1858 году еще три громкихъ имени: И. К. Бабстъ, С. В. Ешевскій и М. Я. Киттары), Александръ Серафимовичъ вздумалъ тоже бросить Казань. Въ іюлѣ 1858 года онъ взялъ обратно свои документы и уѣхалъ въ Петербургъ, съ цѣлью поступить въ тамошній университетъ. Еще задолго до этого переселенія, симпатіи къ казанскому университету подорваны были въ Гацискомъ пріятелемъ его, студентомъ Боборыкинымъ, тоже воспитанникомъ нижегородской гимназіи, который, бросивъ казанскій университетъ, уѣхалъ въ Дерптъ (нынѣ Юрьевъ) и прислалъ оттуда длинное письмо, листахъ на десяти, адресованное всѣмъ студентамъ казанскаго университета. Въ письмѣ П. Д. Боборыкинъ (теперь очень извѣстный беллетристъ) громилъ казанцевъ, проводилъ параллель между Казанью и Дерптомъ. Письмо было написано мастерски; но большая часть студентовъ обидѣлась имъ, хотѣла отвѣчать, но отвѣта не послѣдовало. «Не отвѣчали обидѣвшіеся, по словамъ А. С. Гацискаго, потому, что ничего было отвѣчать, а обидѣлись потому, что правда колола глаза. Не щадились профессоры, за исключеніемъ конечно тѣхъ, о которыхъ нечего было сказать дурного: но не щадились и студенты съ ихъ бездѣльничаньемъ и повальными кутежами»*). Вѣрную характеристику тогдашнихъ университетскихъ нравовъ въ Казани любопытные могутъ почерпнуть изъ книги Боборыкина: «Въ путь-дорогу». Гацискій говоритъ**), что „всякій студентъ казанскаго университета пятидесятыхъ годовъ, прочитавши относящіяся къ нимъ главы романа Боборыкина, вполнѣ сознаетъ, что картина, набросанная авторомъ, вѣрна тогдашней дѣйствительности и подробности ея нисколько имъ не преувеличены. Если студентовъ послѣдующаго времени часто укоряли въ томъ, что они вдаются въ занятія тѣми знаніями и предметами, которые должны быть удѣломъ болѣе взрослыхъ людей, то студентовъ описываемаго Боборыкинымъ времени можно было (въ огромномъ большинствѣ случаевъ) только укорить въ «отсутствіи» стремленія къ

*) См. „Казанскій Литературный Сборникъ“ 1878 г., стр 171

**) См. „Нижегородскія Губернскія Вѣдомости“ 1865 г., № 23.

какому-бы то ни было знанію. Профессоры историко-филологическаго и юридическаго факультетовъ (за исключеніемъ двухъ-трехъ) отличались никакъ не тѣмъ, чтобы расширить рамки своего преподаванія, но, напротивъ, старались до крайности съузить и безъ того тѣсную и безцвѣтную программу своихъ чтеній. Нисколько не должно показаться удивительнымъ, если я скажу, что записывать лекціи такихъ профессоровъ не было никакой надобности: листки эти были очень четко и красиво составлены студентами лѣтъ пятнадцать раньше и, только затаскавшись и нѣсколько оборванные, переходили отъ одного университетскаго поколѣнія къ другому. Записывать-же за профессоромъ считалось необходимымъ только тому студенту, который хотѣлъ «отличиться», на самомъ-же дѣлѣ подобной записыватель занимался этимъ пріятнымъ препровожденіемъ времени лишь для формы, и, приходя домой, преспокойно рвалъ свои гіероглифы, а къ экзамену готовился, конечно, по старымъ, уже готовымъ и отдѣланнымъ запискамъ, гдѣ безцеремонно было зачеркнуто то, что обыкновенно профессоромъ на экзаменѣ не спрашивалось, т. е. «музыка», по тогдашнему выраженію, и, напротивъ, подчеркнуто то, на что онъ болѣе всего напиралъ...»

Въ петербургскомъ университетѣ Александръ Серафимовичъ пробылъ до конца 1859 года. Въ январѣ 1860 года онъ снова пріѣхалъ въ казанскій университетъ и оставался здѣсь до окончанія курса, помѣстившись на жительство въ зданіи астрономической обсерваторіи, въ квартирѣ директора оной, профессора-астронома М. А. Ковальскаго, который былъ женатъ на сестрѣ А. С. Гацискаго, Генріеттѣ Серафимовнѣ. Лѣто 1860 года Александръ Серафимовичъ провелъ за границей: жилъ 5 дней въ Ахенѣ, вмѣстѣ съ профессоромъ Ешевскимъ, и въ продолженіи мѣсяца слушалъ лекціи берлинскихъ профессоровъ. Такимъ образомъ, потерявъ за два года, благодаря перемѣщенію въ петербургскій университетъ, онъ въ 1861 году кончилъ курсъ, послѣ сильныхъ передрягъ, пережитыхъ въ этомъ году казанскимъ университетомъ вслѣдствіе студенческихъ волненій: весною—по случаю такъ-называемой «Щаповской исторіи», а осенью, въ октябрѣ мѣсяцѣ, по случаю такъ-называемой «Вяземской исторіи». Время это уже подвергалось въ печати обзору двухъ историковъ; но, къ сожалѣнію, оба обзора не отличаются правдивостью, потому что авторы усиленно старались скрыть истину. Эпоха эта ожидаетъ болѣе безпристрастнаго изслѣдователя, не способнаго къ умышленному искаженію дѣйствительности....

Ко времени пребыванія А. С. Гацискаго въ петербургскомъ университетѣ слѣдуетъ отнести и начало его занятій литературою. Въ это время въ С.-Петербургѣ стала возникать усиленная журнальная дѣятельность и публицистика. Подгнивали вѣ-

ковые устои крѣпостничества. Повсюду раздавалось очень всѣмъ извѣстное тогда восклицаніе: «гуманность, цивилизація, прогрессъ!» Этотъ петербургскій девизъ, повторяемый на тысячу ладовъ, какъ пѣсня «Соловья» въ крыловской баснѣ, стремился заглушить собою другой девизъ, московскій, созданный лѣтъ за десять передъ этимъ временемъ графомъ С. С. Уваровымъ и который московскіе фарисеи, вродѣ извѣстнаго Хомякова, начертали тогда на своемъ знамени («Православіе, Самодержавіе, Народность!»)·—Время было самое кипучее. Куда не взглянешь, вездѣ жизнь била стремительнымъ ключемъ, какъ весенняя вода послѣ продолжительной зимы. Каждый петербургскій прогрессистъ непремѣнною обязанностію считалъ, устремивъ въ упоръ глаза свои въ лицо встрѣчнаго и поперечнаго, продекламировать передъ нимъ:

Современный общественный дѣятель
Долженъ все подвигаться впередъ,
Какъ прогресса и разума сѣятель,
А не спать, какъ тупой идіотъ!.
Устыдися, душа ты канальская!
Ты иди-ка за мною, лѣнтяй,
Если есть въ тебѣ честь мало-мальская,
Поспѣшай, поспѣшай, поспѣшай! и т д.

Мягкая и впечатлительная натура Александра Серафимовича не могла не поддаться обаянію тогдашней умственной ажитаціи, охватившей мыслящее русское общество не только въ столицахъ, но и въ самыхъ отдаленныхъ углахъ провинціи, когда катковскій «Русскій Вѣстникъ» ставилъ ребромъ передъ Дельфійскимъ оракуломъ такіе вопросы:

Брось твои иносказанья
И гипотезы пустыя,
На проклятые вопросы
Дай отвѣты мнѣ прямые:
Отчего подъ нашей крестной
Весь въ крови влачится правый?
Отчего вездѣ безчестный
Встрѣченъ почестью и славой?*)

Могъ-ли, говоримъ, юноша Гацискій, съ восторженными, чистыми чувствами оставаться безучастнымъ среди такого всеобщаго умственнаго оживленія. Онъ заперся въ своей каморкѣ, и къ утру написалъ сатирическій этюдъ: «Изъ записокъ офицера», который (этюдъ) и былъ напечатанъ въ №№ 25 и 27 «Искры» Курочкина за 1859 годъ. Это было первое литера-

*) См. „Русскій Вѣстникъ“ 1860 г., августъ, кн I, Современная Лѣтопись, стр. 254

турное произведеніе А. С. Гацискаго. За первымъ очеркомъ послѣдовалъ второй, за вторымъ третій и все въ той-же «Искрѣ» и за тотъ-же годъ.

Впрочемъ, интересно привести здѣсь разсказъ самого Александра Серафимовича о своей петербургской жизни описываемаго времени:

«.... Литературно-политико-общественное движеніе петербургскаго студенчества конца пятидесятыхъ годовъ задѣло меня всего сильнѣе одной своей стороной—литературной, не оставлявшей меня и на берегахъ Казанки и Булака, но выражавшейся тамъ, главнымъ образомъ, въ стихотворныхъ пѣсенькахъ элегическаго содержанія и стишкахъ, куплетцахъ и анекдотическихъ сценкахъ изъ студенческаго міра, дальше рукописныхъ тетрадокъ и товарищескаго кружка не заходившихъ... На берегахъ Невы зародилось во мнѣ непреодолимое желаніе «печататься». .

«Искра» въ то время только-что появилась и сразу пріобрѣла блестящее положеніе. Я спалъ и видѣлъ, какъ-бы познакомиться съ Василіемъ Степановичемъ Курочкинымъ и попасть въ число его сотрудниковъ; послѣднее во мнѣ таилось въ глубинѣ души, въ формѣ самого неопредѣленнаго и несбыточнаго мечтанія. Увидать Курочкина, но еще не познакомиться съ нимъ, помогъ мнѣ одинъ изъ моихъ товарищей, С., теперь очень почтенный pater familias, тогда юркій «дѣятель», тершійся во всѣхъ мало-мальски либеральныхъ кружкахъ Петербурга, всѣми силами души жаждавшій попасть «на замѣчаніе» и, кажется, дѣйствительно попавшій за рѣчь, сказанную имъ на похоронахъ художника Иванова, кончина котораго облеклась тогда въ «политическое событіе», по общей страсти къ нимъ, такъ-же, какъ нѣсколько позднѣйшая кончина пѣвицы Бозіо. Съ помощью С. попалъ я зимой 1858-1859 г. на обѣдъ въ знаменской гостинницѣ, только что въ то время отстроенной. Не помню, по чьей иниціативѣ устроился этотъ обѣдъ, помню только, что говорилось что-то о сближеніи литераторовъ съ молодежью. То было время всеобщаго сближенія, искренняго, молодого, которымъ увлекались и далеко немолодые люди сороковыхъ годовъ... Не то сближеніе, которое практиковалось позднѣе, въ 1865 году, напримѣръ, въ Нижнемъ-Новгородѣ, когда бывшій предсѣдатель ярморочнаго биржевого комитета А. П. Шиповъ, воспользовавшись пріѣздомъ на ярморку нѣсколькихъ петербургскихъ литераторовъ, устроилъ торжественный обѣдъ съ цѣлью сближенія литературы съ почтеннымъ ярмарочнымъ купечествомъ, и когда извѣстный Илья Арсеньевъ безъ околичностей обругалъ, въ своей застольной рѣчи, именитыхъ представителей купечества «по Гоголю» аршинниками и христопродавцами.

На обѣдѣ въ знаменской гостинницѣ увидѣлъ я впервые В. С. Курочкина. Написавъ одинъ животрепещущій очеркъ («Изъ записокъ офицера»), я снесъ его съ замираніемъ сердца на уголъ Итальянской и Эртелева переулка, гдѣ тогда жилъ Василій Степановичъ. Но его я не засталъ и отправилъ ему очеркъ по городской почтѣ.. Лѣтомъ 1859 года, живя на вакаціи въ Нижнемъ, я увидѣлъ свой очеркъ напечатаннымъ въ «Искрѣ». Нынѣшнее молодое поколѣніе не такъ чувствительно къ писательству. но мы, начинавшіе жить въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, дѣлали изъ литературы предметъ чуть-ли не благоговѣйнаго культа, и потому можно себѣ представить мой восторгъ при видѣ своего произведенія въ печати, да еще въ такомъ представителѣ ея, какимъ была тогда «Искра».

Къ осени того-же года я состряпалъ еще два очерка и уже рѣшился непремѣнно лично познакомиться съ Василіемъ Степановичемъ. Несмотря на нѣкоторые шансы для такого знакомства, въ виду уже напечатанной статейки, я однако всетаки съ большимъ страхомъ вошелъ въ кабинетъ редактора «Искры». Василій Степановичъ меня положительно очаровалъ и такъ меня обласкалъ, что я даже почувствовалъ себя «чѣмъ-то...» Выйдя отъ него, я прямо прошелъ къ Юнкеру, гдѣ купилъ себѣ касторовую шляпу, стоившую 8 руб, такую, какую носили тогда чуть не всѣ литераторы и художники, предметъ завѣтнѣйшихъ желаній, которыя наконецъ могли осуществиться, потому что, во-первыхъ, я передъ тѣмъ только что перешелъ изъ студентовъ университета въ вольные слушатели и слѣдовательно могъ ходить въ шляпѣ:—во-вторыхъ получилъ отъ Василія Степановича свой первый гонораръ, а въ третьихъ, слѣдовательно, имѣлъ полное право на касторовую шляпу, какъ писатель»*).

По окончаніи курса Гацискій пріѣхалъ въ Нижній обсуждать свое будущее, которое ему, какъ кандидату университета, улыбалось. Но чтобы сразу занести ногу на вѣрную ступень карьеры, нужно было быть продуктомъ другого воспитанія, нежели какое получилъ онъ, и нужно было быть носителемъ иныхъ убѣжденій, нежели тѣ, какія были усвоены имъ. Изъ всѣхъ, большею частью лестныхъ, обѣщавшихъ многое впереди, предложеній, сдѣланныхъ ему въ нижегородскомъ оффиціальномъ мірѣ (сначала губернаторомъ А. Н. Муравьевымъ, а потомъ пріемникомъ его, А. А. Одинцовымъ), Александръ Серафимовичъ остановился на самомъ скромномъ, но болѣе всѣхъ ему симпатичномъ: онъ принялъ приглашеніе занять должность редактора неоффиціальной части „Нижегородскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ и сначала 1862 года сдѣлался руководителемъ

*) См статью А С. Гацискаго: „Эпизодъ изъ шестидесятыхъ годовъ“ Недѣля 1876 г., № 1

единственнаго тогда въ Нижнемъ-Новгородѣ литературнаго органа, который былъ отданъ въ распоряженіе молодого кандидата-литератора мѣстнымъ губернаторомъ А. А. Одинцовымъ. При предшественникѣ Одинцова, губернаторѣ А. Н. Муравьевѣ, редакторомъ губернской газеты состоялъ извѣстный П. И. Мельниковъ (Андрей Печерскій), но этотъ человѣкъ, при всемъ его крупномъ литературномъ талантѣ, имѣлъ слабость къ чинамъ и лентамъ, чего и достигъ въ концѣ концовъ, бросивши скучное поприще редактора «Губернскихъ Вѣдомостей».

Занятіе, предоставленное А. С Гацискому, какъ нельзя болѣе пришлось ему по душѣ. До нѣкоторой степени «своя» газета представляла ему возможность отдаться всецѣло писательской дѣятельности, которую любилъ съ ранней школьной скамьи. Но среди литературной работы онъ не оставлялъ безъ вниманія и организаторской стороны изданія. Въ первомъ-же году онъ представилъ губернатору «записку» по поводу улучшенія газеты и встрѣтилъ въ Алексѣѣ Алексѣевичѣ Одинцовѣ сочувственное отношеніе къ планамъ и предположеніямъ молодого редактора, которые существенно обновляли содержаніе газеты, нисколько не противорѣча основной идеѣ, вложенной въ программу всѣхъ «Губернскихъ Вѣдомостей» при ихъ первоначальномъ учрежденіи. Изъ оставшагося «Списка» литературныхъ трудовъ Гацискаго можно видѣть, какія статьи писались имъ какъ для этихъ «Вѣдомостей», такъ и для «Нижегородскаго Ярмарочнаго Листка», редакторомъ котораго, съ 1863 года, былъ избранъ Александръ Серафимовичъ, въ сотовариществѣ съ секретаремъ нижегородскаго губернскаго статистическаго комитета Александромъ Павловичемъ Смирновымъ, который былъ тоже кондидатъ казанскаго университета, авторъ диссертаціи: «О расколѣ шиитовъ вообще и расколѣ измаэлитовъ въ особенности», напечатанный въ «Ученыхъ Запискахъ» этого университета за 1846 годъ. По смерти А. П. Смирнова (8 января 1865 г.), Александръ Серафимовичъ занялъ его мѣсто въ статистическомъ комитетѣ.

Первымъ дѣломъ, какое предпринялъ А. С. Гацискій на новой должности, было изданіе цѣлаго ряда „Сборниковъ“, взамѣнъ выходившихъ до того времени «Памятныхъ книжекъ». Историко-этнографическаго матеріала было много и не мало находилось вокругъ него людей, готовыхъ потрудиться; недоставало только умѣлаго иниціатора. Провинція наша всегда отличалась избыткомъ усердныхъ литературныхъ работниковъ; но они, эти труженики, часто не знали, за что и какъ слѣдуетъ приняться, куда направить свои работы. Они нуждались въ руководителѣ и организаторѣ, каковыми и являлись въ эти времена редакторы «Губернскихъ Вѣдомостей» и секретари статистическихъ комитетовъ. Весьма многіе изъ такого рода дѣяте-

лей пріобрѣли впослѣдствіи извѣстность своими мѣстно-литературными трудами. Такъ, въ Казани прославился А. И. Артемьевъ, въ Уфѣ—Руфъ Г. Игнатьевъ, въ Саратовѣ—А. Ф. Леопольдовъ, въ Вяткѣ—Н. И. Золотницкій, въ Ярославлѣ—В. И. Лѣствицынъ, на Уралѣ—Наркизъ К. Чупинъ, въ Воронежѣ—Н. И. Второвъ (начавшій свою дѣятельность въ Казани), въ Вологдѣ—Н. И Суворовъ, въ Тамбовѣ—И. И. Дубасовъ, въ Псковѣ—К. Г. Евлентьевъ, въ Твери—А. К. Жизневскій и мн. др. Нижній-Новгородъ, въ лицѣ А. С. Гацискаго, пріобрѣлъ образцоваго и типичнаго представителя на этомъ поприщѣ. Люди эти умѣли собирать около себя группу сотрудниковъ изъ среды мѣстнаго населенія, которые, какъ пчелы, несли общей маткѣ плоды своихъ изысканій. Масса историко-этнографическаго матеріала всѣхъ родовъ, въ видѣ поговорокъ, сказокъ, былинъ, областныхъ словъ и присловій, описанія нравовъ, обычаевъ, памятниковъ быта, религіозныхъ вѣрованій, историческихъ преданій, легендъ и проч. и проч.,—скапливались, такимъ образомъ, въ портфелѣ секретарей статистическихъ комитетовъ, которые почти вездѣ были одновременно и редакторами мѣстныхъ «Губернскихъ Вѣдомостей». Оставалось, слѣдовательно, редактировать весь этотъ богатый запасъ добытыхъ свѣдѣній и выпускать его въ свѣтъ на пользу «Отечествовѣдѣнія».

Первый выпускъ «Нижегородскаго Сборника», подъ редакціею Александра Серафимовича, вышелъ въ свѣтъ въ 1867 году. Выступая съ этимъ изданіемъ, редакторъ его говоритъ въ предисловіи: «Провинціальная наша печать еще только въ началѣ своего развитія. Недалеко то время, когда она была достояніемъ почти исключительно однихъ университетскихъ городовъ. Но въ послѣднее десятилѣтіе началась болѣе повсемѣстная и серьезная работа и въ провинціальной печати. Можно смѣло сказать, что въ будущемъ ея развитіи хотя много предстоитъ трудностей, за то не мало будетъ и жизненнаго значенія. Въ виду этого будущаго значенія провинціальной печати, одной изъ важнѣйшихъ ея задачъ въ настоящее время, по нашему мнѣнію, должно быть изданіе всевозможныхъ матеріаловъ для изученія данной мѣстности. Какъ на такой матеріалъ для изученія Нижегородской губерніи, смотримъ мы на издаваемый теперь 1-й томъ «Нижегородскаго Сборника».

Первый томъ «Сборника» былъ очень привѣтливо встрѣченъ русскою журналистикой. О немъ появились сочувственные отзывы въ печати и доброжелательные совѣты, чтобы изданіе не останавливалось на одномъ первомъ выпускѣ. Одобреніе критики было лучшею наградою для нашего редактора-статистика. Впрочемъ, справедливость требуетъ замѣтить, что въ одной изъ тогдашнихъ газетъ явилась рецензія и противъ «Сборника». Нѣкто, подписавшійся *Прогрессистомъ,* помѣстилъ въ № 25 «Со-

временныхъ Извѣстій» за 1868 годъ статью, посвященную разбору «Нижегородскаго Сборника», подъ заглавіемъ: «*Прогрессъ* въ Нижнемъ-Новгородѣ». Рецензентъ, остановившись на «Матеріалахъ для уголовной статистики Нижегородской губерніи», очень насмѣшливо отзывается объ этихъ «матеріалахъ». Поводомъ къ такому неудовольствію послужило главнымъ образомъ, такое мѣсто въ упомянутыхъ «Матеріалахъ» Гациского: «... Спрашивали и у духовенства мнѣнія, отчего въ Нижегородской губерніи увеличилось пьянство и число уголовныхъ преступленій. Духовенство объяснило это освобожденіемъ крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, уничтоженіемъ тѣлесныхъ наказаній, расколомъ (хотя старообрядчество существуетъ 200 лѣтъ и составляетъ наиболѣе трезвую часть народа), слухомъ, что съ дарованіемъ свободы отъ господъ будетъ дана свобода и отъ поповъ, и проч.» Такое сообщеніе «*Прогрессистъ*» назвалъ клеветою на духовенство. Александръ Серафимовичъ не замедлилъ, конечно, выступить съ возраженіемъ противъ обвиненій рецензента, каковое и было напечатано въ № 8 «Нижегородскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» за тотъ-же 1868 годъ.

«Нижегородскаго Сборника» вышло всего десять томовъ, изъ которыхъ большая часть отличалась солидностью объема. Всѣ томы изобиловали статьями, возбуждавшими глубокій интересъ въ мѣстномъ обществѣ и еще болѣе среди лицъ, занимающихся отечественной исторіей. Въ послѣднемъ, десятомъ, томѣ «Сборника» А. С. Гациский, какъ-бы предчувствуя близость своей кончины, начинаетъ такъ свою рѣчь въ предисловіи: «Мы предполагали, при выходѣ изъ печати IX тома «Нижегородскаго Сборника», поговорить съ читателемъ подробнѣе, выпуская въ свѣтъ настоящій X томъ, которымъ дѣятельность наша, на страницахъ этого изданія, прекращается, за отсутствіемъ денежныхъ средствъ для его продолженія, надолго, быть можетъ, и всего вѣроятнѣе—навсегда».

Въ 1887 году учреждена въ Нижнемъ-Новгородѣ губернская ученая архивная комиссія. Въ первомъ ея засѣданіи (17-го октября) нижегородскій губернаторъ напомнилъ собравшимся членамъ, что возникновеніе этой коммиссіи обязано главнымъ образомъ заботамъ А. С. Гациского. Поэтому въ томъ-же засѣданіи Александръ Серафимовичъ былъ избранъ предсѣдателемъ комиссіи. Намѣреваясь сдѣлать обзоръ дѣятельности этого въ высшей степени полезнаго учрежденія предметомъ особаго очерка, на основаніи работъ, уже исполненныхъ комиссіей, скажемъ здѣсь только одно, что А. С. Гациский былъ душею нижегородской архивной комиссіи, и дай Богъ, чтобы она такъ-же процвѣтала послѣ смерти ея предсѣдателя, какъ и при его жизни. Въ трудахъ («Дѣйствіяхъ») нижегородской архивной комиссіи помѣщено не мало статей и замѣтокъ, принадлежащихъ перу ея

покойнаго предсѣдателя. Впрочемъ, намъ пріятно замѣтить здѣсь, что и послѣ смерти его дѣятельность этого учрежденія нисколько не измѣнила ни знанію дѣла, ни энергіи, ни завѣтамъ Александра Серафимовича

Искренно желаемъ, чтобы такія-же комиссіи возникли и въ другихъ губернскихъ городахъ, не исключая и университетскихъ, и нимало не стѣсняясь тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ изъ сихъ послѣднихъ имѣются археологическія общества.

Въ заключеніе намъ хотѣлось-бы сказать нѣсколько словъ объ общественномъ служеніи покойнаго Гацискаго по городскимъ и земскимъ выборамъ. Но не будучи лично знакомы съ ходомъ этой дѣятельности Александра Серафимовича, мы ограничимся лишь приведеніемъ здѣсь прекрасной и фотографически вѣрной характеристики Гацискаго на этомъ поприщѣ, сдѣланной М. А. Плотниковымъ, который въ очеркѣ, посвященномъ памяти А. С. Гацискаго (см. № 141 «Волжскаго Вѣстника» 1893 года), такъ отзывается о немъ:

«Высокая, сухая, строгая фигура... Она такъ живо представляется въ особенности въ тотъ моментъ, когда, вызванный единодушнымъ желаніемъ гласныхъ Александръ Серафимовичъ Гацискій идетъ, чтобы занять свое обычное мѣсто секретаря земскаго собранія. Вотъ онъ пробирается между стульями, не сгибая своего прямого стана, наглухо застегнутый въ черный сюртукъ; его губы плотно сжаты, а глаза глядятъ холоднымъ, спокойнымъ взглядомъ. И не подумаешь, что эти глаза способны отражать столько добра и теплоты, что эти губы порою могутъ складываться въ такую мягкую улыбку... Но теперь для этого не время. Земское дѣло—дѣло серьезное, важное, отвѣтственное, и немногіе сознавали это въ такой мѣрѣ, какъ А. С. Гацискій.

«Изъ года-въ-годъ его перваго избирали секретаремъ губернскаго и уѣзднаго земскихъ собраній. И это вполнѣ естественно. Кто-же съумѣетъ бережнѣе отнестись къ чужому слову, какъ не тотъ, кто вообще такъ высоко цѣнитъ значеніе слова? Къ тому-же хотя А. С. Гацискій былъ общественнымъ дѣятелемъ вполнѣ опредѣленныхъ взглядовъ, съ теченіемъ времени все болѣе расходившихся съ господствующимъ мнѣніемъ собранія, однако, даже противники довѣряли его испытанной честности и безпристрастію.—Будемъ искренни и правдивы, а тамъ пусть судитъ потомство—казалось, говорилъ А. С., безстрастно занося въ страницы журнала одно мнѣніе за другимъ.

«Самъ онъ, какъ гласный, говорилъ не часто, въ особенности въ послѣдніе годы. Но были вопросы, по поводу которыхъ онъ считалъ себя какъ-бы обязаннымъ высказаться. Это вопросы народнаго благосостоянія, народнаго здравія, народнаго образованія, интересы гласности, слова, науки... Молчаливый среди прочихъ преній, онъ, казалось, выжидалъ возникновенія

этихъ вопросовъ, чтобы занять свое обычное положеніе защитника этихъ первыхъ и лучшихъ началъ земскаго самоуправленія. И слова его звучали какъ-то чуждо среди «дѣловитаго краснорѣчія» современныхъ земскихъ ораторовъ. Неразъ ихъ плечи нетерпѣливо подергивались, видя, какъ поднимается съ своего мѣста А. С—чъ, требуя себѣ слова. Къ чему?.. «Наше время не время широкихъ задачъ и широкихъ взглядовъ». А тутъ опять эти избитыя до пошлости истины и принципы, эти докучливыя напоминанія о порѣ давно пережитыхъ увлеченій.

«И однако, онъ говорилъ—и его слушали... Слушали, можетъ быть, смутно сознавая, что если-бы не то, о чемъ напоминали эти немногія слова, запечатлѣнныя «широтою взгляда», то ни къ чему была-бы и вся эта „дѣловитость“, и самое земство, и это собраніе гласныхъ. Онъ говорилъ—и порою въ голосѣ его звучала усталость и горечь. О, Боже, онѣ такъ понятны! Какія непрерывныя варіаціи разыгрываетъ невѣжество и своекорыстіе, какъ упорно возрождаются застарѣлые предразсудки, какъ живучи и памятны старыя обиды!... Они даютъ себя чувствовать отовсюду, непрерывно, постоянно, но гдѣ-же тѣ, кто даетъ имъ отпоръ, много-ли тѣхъ, кто съ такимъ-же постоянствомъ и упорствомъ стоитъ на стражѣ иныхъ противуположныхъ началъ?».

Заканчивая этимъ наши строки о незабвенномъ дѣятелѣ, считаемъ долгомъ сообщить, что составленный нами для свѣдѣнія русскихъ библіографовъ и будущихъ біографовъ покойнаго, перечень статей Гацискаго, доставленный пишущему эти строки самимъ Александромъ Серафимовичемъ, при автобіографическомъ письмѣ его отъ 9 января 1876 года и дополненный потомъ, по нашей просьбѣ, глубокоуважаемымъ Александромъ Александровичемъ Савельевымъ, нынѣшнимъ предсѣдателемъ нижегородской ученой архивной комиссіи, напечатанъ въ «Сборникѣ въ память А. С Гацискаго». (Нижній-Новгородъ. 1897 года, стр. 33).

25-го октября 1896 года.

Старыя купеческія фамиліи въ Казани.

I. Крупениковы

... Отъ Спасскихъ воротъ казанскаго кремля шла въ восемнадцатомъ столѣтіи, по направленію къ нынѣшней Николаевской площади, или—вѣрнѣе—къ Черному озеру, кривая, узкая улица, о которой казанскому жителю нашихъ дней трудно сдѣлать даже приблизительное представленіе. Въ концѣ этой улицы, за погостомъ Воскресенской церкви, на откосѣ горы, разбросаны были тамъ и сямъ маленькія деревянныя лавки, парусныя палатки и лари. Это былъ „Житный торгъ". Здѣсь продавались: мука, крупа, масло, картофель, лукъ, печеный хлѣбъ, калачи, пироги и прочіе съѣстные припасы. Внизу откоса, на самомъ берегу Чернаго озера, въ полугорѣ, стояло нѣсколько закоптѣлыхъ куреней, въ которыхъ съ ранняго утра и до ночи происходила оживленная стряпня: пеклись блины, приготовлялся студень, варилась лапша, пельмени, кисель и прочія простонародныя кушанья, которыя тутъ-же и продавались потребителямъ, расположившимся подъ открытымъ небомъ, на низкихъ скамьяхъ, за досчатыми столами, врытыми въ землю. Воздухъ около куреней былъ тяжелый, удушливый: пахло чадомъ, горѣлымъ масломъ и медомъ отъ продававшагося на балчугахъ горячаго сбитня.

Такъ описывали этотъ базаръ старики-казанцы, которые помнили его и которыхъ автору случалось встрѣчать въ дѣтскіе годы.

На самомъ краю маленькаго ряда мучныхъ лавокъ, тянувшагося по верхней линіи «Житнаго торга», вплоть до огорода воскресенскаго протопопа Григорія Герасимовича Сабинина, стояла небольшая лавка городскаго обывателя Филиппа Артемьевича, въ которой продавались разные сорты крупы. Домъ Филиппа Артемьевича находился тоже недалеко отъ торга, въ воскресенскомъ приходѣ, на улицѣ, называвшейся: «По хребтамъ горъ». Это не была улица въ собственномъ значеніи слова, но группа небольшихъ деревянныхъ домовъ и избъ, разбросанныхъ

безъ всякой системы и порядка вдоль невысокихъ холмовъ, шедшихъ цѣпью, отъ Грузинской церкви до нынѣшняго Собачьяго переулка; за холмами шумѣлъ густой лѣсъ, помнившій быть можетъ осаду Казани. Остатки этого стараго лѣса сохранились до настоящаго времени въ видѣ садовъ и парковъ, имѣющихся при нѣкоторыхъ домахъ той мѣстности (сады: Панаевскій, Износковскій: паркъ при дачѣ Новиковой, при Родіоновскомъ институтѣ, при военномъ госпиталѣ и проч.).

Жилища, расположенныя «По хребтамъ горъ», стояли открыто, по одиночкѣ, безъ всякой планировки, не имѣя дворовъ, обнесенныхъ заборами; лишь у немногихъ домовъ виднѣлись кое-какія пристройки для службъ. На вѣтвяхъ тѣнистыхъ дубовъ и вязовъ, росшихъ передъ окнами, сушилось бѣлье обывателей, качались ихъ рукомойники. Жили здѣсь просто, патріархально. Населеніе состояло изъ мелкихъ торговцевъ, посадскихъ людей и ремесленниковъ (цеховыхъ), между которыми преобладали чеботари, паяльщики и рукавишники. Между этою группою холмовъ, которымъ присвоено было наименованіе улицы: «По хребтамъ горъ», и—съ другой стороны—высокимъ обрывомъ, на верху котораго начинается теперешняя Воскресенская улица, тянулся въ тѣ времена кривой оврагъ, застроенный мѣстами землянками и лачужками бѣдняковъ. Вдоль русла этого оврага возникла впослѣдствіи Кузнечная (нынѣ Рыбнорядская) улица. Оврагъ оканчивался на томъ мѣстѣ, гдѣ Большая-Проломная улица соединяется съ Георгіевскою (въ старину—Кирпичною улицей) и гдѣ, по плану фонъ-Каница (болѣе достовѣрному изъ всѣхъ извѣстныхъ плановъ старой Казани),—стояли «Ногайскія ворота».

Такъ было до разоренія Казани Пугачевымъ. Послѣ пугачевщины усадебныя мѣста «По хребтамъ горъ» стали застраиваться уже въ правильномъ порядкѣ, кварталами, по новому плану, утвержденному Императрицей Екатериной. Здѣсь появились красивые дома дворянъ, чиновниковъ и купцовъ, съ полисадниками, садовыми бесѣдками, тесовыми заборами и съ львами на воротахъ. Вотъ списокъ домовладѣльцевъ улицы «По хребтамъ горъ», сохранившійся въ казанскомъ городскомъ архивѣ и относящійся къ восьмидесятымъ годамъ восемнадцатаго вѣка:

1. *Носовъ*, Тимоѳей Максимовичъ, казанскій купецъ.
2. *Мухинъ*, Кузьма Алексѣевичъ, казанскій купецъ.
3. *Корниловъ*, Матвѣй Корниловичъ, казанскій купецъ, торговавшій иконами.
4. *Аристова*, Ѳекла Степановна, дворянка, отставного прапорщика Тимоѳея Аристова вдова.
5. *Григорьевъ*, Данила Григорьевичъ, фурьеръ.
6. *Курбатовъ*, Спиридонъ Ивановичъ, дворовый человѣкъ статскаго совѣтника Макарова.

7. *Песковъ,* Петръ Тимофеевичъ, служитель казанскаго женскаго монастыря.

8. *Ржанухинъ,* Герасимъ Ильичъ, казанской нижней расправы канцелярист.

9. *Тверниковъ,* Петръ Максимовичъ, оконишнаго цеха мастеръ.

10. *Семенова,* Матрена Петровна, вдова колежскаго регистратора

11. *Ивановъ,* Филиппъ, дворовой человѣкъ г-жи Дудкиной.

12. *Песковъ,* Андрей Тимофеевичъ, служитель казанскаго женскаго монастыря.

13. *Яковлевъ,* Филиппъ, канониръ.

14. *Поплавскій,* Григорій Афанасьевичъ, верстанный помѣстнымъ окладомъ казанской гражданской палаты канцелярист.

15. *Ляпинъ,* Алексѣй Ивановичъ, посадскій.

16. *Романовъ,* Михайло Ивановичъ, надворный совѣтникъ, казанскаго верхняго суда предсѣдатель.

17. *Бакунинъ,* Петръ Васильевичъ, тайный совѣтникъ

18. *Матросовъ,* Афанасій Ивановичъ, артиллерійскаго лафетнаго дѣла подмастерье.

19. *Юшковъ,* Иванъ Осиповичъ, надворный совѣтникъ.

20. *Михайловъ,* Давыдъ, казанскій купецъ.

21. *Бажановъ,* Иванъ Кузьмичъ, купецъ, мясоторговецъ.

22. *Оконишниковъ,* Галактіонъ Савельевичъ, цеховой.

23. *Булдаковъ,* Ѳедоръ Герасимовичъ, казанскій купецъ.

24. *Комаровъ,* Петръ Ивановичъ, казанскій купецъ, казанскаго городоваго магистра бургомистръ.

25. *Котельниковъ,* Матвѣй Васильевичъ, цеховой, котельнаго ремесла мастеръ.

26. *Крупениковъ,* Филиппъ Артемьевичъ, казанскій купецъ.

27. *Жуковъ,* Николай Андреевичъ, гороховской купецъ.

28. *Псаломщиковъ,* Александръ Ивановичъ, казанской казенной палаты подканцелярист.

29. *Трусиновъ,* Прокофій, сержантъ.

30. *Ранжинъ,* Захаръ Савельевичъ, цеховой рукавишнаго ремесла.

31. *Оловянишниковъ,* Филиппъ Григорьевичъ, казанскій купецъ, торговавшій пряниками.

32. *Баженовъ,* Семенъ Кузьмичъ, казанскій купецъ, торговавшій мясомъ.

33. *Алексѣевъ,* Егоръ, церкви Вознесенія дьячекъ.

34. *Выходцевъ,* Павелъ Артемьевичъ, казанской казенной палаты подканцелярист.

35. *Пирожниковъ,* Филиппъ Софроновичъ, казанскій купецъ, торговавшій въ дегтярномъ ряду.

36. *Чернавскій,* Николай Степановичъ, казанской верховной расправы регистраторъ.

37. *Загайновъ,* Ѳедоръ Ивановичъ, казанскаго намѣстническаго правленія канцелярист.

38. *Логиновъ,* Филиппъ Лукояновичъ, сержантъ.

39. *Пивоварова,* Анисья Григорьевна, умершаго казанскаго купца Григорія Васильевича Пивоварова дочь.

40. *Калашниковъ,* Василій Петровичъ, гренадеръ.

41. *Павловъ,* Василій, крещеный татаринъ.

42. *Кулыгинъ,* Иванъ Афанасьевичъ, казанскій купецъ, каретный мастеръ.

43. *Ивановъ,* Иванъ, казанскій купецъ, мясоторговецъ.

44. *Прокудинъ,* Иванъ Прокофьевичъ, подканцелярист.

45. *Никифоровъ,* Степанъ, цеховой чеботарнаго ремесла.

46. *Дунаевъ,* Василій Семеновичъ, казанской верхней расправы копиистъ.

47. *Щербаковъ,* Матвѣй Васильевичъ, тетюшскій нижней расправы регистраторъ.

48. *Слизневъ,* Петръ Игнатьевичъ, казанскаго батальона капельмейстеръ.

49. *Малашинъ,* Тихонъ Даниловичъ, казан. гим. ученикъ.

50. *Трескинъ,* Ѳедоръ Алексѣевичъ, казанскаго губернскаго магистрата регистраторъ.

51 *Удинскій,* Илья Андреевичъ, казанскаго уѣзднаго казначейства регистраторъ.

52. *Поповъ,* Иванъ Николаевичъ, казанской духовной консисторіи канцелярист.

53. *Чутковъ,* Иванъ Лукояновичъ, прапорщикъ казанскаго третьяго батальона.

54. *Замошниковъ,* Александръ Петровичъ, посадскій.

55. *Сафьяниковъ,* Петръ Даниловичъ, посадскій.

56. *Кокшайскій,* Левъ Михайловичъ, казанской уголовной палаты канцелярист.

57. *Щербаковъ,* Иванъ Васильевичъ, казанской верхней расправы регистраторъ.

58. *Лавровъ,* Степанъ Андреевичъ, кречетный помытчикъ, чеботарнаго ремесла.

59. *Лавровъ,* Василій Андреевичъ, птичій помытчикъ, кузнечнаго ремесла.

60. *Урванцовъ,* Степанъ Ивановичъ, казанскій купецъ и казанскаго словеснаго суда судья.

61. *Носовъ,* Петръ Максимовичъ, казанскій купецъ и казанскаго городоваго магистрата ратманъ.

62. *Кузнецовъ,* Яковъ Петровичъ, казанскій купецъ.

63. *Урванцовъ,* Степанъ Ивановичъ, казанскій купецъ (другой домъ).

64. *Булыгина,* Екатерина Алексѣевна, дворянка, коллежскаго совѣтника Александра Петровича Булыгина жена.

65. *Наумова,* Екатерина Петровна, умершаго поручика Александра Петровича Наумова вдова (домъ загородный).

При домѣ своемъ (№ 26 нашего списка), Филиппъ Артемьевичъ имѣлъ крупяное заведеніе, оставшееся ему послѣ отца, отчего произошла и фамилія: Крупениковы. Онъ обдиралъ гречу и приготовлялъ изъ нея разные сорты крупы. Крупу продавалъ изъ лавки на Житномъ торгу, близъ воскресенской церкви, какъ уже замѣчено выше. Самъ онъ, впрочемъ, мало находился въ лавкѣ, будучи постоянно занятъ при своей крупянкѣ: въ лавкѣ-же сидѣла жена его Ирина Григорьевна. Единственный сынъ ихъ, маленькій Леонтій, то вертѣлся около крупяной обдирки отца, то убѣгалъ въ лавку къ матери. Леонтій былъ, вообще, мальчикъ бойкій, смѣлый и любознательный Все его интересовало, до всего желалъ онъ дойти собственнымъ умомъ. Неумѣренная пытливость два раза угрожала опасностію его жизни онъ едва не утонулъ въ крупѣ отцовскаго лабаза и—въ другой разъ, будучи уже семнадцати-лѣтнимъ юношей, попалъ въ плѣнъ къ Пугачеву, гдѣ плѣнниковъ били нагайками. Вотъ какъ разсказываетъ объ этихъ событіяхъ самъ Леонтій Филипповичъ:

„. Когда первые пугачевскіе отряды пришли въ Казань, я съ моимъ семействомъ спрятался въ большомъ купца Ляпина саду, находившемся тогда между нынѣшнимъ Кузнечнымъ рядомъ и Лядскою улицею. Но какъ черезъ нѣсколько часовъ пожаръ сдѣлался всеобщимъ, то мы, опасаясь быть жертвою пламени, отправились тихонько къ Арскому полю Мы не подошли еще къ этому полю, какъ напала на насъ шайка мужиковъ, которые сняли съ меня кафтанъ и шапку: но, по счастію, въ карманахъ моего остальнаго платья уцѣлѣло у меня два имперіала, и въ этомъ состояло тогда все мое имущество Отойдя нѣсколько далѣе, мы встрѣтили еще казаковъ, которые также напали на насъ, взяли въ плѣнъ и привезли на Арское поле, гдѣ было казанскихъ торговцевъ человѣкъ до пятисотъ Всѣ мы были отправлены въ село Царицыно, въ которомъ и ночевали На другой день, то есть въ воскресенье, на разсвѣтѣ, отправили насъ въ Борисоглѣбское Недалеко отъ Царицына встрѣтили мы Пугачева, ѣхавшаго верхомъ въ Казань, съ пятидесятью казаками Пугачевъ и его казаки были одѣты въ длинные, синіе кафтаны. Когда онъ съ ними поровнялся, мы всѣ упали на колѣни и кричали ура; я съ многими другими отъ испуга зажималъ крѣпко глаза Пока мы тамъ стояли, привезли къ нему плѣнныхъ солдатъ, которые защищали наканунѣ батареи на Арскомъ полѣ Онъ тотчасъ приказалъ имъ отрѣзать косы и оставилъ ихъ въ Царицынѣ, а барабанщиковъ взялъ съ собою. Пришедши въ село Троицкое, мы увидали здѣсь главную ставку Пугачева Насъ тотчасъ погнали черезъ Борисоглѣбское до деревни Сухой Рѣки, гдѣ казаки насъ и оставили Здѣсь мы слышали издалека громъ пушекъ полковника Михельсона. Видя себя освобожденными отъ нашихъ провожатыхъ, мы всѣ ночью, въ понедѣльникъ, пошли по прямой дорогѣ въ Казань Близъ города опять напалъ на насъ отрядъ казаковъ, крича: куда вы канальи, идете?—и били насъ нагайками ..

Главная улица въ Казани называлась „Замочная Рѣшетка". Она изъ Спасскихъ воротъ крѣпости шла узкимъ и кривымъ образомъ, по правую руку, къ Ивановскому монастырю и, частію, къ нынѣшнему гостинному двору. Здѣсь находились маленькія деревянныя лавочки, устроенныя на четырехъ длинныхъ палочкахъ и наполненныя сундуками, замками и разными желѣзными товарами По лѣвую сторону крѣпости была другая маленькая улица къ Черному Озеру, гдѣ стояли также подобныя маленькія лавочки съ хлѣбомъ и крупами Матушка моя здѣсь торговала крупами Я, будучи еще мальчикомъ, взлѣзъ на верхъ глубокаго ящика, гдѣ были крупы, упалъ туда и чуть въ нихъ не утонулъ Вотъ какое было изобилие въ хлѣбѣ!".. (См. „Казан. Губ. Вѣд " 1843 г № 51, стр. 330)

Казань, сожженая и разграбленная Пугачевымъ, долго не могла-бы оправиться и выйти изъ развалинъ и пепла, если-бы не явилась на помощь денежная ссуда, отпущенная Екатериною въ размѣрѣ 500 тысячъ рублей. Всѣ погорѣльцы, не могшіе возобновить своихъ жилищъ на собственныя средства, получили поддержку изъ казеннаго строительнаго капитала. Филиппъ Артемьевичъ выстроилъ, однако, свой домъ безъ займа у казны и, кромѣ дома «На хребтахъ горъ», пріобрѣлъ еще другой домъ въ приходѣ св. Евдокіи, по улицѣ Нижне-Ѳедоровской, между домами. казанской купеческой вдовы Елены Прохоровны Сычевой, съ одной стороны, и информатора казанской гимназіи Петра Лаврена—съ другой Послѣ пугачевщины Филиппъ Артемьевичъ продолжалъ наслѣдственное крупяное производство, но послѣ женитьбы сына Леонтія, онъ открылъ торговлю въ ленточной линіи гостиннаго двора, а спустя еще немного времени,—завелъ лавку съ мѣховыми товарами въ пушномъ ряду того-же гостиннаго двора. Онъ умеръ въ началѣ девяностыхъ годовъ восемнадцатаго столѣтія, имѣя 85 лѣтъ отъ роду.

По смерти отца Леонтій Филипповичъ крупяное заведеніе закрылъ, продавъ его, вмѣстѣ съ домомъ на улицѣ „По хребтамъ горъ", одному родственнику своему, тоже Крупеникову. Взамѣнъ этого, онъ купилъ большой каменный домъ на Воскресенской улицѣ (въ петропавловскомъ приходѣ), принадлежавшій обанкротившемуся казанскому купцу Ив. Ив. Кобелеву. Здѣсь мы должны сдѣлать маленькое уклоненіе въ сторону, чтобы посвятить хотя нѣсколько строкъ знаменитому купеческому роду Кобелевыхъ.

Кобелевы были очень извѣстные и именитые люди въ Казани въ теченіи почти всего восемнадцатаго столѣтія. Они происходили изъ мѣстныхъ служилыхъ татаръ, вели огромную торговлю хлѣбомъ, юфтью и имѣли въ мамадышскомъ уѣздѣ мѣдно-плавильные заводы, на которыхъ работали ихъ крѣпостные (поссессіонные) крестьяне. Изъ большой семьи Кобелевыхъ славою выдающихся дѣятелей пользовались два родные брата: Афанасій и Иванъ Ивановичи Старшій изъ нихъ проходилъ многія общественныя службы и, между прочимъ, по указу пра-

вительствующаго сената, „состоялъ вмѣстѣ, съ отцомъ своимъ, въ казанской губернской канцеляріи переводчикомъ татарскаго діалекта по секретнымъ дѣламъ» (по 1768 годъ), какъ сказано въ его формулярѣ, хранящемся въ городскомъ архивѣ. Сынъ Афанасія—Иванъ былъ съ 4 октября 1779 по 21 декабря 1781 года президентомъ казанскаго губернскаго магистрата. Другой Кобелевъ, Иванъ Ивановичъ (младшій братъ Афанасія), домъ котораго купленъ Леонтіемъ Крупениковымъ, присутствовалъ въ 1767 году, въ качествѣ депутата отъ города Казани, въ Екатерининской коммиссіи для сочиненія проекта «Новаго Уложенія», а съ 1782 по 1785 годъ служилъ въ должности казанскаго городскаго головы. Кобелевы имѣли въ Казани, въ разныхъ частяхъ города, нѣсколько домовъ, которые, вслѣдствіе несостоятельности владѣльцевъ, проданы были съ аукціоннаго торга. Дѣло о банкротствѣ купцовъ Кобелевыхъ хранится, въ видѣ очень объемистаго тома, въ архивѣ казанскаго окружнаго суда.

Кобелевскій домъ на Воскресенской улицѣ, купленный Крупениковымъ, проданъ симъ послѣднимъ купцу и китаечному фабриканту Савелію Степановичу Зайцеву. У Зайцева домъ былъ купленъ купцомъ С. И. Пчелинымъ и имъ перестроенъ, отъ Пчелина—купили его пермскіе купцы—пароходчики братья Каменскіе, продавшіе его въ 1901 году торговому дому «Савиныхъ и Шмелевъ».

Обратимся къ прерванному разсказу о Крупениковѣ.

Леонтій Филипповичъ былъ человѣкъ большаго ума и выдающихся «коммерческихъ» дарованій. Онъ имѣлъ высокій ростъ и внушительную наружность. Родители женили его въ 1775 году на богатой дѣвушкѣ изъ купеческаго сословія (чьей она фамиліи—неизвѣстно); но она, проживъ съ мужемъ 10 лѣтъ, умерла, оставивши сына Алексѣя и дочь Анну. Овдовѣвши, Леонтій Филипповичъ женился на казанской купеческой дочери Маріѣ Александровнѣ Тарасовой. Независимо отъ торговли въ гостинномъ дворѣ, онъ основалъ въ Подлужной слободѣ козловый заводъ. Торговая и заводская дѣятельность Крупеникова, благодаря его энергіи и предпріимчивости, развивалась съ каждымъ годомъ и слава его росла быстро. Издѣлія козловаго завода онъ обмѣнивалъ китайцамъ на чаи въ Кяхтѣ и Калганѣ, и такая операція шла у него очень счастливо. Чаи онъ продавалъ въ Москву и разнымъ купцамъ на макарьевской ярмаркѣ, не имѣя, въ то время, въ Казани ни одного соперника по этой торговлѣ, что помогло ему пріобрѣсти степень первенствующаго чайнаго торговца въ нашемъ краѣ. Его звали «профессоромъ чайнаго дѣла» и почтительно преклонялись передъ силой его вліянія и капитала, дошедшаго впослѣдствіи до милліонныхъ размѣровъ. Купленный имъ послѣ Кобелева домъ сталъ ему уже

тѣсенъ и онъ, продавши его купцу С. С. Зайцеву, какъ замѣтили мы выше, купилъ на Воскресенской улицѣ цѣлую серію каменныхъ домовъ, а именно: противъ гостиннаго двора три дома (послѣ купцовъ Винокурова, Потюкова и г-жъ Алашеевой и Кунавиной), противъ университета два дома (послѣ отставнаго секунд-маіора Христофора Львовича Молоствова и послѣ статскаго совѣтника Александра Васильевича Попова).

Л. Ф. Крупениковъ давалъ тонъ всему торговому механизму въ нашей Казани и во время служенія городскимъ головою въ трехлѣтіе 1809—1811 г.г. сдѣлался извѣстенъ въ высшихъ сферахъ петербургскаго правительства. Онъ имѣлъ отъ второго брака четырехъ сыновей: Петра, Александра, Ивана и Константина и дочь Степаниду, бывшую замужемъ за казанскимъ купцомъ Никифоромъ Степановичемъ Урванцовымъ. Сыновья его, воспитавшись въ суровой школѣ, среди безпрерывной дѣятельности отца, были впослѣдствіи главнѣйшими сотрудниками въ обширной его торговлѣ, имѣвшей годовые обороты на десятки миллионовъ. Всѣ они жили нераздѣльно (кромѣ старшаго сына отъ первый жены Алексѣя, о которомъ рѣчь впереди), до самой смерти ихъ родителя, послѣдовавшей 7 мая 1839 года. Вотъ для наглядности таблица, свидѣтельствующая объ успѣхахъ козловаго производства фирмы Крупениковыхъ за время 1812—1840 г.г., взятая нами изъ первой книжки «Журнала Мануфактуръ и Торговли» за 1843 годъ.

По свѣдѣніямъ кяхтинской таможни, количество козловъ, промѣненныхъ торговымъ домомъ Крупениковыхъ на чаи въ Кяхтѣ, было слѣдующее:

Въ	1812 году	17800 штукъ
„	1813 „	41400 „
„	1814 „	10000 „
„	1815 „	29994 „
„	1816 „	свѣдѣній нѣтъ
„	1817 „	16500 „
„	1818 „	24657 „
„	1819 „	32884 „
„	1820 „	46172 „
„	1821 „	39350 „
„	1822 „	30023 „
„	1823 „	22027 „
„	1824 „	38902 „
„	1825 „	59250 „
„	1826 „	30646 „
„	1827 „	58250 „
„	1828 „	30906 „
„	1829 „	58811 „
„	1830 „	27320 „
„	1831 „	73446 „
„	1832 „	41010 „
„	1833 „	54814 „
„	1834 „	46618 „

Въ	1835	„	43470 штукъ
„	1886	„	66032 „
„	1837	„	55300 „
„	1838	„	43420 „
„	1839	„	42529 „
„	1840	„	70202 „

Но не однѣ козловыя кожи и сафьяны выдѣлки завода Крупениковыхъ служили предметомъ мѣновой торговли ихъ съ Китаемъ, а и прочія товары: плисъ, юфть, бухарская мерлушка, сукна, камлотъ и проч. Одной пошлины приходилось платить Крупенникову въ кяхтинской таможнѣ отъ 400 до 900 тысячъ руб. (ассигнаціями) ежегодно при промѣнѣ китайцамъ на чаи «разныхъ россійскихъ, нѣмецкихъ и азіатскихъ товаровъ». Вотъ до какихъ размѣровъ довелъ свое торговое дѣло сынъ скромнаго крупеника Филиппа Артемьевича...

Но мы, для цѣльности разсказа, должны вернуться нѣсколько назадъ. Выше нами упомянуто, что отъ первой жены остался у Леонтія Филипповича сынъ Алексѣй и дочь Анна. вышедшая впослѣдствіи въ замужество за казанскаго купеческаго сына и мыловареннаго заводчика Павла Евграфовича Лихачева. Алексѣй Леонтьевичъ родился въ 1776 году и съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ сдѣлался усерднымъ пособникомъ къ упроченію отцовской торговой фирмы, пріобрѣвшей столѣтнюю славу. Онъ былъ правою рукою отца, который часто посылалъ его подъ руководствомъ опытныхъ прикащиковъ въ Москву, Ирбить, на китайскую границу и разные средне-азіатскіе торговые пункты. Строгія правила отца и частыя поѣздки въ отдаленныя мѣстности, соприкосновеніе съ разнородными типами и представителями торговаго міра—выковали въ Алексѣѣ Леонтьевичѣ сильный характеръ, энергію и выносливость. Отъ природы своей онъ былъ одаренъ богатыми способностями, много читалъ, сблизился въ юности съ кружкомъ мыслящихъ людей; былъ другъ казанскаго поэта Каменева, молодого масона Москотильникова и литератора Зиновьева, составлявшихъ въ то время интеллигентную группу людей въ Казани, съ мистико-философскимъ направленіемъ мысли.

Намъ не разъ приходилось слышать отзывы о молодомъ Крупениковѣ отъ очень почтеннаго казанскаго старожила, потомственнаго почетнаго гражданина Семена Борисовича Мурзаева, лично знавшаго Алексѣя Леонтьевича. По словамъ С. Б. Мурзаева, нынѣ уже покойнаго, Алексѣй Крупениковъ имѣлъ природный умъ, обширныя знанія торговаго дѣла и способность угадывать людей. Въ довершеніе этихъ способностей, онъ обладалъ привлекательною наружностью. Отецъ гордился сыномъ, считавшимся весьма завиднымъ женихомъ въ средѣ купеческаго сословія.

Но—съ другой стороны—отецъ очень косо посматривалъ на близость его съ людьми иного направленія и нерѣдко ворчалъ, насупивъ брови, подмѣтя въ разговорѣ съ сыномъ идеи, исходившія изъ области другаго міровоззрѣнія, чуждаго купеческимъ традиціямъ.

— Это пропащій человѣкъ,—говорилъ отецъ сыну про Каменева.—Хотя онъ нашъ братъ, купецъ, а голова его набита волтеріанствомъ!

И дѣйствительно, подъ вліяніемъ кружка молодежи, зачитывавшейся въ интимныхъ бесѣдахъ извѣстною книгою Радищева: «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву», подъ сильнымъ дѣйствіемъ господствовавшаго въ ту пору такъ-называемаго мартинизма, съ духомъ котораго успѣлъ отчасти познакомиться и молодой Крупениковъ,—складъ его убѣжденій сталъ значительно измѣняться: чисто практическій взглядъ на жизнь принималъ оттѣнки идеализма. Простое и заурядное для описываемаго времени обстоятельство, съ которымъ совершенно случайно пришлось столкнуться молодому Крупеникову и къ описанію котораго мы сейчасъ перейдемъ,—краснорѣчиво свидѣтельствуетъ объ усвоенномъ Алексѣемъ Леонтьевичемъ образѣ мыслей, незамедлившемъ выразиться въ живомъ дѣлѣ, послужившемъ причиною полнаго и безповоротнаго разрыва его съ отцемъ на всю жизнь.

Дѣло было лѣтомъ. Въ началѣ іюля 1804 г. казанскіе купцы собирались на ярмарку, къ Макарью Желтоводскому. Путь изъ Казани туда былъ двоякій: или сухопутный на лошадяхъ, или водный—на тяжелыхъ, старинныхъ расшивахъ. На лошадяхъ можно было пріѣхать скорѣе, за то это было много дороже, нежели на расшивахъ: но послѣднія, при всей дешевизнѣ пассажирской платы, не представляли никакихъ удобствъ. Онѣ были грязны, мѣста на нихъ отводились подъ открытымъ небомъ, подъ дѣйствіемъ дождя и вѣтра; кромѣ того, расшивы двигались крайне медленно, тащимыя горстью изнуренныхъ бурлаковъ. По этому, кто былъ богаче, тотъ избѣгалъ плаванія на расшивахъ, боясь семидневной тоски, а если стояло ненастье, то тоска была еще продолжительнѣе, отъ которой не всегда спасалъ даже знаменитый въ свое время «ерофеичъ».*)

Алексѣй Леонтьевичъ получилъ отъ своего отца приказъ снаряжаться въ Макарьевскую. Сборы холостого человѣка не сложны. съ вечера уложился, а на утро, съ восходомъ солнца,—въ путь. Крупениковъ поѣхалъ на почтовыхъ по старому московскому тракту, нынѣ забытому. Нескончаемая аллея вѣтвистыхъ вязовъ, окаймляющихъ лѣтній трактъ, давно заброшена и мас-

*) Травная водка

титыя деревья ея болѣе, чѣмъ полвѣка, не слышатъ подъ собою почтоваго колокольчика. Новое время создало новые пути.

Въѣзжая на почтовый дворъ одной изъ станцій между Козмодемьянскомъ и Василь-Сурскомъ, Алексѣй Леонтьевичъ встрѣтилъ кучку народа, хлопотавшаго около огромнаго дормеза, запряженнаго шестеркою лошадей. Это—казанская помѣщица Неѣлова, возвращаясь изъ Москвы, въѣхала на станцію за нѣсколько минутъ до Крупеникова. Карета барыни, внутри и извнѣ, нагружена была массою багажа, состоящаго изъ чемодановъ, узловъ, картонокъ, подушекъ, ковровъ и проч. Лакей и кучеръ суетливо, съ безмолвною, рабскою покорностію, исполняли приказанія своей сердитой госпожи, голосъ который раздавался съ почтоваго крыльца на весь дворъ. Молодая горничная дѣлала докладъ (по-французски) на счетъ внутренняго убранства станціонныхъ комнатъ. Мало по-малу шумъ утихъ: бѣготня прислуги значительно сократилась. Барыня заняла главный почтовый залъ, съ потемнѣвшими стѣнами и диванами. Крупениковъ помѣстился въ небольшой коморкѣ, за перегородкою. День приближался къ вечеру, барыня торопила самоваромъ, чтобы послѣ чаепитія снова двинуться въ путь. На столѣ раскладывались для нея груды булочекъ и крендельковъ; внесли солидныхъ размѣровъ самоваръ. Горничная побѣжала доставать изъ кареты главную принадлежность чайнаго стола—любимое варенье барыни, которая безъ него немогла дотронуться до чая и возила его съ собою всюду, бережно уложеннымъ въ одной изъ каретныхъ сумокъ. Но вотъ со двора раздался пронзительный визгъ. Всѣ бросились на крыльцо; Крупениковъ выбѣжалъ первый. У колеса дормеза лежали стекла отъ разбитой банки и разлившееся варенье капало съ колеса на землю. Горничная блѣдная, какъ смерть, стояла надъ нимъ, подавленная ужасомъ.

—Что ты сдѣлала со мною, отвратительная дѣвчонка!—раздался грозный голосъ помѣщицы, появившейся на крыльцѣ. Съ минуту длилась нѣмая сцена.

—Эй!—закричала неистово барыня, ища глазами своихъ крѣпостныхъ слугъ: привяжите ее возжами къ этому колесу. Кучеръ, доставай арапникъ!...

При этомъ словѣ несчастная, какъ очнувшаяся отъ громоваго удара, стремительно бросилась въ отворенныя ворота и прежде, нежели толпа зрителей ея бѣды успѣла сдѣлать какое либо движеніе, дѣвушка исчезла въ холмистыхъ крутизнахъ волжскаго берега.

—Сударыня! Позвольте мнѣ: Я сейчасъ представлю вамъ ее...—сказалъ помѣщицѣ потрясенный картиною Крупениковъ, и, какъ стрѣла, пустился въ погоню за бѣглянкой.

Онъ настигъ ее внизу спуска къ Волгѣ, среди мелкаго береговаго кустарника.

—Послушай, не бѣги! Я спасу тебя,—произнесъ тихо, задыхающимся отъ волненія голосомъ Алексѣй Леонтьевичъ.— Я не дамъ тебя въ обиду!...

Дѣвушка взглянула умоляющими глазами ему въ лицо и сердце подсказало ей полное довѣріе къ неожиданному покровителю. Она готова была упасть передъ нимъ на колѣна, но сильная рука Крупеникова не допустила ее до этого. Онъ указалъ ей мѣсто, гдѣ она могла-бы временно укрыться, а самъ поспѣшилъ воротиться къ мѣсту катастрофы.

—Доставайте, ребята, лодку: побѣжимъ спасать: дѣвушка бросилась въ Волгу!

Когда Крупениковъ, вбѣгая въ ворота произнесъ такія слова, съ барыней сдѣлалось дурно. Люди бросились помогать ей и не умѣя толкомъ взяться за дѣло, только суетились среди новаго приключенія, позабывъ о горничной. Смотритель почтовой станціи вызвалъ свою жену, которая догадалась распустить всѣ шнуры лифа барыни, а лакей, отыскавъ въ каретѣ стклянку съ одеколономъ, принялся натирать ей виски. Черезъ четверть часа барыню бережно внесли въ покои смотрителя, гдѣ, съ помощью хозяйки, кое-какъ удалось привести госпожу Неѣлову въ чувство.

—Неужели погибла моя Ѳеклуша?—простонала барыня, какъ бы въ просонкахъ.

Ѳеклуша была любимая ея дѣвушка, съ дѣтства воспитанная въ барскомъ домѣ. Она родилась отъ кормилицы, выростившей барскихъ дѣтей. Безъ Ѳеклуши не могла барыня ни ложиться спать, ни вставать съ постели, ни выѣзжать изъ дому, ибо никто изъ всей ея многочисленной прислуги немогъ такъ умѣло и догадливо угодить ей, какъ Ѳеклуша. Но сварливый и необузданный нравъ рабовладѣлицы не былъ въ состояніи цѣнить добрыя качества крѣпостной души; всѣ ея люди ходили съ блѣдными, изнуренными лицами. Сколько слугъ и служанокъ ушли въ преждевременную могилу отъ ея «извѣстныхъ распоряженій»...

Пока происходили хлопоты около нервнаго припадка барыни, Алексѣй Леонтьевичъ, съ двумя-тремя человѣками почтовыхъ ямщиковъ, отправился на Волгу искать мнимую утопленницу. Такой маневръ употребить было ему необходимо для устраненія подозрѣній. Само-собою разумѣется, что поиски утопленницы были напрасны.

Смеркалось. Разстроенная барыня стала быстро собираться къ отъѣзду. Станціонный смотритель сдѣлалъ распоряженіе о сообщеніи подлежащей власти на счетъ утопленницы, но барыня просила его отмѣнить это распоряженіе. Ей какъ-то не вѣрилось, что погибель ея любимой дѣвушки была дѣйствительнымъ фактомъ Поздно вечеромъ она двинулась въ Казань и на стан-

ціи, съ ея отъѣздомъ, водворилась грустная тишина. Описанное событіе породило множество драматическихъ разсказовъ между мѣстными крестьянами.

Крупениковъ находился подъ гнетомъ самыхъ мучительныхъ думъ, вырабатывая планъ для дальнѣйшаго спасенія дѣвушки. Среди глубокой ночи, онъ велѣлъ закладывать лошадей, чтобы ѣхать въ путь, и пока совершалась эта процедура, успѣлъ неприметнымъ образомъ сбѣгать въ «засаду», въ которой скрывался предметъ его попеченій. Онъ нашелъ дѣвушку въ слезахъ и сильно лихорадочномъ состояніи. Сколько могъ онъ утѣшалъ ее, обѣщаясь устроить судьбу ея наилучшимъ образомъ. Пользуясь темнотою ночи, помогъ ей выбраться на большую дорогу, по которой черезъ нѣсколько минутъ долженъ онъ проѣзжать, и затѣмъ, вернувшись на станцію, сѣлъ въ свой экипажъ, и безъ всякой задержки отправился своею дорогою. Къ счастію, въ ямщики дали ему молодого чувашенина, почти мальчишку, которому, по выѣздѣ, Крупениковъ сунулъ въ руку мелкую серебряную монету и просилъ подождать, чтобы посадить съ собою ѣдущаго съ нимъ на ярмарку знакомаго человѣка. Выпрыгнувъ изъ экипажа, онъ пособилъ Ѳеклушѣ одѣться въ приготовленную заранѣе одежду, изъ запаса взятаго въ дорогу платья, и перемѣняя на скоро на слѣдующихъ станціяхъ лошадей, благополучно привезъ спасенную имъ дѣвушку въ городъ Макарьевъ.

Здѣсь не трудно было Крупеникову помѣстить Ѳеклушу въ безопасномъ мѣстѣ. Въ домѣ знакомой ему мѣщанки Шемуриной дѣвушка жила до окончанія ярмарки. Пріѣхавшій къ концу ярмарки отецъ Крупеникова замѣтилъ въ сынѣ нѣкоторую перемѣну въ словахъ и дѣйствіяхъ, но не придалъ этому особаго значенія, будучи занятъ своими коммерческими соображеніями, заставлявшими его торопиться отъѣздомъ въ Москву.

Проводивши отца въ бѣлокаменную, Алексѣй Леонтьевичъ, чтобы положить конецъ страданіямъ дѣвушки, продолжавшей мучиться неизвѣстностью своего будущаго положенія, рѣшился обвѣнчаться съ нею въ одной изъ макарьевскихъ церквей. Для этой цѣли онъ выждалъ отъѣзда изъ ярмарки многихъ лицъ, присутствіемъ которыхъ тяготился, и при участіи лишь очень немногихъ избранныхъ пріятелей (Платона Степановича Суханова, Якова Константиновича Королькова, Петра Васильевича Евреинова и Михаила Степановича Урванцова) привелъ свое рѣшеніе въ исполненіе.

Въ Казань ѣхать вмѣстѣ съ женою Крупениковъ однакоже счелъ не совсѣмъ удобнымъ. Хотя молодая жена его по богатому костюму, въ который одѣлъ ее на ярмаркѣ мужъ, далеко не походила на прежнюю Ѳеклушу—въ ситцевомъ платьѣ и фартукѣ, тѣмъ не менѣе вести ее самому черезъ знако-

мыя почтовыя станціи представлялось дѣломъ не безопаснымъ. Онъ просилъ товарища своего, казанскаго купеческаго сына Петра Васильевича Евреинова (который находился въ ярмаркѣ съ женою своею Натальею Алексѣевною, урожденною Квасниковою),—взять съ собою его молодую жену. Планъ его былъ таковъ: выѣхавши ранѣе, онъ приготовитъ ей временное мѣстопребываніе въ свіяжскомъ женскомъ монастырѣ, у проживавшей тамъ, въ качествѣ инокини, родственницы Крупениковыхъ Паисіи Семеновны.

Здѣсь, по мнѣнію Алексѣя Леонтьевича, съ удобствомъ и полною безопасностію могла прогостить его жена все то время, пока онъ, съ помощью казанскихъ юристовъ, уладитъ дѣло относительно своей импровизированной женитьбы и пока необъявитъ объ этой женитьбѣ отцу. Планъ этотъ выполненъ былъ безъ труда: въ монастыряхъ всегда любили принимать богатыхъ купчихъ и Ѳеклуша Крупеникова нашла здѣсь самый радушный пріемъ и ласку. За нею ухаживали молодыя послушницы, стараясь предупредить малѣйшія желанія гостьи. Счастливая и, какъ-бы воскресшая изъ мертвыхъ, она забыла скорбь, которая такъ недавно тяжелымъ свинцомъ давила ей сердце. Послѣ безсонныхъ и тревожныхъ ночей, пережитыхъ ею въ Макарьевѣ, она стала отдыхать здѣсь, будучи вполнѣ увѣрена, что такой умный и вліятельный человѣкъ, какъ мужъ ея, съумѣетъ устранить всякія послѣдствія ея не совсѣмъ легальнаго брака.

Оставивъ жену у Паисіи Семеновны, Крупениковъ поспѣшилъ въ Казань. Первою его заботою, по пріѣздѣ домой, было объяснить всѣ подробности „дѣла“ другу своему Москотильникову, считавшемуся тогда весьма талантливымъ дѣльцомъ въ казанскомъ служебно-оффиціальномъ мірѣ. Впрочемъ, на счетъ характеристки этого человѣка нелишнее будетъ немного распространиться.

Савва Андреевичъ Москотильниковъ былъ практическій юристъ-самоучка, съ большимъ умомъ и выдающимися способностями, напоминавшими талантъ Сперанскаго. Благодаря этимъ свойствамъ, Москотильниковъ очень быстро достигъ высокихъ должностей въ губернской администраціи. Въ описываемое время онъ былъ казанскимъ уголовныхъ дѣлъ стряпчимъ и исправлялъ должность губернскаго прокурора; вообще, Москотильниковъ былъ единственнымъ виднымъ представителемъ мѣстнаго судебнаго міра. Казанскіе губернаторы цѣнили и уважали въ немъ канцелярскія дарованія и въ служебныхъ дѣлахъ, требовавшихъ мудрости, прибѣгали къ его компетенціи. Савва Андреевичъ имѣлъ связи въ Петербургѣ, переписывался съ писателями: Карамзинымъ, Дмитріевымъ, графомъ Хвостовымъ, сенаторами: Лопухинымъ, барономъ Альбедилемъ; былъ поэтъ, масонъ и мистикъ; въ ранней молодости онъ изучилъ французскій языкъ

и еще въ 1800 году началъ переводить съ этого языка на русскій извѣстную поэму Торквато Тассо: „Освобожденный Іерусалимъ“ (переводъ этотъ былъ впослѣдствіи напечатанъ). Москотильниковъ даже считался одно время кандидатомъ на занятіе въ казанскомъ университетѣ одной изъ каѳедръ по правовѣдѣнію Все сказанное нами о Саввѣ Андреевичѣ можно видѣть изъ оставшихся послѣ него бумагъ, хранящихся у его наслѣдницы г-жи Проскуряковой, здравствующей по нынѣ и живущей въ Казани, на правой сторонѣ Булака, домъ Годяевой (бывшій Постникова).

Вотъ кто былъ тотъ человѣкъ, знанію и могуществу котораго поручилъ Крупениковъ устроеніе своего казуистическаго дѣла. Засѣвъ въ кабинетѣ Москотильникова, Алексѣй Леонтьевичъ разсказалъ ему со всѣми мелочами о своемъ необычайномъ дорожномъ приключеніи, прося изыскать способы къ законному обезпеченію прочности брака своего съ Ѳеклушею.

Савва Андреевичъ былъ глубоко тронутъ гуманностію своего пріятеля и, какъ масонъ, благословлялъ благородство его поступка, жалъ ему крѣпко руки и обѣщалъ положить всю свою энергію къ достиженію благополучнаго исхода дѣла.

На другой-же день Москотильниковъ началъ съ госпожею Неѣловой дипломатическіе переговоры, которые повелъ съ свойственною ему тонкостію и деликатностію.

— Вы, сударыня, приняли-бы какія либо мѣры... Носятся слухи, что нѣкоторые крѣпостные люди ваши, отъ жестокаго съ ними обращенія, налагаютъ на себя руки...

— Боже мой! Какіе-такіе слухи?

— Я долженъ сообщить вамъ по-секрету: до свѣдѣнія нашего дошло, что у васъ утопилась дѣвушка.

— Дѣвушка моя скрылась отъ меня. А утопилась или нѣтъ—того не знаю.

— Конечно, слѣдствіе, которое мы произведемъ, обнаружитъ истину. Но я совѣтую вамъ не доводить дѣла до слѣдствія.

Такіе частные разговоры Москотильникова велись съ госпожею Неѣловой не вразъ, а постепенно. Начавшись издалека, они, при дальнѣйшемъ продолженіи своемъ, принимали такіе оттѣнки, при которыхъ у барыни омрачалось выраженіе лица. Она очень хорошо знала, что существуютъ случаи, при которыхъ имѣнія помѣщиковъ отбирались въ опеку, по закону, если правительству сдѣлаются извѣстными факты жестокаго обращенія владѣльцевъ этихъ имѣній съ крѣпостными людьми. Ее пугалъ тихій и таинственный тонъ, который Москотильниковъ старался придать своимъ словамъ; ей казалось, что въ этихъ словахъ проглядывало нѣчто въ родѣ предостереженія.

— Что-же мнѣ дѣлать? Научите, Савва Андреевичъ!

Москотильникову только это и было нужно. Немного поразмысливъ, онъ посовѣтывалъ ей продать Ѳеклушу, пока дѣло о ея загадочномъ исчезновеніи не получило оффиціальной огласки.

Барыню озадачилъ такой оборотъ рѣчи. Но смущеніе ея продолжалось недолго. Она отлично понимала, что съ нею говоритъ уголовныхъ дѣлъ стряпчій, свѣдущій и сильный человѣкъ, который исправлялъ въ это время должность казанскаго губернскаго прокурора. Ей представлялось, что предложеніе, сдѣланное Москотильниковымъ, дышало участіемъ къ ней, госпожѣ Неѣловой, вызывалось необходимостію предотвратить возникновеніе дѣла, могущаго дойти до различныхъ осложненій и затрудненій. Она просила у Москотильникова отсрочки, чтобы подумать.

Вся бѣда была въ томъ, что всѣмъ въ Казани было извѣстно, что помѣщица Неѣлова и ея сынъ не отличались не только мягкостію обращенія съ своими крѣпостными, но переходили далеко за предѣлы того общепринятаго помѣщичьяго произвола, какой считался дѣломъ обыкновеннымъ. Доказательствомъ этихъ „чрезвычайныхъ“ отношеній госпожи Неѣловой и ея сына къ своимъ крѣпостнымъ можетъ служить тотъ фактъ, что, спустя немного времени послѣ описываемаго событія, сенаторская ревизія, бывшая въ Казани по повелѣнію Императора Александра I, открыла большія злоупотребленія въ помѣщичьей власти госпожи Неѣловой и надъ ея имѣніемъ была дѣйствительно учреждена опека, что видно изъ печатнаго доклада сенаторовъ (Кушникова и графа Санти), хранящагося въ архивѣ казанскаго окружнаго суда.

Вернемся къ нашему эпизоду. Какъ-бы то ни было, но ровно черезъ мѣсяцъ Савва Андреевичъ принесъ пріятелю своему Крупеникову отпускную на имя жены сего послѣдняго. Въ казанской гражданской палатѣ была совершена сначала купчая крѣпость, въ которой значилось, что «вдова секундъ-маіора Неѣлова продала крѣпостную свою дворовую дѣвку Ѳеклу Игнатьеву, 19 лѣтъ, женѣ коллежскаго ассесора Аграфенѣ Ѳедоровой по мужѣ Москотильниковой ассигнаціями за сто руб.». Потомъ въ той-же палатѣ и на одной и той-же недѣлѣ совершена „отпускная, данная отъ жены коллежскаго ассесора Аграфены Ѳедоровой Москотильниковой дворовой своей дѣвкѣ Ѳеклѣ Игнатьевой, дошедшей къ ней, Москотильниковой, по купчей крѣпости отъ вдовы секундъ-маіорши Неѣловой»

Такимъ образомъ вожделѣнное желаніе Алексѣя Леонтьевича Крупеникова и его супруги увѣнчалось полнымъ успѣхомъ, благодаря хлопотамъ и вліянію Москотильникова, который не даромъ считался мастеромъ своего дѣла.

Болѣе трудною представлялась задача уладить дѣло это передъ отцомъ Крупеникова. Леонтій Филипповичъ имѣлъ нравъ

крутой, традиціонно-купеческій, который, по мѣрѣ умноженія богатства и славы, принималъ формы великаго упрямства и гордости. Онъ лелѣялъ мечту женить сына на дворянкѣ родовитой фамиліи или, по крайней мѣрѣ, на дѣвушкѣ изъ богатаго и именитаго купеческаго семейства Москвы или Сибири. Старикъ Крупениковъ принадлежалъ къ числу типичныхъ представителей того старинно-русскаго бытоваго культа, въ которомъ властвовала своеобразная философія «воли», весь смыслъ которой можно формулировать немногими словами: «Не хочу ѣхать въ ворота—разбирай заборъ!»

Пусть читатель самъ судитъ: возможно-ли было разсчитывать сыну на благополучное и мирное соглашеніе съ отцомъ, который былъ образцовымъ поклонникомъ и выразителемъ вышеупомянутаго режима, нетерпѣвшимъ во всѣхъ своихъ словахъ и дѣйствіяхъ—ни замѣчаній, ни возраженій, ни поправокъ.

Процессъ объясненія вышелъ однако-же не такъ буренъ, какъ можно было ожидать. Въ какой-нибудь часъ времени получалась полная развязка. Леонтій Филипповичъ, молча, съ большимъ вниманіемъ выслушалъ исповѣдь сына и, увидавши, что фактъ уже совершился и дѣло непоправимо, объявилъ сыну такую резолюцію: чтобы онъ сейчасъ-же прекратилъ всякія съ нимъ, отцомъ своимъ, сношенія, нетолько торговыя, но и родственныя, и выѣхалъ-бы немедленно изъ отцовскаго дома. «Я не хочу—сказалъ въ заключеніе старикъ,—чтобы ты позорилъ мою семью постыдною женитьбою своею на «барской дѣвкѣ».

Алексѣй Леонтьевичъ, выслушавъ безпрекословно такой приговоръ, удалился. Въ сосѣдней комнатѣ онъ бросился на диванъ и зарыдалъ какъ ребенокъ.

Съ января мѣсяца слѣдующаго года Алексѣй Леонтьевичъ записался, отдѣльно отъ отцовскаго капитала, въ купцы 3-й гильдіи и открылъ небольшую лавку въ сахарномъ ряду гостиннаго двора. Его братья хотя и были отъ другой матери, любили его искренно, сочувственно протягивали ему руки и горячо соболѣзновали его судьбѣ. Они употребляли всѣ мѣры къ склоненію отца на прощеніе, но попытки ихъ оставались безуспѣшными. Только черезъ пятнадцать лѣтъ Леонтій Филипповичъ купилъ въ Подлужной слободѣ, у наслѣдниковъ купца Якова Адамышева, домъ «на имя отдѣленнаго своего сына Алексѣя»,— какъ значится въ купчей крѣпости. Это случилось потому, что во многихъ домахъ кололи глаза старику: «Жертвуешь-де ты богатыя парчи попамъ на ризы, а родной сынъ твой влачитъ жизнь по квартирамъ, не имѣя своего угла. А кто помогъ тебѣ пріобрѣсть славу, капиталы и многочисленные дома?!». Такія горькія слова укоризны исходили чаще всего изъ устъ близкаго человѣка дому Крупениковыхъ—Карла Ѳедоровича Фукса, знаменитаго профессора и доктора медицины, всѣми въ городѣ

глубокопочитаемаго человѣка, которому удалось разшевелить черствое сердце Леонтія Филипповича.

Таковъ былъ эпизодъ изъ семейной хроники Крупениковскаго дома, надѣлавшій въ свое время много разговоровъ въ обществѣ. Остатокъ жизни Алексѣй Леонтьевичъ провелъ въ сторонѣ отъ большаго свѣта, уединенно, среди своего небольшаго семейства и незначительнаго кружка близкихъ пріятелей, не прекращавшихъ съ нимъ дружбы во всю жизнь. Къ числу такихъ людей принадлежалъ и Савва Андреевичъ Москотильниковъ, сдѣлавшійся совѣтникомъ казанскаго губернскаго правленія. Здѣсь кстати будетъ упомянуть, что въ лавкѣ Алексѣя Леонтьевича Крупеникова началъ свою торговую карьеру, сначала въ качествѣ мальчика, а потомъ прикащика: Аквсентій Степановичъ Унженинъ, столь извѣстный впослѣдствіи казанскій купецъ и городской голова (см. «Казан. Бирж. Лист.» 1892, № 16).

Для болѣе нагляднаго представленія о членахъ знаменитаго купеческаго дома Крупениковыхъ, приведемъ здѣсь поколѣнную роспись ихъ рода, начиная съ крупеника Артемія:

Колѣно I.

1. *Артемій,* казанскій жилецъ, родившійся въ городѣ въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Ремесломъ—крупеникъ. Жена NN.

Колѣно II

2. *Филиппъ Артемьевичъ Крупениковъ.* Казанскій купецъ 3-й гильдіи, родившійся въ Казани въ 1706 году. Торговалъ крупой изъ лавки, находившейся на «Житномъ торгу", а потомъ—въ ленточной и пушной линіяхъ Гостиннаго двора. Имѣлъ два деревянныхъ дома: 1) на улицѣ «По хребтамъ горъ», въ приходѣ Воскресенія, и 2) въ Нижне-Ѳедоровской улицѣ, въ приходѣ преподобномученицы Евдокіи. Умеръ въ девяностыхъ годахъ XVIII столѣтія. Женатъ на солдатской дочери Иринѣ Григорьевнѣ N, родившейся въ 1726 году, но когда умершей—неизвѣстно . . . . . 1.

Колѣно III.

3. *Леонтій Филипповичъ.* Казанскій купецъ 1 гильдіи. Родился въ 1755 году. Въ юности былъ въ плѣну у самозванца и бунтовщика Пугачева. Впослѣдствіи пріобрѣлъ громкую извѣстность въ казанскомъ краѣ, какъ крупный чайный торговецъ и козловый заводчикъ. Въ трехлѣтіе 1809—1811 гг. служилъ по выбору гражданъ казанскимъ городскимъ головою (послѣ окончанія службы въ этой должности казанскаго 1-й гильдіи купца И. А. Варнавина). За усердную службу въ званіи

головы награжденъ золотою медалью. Въ 1817 году въ его домѣ, противъ университета, останавливался великій князь Михаилъ Павловичъ, пробывшій въ Казани 26, 27 и 28 августа. Въ 1833 году возведенъ съ семействомъ въ потомственное почетное гражданство. Въ этомъ-же году, 7 сентября, посѣтилъ Леонтія Филипповича поэтъ А. С. Пушкинъ, собиравшій матеріалы для «Исторіи пугачевскаго бунта». 21 августа 1836 года, Леонтій Филипповичъ, имѣя 82 года, представлялся Императору Николаю Павловичу, бывшему въ Казани. Имѣлъ каменные дома: на Воскресенской улицѣ, противъ университета, и на той-же улицѣ, противъ Гостиннаго двора; въ Подлужной слободѣ—кожевенный заводъ, купленный у надворнаго совѣтника Борисова; собственныя каменныя лавки: въ Гостинномъ дворѣ числомъ двадцать пять и въ хлѣбномъ ряду (на Проломной улицѣ) числомъ три.— Женатъ былъ два раза: 1) на NN. (она умерла въ 1785 году) и 2) на дочери казанскаго купца Александра Петровича Тарасова—дѣвицѣ Маріѣ Александровнѣ, умершей 13 іюля 1805 г. на 40 году отъ роду, сестра которой, Марія Александровна, была за казанскимъ купцомъ Дмитріемъ Ильичемъ Барминымъ, производившимъ въ Казани обширную торговлю желѣзными и скобяными товарами. Леонтій Филипповичъ умеръ 7-го мая 1839 года, похороненъ на православномъ кладбищѣ Арскаго поля. Его усердіемъ выстроена величественная колокольня при казанской воскресенской церкви и подъ колокольнею теплый храмъ во имя Сергія Радонежскаго, въ который всѣ иконы, церковные сосуды, напрестольные кресты, Евангеліе, ризница и прочія вещи куплены Крупениковымъ въ Москвѣ на свои средства.

Колѣно IV.

4. *Алексѣй Леонтьевичъ* . . . . . 3.

Первый, единственный сынъ Леонтія Филипповича отъ перваго брака; главный пособникъ блестящаго развитія торговыхъ дѣлъ отца. Родился въ 1776 году, въ октябрѣ мѣсяцѣ; 1804 года отдѣленъ отъ родительскаго дома и семейства и устраненъ отъ отцовской торговли за тайную и безъ воли родителя учиненную женитьбу на крѣпостной дѣвушкѣ. Съ 1 января 1805 года, записавшись въ казанское купечество по 3-й гильдіи, началъ самостоятельную чайную торговлю въ одной изъ лавокъ Гостиннаго двора. Женатъ на отпущенницѣ Θеклѣ Игнатьевнѣ N. Умеръ раньше своего отца, но послѣ 1827 года.

5. *Петръ Леонтьевичъ* . . . . . 3.

Родился въ 1785 году. Старшій сынъ отъ второго брака отца. Состоялъ, вмѣстѣ съ прочими единоутробными братьями, въ одномъ нераздѣльномъ родительскомъ капиталѣ. Служилъ по выбору городскаго общества старостой казанскаго каѳедраль-

наго собора, изъ каковой должности выбылъ въ 1851 году, передавъ ее казанскому купцу Семену Борисовичу Мурзаеву, согласно избранію сего послѣдняго гражданами. Умеръ 28 декабря 1856 года. Женатъ на дочери чистопольскаго купца и коммерціи совѣтника Василія Семеновича Плаксина—Ольгѣ Васильевнѣ, умершей 2 сентября 1852 года, на 55-мъ году отъ рожденія.

6. *Яковъ Леонтьевичъ* . . . . . 3.

Родился въ 1787 году. Умеръ въ дѣтскомъ возрастѣ.

7. *Александръ Леонтьевичъ* . . . . . 3.

Родился въ 1788 году. Послѣ смерти отца избранъ былъ въ городскіе головы г. Казани, вмѣсто отказавшагося отъ этой должности купца Ивана Степановича Ососова, на трехлѣтіе съ 1839 г. (съ 23 августа) по 1 января 1842 года. Пожертвовалъ 3000 руб. на учрежденіе въ Казани Николаевскаго дѣтскаго пріюта, который и открытъ былъ 21 декабря 1843 года на Проломной улицѣ, въ домѣ, занимаемомъ прежде казанскимъ городовымъ магистратомъ (рядомъ съ николо-низкою церковью). Въ этомъ пріютѣ Александръ Леонтьевичъ былъ первымъ почетнымъ старшиною. Его-же иждивеніемъ устроена при казанскомъ военномъ госпиталѣ домовая церковь, освященная 24 октября 1844 года. Въ слѣдующемъ, 1845 году, на его счетъ открытъ (7 февраля) при Николаевскомъ дѣтскомъ пріютѣ еще особый пріютъ «ночлежный», для сиротъ и бѣднѣйшихъ дѣтей, на 25 кроватей. Въ этомъ-же году въ его покояхъ останавливался пріѣзжавшій въ Казань (14 октября) герцогъ Максимиліанъ Лейхтенбергскій. Въ 1846 году, октября въ 8 день, Александръ Леонтьевичъ награжденъ золотою медалью съ надписью: за «усердіе», для ношенія на шеѣ на Владимірской лентѣ. Онъ умеръ бездѣтнымъ 25 октября 1855 года. Женатъ на дочери казанскаго купца Абрама Григорьевича Пискунова Александрѣ Абрамовнѣ, которая умерла 26 іюля 1859 года.

8. *Иванъ Леонтьевичъ* . . . . . 3.

Родился въ 1789 году; умеръ 1 марта 1850 года. Женатъ на дочери казанскаго купца и кожевеннаго въ селѣ Ягодномъ заводчика Ивана Ивановича Котелова,—Татьянѣ Ивановнѣ, умершей 8 іюля 1866 года.

9. *Константинъ Леонтьевичъ* . . . . . 3.

Родился въ 1801 году. Послѣ смерти родителя участвовалъ нѣкоторое время въ общей торговлѣ съ братьями, имѣвшими торговый домъ подъ фирмою: «Леонтья Крупеникова сыновья», но съ 1 января 1846 года не пожелалъ состоять членомъ этого торговаго дома и, отдѣлившись отъ братьевъ, поселился въ купленномъ имъ у бывшаго казанскаго вице-губернатора барона Пирха каменномъ домѣ на большой Лядской улицѣ. Константинъ Леонтьевичъ устроилъ у себя домовую церковь (существующую понынѣ), окружилъ себя монахами и сталъ вести аскетическую

жизнь. Проживавшій въ казанскомъ Спасо-Преображенскомъ монастырѣ, въ ссылкѣ, бывшій настоятель ставропигіальнаго воскресенскаго монастыря (Новый Іерусалимъ), ученый архимандритъ Климентъ Можаровъ († 20 сентября 1864 года) былъ близкимъ другомъ его дома и ежедневнымъ посѣтителемъ и собесѣдникомъ, наставляя мужа и жену Крупениковыхъ путямъ, ведущимъ ко спасенію. Константинъ Леонтьевичъ былъ женатъ на Александрѣ Родіоновнѣ Хворовой, купеческой дочери. Она вышла замужъ въ 1830 году, будучи 15-лѣтней дѣвушкой и замѣчательной красавицей. Ея мать, Татьяна Гавриловна, была дочь поэта Каменева (о которомъ упоминалось выше). Она, покинутая мужемъ, Родіономъ Петровичемъ Хворовымъ*), ведшимъ невоздержную жизнь, проживала сначала въ домѣ тетки своей Дѣдевой, откуда и выдавала дочь за Константина Леонтьевича Крупеникова, а потомъ поступила въ казанскій женскій монастырь, въ которомъ и скончалась 4 августа 1866 года. Константинъ Леонтьевичъ былъ однимъ изъ иниціаторовъ основанія второго въ Казани дѣтскаго пріюта, названнаго „Александровскимъ“, пожертвовавъ на его учрежденіе 5000 руб. Пріютъ этотъ былъ открытъ 7 февраля 1845 года на Ново-Горшечной улицѣ, въ домѣ, принадлежавшемъ до того времени первому директору казанской 2-й гимназіи М. Н. Львову. Константинъ Леонтьевичъ умеръ, послѣ продолжительной болѣзни, 19 апрѣля 1885 года, бездѣтнымъ, оставивъ духовное завѣщаніе и сдѣлавъ душеприкащиками отставного маіора Петра Ивановича Мамаева, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Гавріила Ивановича Горталова и потомственнаго почетнаго гражданина Николая Никифоровича Урванцова, которымъ и вмѣнилъ въ обязанность открыть при домѣ завѣщателя, на капиталъ, пожертвованный какъ имъ самимъ, такъ и женою его Александрою Родіоновною, въ количествѣ 78000 руб., богадѣльню для призрѣнія неимущихъ, престарѣлыхъ и увѣчныхъ лицъ женскаго пола изъ сословій: купеческаго, мѣщанскаго и цеховыхъ города Казани. Для организаціи и управленія «Крупениковскою богадѣльнею» былъ составленъ особый уставъ и утвержденъ 26 января 1883 года министромъ внутреннихъ дѣлъ.—Александра Родіоновна Крупеникова умерла раньше мужа, въ іюнѣ 1881 года. Оба супруга погребены въ саду ихъ собственнаго дома, въ которомъ, кромѣ церкви, имѣется теперь и богадѣльня.

10. *Анна Леонтьевна* (отъ перваго брака отца) . . . 3.

Родилась 1782 году. Была въ замужествѣ за казанскимъ купцомъ Павломъ Евграфовичемъ Лихачевымъ, мыловареннымъ заводчикомъ въ Плетеняхъ. Она была его первою женою. Овдо-

*) Домъ Р. П. Хворова купленъ аптекаремъ Е. Я. Бахманомъ, а отъ сего послѣдняго перешелъ, вмѣстѣ съ аптекой, къ зятю его Ф. Х Граке.

вѣвши, Лихачевъ женился на Маріѣ Петровнѣ Котеловой. Отъ Анны Леонтьевны у него остался сынъ Изосимъ Павловичъ, служившій долгое время прикащикомъ у Крупениковыхъ. Отъ второй жены (Котеловой) П. Е. Лихачевъ имѣлъ дочь Марію Павловну, вышедшую за чистопольскаго купца Ивана Дмитріевича Полякова, и двухъ сыновей: Дмитрія Павловича, служившаго въ Чистополѣ у зятя Полякова, и Николая Павловича, женатаго на Авдотьѣ Семеновнѣ Пискуновой.

11. *Степанида Леонтьевна* (отъ втораго брака отца) . 3

Была замужемъ за казанскимъ купцомъ Никифоромъ Степановичемъ Урванцовымъ, впослѣдствіи потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ. Она умерла 12 октября 1830 года, на 40 году отъ рожденія.

Колѣно V.

12. *Матрена Алексѣевна* . . . . . 4.

Это единственная дочь Алексѣя Леонтьевича, опальнаго сына Л. Ф. Крупеникова. Подробныхъ свѣдѣній о ея судьбѣ мы не имѣемъ. Сыновей у Алексѣя Леонтьевича не осталось.

13. *Петръ Петровичъ* . . . . . 5.

Послѣ смерти дядьевъ—представителей «Торговаго дома Леонтія Крупеникова сыновья», Петръ Петровичъ продолжалъ промышленное дѣло этой фирмы. Но уже, вслѣдствіе наступленія иныхъ условій времени, успѣхъ его торговыхъ оборотовъ не достигалъ прежнихъ размѣровъ. Казанскіе козлы потеряли спросъ въ Китаѣ—и столь знаменитый крупениковскій заводъ въ Подлужной, съ блестящимъ орломъ на воротахъ, долженъ былъ прекратить свою дѣятельность. Петръ Петровичъ ограничился торговлею одними чаями, открывши съ 1 января 1864 года, въ компаніи съ казанскимъ купцомъ Дмитріемъ Алексѣевичемъ Черкасовымъ, торговый домъ подъ фирмою: „Крупениковъ и К°,“ на правахъ товарищества на вѣрѣ. Но предпріятіе это было послѣднимъ актомъ въ торгово-промышленной жизни славнаго крупениковскаго дома, который достоинъ занять видную страницу въ исторіи экономическаго развитія города Казани. Вновь учрежденный торговый домъ въ товариществѣ съ Черкасовымъ не далъ плодотворныхъ результатовъ и надъ нимъ была учреждена «администрація». Пробовалъ Петръ Петровичъ Крупениковъ основать еще новую отрасль дѣятельности: это учрежденіе въ Казани образцоваго кирпичнаго завода. Дѣло предпринято было на паяхъ, съ участіемъ казанскихъ купцовъ: Д. И. Вараксина, И. Я. Тихонова и В. Н. Унженина. Но компанейскій кирпичный заводъ успѣха также не имѣлъ и ликвидировалъ свои дѣйствія вскорѣ послѣ ихъ возникновенія. Послѣдніе дни своей жизни Петръ Петровичъ доживалъ вдали отъ всякихъ заботъ и предпріятій, созерцая лишь прошлое процвѣта-

ніе крупениковскихъ дѣлъ. Онъ умеръ 12 іюня 1880 года. Женатъ на Юліи Петровнѣ Антоновой, отецъ которой, казанскій купецъ Петръ Тимоѳеевичъ Антоновъ, былъ родомъ изъ г. Яранска, Вятской губерніи.

14. *Екатерина Петровна* . . . . . 5.

Была въ замужествѣ за г. Мейснеромъ, жандармскимъ полковникомъ въ Симбирскѣ.

15. *Иванъ Ивановичъ* . . . . . 8.

Очень даровитый юноша, студентъ казанскаго университета. Не окончивъ курса, умеръ отъ чахотки 16 декабря 1848 года, имѣя 23 года отъ роду.

16. *Марѳа Ивановна* . . . . . 8.

Была замужемъ два раза: 1) за подполковникомъ Алексѣемъ Петровичемъ Горскимъ и 2) за подполковникомъ Николаемъ Сергѣевичемъ Есиповымъ, помѣщикомъ села Куюковъ, Лаишевскаго уѣзда.

Колѣно VI.

17. *Николай Петровичъ*. . . . . 13.

Родился 2 марта 1865 года. Кончилъ курсъ юридическихъ наукъ въ казанскомъ университетѣ въ 1888 году. Служилъ помощникомъ секретаря казанской судебной палаты. Женатъ на Надеждѣ Александровнѣ Шемаевой.

18. *Ольга Петровна* . . . . . 13.

Замужемъ за умершимъ докторомъ медицины Матвѣемъ Фроловичемъ Болдыревымъ.

Заканчивая этими строками очеркъ знаменитой мѣстной купеческой фамиліи, имѣвшей почти двухъ-вѣковую исторію, авторъ далекъ отъ мысли, что посильный трудъ его лишенъ нѣкоторыхъ упущеній, всегда неизбѣжныхъ при изслѣдованіяхъ нашей провинціальной старины. Здѣсь представляется на судъ читателя лишь тотъ запасъ матеріала на затронутую тему, какой удалось автору добыть изъ дѣлъ старыхъ казанскихъ архивовъ и распросовъ мѣстныхъ старожиловъ, ряды которыхъ, къ сожалѣнію, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе рѣдѣютъ.

9-го Апрѣля 1894 года

Фамилія Сухановыхъ въ Казани.

(Очеркъ изъ мѣстной бытовой исторіи).

Въ первой четверти XIX столѣтія пользовался въ Казани большою извѣстностію и почетомъ мѣстный купецъ *Платонъ Степановичъ Сухановъ*. Онъ торговалъ чаями въ сахарномъ ряду Гостиннаго двора, служилъ по выборамъ въ городскомъ муниципалитетѣ: былъ сначала ратманомъ, потомъ бургомистромъ въ городовомъ магистратѣ и, наконецъ, въ трехлѣтіе 1815, 1816 и 1817 г.г. городскимъ головою. Домъ его, каменный двухъ-этажный, съ антресолями, существуетъ до настоящаго времени, сохранивъ въ цѣлости свою первоначальную архитектуру. Онъ находится противъ Пятницкой церкви, составляя теперь собственность этой церкви: въ немъ живетъ причтъ ея.

Жилъ Сухановъ вполнѣ по-барски: брилъ бороду, носилъ модную прическу, одѣвался въ платье нѣмецкаго покроя, имѣлъ богатую обстановку въ домѣ и щегольскіе экипажи. Онъ былъ человѣкъ начитанный и, для своего времени, довольно образованный, что легко усмотрѣть изъ его обширной дѣловой переписки съ мѣстными властями: казанскимъ губернаторомъ графомъ Ильею Андреевичемъ Толстымъ (родной дѣдъ Льва Николаевича), казанскими архіереями: Павломъ Зерновымъ и Амвросіемъ Протасовымъ, извѣстнымъ представителемъ казанскаго масонства Саввою Андреевичемъ Москотильниковымъ и протоіереемъ казанскаго каѳедральнаго собора Борисомъ Герасимовичемъ Поликарповымъ, лицомъ очень вліятельнымъ въ городѣ, имѣвшимъ большую дворню крѣпостныхъ людей обоего пола, которыхъ отецъ протоіерей покупалъ и продавалъ, какъ истый помѣщикъ. Сухановскою перепискою съ поименованными лицами наполнены многія современныя ему думскія дѣла, хранящіяся въ городскомъ архивѣ, съ которыми пишущему эти строки удалось хорошо познакомиться, благодаря просвѣщенной любезности бывшаго городскаго головы Сергѣя Викторовича Дьяченко.

Со всѣми лицами, съ которыми сносился и переписывался купецъ Сухановъ, у него были самыя разнообразныя связи.

Независимо отъ занимаемыхъ имъ должностей по городской службѣ, онъ состоялъ еще директоромъ комитета казанскаго отдѣленія россійскаго библейскаго общества, въ каковомъ званіи и умеръ 23 мая 1820 года. Послѣ него осталась значительная и цѣнная библіотека, въ которой, судя по просмотрѣнной нами описи, имѣлись почти всѣ важнѣйшія произведенія тогдашней литературы и учености, начиная съ сочиненій туманной философіи XVIII вѣка и кончая романами г-жи Радклифъ. Но прежде, чѣмъ продолжать разсказъ о Платонѣ Степановичѣ, скажемъ нѣсколько словъ о его происхожденіи и ближайшихъ предкахъ.

Отецъ его, Степанъ Кирилловичъ Сухановъ, служилъ въ концѣ XVIII столѣтія канцеляристомъ казанскаго намѣстническаго правленія. Онъ имѣлъ въ Казани деревянный домъ, какъ это видно изъ алфавитнаго списка домовъ г. Казани за 1787 годъ (находящагося въ думскомъ архивѣ), гдѣ подъ № 1320 сказано слѣдующее: «Сухановъ, Степанъ Кирилловъ, казанскаго намѣстническаго правленія канцеляристъ, женатый на солдатской дочери Аннѣ Ивановой, имѣетъ дѣтей: Платона 6, Андрея 4, Настасью 9, Марью 2 лѣтъ, Татьяну полугоду. Домъ его деревянный въ приходѣ Покровскомъ, на Пригонной горѣ, построенный по плану, на собственный его капиталъ.» Къ сказанному мы должны прибавить, что такъ-называемую «Пригонную гору» не слѣдуетъ смѣшивать съ улицею, извѣстною подъ именемъ «Поповой горы», существовавшей и тогда близъ «Пригонной горы», подъ острымъ угломъ съ нею, и принадлежавшей къ приходу церкви «Николы-Тульскаго*)». „Пригонная гора"—это нынѣшняя Касаткина улица, которая отдѣляется отъ Поповой горы оврагомъ, сохранившимся до сего времени, съ перекинутымъ черезъ него мостикомъ. У самого мостика стоялъ, по вышеупомянутому «Списку» 1787 г., домъ сержанта (изъ дворянъ) Якова Алексѣевича Касаткина, отъ имени коего получила названіе и улица. Домъ Степана Кирилловича Суханова перешелъ послѣ него во владѣніе младшаго сына его Андрея Степановича Суханова, который 29 сентября 1814 года продалъ его купеческому сыну Василію Филипповичу Жукову, отъ сего послѣдняго домъ въ слѣдующемъ 1815 году поступилъ въ собственность учителя гимназіи Ивана Ивановича Протопопова, автора любопытныхъ «Записокъ» о казанской жизни (напечатанныхъ Н. П. Загоскинымъ въ газетѣ «Казанскій Биржевой Листокъ» 1892 г. №№ 45, 46, 64 и далѣе). Домъ Протопопова, если не ошибаемся, принадлежитъ и теперь его фамиліи.

*) Приходская церковь Николы-Тульскаго теперь не существуетъ; на ея мѣстѣ воздвигнутъ теплый храмъ во имя св. Николая въ казанскомъ женскомъ монастырѣ, освященный въ 1816 году

Дѣдъ Суханова, то-есть отецъ Степана Кирилловича, Кириллъ Васильевичъ Сухановъ,—былъ человѣкомъ замѣчательнымъ для своего времени, такъ что имя его занесено въ „Словарь достопамятныхъ людей русской земли“, Бантышъ-Каменскаго (см. 3-й дополн. томъ, изд 1847 г., стр. 392). Онъ былъ родомъ сибирякъ, изъ тамошнихъ мѣщанъ. Будучи грамотнымъ, Кириллъ Васильевичъ съ ранняго дѣтства возъимѣлъ влеченіе къ духовнымъ и мистическимъ книгамъ и родители его, боясь, чтобы онъ не ушелъ въ монахи, поторопились женить его. Не смотря на это, симпатіи Суханова тяготѣли къ церковной сферѣ, и въ шестидесятыхъ годахъ XVIII-го столѣтія ему удалось привести въ лоно православія нѣсколько тунгусскихъ семействъ. Успѣхъ этотъ поощрилъ его на дальнѣйшую миссіонерскую дѣятельность. Онъ отправился за Байкалъ, гдѣ присоединилъ къ православію многихъ жителей Даурiи, за каковую энергію иркутскій архіерей Михаилъ Миткевичъ сдѣлалъ Кирилла Васильевича іереемъ и далъ ему походную церковь. По словамъ Бантышъ-Каменскаго, «Кириллъ Сухановъ, обучавшійся самоучкою живописи, рѣзьбѣ, позолотѣ, былъ вмѣстѣ каменщикъ и плотникъ, населялъ деревни тунгусами, сооружалъ храмы, писалъ иконы, основывалъ училища и изъ новокрещенныхъ образовалъ отличныхъ причетниковъ, служителей алтаря и иконописцевъ. Онъ умеръ въ санѣ протоіерея, на 70 году отъ рожденія, и погребенъ въ нерчинскомъ соборѣ».

Платонъ Степановичъ, о которомъ мы начали рѣчь въ началѣ этого очерка, родился въ Казани 11 ноября 1781 года. Гдѣ онъ учился, дома или въ школѣ—неизвѣстно, хотя въ Казани существовали тогда и гимназія и народное училище; не знаемъ также, у кого изъ купцовъ знакомился онъ съ коммерческимъ дѣломъ и когда сталъ торговать самостоятельно. Впервые имя его попалось намъ въ ноябрѣ 1808 года, какъ ратмана казанскаго магистрата, гдѣ служилъ онъ при бургомистрахъ: Петрѣ Васильевичѣ Евреиновѣ и Родіонѣ Петровичѣ Хворовѣ. Въ слѣдующіе за симъ годы фамилія его встрѣчается въ дѣлахъ очень часто, то какъ ратмана, то какъ бургомистра. Служа въ этой послѣдней должности (въ трехлѣтіе 1812—1814 гг.), онъ за что-то подвергся пени, которую наложило на него губернское правленіе. Онъ, считая себя правымъ, аппеллировалъ противъ постановленія губернскаго правленія, выставляя мотивы, которые для того времени, налагавшаго на подчиненныхъ обязанность оставаться безотвѣтными,—приняты были за дерзость со стороны защищающагося. Въ «докладномъ реестрѣ казанской городской шестигласной думы за 1814 годъ», подъ 9-мъ числомъ декабря, написано: «слушанъ указъ казанскаго губернскаго правленія отъ 4 сего декабря за № 19649, коимъ съ прописаніемъ таковаго-же правительствующаго сената знать дано, что казан-

скому купцу Суханову въ просьбѣ объ избавленіи его отъ наложенной на него онымъ губернскимъ правленіемъ пени отказано, съ такимъ подтвержденіемъ, чтобы онъ впредь отъ подобныхъ изъясненному въ семъ указѣ донесенію и просьбъ, исполненныхъ на счетъ присутственныхъ мѣстъ и лицъ, дерзкими изреченіями, удерживался подъ опасеніемъ строгаго по законамъ сужденія». Не смотря на это, ровно черезъ мѣсяцъ Сухановъ единогласно избранъ былъ въ казанскіе городскіе головы и въ этой должности утвержденъ безъ затрудненія высшимъ начальствомъ.

Въ первый-же годъ службы его въ званіи городскаго головы, Казань постигло большое несчастіе: почти весь городъ сгорѣлъ отъ пожара, случившагося 3 сентября 1815 года. Пожаръ начался въ небольшомъ деревянномъ домикѣ за Варлаамовскою церковью, принадлежавшемъ казанскому мѣщанину Ивану Ивановичу Балабину. Въ этомъ домѣ жилъ отставной штабсъ-капитанъ Андрей Михайловичъ Ермолаевъ, жена котораго Глафира Егоровна, затопивши утромъ стряпельную печку, бросила въ нее часть изломанной оси отъ телѣги, съ толстымъ слоемъ смолы на концѣ. Когда загорѣлся обломокъ оси, пламя массою выметнуло изъ чела печки и загорѣлся потолокъ низенькой свѣтлицы, въ ототый квартировали Ермолаевы. Черезъ нѣсколько минутъ весь домъ Балабина былъ объятъ пламенемъ, а отсюда оно пошло гулять по кварталу, а потомъ по всей Казани. Очевидецъ пожара, казанскій купецъ Семенъ Борисовичъ Мурзаевъ, по разсказу котораго мы передаемъ эти подробности, утверждалъ, что время въ Казани стояло тогда сухое, въ день пожара дулъ съ Волги сильный вѣтеръ; пламя крутилось столбами и быстро перебѣгало съ одного квартала на другой, благодаря сухости и скученности деревянныхъ построекъ. Жители отъ страха растерялись, смятеніе было всеобщее, ужасное, не поддающееся описанію. За десятки верстъ летѣли головни и горѣвшая бумага изъ присутственныхъ мѣстъ въ крѣпости. Когда пожаръ сталъ угрожать каѳедральному собору, служители его прибѣжали къ ключарю собора Аѳанасію Саввичу Сатрапинскому, жившему въ домѣ, принадлежащемъ теперь университетской типографіи. Онъ далъ служителямъ ключи, чтобы они бѣжали скорѣе отпирать двери собора, а самъ сталъ одѣваться, чтобы вслѣдъ за ними отправиться на мѣсто опасности. Но изъ «серебрянаго» кабака, мимо котораго лежалъ путь соборнымъ служителямъ, выкатили бочку водки; на нее съ жадностью набросился народъ и, разбивъ ее, сталъ распивать водку на улицѣ. Передъ даровой выпивкой не устояли и соборные служители: они присоединились къ толпѣ и пили, а въ тѣснотѣ и запальчивости незамѣтили какъ потеряли ключи. Когда прибылъ къ собору ключарь, посланныхъ съ ключами тамъ не было и соборъ отпереть

было нечѣмъ; ломать тяжелыя, желѣзныя двери его было выше силъ и средствъ собравшихся. Соборъ сгорѣлъ, а также и мощи св. Гурія. Ключарь не вынесъ этого горя: онъ слегъ въ постель и умеръ 18 ноября того-же 1815 года.

Когда пожаръ кончился, началось судебное слѣдствіе о причинѣ его. Взяты были подъ стражу двѣ женщины: мѣщанская жена Аѳимья Матвѣевна Балабина и ея дочь мѣщанская жена Анна Ивановна Тележникова, жившія вмѣстѣ; самого-же Балабина (мужа первой изъ нихъ и отца второй), которому принадлежалъ злосчастный домъ, въ Казани не оказалось: онъ не возвратился еще съ макарьевской ярмарки. Квартиранты ихъ дома, Ермолаевы, къ отвѣту не привлекались, такъ какъ изъ дѣла о пожарѣ, хранящагося въ архивѣ казанскаго окружнаго суда, этого не видно. Слѣдствіемъ ничего не было выяснено и въ названномъ дѣлѣ мы читаемъ слѣдующее постановленіе магистрата, состоявшееся 26 ноября 1815 года

„Слушавъ выписку изъ дѣла, начавшагося 6-го октября 1815 года по сообщенію казанской полиціи о случившемся въ городѣ Казани минувшаго сентября 3 числа отъ дома мѣщанина Ивана Балабина пожарѣ, приказали: какъ по слѣдствію, казанскою полиціею произведенному, въ умышленномъ поджогѣ дома мѣщанина Балабина никого виновныхъ не открыто, а равно того, чтобы онъ загорѣлся и отъ неосторожности домашнихъ, въ чемъ и мѣщанина Балабина жена, Аѳимья Матвѣева, и дочь ихъ Анна Тележникова сознанія не сдѣлали и ни кѣмъ не доказаны. А потому ихъ, Балабину и Тележникову, на основаніи воинскихъ процессовъ 2 части 5 главы 10 пункта, предать волѣ Божіей, пока впредь само по себѣ откроется, но не приводя его въ исполненіе, дѣло съ выпискою, мнѣніемъ и описью, за скрѣпою по силѣ указа 1798 года февраля 18 числа, представить въ казанскую палату уголовнаго суда при доношеніи, о чемъ и учинить особый протоколъ. Подписали: Василій *Заусайловъ,* Михайло *Мыльниковъ,* Прокофій *Котельниковъ,* Никифоръ *Чижовъ;* скрѣпилъ секретарь *Павловъ* »—Уголовная палата возвратила обревизованное дѣло, утвердивъ рѣшеніе магистрата, и оно сдано было въ архивъ.

Пожаръ 3 сентября 1815 года случился въ такое время, когда очень многіе казанскіе купцы не успѣли вернуться съ ярмарки отъ Макарья Въ ихъ отсутствіе сгорѣли богатые магазины на Воскресенской улицѣ и въ Гостинномъ дворѣ, множество лавокъ на «Осокинскомъ бугрѣ» (у Дрябловскаго дома), въ центрѣ которыхъ находился тогдашній «Толчекъ». На этомъ мѣстѣ, по косогору, выстроенъ впослѣдствіи большой каменный корпусъ лавокъ съ одной стороны—москательныхъ, съ другой—травныхъ и рукавичныхъ, существующихъ до нашихъ дней. Погибла масса товаровъ, причинивъ полное разореніе многимъ тор-

говцамъ, такъ какъ страхованіе не было тогда въ употребленіи. Самъ городской голова П. С. Сухановъ, тоже находился на ярмаркѣ: безъ него сгорѣли его лавки въ Гостинномъ дворѣ и домъ у Пятницы.

Едва миновалъ годъ послѣ постигшихъ Платона Степановича имущественныхъ лишеній отъ пожара, какъ надъ нимъ разразился, словно громъ небесный, новый ударъ, гораздо сильнѣйшій: у него умеръ семнадцати-лѣтній первенецъ-сынъ, Левъ Платоновичъ, а черезъ два мѣсяца послѣ этой катострофы умерла жена, не могшая перенести потери сына, оставивъ осиротѣлому мужу малолѣтнюю дочь Александру...

На Арскомъ кладбищѣ, недалеко отъ церковной паперти, въ лѣвой сторонѣ отъ дороги, лежитъ ушедшій наполовину въ землю дикій камень, обросшій травой и мохомъ и едва замѣтный для прохожихъ. На немъ посѣтитель кладбищъ можетъ прочитать слѣдующую, начертанную славянскою вязью надпись: «здѣсь покоются тѣла дражайшихъ казанскому купцу Платону Суханову особъ: почитаемый отецъ, любимѣйшій сынъ и нѣжнѣйшая супруга. Первому имя Стефанъ Кирилловичъ, житія его было около 56 лѣтъ; второму—Левъ, умеръ 21-го октября 1816 года, 17 лѣтъ, 9 мѣсяцевъ и 9 дней, третья Агриппина Якимовна, умершая того-же 1816 года 26 декабря, житія ея было 33 года съ нѣсколькими днями.» (Она была урожденная Заусайлова).

Эти семейныя несчастія глубоко потрясли духовный и физическій организмъ Суханова; онъ, по словамъ здравствующаго родного племянника его, Николая Андреевича Суханова, въ 35 лѣтъ сдѣлался совершенно сѣдымъ*).

Только года черезъ два сталъ онъ мало по малу входить въ колею обыденной жизни. Чтобы не разстроить вконецъ домашняго хозяйства и озабочиваясь судьбою маленькой дочки, Сухановъ, по совѣту друзей и родныхъ, рѣшилъ жениться. Выборъ его палъ на проживавшую у купчихи Жарковой родственницу ея, дочь чебоксарскаго мѣщанина Клюева, Авдотью Яковлевну, съ которою онъ, въ февралѣ мѣсяцѣ 1818 года, и обвѣнчался. Отъ этого брака родился у него 2 января 1819 г. сынъ Петръ. Черезъ два года жизни съ молодою женою скончался и самъ Платонъ Степановичъ Сухановъ. Онъ умеръ, какъ сказано выше, 23 мая 1820 года. Наканунѣ смерти онъ подписалъ духовное завѣщаніе, которое въ существенныхъ частяхъ заключалось въ слѣдующемъ: «женѣ моей, Авдотьѣ Яковлевнѣ, выдать десять тысячъ рублей, не включая суммы ея приданаго; дочери моей, рожденной отъ перваго супружества, Александрѣ, выдать десять

*) Писано въ октябрѣ 1897 года.

тысячъ рублей, не включая въ сіе число вещей, оставшихся послѣ покойной моей супруги, а ея матери, Агриппины Якимовны, которыя ей принадлежатъ по силѣ законовъ; все прочее мое имѣніе—законному наслѣднику моему, сыну Петру. Опекунами надъ помянутыми дѣтьми моими и имѣніемъ назначаю господъ казанскихъ купцовъ: Прокофія Яковлевича Котельникова и Ивана Петровича Серебренникова. Родительницѣ моей, Аннѣ Ивановнѣ, прошу выдать пятьсотъ рублей во всякое время, когда ей получить оные будетъ угодно.»

Къ духовному завѣщанію подписались: духовникъ завѣщателя, протопопъ тихвинской церкви Георгій Покровскій, губернскій секретарь Петръ Михайловичъ Сычуговъ; казанскій купецъ Илья Ефимовичъ Астраханцевъ и сосѣдъ по дому, казанскій купецъ Ѳедоръ Михайловичъ Корольковъ. (Завѣщаніе это утверждено гражданскою палатою въ сентябрѣ того-же 1820 года).

Похороны Суханова были пышныя; народу стеклось множество, званнаго и незваннаго. Любопытенъ счетъ расхода по похоронамъ его, представленный распорядителями въ сиротскій судъ; въ счетѣ изображено: Взято изъ лавки казанскаго купца Павла Сѣдова парчи для покойнаго 10 арш. на 500 руб.; 9 арш. парчи-же на 54 руб., 11 арш. тафты флорентійской на 35 руб. 75 коп., 156 арш. газу серебрянаго на 156 руб., 25 арш. газу мишурнаго на 17 руб. 50 коп., 20 арш. камплоту на 52 руб. 50 коп., 13¾ арш. камплоту на обивку гроба на 34 руб. 57½ коп., 15½ арш. газу широкаго на 10 руб. 85 коп., два конца китайки на 16 руб., за исповѣдь и соборованіе 16 руб. 80 коп., яблоковъ и лимоновъ на 8 р. 70 коп., на милостыню 75 руб., духовенству за погребеніе 224 руб., извощикамъ за 13 лошадей 30 р., оффиціантамъ 12 руб., повару 16 руб., куплено рыбы разной на 115 руб., на трапезу въ казанскій монастырь 50 руб., за дроги 20 руб., іерею Семену Афанасьевичу 10 руб., (который росписался такъ: «10 руб. получилъ съ Вященникъ Сѣмѣнъ Афанасьевъ»), за гробъ 73 руб., за чтеніе на дому псалтыря 32 руб., будочникамъ во время похоронъ 24 руб., за могилу съ выкладкою кирпичемъ 150 руб., въ девятины израсходовано на столъ и поминованіе 40 руб., въ полусорочины тожъ на упоминовеніе 63 руб. 50 коп., на двѣ трапезы 40 руб., отдано въ казанскій монастырь за чтеніе псалтыря 115 руб., куплено посуды на 4 руб. 70 коп., холста на 20 руб. 60 коп., за сорокоусты 100 руб., за годовое поминовеніе 200 руб., на сорокоусты свѣчъ на 16 руб., 20 фунтовъ восковыхъ на 36 руб., 7 фунтовъ свѣчъ бѣлыхъ на 16 руб. 80. коп., 1 фунтъ ладону на 2 руб., баранины на 5 руб. 36 коп., еще 2 фунта свѣчъ восковыхъ 4 руб. 20 коп., масла коноплянаго на 4 руб. 25 коп., 4 фунта маковаго на 2 руб. 40 коп., 20 фунтовъ меду на 13 р., штофъ французской водки 5 руб., 2 фунта пшена сорочинскаго

на 1 руб. 20 коп., 1 фунтъ изюму на 70 коп., 24 бутылки меду варенаго на 9 руб. 60 коп., 54 бутылки полпива на 21 р. 60 к.»

Опекунами сиротъ Сухановыхъ сначала были купцы Котельниковъ и Серебренниковъ, указанные въ завѣщаніи, но они вскорѣ отказались и вмѣсто нихъ сиротскимъ судомъ назначены купцы: Павелъ Петровичъ Рыбниковъ и Михаилъ Александровичъ Мыльниковъ. Лица эти образомъ своихъ дѣйствій вызвали массу жалобъ со стороны опекаемыхъ. Они нерадѣли интересамъ ввѣренныхъ ихъ опекѣ сиротъ, тратили опекунскія деньги на свои личныя торговыя дѣла, грубо отвѣчали посланнымъ отъ вдовы Сухановой людямъ и нерѣдко выгоняли ихъ отъ себя. Много времени и усилій употребила Суханова и ея родственники на то, чтобы ссадить этихъ опекуновъ и замѣнить ихъ другими. Ея сторону принялъ близко къ сердцу іерей Николай Афанасьевичъ Левицкій, женатый на родной сестрѣ покойнаго Суханова, Настасьѣ Степановнѣ. Пастырь сей былъ настоятелемъ церкви въ селѣ Урахчѣ, лаишевскаго уѣзда, потомъ перемѣщенъ архіереемъ въ село Репьевку, карсунскаго уѣзда, симбирской губерніи (такъ какъ жившій въ Казани епархіальный архіерей былъ тогда одинъ и тотъ-же для казанской и симбирской епархій). Въ Репьевку Левицкій, имѣя въ Казани домъ, ѣхать отказался, за что, „яко ослушникъ архіерейской начальственной власти“, посланъ былъ на полгода въ село Девликеево, казанскаго уѣзда, во дьячки, съ запрещеніемъ іерейства. Опекуны воевали съ нимъ долго, убѣждая сиротскій судъ и городовой магистратъ въ томъ, что „не поповское дѣло вмѣшиваться въ свѣтскія гражданскія дѣла“, въ доказательство чего ссылались на множество правилъ изъ Кормчей книги. Не мало листовъ въ опекунскомъ сухановскомъ дѣлѣ (оно хранится въ казанскомъ сиротскомъ судѣ подъ № 123) наполнено опекунами выписками изъ Кормчей; но іерей ловко отражалъ эти доводы противниковъ, мотивируя свое вмѣшательство заступничествомъ за беззащитныхъ и обираемыхъ сиротъ, что не только-де никакими законами не зепрещено, но—напротивъ—вмѣняется въ обязанность каждаго остановить зло; это-де долгъ и требованіе нравственности, хотя изъ дальнѣйшихъ данныхъ, имѣющихся въ дѣлѣ, видно, что почтеннымъ батюшкой руководили въ этомъ случаѣ вовсе не тѣ высокіе принципы, на которые онъ указываетъ, а простая корысть, доходившая въ немъ до мелочей. Напримѣръ, онъ написалъ двоюродному брату опекаемой Александры Сухановой страховое отвѣтное письмо въ Москву, и тотчасъ-же завелъ переписку съ опекою, требуя отъ нея возмѣщенія ему этого грошеваго почтоваго расхода. Въ этомъ-же дѣлѣ находятся свѣдѣнія о похоронахъ матери покойнаго Суханова, Анны Ивановны, а ему, Левицкому, тещи. Когда сдѣланъ былъ попадьѣ Левицкой отъ прочихъ наслѣдниковъ

запросъ, куда дѣлось имущество послѣ ихъ матери, то іерей написалъ, что „все имѣніе роздано бѣднымъ и въ казематы заключеннымъ, изъ тафты сшитъ покровъ на жертвенникъ въ церковь села Вознесенскаго; а какія оказались деньги, то таковыя употреблены на ея похороны и на четыредесято-дневныя христіанскія жертвоприношенія въ память матери".

Братъ Платона, мѣщанинъ Андрей Степановичъ Сухановъ, торговавшій мукою на хлѣбномъ базарѣ, въ поданномъ въ сиротскій судъ прошеніи заявилъ, что послѣ умершаго брата его, во время описи имущества, при которой онъ, Андрей, присутствовалъ, было много золотыхъ и серебряныхъ вещей, жемчуга и самоваровъ, а также не мало разной одежды: сюртуковъ, фраковъ, суконныхъ и шелковыхъ брюкъ, мѣховыхъ и холодныхъ шинелей; между тѣмъ при продажѣ оказались однѣ лишь чайныя блюдечки безъ чашекъ, которыхъ масса, а изъ одежды—одни старенькіе жилеты.

Послѣ различныхъ тяжелыхъ мытарствъ и длинныхъ проволочекъ, вдовѣ Сухановой удалось, наконецъ, освободиться отъ опеки Рыбникова и Мыльникова и получить вмѣсто нихъ купца Ефима Ивановича Зайцева. Рыбниковъ и Мыльниковъ отданы были подъ судъ за растрату опекунскихъ суммъ, который тянулся нѣсколько лѣтъ, такъ что оба подсудимые успѣли умереть прежде, нежели рѣшено было о нихъ дѣло. Мыльниковъ умеръ нищимъ, послѣ него нечего было взять, а у Рыбникова описали товаръ въ лавкѣ, домъ, движимое имущество въ домѣ и всетаки не пополнили этимъ расхищеннаго*). Эта секвестровка рыбниковскаго имущества была произведена по настоянію новаго опекуна Зайцева и только благодаря его энергіи и торопливости удалось ухватить кое-что у Рыбникова въ пользу сиротъ Сухановыхъ.

Въ 1825 году опекаемая Александра Платоновна Суханова вышла замужъ за казанскаго мѣщанина Ѳедора Ильича Чуманова, который служилъ прикащикомъ у разныхъ чайныхъ торговцевъ въ Казани, ѣздилъ отъ нихъ по ярмаркамъ и въ Сибирь (Кяхту). Но бракъ ея съ этимъ человѣкомъ былъ несчастливъ. Женившись на Сухановой и получивъ за нею въ приданное доставшуюся на ея долю часть денегъ, Чумановъ записался въ гильдію и съ 1826 года сталъ казанскимъ купцомъ, открывъ собственную торговлю. Но онъ пользовался въ городѣ не совсѣмъ лестною репутаціею, и торговля его не пошла. Тогда онъ взялъ у жены всѣ сколько-нибудь цѣнныя вещи и, кромѣ

*) Бывшіе Рыбникова и Мыльникова дома уцѣлѣли до сихъ поръ. Перваго каменный, съ мезониномъ, находится на Мало-Проломной улицѣ, противъ Перцовыхъ, назадахъ дома Докучаева, а деревянный домъ Мыльникова (онъ былъ жены его Екатерины Григорьевны) находится на лѣвой набережной Булака, во владимірскомъ приходѣ, и принадлежитъ теперь купцу Петру Ивановичу Казанкину.

того, ему удалось передъ ирбитской ярмаркой получить обманнымъ образомъ съ казанскаго купца Афанасія Яковлевича Кочетова три тысячи рублей,—и съ этими неблагопристойнымъ путемъ пріобрѣтенными средствами онъ уѣхалъ на ирбитскую ярмарку, откуда болѣе не возвращался. Было извѣстно, что онъ изъ Ирбита отправился въ Сибирь, гдѣ и пропалъ безъ вѣсти.

Но еще ранѣе замужества Александры Сухановой вышла замужъ ея молодая мачиха, Авдотья Яковлевна, за бывшаго прикащика своего покойнаго мужа, Василія Андреевича Бобровскаго, который былъ крестьяниномъ деревни Топтаевой, Яранскаго уѣзда, Вятской губерніи, а женившись сдѣлался купцомъ и торговалъ чайнымъ и сахарнымъ товаромъ въ Гостинномъ дворѣ. Онъ-то и усваталъ падчерицу жены за пріятеля своего Чуманова.

У Авдотьи Яковлевны остался отъ Суханова сынъ Петръ, какъ упомянуто выше. Онъ родился и выросъ слабоумнымъ. Слабоуміе, впрочемъ, ему приписано болѣе потому, что онъ отдалъ несчастной сестрѣ своей, ограбленной покинувшимъ ея мужемъ, всѣ деньги, какія пришлось получить ему изъ опеки въ день совершеннолѣтія; самъ-же пробивался дѣланіемъ цѣпочекъ изъ мѣдной проволоки. Онъ умеръ въ шестидесятыхъ годахъ. Вѣроятно, нѣкоторые изъ казанскихъ старожиловъ помнятъ, какъ многимъ извѣстный Петръ Платоновичъ ходилъ по улицамъ Казани, базарамъ и лавкамъ, продавая дешевенькія цѣпочки своего издѣлія. На вырученныя отъ этой продажи гроши онъ питался, пока смерть не положила предѣлъ его жалкой, скитальческой жизни. Судьба его сестры намъ неизвѣстна.

Другой братъ Платона Степановича Суханова,—Андрей Степановичъ, оставилъ потомство. Онъ былъ женатъ на дочери проживавшаго въ Казани „по питейнымъ дѣламъ“ муромскаго купца Симона Ивановича Гладкова, Натальѣ Симоновнѣ*). Сынъ его, Николай Андреевичъ Сухановъ, здравствующій и теперь, живетъ при молельнѣ казанскихъ старообрядцевъ, на Варламской улицѣ, состоя духовнымъ отцемъ общества „безбрачныхъ“. Два сына сего послѣдняго. старшій Петръ Николаевичъ, женатый на дочери купца Санникова, торговалъ мукой на Новомъ хлѣбномъ базарѣ (на Мочальной площади), а младшій—Мартирій Николаевичъ служитъ прикащикомъ на крупчатной мельницѣ купца Ѳомина.

---

*) Ея сестры: Татьяна Симоновна была за казанскимъ купцомъ Гаврилой Петровичемъ *Жадинымъ*, однимъ изъ основателей Михайловскаго приходскаго училища, а Екатерина Симоновна за купцомъ Иваномъ Ильичемъ *Вараксинымъ* (она была матерью Дмитрія Ивановича Вараксина, водочнаго заводчика въ Казани)

Родъ купцовъ Серебренниковыхъ.

.... На лѣвомъ берегу нашего знаменитаго Булака, который еще княземъ Курбскимъ, бывшимъ при осадѣ и взятіи Казани, названъ рѣчкою „зѣло тинною и непроходною“, недалеко отъ толстой дубовой стѣны, отдѣлявшей городъ отъ Кураишевскихъ и Ямскихъ посадовъ, въ приходѣ церкви Божіей Матери Владимірскія,—стоялъ, въ началѣ XVIII столѣтія деревянный небольшой домъ старожила купца Тимоѳея Рощина, серебренника.

Какъ Тимоѳей, такъ и родственникъ его Симеонъ, жившій за городскою стѣною (за „острогомъ“), въ слободѣ, именуемой Мокрою,—занимались кузнію, ремесломъ, унаслѣдованнымъ ими отъ предковъ „псковскихъ сведенцевъ“, какъ называетъ ихъ писцовая книга. Извѣстно, что подъ именемъ «кузни» разумѣлось встарину искусство изготовлять разныя вещи изъ серебра и золота: оклады на иконы, лампадки, кадильницы и прочую церковную утварь, а также украшенія для наряда богатыхъ щеголихъ того времени: кольца, серги, запястья, кокошники и проч.

Фамиліи русскихъ горожанъ съ теченіемъ времени очень часто измѣнялись сообразно роду занятій и ремесла ихъ носителей. Такъ произошли: Шапошниковы, Рукавишниковы, Сапожниковы, Каретниковы, Оконишниковы, Прянишниковы и многіе другіе. Нѣкоторые изъ казанскихъ жильцовъ Хворовыхъ стали зваться Скорняковыми потому только, что занимались скорняжнымъ мастерствомъ; казанскіе купцы Рощины, извѣстные въ прошломъ вѣкѣ своими издѣліями изъ золота и серебра,—сдѣлались *Серебренниковыми*.

Въ Казани насчитывалось тогда пять домовъ съ такой фамиліей; три изъ нихъ были купеческіе, одинъ домъ цеховаго и одинъ—посадскаго (по-нынѣшнему· мѣщанина). Первый изъ этихъ купеческихъ домовъ принадлежалъ Ѳедору Андреевичу Серебренникову, казанскому купцу 3 гильдіи, жившему въ собственномъ каменномъ домѣ на Воскресенской улицѣ, подлѣ

церкви. Домъ этотъ построенъ былъ имъ самимъ послѣ пугачевскаго раззоренія, съ помощію ссуды изъ городскаго строительнаго капитала, отпущеннаго по повелѣнію Императрицы Екатерины въ количествѣ 500 тысячъ руб. на нужды потерпѣвшихъ отъ пугачевскаго нашествія жителей г. Казани. Кромѣ этого дома Ѳедоръ Серебренниковъ имѣлъ 22 вотчинныя (наслѣдственныя) лавки въ разныхъ торговыхъ рядахъ города. Онъ умеръ въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, оставивъ жену Ирину Васильевну и трехлѣтняго сына Андрея, который, получивъ, по совершеннолѣтіи, во владѣніе отцовское достояніе, очень быстро прожилъ его и, обѣднѣвши, поступилъ въ услуженіе къ казанскому откупщику и мѣстному именитому гражданину Евреинову.

Второй купеческій домъ Серебренниковыхъ былъ Петра Тимоѳеевича. Это былъ сынъ вышеупомянутаго Тимоѳея Рощина. Петръ Тимофеевичъ во всѣхъ юридическихъ актахъ писался еще Рощинымъ, но дѣти его уже вездѣ именовались Серебренниковыми. Жилъ Петръ Тимофеевичъ на родительскомъ мѣстѣ, но домъ отца, сгорѣвшій въ пугачевщину (12 іюля 1774 г.), онъ отстроилъ заново, на каменномъ фундаментѣ, съ пособіемъ изъ той-же городской строительной суммы. Домъ его по новому конфирмованному Екатериною II плану города Казани значился подъ № 956.

Третьимъ—былъ домъ казанскаго купца 3 гильдіи Ивана Семеновича Серебренникова, деревянный, въ приходѣ Ильи-пророка. У Ивана Семеновича былъ братъ Петръ Семеновичъ Серебренниковъ, жившій рядомъ, въ отдѣльномъ деревянномъ домѣ. Этотъ былъ цеховымъ и занимался, какъ и братъ его, Иванъ, серебряннымъ ремесломъ.

Былъ еще въ Казани, во второй половинѣ XVIII столѣтія, домъ посадскаго Якова Григорьевича Серебренникова, въ подгородной слободѣ Козьей. Домъ этотъ онъ уступилъ брату своему Кузьмѣ, самъ-же переселился въ городъ, выстроивъ себѣ деревянный домъ на Поповой горѣ, въ приходѣ Николы Тульскаго, приходской церкви, нынѣ не существующей.*)

Изъ всѣхъ поименованныхъ нами Серебренниковыхъ только потомство Петра Тимоѳеевича сохранилось въ казанскомъ купеческомъ сословіи до настоящаго времени. Поэтому мы и посвятимъ нашъ очеркъ этой линіи, представителемъ которой является въ наши дни потомственный почетный гражданинъ Александръ Александровичъ Серебренниковъ, здравствующій до нынѣ**).

---

*) На ея мѣстѣ построенъ теплый соборъ въ Казанскомъ монастырѣ.

**) Писано въ 1896 году.

Изъ архивныхъ дѣлъ нынѣ упраздненнаго казанскаго магистрата за 1788 годъ видно, что Петръ Тимоѳеевичъ проходилъ многія городскія службы по выбору общества. Такъ, въ 1751 году онъ былъ въ казанскомъ губернскомъ магистратѣ у сбора городской казны счетчикомъ, а въ 1753 году такимъ-же счетчикомъ въ казанской губернской канцеляріи (что нынѣ губернское правленіе), у пріема и выдачи денежныхъ суммъ: въ томъ-же 1753 г. состоялъ у клейменія золота и серебра и сбора пошлинъ выборнымъ; въ 1757 году въ казанской полиціи квартирмейстеромъ; въ 1759 году у отвоза въ Москву изъ губернской канцеляріи денежной казны счетчикомъ; въ 1761 году въ городѣ Билярскѣ у питейныхъ сборовъ выборнымъ; въ 1763 году у отвоза въ Москву изъ губернской канцеляріи денежной казны счетчикомъ (второй разъ); въ 1765 г. (годъ пріѣзда въ Казань Императрицы Екатерины II) старостою, вторично; въ 1769 г. у пріема соли—ларечнымъ; въ 1772 году сопровождалъ денежную казну въ г. Саратовъ; въ 1774 году (годъ пугачевскаго погрома) въ казанской губернской канцеляріи у пріема и выдачи денегъ счетчикомъ (въ третій разъ); въ 1778 году купеческимъ старостою (третій разъ); съ 1785 по 1788 годъ въ казанскомъ городовомъ магистратѣ ратманомъ.

Женатъ онъ былъ на казанской купеческой дочери Маріи Алексѣевнѣ, но чья она урожденная—неизвѣстно. Имѣлъ отъ нея четырехъ сыновей: Дмитрія, Акинфія, Владиміра и Ивана и одну дочь Марію, бывшую замужемъ за старшимъ сыномъ казанскаго купца Степана Ивановича Урванцова—Михаиломъ. Она умерла вдовою 20 февраля 1841 г., имѣя 67 лѣтъ отъ роду.

Кромѣ производства «кузни» въ собственныхъ мастерскихъ, Петръ Тимоѳеевичъ занимался торговлею. У него была лавка на нѣсколько растворовъ наверху города, вблизи церкви Николы Гостиннаго, въ которой когда-то священствовалъ славный въ отечественной исторіи Гермогенъ, патріархъ всероссійскій. Въ лавкѣ Петра Тимоѳеевича продавались цѣнные предметы изъ церковной утвари, разныя дамскія золотыя украшенія, серебряная посуда и парча. Помощниками по торговлѣ, равно какъ и въ мастерскихъ при домѣ, были его старшіе сыновья Петръ Тимоѳеевичъ былъ, кромѣ того, старостою въ приходской церкви Владимірской, въ которую поступило отъ него не мало вещественныхъ вкладовъ. У настоятеля этой церкви, Егора Романовича, обучались грамотѣ младшіе сыновья старосты, Владиміръ и Иванъ, путешествуя ежедневно съ часословомъ и указкою на церковную ограду, гдѣ стоялъ деревянный съ полисадникомъ домъ ихъ учителя.

Послѣ смерти Петра Тимоѳеевича (онъ умеръ въ преклонныхъ лѣтахъ) сыновья его нѣкоторое время торговали вмѣстѣ, но когда собственныя ихъ семьи умножились,—братья раздѣ-

лились. Старшій Дмитрій, женатый на купеческой дочери Маріѣ Михайловнѣ (изъ чьей она фамиліи—неизвѣстно), удержалъ за собою, повидимому, родовой домъ и мастерскія и, затѣмъ, о дальнѣйшей судьбѣ его никакихъ извѣстій не осталось.

Второй сынъ, Акинфій Петровичъ Серебренниковъ, родившійся въ годъ пріѣзда въ Казань Императрицы Екатерины II (1767), былъ женатъ на дворянкѣ Аннѣ Алексѣевнѣ Ѳедоровой. Отдѣлившись отъ брата Дмитрія Петровича, онъ купилъ на Воздвиженской улицѣ, противъ самой церкви, большое пустопорожнее мѣсто, на которомъ встарину, по словамъ лѣтописца (см. „Каз. Губерн. Вѣдомости“ 1843 г. № 44), арестанты обжигали известку. Здѣсь Акинфій Петровичъ построилъ каменный двухъ-этажный домъ, красивой архтектуры, приходившійся бокъ-о-бокъ съ стариннымъ барскимъ домомъ отставного генералъ-маіора Ермолая Ивановича Великопольскаго. Этотъ домъ Серебренникова, какъ и всѣ дома старой постройки, отличается замѣчательною прочностію. Онъ существуетъ и теперь, принадлежа почетному гражданину Василію Авксентьевичу Унженину*). (Домъ Великопольскаго сдѣлался впослѣдствіи собственностію казанской первой гимназіи; въ немъ въ настоящее время помѣщается квартира директора ея, а послѣ—канцелярія попечителя казанскаго учебнаго округа.

Въ 1817 году Акинфій Петровичъ передалъ домъ этотъ родному брату своему Ивану Петровичу, а себѣ купилъ другой, тоже каменный и двухъ-этажный, на Черноозерской улицѣ, въ Покровскомъ приходѣ, у вдовы-помѣщицы Екатерины Андреевны Молоствовой, урожденной Нечаевой (сынъ ея, Владиміръ Порфирьевичъ Молоствовъ, былъ попечителемъ казанскаго учебнаго округа послѣ Мусина-Пушкина), за 5 тысячъ рублей, въ которомъ и поселился со своимъ семействомъ, состоявшимъ изъ жены, сына Александра и двухъ дочерей: Анны Акинфіевны, вышедшей за купца Петра Ивановича Мыльникова, и Екатерины Акинфіевны, вышедшей за купца Михаила Ивановича Котелова.

Акинфій Петровичъ пользовался большимъ уваженіемъ въ городѣ и домъ его, вмѣстѣ съ домами: Л. Ф. Крупеникова, П. С. Суханова, Ѳ. Ѳ. Золотарева, Ѳ. И. Хворова и В. С. Потѣхина,—считался почетнѣйшимъ въ казанскомъ купечествѣ, а по родству жены Серебренниковъ имѣлъ многія связи среди мѣстнаго дворянства. Торговалъ онъ исключительно золотыми и серебряными издѣліями и былъ, въ тоже время, оффиціальнымъ казанскимъ пробирщикомъ, ставившимъ на присылаемыхъ золотыхъ и серебрянныхъ вещахъ соотвѣтствующую пробу. Онъ

*) Весною 1901 г. домъ Унженина купленъ профессоромъ казанскаго университета д. е. с. Дмитріемъ Александровичемъ Корсаковымъ.

умеръ въ 1819 году пятидесяти двухъ лѣтъ и, замѣчательно, смерть его случилась въ одинъ день со смертію его жены во вторникъ—22 апрѣля: утромъ умеръ онъ, а къ вечеру того-же дня умерла она, и два гроба въ теченіе трехъ дней оплакивались массою родныхъ и знакомыхъ, такъ что вся Черноозерская улица противъ ихъ дома загромождена была въ эти дни экипажами и множествомъ народа. Покойные супруги погребены въ одной могилѣ на Арскомъ кладбищѣ, близь церкви.

Единственный сынъ его, Александръ Акинфіевичъ, родившійся 15 августа 1792 года и женатый на дочери спасскаго купца Звѣрева—Елизаветѣ Ивановнѣ, продолжалъ прочно поставленное торговое дѣло своего отца. Ведя его въ компаніи съ роднымъ дядею Иваномъ Петровичемъ, онъ расширилъ торговлю отдѣленіемъ панскихъ товаровъ, такъ что въ магазинѣ Серебренникова, рядомъ съ золотомъ и серебромъ, продавались модныя дамскія ткани, шелкъ, бархатъ и старо-русскія штофныя матеріи (бывшія въ большомъ спросѣ въ уѣздѣ). Съ утра до вечера около дверей серебренниковскаго магазина стояли кареты и коляски городскихъ барынь, шумною толпою тѣснившихся у прилавковъ. Время было крѣпостное, деньги у дворянъ дешевыя и купцы наживали тогда огромные капиталы....

Самъ Александръ Акинфіевичъ Серебренниковъ былъ, однако, по природѣ своей человѣкъ очень скромный и богомольный, онъ старался избѣгать многолюдныхъ собраній и уклонялся, насколько это было возможно, отъ всякихъ городскихъ выборныхъ должностей, ограничившись лишь званіемъ церковнаго старосты въ покровской церкви, каковымъ былъ безсмѣнно нѣсколько трехлѣтій. Вообще, всѣ Серебренниковы отличались большимъ усердіемъ къ церковности и привязанностію къ клиру.

Дядя Александра Акинфіевича—Иванъ Петровичъ Серебренниковъ служилъ съ начала двадцатыхъ годовъ и по день смерти 24 ноября 1836 года старостою казанскаго каѳедральнаго собора и въ этомъ служеніи состояло все его занятіе, наполнявшее ему жизнь. Будучи вкладчикомъ замѣчательнаго капитала въ торговлѣ племянника, онъ не принималъ личнаго участія ни въ какихъ коммерческихъ дѣлахъ и оборотахъ, полагаясь въ этомъ вполнѣ на умъ и честность Александра Акинфіевича, который, ведя дѣло осторожно и правильно, всегда оправдывалъ искреннее довѣріе дяди. Послѣдній передъ кончиною оставилъ духовное завѣщаніе, которымъ распредѣлилъ свое имѣніе слѣдующимъ образомъ: женѣ своей Маріѣ Ѳеодоровнѣ (она была дочь царевосанчурскаго купца Ѳеодора Степановича Соколова): каменный домъ противъ Воздвиженской церкви, въ которомъ жилъ, со всѣми службами, садомъ и всѣмъ находившимся въ немъ имуществомъ и, кромѣ того, деньгами 10 тысячъ рублей; родной сестрѣ своей Маріи Петровнѣ Урван-

цовой—1000 руб.; на построеніе теплаго каѳедральнаго собора 5500 руб.; въ приказъ общественнаго призрѣнія 2000 руб., проценты съ коихъ выдавать ежегодно духовенству того-же казанскаго каѳедральнаго собора. Затѣмъ весь капиталъ, находившійся въ торговыхъ оборотахъ—родному брату своему Владиміру Петровичу и племяннику Александру Акинфіевичу, которые назначены были и душеприкащиками. Единственная дочь завѣщателя, Варвара Петровна, была выдана въ замужество за секретаря казанской духовной консисторіи Андрея Максимовича Стежинскаго (его первая жена) и умерла бездѣтною еще при жизни родителей.

Четвертый изъ братьевъ Серебренниковыхъ—Владиміръ Петровичъ (по старшинству онъ былъ третій) торговалъ самостоятельно сукнами въ лавкахъ Гостиннаго двора. Сыновьямъ своимъ Ѳерапонту и Аполлону онъ старался дать научное образованіе, но только послѣдній изъ нихъ былъ въ университетѣ. Проучившись на словесномъ факультетѣ два года (1835—1837 г.), Аполлонъ Владиміровичъ вышелъ изъ числа студентовъ, не окончивъ курса, оставивъ, впрочемъ, очень хорошую память между товарищами за свое миролюбіе и необыкновенную доброту характера, каковыми свойствами отличался и старшій братъ его Ѳерапонтъ. Аполлона Владиміровича звали въ университетѣ «сыномъ Тезея» за его какой-то курьезный отвѣтъ профессору Эрдману на экзаменѣ древней исторіи. Онъ служилъ впослѣдствіи учителемъ чердынскаго уѣзднаго училища и умеръ въ Казани 23-го сентября 1865 года.

Владиміръ Петровичъ Серебренниковъ жилъ въ собственномъ каменномъ домѣ тоже на Воздвиженской улицѣ, но въ пятницкомъ приходѣ. Онъ умеръ вдовцомъ 25 марта 1841 г., оставивъ двухъ сыновей, о которыхъ упомянуто выше, и двухъ дочерей: Елизавету и Ольгу. Изъ нихъ первая была замужемъ за чиновникомъ Александромъ Дмитріевичемъ Мелетинымъ, вторая за чиновникомъ Евстафіемъ Афанасьевичемъ Запѣваловымъ. Завѣщавъ означеннымъ дѣтямъ своимъ, а также и племянницѣ Татьянѣ Ивановнѣ Мясцовой все свое имущество, онъ не преминулъ удѣлить значительную часть изъ онаго въ пользу церквей: пятницкой и кладбищенской, и на постройку каѳедральнаго собора.

Старшій сынъ его Ѳерапонтъ Владиміровичъ, раздѣлившійся съ братомъ и сестрами, пріобрѣлъ домъ на Покровской улицѣ, противъ зданія земской больницы (между домами г.г. Петонди и Бѣлюковича). Онъ продолжалъ торговлю въ суконной линіи Гостиннаго двора, между лавками суконныхъ торговцевъ, купцовъ: Веніаминова, Шишкина, Усова и Шигина; но, на долю его наступили другія времена и онъ не составилъ торговлею никакого капитала, а тотъ, который имѣлъ раньше,

ушелъ на воспитаніе дѣтей. Три его сына: Павелъ, Василій и Владиміръ воспитывались въ казанскомъ университетѣ. Первый изъ нихъ, очень талантливый юноша, умеръ вскорѣ по окончаніи курса на историко-филологическомъ факультетѣ въ 1873 г. Еще будучи студентомъ, Павелъ Ѳерапонтовичъ представилъ въ факультетъ сочиненіе на предложенную тему: „Исторія раздѣленія церквей“, обратившее своими выдающимися достоинствами вниманіе ученой коллегіи. Опора и надежда семьи: вдовы матери, маленькихъ братьевъ и сестеръ, юноша Серебренниковъ умеръ, не успѣвши встать на прочную дорогу послѣ полученнаго имъ высшаго образованія. Онъ успѣлъ лишь пристроить въ гимназію двухъ братьевъ своихъ Василія и Владиміра (близнецы), которые, поступивши впослѣдствіи въ университетъ, окончили въ немъ курсъ наукъ: первый въ 1883 г., а второй въ 1884 г., и тотчасъ по окончаніи курса опредѣлены были попечителемъ учебнаго округа на должности преподавателей исторіи и географіи: Василій Ѳерапонтовичъ—въ самарскую гимназію, гдѣ онъ женился на дочери директора гимназіи Соколова, но впавъ въ тяжкую болѣзнь (брюшной тифъ), умеръ 9-го ноября 1890 года, оставивши молодую жену Екатерину Александровну и сына Бориса; Владиміръ Ѳерапонтовичъ женатый на казанской дворянкѣ Бѣлюковичъ, служитъ и по настоящее время учителемъ симбирской гимназіи. Сестры ихъ вышли замужъ: одна за г. Камчадалова, другая за живописца Ильина и третья за учителя рисованія Почуева.

Остается сказать нѣсколько словъ о дѣтяхъ Александра Акинфіевича Серебренникова. У него осталось два сына: Александръ и Михаилъ Александровичи, здравствующіе и теперь, и дочь Аграфена Александровна, которая была замужемъ за елабужскимъ купцомъ Дмитріемъ Ѳедоровичемъ Черновымъ*). Александръ Александровичъ торговалъ до послѣдняго времени въ магазинѣ своемъ на Воскресенской улицѣ въ домѣ Крупеникова мануфактурнымъ товаромъ и золотыми и серебряными вещами; но лѣтъ пять или шесть тому назадъ долженъ былъ ликвидировать свое торговое дѣло по упадку спроса на товаръ, вслѣдствіе усилившейся конкуренціи, а главнымъ образомъ потому, что многочисленные покупатели его магазина, городскіе и уѣздные, которымъ открытъ былъ широкій кредитъ, оказались ненадежными плательщиками. Михаилъ Александровичъ Серебренниковъ былъ довѣреннымъ своего брата по означенному магазину. Теперь фирмы Серебренниковыхъ, имѣвшей

*) Дочь этихъ Черновыхъ Марія Дмитріевна, замужемъ за Ив. Вас. Мѣщаниновымъ студентомъ казанскаго университета, впослѣдствіи (съ 1 апрѣля 1901 г. по 11 апрѣля 1902 г.) товарищемъ министра народнаго просвѣщенія, сенаторомъ

двухъ-вѣковую исторію, болѣе не существуетъ и родовой домъ на Черноозерской улицѣ перешелъ во владѣніе къ родственнику Александра Александровича Серебренникова (по женѣ его, урожденной Плѣшановой) А. И. Стежинскому, мать котораго была тоже урожденная Плѣшанова.

Въ заключеніе, считаемъ не лишнимъ упомянуть о томъ, что съ этой фамиліей Серебренниковыхъ не слѣдуетъ смѣшивать того Серебренникова (Ивана Ѳедоровича), который имѣетъ десятины двѣ-три земли („Серебренниковская дача“) на берегу дальнаго Кабана, съ каковой земли онъ, благодаря Кабану и пароходному по немъ сообщенію, получаетъ изрядный доходъ отъ отдачи нѣсколькихъ деревянныхъ балагановъ подъ дачи невзыскательнымъ городскимъ обывателямъ. Этотъ Серебренниковъ торговалъ въ москательномъ ряду солодскимъ корнемъ и изъ чебоксарскихъ мѣщанъ приписался въ казанскіе,—вотъ и вся его біографія.

10-го августа 1893 года

Родъ купцовъ Унженинныхъ.

Казанское купечество имѣетъ свою исторію и нѣкоторые изъ представителей этого сословія древностію рода могутъ посчитаться съ дворянскими фамиліями, въ числѣ которыхъ есть не мало купеческаго происхожденія. Къ сожалѣнію, въ купечествѣ не существовало генеалогическихъ хроникъ и не велось родословныхъ книгъ, а если и имѣлись семейныя записи и старинныя письма, то казанскіе пожары давно истребили этотъ небогатый запасъ данныхъ, составлявшій единственный источникъ, изъ котораго потомки купеческихъ родовъ могли-бы почерпнуть матеріалъ для своей прошлой, исторической жизни. Сохранилось правда, кое-что въ кипахъ дѣлъ, покоющихся въ мѣстныхъ архивахъ, но архивы наши, какъ извѣстно, не могутъ гордиться древностію, какъ московскіе, не смотря на то, что Москва горѣла чаще, нежели Казань...

Къ числу старинныхъ купеческихъ домовъ въ Казани принадлежатъ фамиліи: Котеловыхъ, Хворовыхъ, Крупениковыхъ, Адамышевыхъ, Урванцовыхъ, Заусайловыхъ, Коровиныхъ, Курманаевыхъ, Унженинныхъ, Квасниковыхъ и др., изъ которыхъ всѣ до настоящаго времени имѣютъ своихъ представителей въ Казани. Но изъ всѣхъ перечисленныхъ нами купеческихъ домовъ вполнѣ историческимъ можетъ быть названъ домъ казанскихъ купцовъ Унженинныхъ.

Унженины выѣхали въ Казань изъ Яранска, гдѣ ихъ и сейчасъ больше, чѣмъ въ Казани. Въ Яранскѣ поселились они съ конца XV вѣка и даже считаются основателями этого захолустнаго вятскаго городка. Между жителями Яранска сохранилось любопытное преданіе, пересказъ котораго существуетъ на Ветлугѣ и въ Великомъ-Устюгѣ (въ 1861 году мы слышали его отъ устюжскихъ купцовъ Спиринныхъ), по каковому преданію всѣ Унженины были когда-то гражданами славнаго въ нашей исторіи Новгорода. Послѣ разгрома московскимъ княземъ Иваномъ III новгородской самобытности, многіе изъ новгородцевъ, принадлежавшіе къ лучшимъ фамиліямъ, никакъ не хотѣли

подчиниться московской силѣ и эмигрировали на сѣверъ и востокъ, на земли двинскія, вологодскія, на Сухону и Унжу, гдѣ изстари владѣли значительными земельными угодьями и имѣли торговыя поселенія. Въ числѣ укрывшихся были члены и свойственники аристократическихъ родовъ Новгорода: Есиповы, Селезневы, Григоровичи, Немировы, Арбузовы (Арбузьевы), Панаевы (Паналимоновы или Пантелеймоновы), Арцыбушевы, (Арцыбышевы) и проч. Такой необычайный наплывъ новгородскихъ людей въ Заволочьи встревожилъ устюжскаго посадника Василія Ѳедоровича, а также и старинную новгородскую колонію Вологду. Какъ Устюгъ, такъ и Вологда,—давно искали случая освободиться отъ новгородской зависимости и теперь, въ виду одолѣнія Москвою Новгорода, открыто стали держать сторону москвичей.

Такой порядокъ вещей показывалъ ясно, что мѣста, избранныя новгородскими эмигрантами для обезпеченія столь дорогой для нихъ вольности, не представляли желаемой безопасности. Стали доходить до нихъ тревожные слухи, что московскій князь добирается и до бѣглецовъ, чтобы сдѣлать ихъ своими данниками. Тогда одни изъ укрывающихся ушли въ Заозерье, въ далекую и угрюмую Финляндію, другіе, поселившіеся по берегамъ рѣки Унжи, скрылись на Востокѣ. Здѣсь, въ дебряхъ густыхъ, непроходимыхъ лѣсовъ, на крутизнѣ высокаго яра, раскинули унженцы свое становище и съ помощью сосѣднихъ насельниковъ-туземцевъ, которымъ извѣстны были давно по мѣновой съ ними торговлѣ, принялись рубить свой собственный городъ, называвшійся сначала Яръ, а потомъ—Яранскъ.

Основавшись такимъ образомъ среди видимой безопастности, унженцы или унженяне быстро завели торговыя сношенія съ жителями вятской и казанской земли и даже съ кочевниками азіатскихъ степей. Современемъ къ унженянамъ примкнули новые элементы. вятскіе и двинскіе люди, недовольные политикою своихъ городовъ, и дали Яранску массу разнообразныхъ фамилій, но между ними фамилія Унженинныхъ, какъ основателей Яранска, считалась почетною и вліятельною. Управленіе Яранска было вполнѣ вѣчевое:—на вѣчѣ рѣшались всѣ общественные вопросы и дѣла и на вѣчѣ ставились попы, по примѣру Вятки, безъ архіерейскаго рукоположенія, извѣстіе о чемъ внесено даже въ „Акты историческіе, изданные археографическою коммиссіей“, томъ 1-й. Только въ 1657 г., съ назначеніемъ въ Вятку перваго архіерея (Александра), яранское духовенство стало зависѣть отъ вятской епископской каѳедры.

Появленіе Унженинныхъ въ Казани относится къ началу XIX-го столѣтія. Степанъ Степановичъ Унженинъ, первостатейный купецъ г. Яранска, женатый на дочери царевосанчур-

скаго протоіерея Матренѣ Ивановнѣ (умершей въ Казани 20 іюля 1829 г. 64 лѣтъ), велъ незначительную торговлю бакалейнымъ товаромъ и винами при собственномъ домѣ родного города. Онъ имѣлъ шестерыхъ сыновей: 1) Климентія, 2) Ивана, 3) Николая, 4) Пантелеймона, 5) Авксентія и 6) Степана, изъ которыхъ Климентій и Николай попали въ солдаты (послѣдній умеръ въ Сибири); Иванъ, Пантелеймонъ и Степанъ—торговали съ отцемъ въ Яранскѣ, а Авксентій отвезенъ въ 1814 году (одиннадцати-лѣтнимъ мальчикомъ) въ Казань и отданъ въ услуженіе къ чайному торговцу Платону Степановичу Суханову. Сухановъ былъ очень извѣстный и важный купецъ, служившій въ то время городскимъ головою въ г. Казани. Лавки его находились на томъ самомъ мѣстѣ Гостиннаго двора, гдѣ теперь помѣщается чайная торговля «Василія Унженина», а каменный двухъ-этажный домъ Суханова былъ противъ Пятницкой церкви и принадлежитъ теперь причту этой церкви. Здѣсь въ этой семьѣ Суханова, началось торговое поприще Авксентія Степановича Унженина, которому суждено было сдѣлаться впослѣдствіи главнымъ центромъ общаго движенія всего унженинскаго рода въ Казани. Сухановскіе прикащики: Петръ Васильевичъ Царегородцевъ и Василій Андреевичъ Бобровскій (женившійся послѣ смерти хозяина на его молодой вдовѣ, бывшей второбрачною женою Суханова)—были первыми учителями Авксентія Унженина, въ особенности-же первый изъ нихъ, о которомъ слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ. Казанскій мѣщанинъ П. В. Царегородцевъ славился по всей Казани, у Макарья и даже въ Москвѣ, за одного изъ величайшихъ дѣльцовъ коммерческаго міра. Хозяинъ его, Сухановъ, будучи головой, имѣлъ въ Царегородцевѣ постояннаго совѣтника и руководителя. Казанскіе городскіе головы, служившіе послѣ Суханова, купцы: Ѳедоръ Ѳедоровичъ Золотаревъ и Василій Якимовичъ Заусайловъ, во время поѣздокъ своихъ въ С.-Петербургъ по дѣламъ службы, приглашали Царегородцева съ собою въ качествѣ статсъ-секретаря и юрисъ-консульта, прибѣгая въ затруднительныхъ обстоятельствахъ къ его мудрости, въ родѣ того, какъ нѣкоторые изъ нашихъ петербургскихъ финансистовъ позднѣйшаго времени прибѣгали въ важныхъ случаяхъ къ уму Кокорева. Голова Заусайловъ, присутствовавшій при коронаціи Императора Николая I-го, очень много былъ обязанъ исполненнымъ ума и находчивости совѣтамъ Царегородцева, о чемъ Заусайловъ многимъ откровенно разсказывалъ въ Казани по возвращеніи съ торжествъ. Въ школѣ этого «орла», какъ называли Царегородцева казанскіе гостиннодворцы, воспитался будущій дѣятель чайнаго дѣла Авксентій Унженинъ.

Но эта школа была лишь закваской и фундаментомъ; самый—курсъ науки Унженина завершился на службѣ у купца

Алексѣя Леонтьевича Крупеникова, къ которому перешелъ Авксентій Степановичъ по смерти Суханова. Алексѣй Леонтьевичъ былъ сынъ именитаго купца казанскаго Леонтія Филипповича Крупеникова, отъ его первой жены, и съ отцемъ своимъ вмѣстѣ не жилъ будучи удаленъ родителемъ за самовольную женитьбу*). Этотъ Алексѣй Леонтьевичъ Крупениковъ перенялъ отъ отца своего всѣ тайны чайнаго дѣла: никто тоньше его не зналъ всѣхъ изгибовъ въ сферѣ чайныхъ операцій и дальновиднѣе его не прозрѣвалъ въ туманную даль будущаго. Онъ имѣлъ чайную торговлю въ Гостинномъ дворѣ, рядомъ съ лавками Суханова, и узнавъ хорошо прикащика его, Унженина, переманилъ его къ себѣ.

Состоя на службѣ у Крупеникова, Авксентій Унженинъ имѣлъ, въ тоже время, подъ аркою Гостиннаго двора, свой собственный желѣзный шкафчикъ съ галантерейными товарами, въ который посадилъ выписаннаго имъ изъ Яранска родного племянника своего Василія Николаевича Унженина.

Сколько времени прожилъ Унженинъ у Крупеникова—намъ неизвѣстно, но въ концѣ двадцатыхъ годовъ у него была уже своя большая лавка съ продажею чая, сахара и кофе. Онъ вызвалъ изъ Яранска своего младшаго брата, Степана Степановича, сдѣлавшагося главнымъ его сотрудникомъ по чайной торговлѣ. За чайною явилась другая лавка—галантерейная, и племянникъ его, Василій Николаевичъ, торговавшій въ шкафчикѣ, сталъ главнымъ прикащикомъ этой лавки. Къ нему онъ присоединилъ еще родного племянника, пріѣхавшаго изъ Яранска, Григорія Ивановича Унженина, женившагося потомъ на дочери почетнаго гражданина Никифора Степановича Урванцова, крупнаго казанскаго торговца сукнами и козловаго заводчика. На родинѣ въ это время оставался одинъ только братъ Унженина, Пантелеймонъ Степановичъ, продолжавшій въ Яранскѣ дѣло своего отца; но онъ скоро умеръ, передавши торговлю сыну своему Евстафію Пантелеймоновичу.

Выше мы указали, какую школу прошелъ казанскій родоначальникъ Унженинныхъ, Авксентій Степановичъ, прежде нежели сдѣлаться самостоятельнымъ купцомъ. Поэтому неудивительно, что коммерческія дѣла его стали быстро возрастать. Имя его получило извѣстность въ торговомъ мірѣ на протяженіи отъ Москвы до Кяхты, на равнѣ съ именами Крупениковыхъ, Александрова, Голенищева и др. Въ тридцатыхъ годахъ, Авксентій Степановичъ женился на дѣвицѣ изъ духовнаго званія, Екатеринѣ Николаевнѣ Ильиной, и около того-же времени купилъ послѣ купца Ивана Петровича Серебренникова каменный двухъэтажный домъ, находящійся на Воздвиженской улицѣ, противъ

*) См. выше, стр. 100.

зданія первой гимназіи. Домъ этотъ и сейчасъ принадлежитъ его сыновьямъ. (Въ 1901 г. домъ этотъ у наслѣдниковъ Унжениныхъ купленъ профессоромъ университета. Д. А. Корсаковымъ).

Всѣ другіе Унженины начали свою карьеру подъ родственнымъ кровомъ и руководствомъ Авксентія Степановича. Мы видѣли, какъ поступили къ нему—братъ его Степанъ Степановичъ и племянники: Василій Николаевичъ и Григорій Ивановичъ. Къ нимъ присоединились впослѣдствіи новые родственники, сыновья Евстафія Пантелеймоновича: Павелъ, Иванъ, Филагрій и Максимъ Евстафьевичи. Всѣ эти люди были ближайшими участниками въ упроченіи фирмы Авксентія Степановича Унженина, сподвижниками его славы и могущества въ теченіе болѣе чѣмъ тридцати лѣтъ.

14-го декабря 1858 года, Авксентій Степановичъ, служившій въ это время казанскимъ городскимъ головою,—умеръ, находясь въ Москвѣ. Тѣло его привезено было въ Казань и 10 января 1859 года погребено на Арскомъ кладбищѣ, при громадномъ стеченіи народа всѣхъ сословій. Редакторъ «Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» (А. Ф. Михайловъ) почтилъ своего согражданина недлиннымъ, но очень теплымъ некрологомъ, въ которомъ охарактеризовалъ покойнаго, какъ «одного изъ наиболѣе уважаемыхъ дѣятелей города Казани, снискавшаго общую любовь своимъ благороднымъ, нравственнымъ характеромъ, честностію и трудолюбіемъ». Торговые дѣла его продолжали свои дѣйствія подъ фирмою вдовы покойнаго: «Екатерины Унжениной», при главномъ управленіи Василія Николаевича Унженина, который, имѣя свое большое и независимое чайное дѣло, былъ въ тоже время главнымъ довѣреннымъ этой фирмы. Другіе Унженины, послѣ смерти Авксентія Степановича, стали также основывать свои собственныя отдѣльныя торговыя операціи, но счастія на этомъ поприщѣ не встрѣтили. Исключенію можетъ подлежать только Павелъ Евстафьевичъ Унженинъ, который, благодаря особой смѣтливости, съумѣлъ создать себѣ въ Казани удачное коммерческое положеніе, доставившее ему порядочное состояніе. Онъ занялся исключительно розничною продажею чая и сахара для простого народа, изъ магазина своего на Большой Проломной улицѣ, противъ Богоявленской церкви, приноравливаясь къ вкусу и требованіямъ этого класса. Но вся популярность покойнаго Авксентія Унженина и слава его перешла къ племяннику и довѣренному его Василію Николаевичу, біографіи котораго и посвятимъ нѣсколько строкъ.

Василій Николаевичъ Унженинъ родился въ Яранскѣ 25 февраля 1813 года и въ мѣстномъ уѣздномъ училищѣ получилъ все свое научное образованіе. Штатный смотритель училища Василій Адоратскій принималъ въ мальчикѣ самое горячее

участіе и намѣревался выхлопотать ему возможность поступленія въ гимназію на казенный счетъ. Но вслѣдствіе разныхъ семейныхъ затрудненій, вмѣсто гимназіи Василію Николаевичу пришлось уѣхать въ Казань и начать свое умственное развитіе на иномъ поприщѣ. Это было въ 1824 году; къ нему переселилась потомъ и мать его, Пелагея Васильевна, умершая въ 1878 году, 85 лѣтъ. Большая половина дѣятельности Василія Николаевича относилась уже ко времени новаго порядка. Общественная жизнь, обновленная гуманными законами и учрежденіями Императора Александра II, предоставляла болѣе обширный горизонтъ для служенія интересамъ общества и государства. Василій Николаевичъ, относившійся отзывчиво къ духу и требованіямъ новой эпохи, принялъ въ трудахъ ея живое участіе. Формуляръ его наполненъ показаніями о многихъ должностяхъ, которыя занималъ онъ по выборамъ городскаго общества и земства; въ финансовомъ мірѣ В. Н. Унженинъ несъ тоже не мало обязанностей, состоя членомъ учетнаго комитета въ разныхъ банкахъ; кромѣ того, онъ былъ щедрымъ участникомъ во всѣхъ мѣстныхъ благотворительныхъ обществахъ. Достигши преклонныхъ лѣтъ, сталъ онъ чувствовать упадокъ духовныхъ силъ и энергіи и 27 ноября 1891 года прекратились дни его на 78 году отъ рожденія. Покойный оставилъ большое семейство, состоящее изъ супруги его Ольги Ивановны, урожденной Котеловой, и многочисленныхъ дѣтей. Впрочемъ о составѣ его семьи намъ не удалось получить полныхъ свѣдѣній.

Оканчивая нашъ очеркъ, считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о судьбѣ еще двухъ представителей фамиліи Унжениныхъ, хотя жизнь ихъ не особенно богата содержаніемъ.

Степанъ Степановичъ Унженинъ, младшій братъ Авксентія Степановича, женатый на дочери чиновника Еленѣ Максимовнѣ Мегунтовой, торговалъ чаями, но въ скромныхъ размѣрахъ, имѣя лавку въ Гостинномъ дворѣ. Онъ умеръ при очень ограниченныхъ матеріальныхъ средствахъ 31 мая 1882 года, на 80 году жизни, оставивъ сына Авксентія, получившаго образованіе въ московскомъ коммерческомъ училищѣ и отличавшагося изысканною деликатностію въ обращеніи и благородствомъ характера. Къ сожалѣнію, преждевременная смерть похитила эту выдающуюся въ купеческой средѣ личность. Онъ умеръ 17 февраля 1887 года, имѣя 40 лѣтъ отъ роду. Двѣ сестры его умерли гораздо раньше и во цвѣтѣ лѣтъ: одна изъ нихъ, Калерія Степановна, была въ замужествѣ за купцомъ Ижболдинымъ въ Сарапулѣ, другая—Павла Степановна—за купцомъ Фроловымъ въ Казани.

Иванъ Евстафьевичъ Унженинъ, оставивъ службу въ лавкѣ «Екатерины Унжениной», женился на купеческой дочери Любови Матвѣевнѣ Любимцевой и началъ производить свою соб-

ственную торговлю въ блестящемъ галантерейномъ магазинѣ на Воскресенской улицѣ, въ домѣ Месетникова. Но торговля его не была счастливой и продолжительной. Онъ черезъ короткое время растроился въ дѣлахъ, задолжалъ Москвѣ и отъ скорбей и заботъ, порожденныхъ неудачами торговли, слегъ въ постель и умеръ совсѣмъ еще не старымъ человѣкомъ...

18 января 1892 года

Купецъ А. И. Шогинъ.

(Первый въ Россіи китаечный фабрикантъ).

Воздавая должную дань дѣятелямъ прошлаго, казанскіе историки обязаны вызвать изъ забвенія имя человѣка, память о которомъ теперь едва-ли сохранилась въ мѣстномъ обществѣ, кромѣ уцѣлѣвшаго кружка немногихъ старожиловъ Мы разумѣемъ казанскаго купца и именитаго гражданина Алексѣя Ивановича Шогина, перваго въ нашемъ Отечествѣ китаечнаго фабриканта.

Человѣкъ этотъ, умершій полвѣка тому назадъ (въ 1843 году), не могъ гордиться знатностію своихъ предковъ, но онъ создалъ себѣ имя личною дѣятельностію, которая, если осталась незапечатлѣнною въ памяти казанцевъ, то единственно благодаря скромности покойнаго, незаботившагося о славѣ и сторонившагося отъ всякихъ проявленій, ласкающихъ наше честолюбіе. А между тѣмъ заслуга А. И. Шогина для Казани, даже для всего здѣшняго края и Сибири, достойна того чтобы быть отмѣченною на скрижаляхъ мѣстной исторіи. Онъ былъ иниціаторъ производства, получившаго впослѣдствіи широкое и благодѣтельное развитіе.

Алексѣй Ивановичъ Шогинъ родился въ г. Свіяжскѣ въ 1779 году, въ семьѣ небогатаго мѣщанина. Согласно традиціямъ, идущимъ изъ глубины вѣковъ и твердо охраняемыхъ народовъ, А. И. Шогинъ не получилъ въ дѣтствѣ иныхъ наукъ, кромѣ церковно-славянской грамоты по псалтирю и часослову, изображенія русскихъ письменъ, близкому къ полу-уставной каллиграфіи. Впрочемъ, это относится къ такому времени, когда и съ этимъ запасомъ знаній можно было стать въ ряды ученыхъ мужей среди невзыскательныхъ обывателей глухого захолустья.

Запасшись указаннымъ «образовательнымъ цензомъ», въ томъ его размѣрѣ, какой полагался согласно статуту отцевъ и дѣдовъ, Алексѣй Ивановичъ выступилъ на практическое поприще жизни. Дѣятельность его началась съ того, что онъ очень усердно сталъ сотрудничать около ткацкаго станка и льнопря-

денія, каковымъ производствомъ занята была вся семья, изготовляя холсты для дома и для продажи. Незначительные размѣры этого производства не давали большого заработка, а потому отецъ отвезъ Алексѣя Ивановича въ Казань и устроилъ его при торговлѣ богатаго купца, имѣвшаго нѣсколько лавокъ съ мануфактурными товарами; а вскорѣ и вся семья Шогина переселилась въ Казань, продавши въ Свіяжскѣ домъ и купивъ таковой въ Козьей слободѣ, близь Казани.

Находясь въ услуженіи у купца, молодой Шогинъ успѣлъ обогатить свой умъ болѣе разнообразными свѣдѣніями, чѣмъ та книжная мудрость, которая была вложена въ его дѣтскую голову въ родительскомъ домѣ. Онъ, благодаря своей природной любознательности, научился счетоводству, читалъ практически-полезныя книжки и пріобрѣлъ умѣнье бойко и талантливо вести дѣловую коммерческую корреспонденцію; добросовѣстное отношеніе къ хозяйскому дѣлу расположило къ нему довѣріе купца, который поручилъ Шогину свою торговлю на условіи сначала трети, а потомъ половины всей вырученной чистой прибыли, что въ наши дни едва-ли способенъ сдѣлать какой-либо торговецъ по отношенію къ своему довѣренному, предоставляя ему всѣ способы наживать копѣйку негласнымъ путемъ.

Въ бѣдственный для Россіи 1812 г., когда великая война съ Бонапартомъ произвела всеобщій, продолжительной застой въ торгово-промышленной и экономической жизни русскаго народа,— фирма купца, съ которымъ велъ дѣло А. И. Шогинъ, пришла въ растройство и нашъ будущій китаечный фабрикантъ очутился среди тяжелыхъ размышленій на счетъ устроенія собственной судьбы. Обладая смѣтливымъ умомъ и пользуясь знакомствомъ съ нѣкоторыми верховыми мануфактуристами, Алексѣй Ивановичъ, собравъ всѣ свои сбереженія, рѣшился попытать счастія около наслѣдственнаго ткацкаго станка. Для постановки этого дѣла на болѣе прочныхъ началахъ и при лучшихъ техническихъ приспособленіяхъ, Шогинъ предпринялъ поѣздку въ россійскій Манчестеръ—село Иваново (нынѣ г. Вознесенскъ, Владимірской губерніи) для осмотра ивановскихъ мануфактуръ и ознакомленія съ улучшенными способами ткацкаго производства и выдѣлки пряжи. Въ селѣ Ивановѣ онъ встрѣтилъ радушный пріемъ между мѣстными купцами, изъ которыхъ съ многими давно уже имѣлъ торговыя связи, встрѣчаясь ежегодно на ярмаркѣ у Макарья.

Возвратившись изъ путешествія въ центральную мануфактурную область Россіи, А. И. Шогинъ устроилъ въ Казани небольшую фабрику, пустивши ее въ полный ходъ въ концѣ 1813 года; на ней онъ сталъ ткать остъ-индскіе платки, сарпинку, кумачи, а потомъ китайку, составлявшую тогда боль

шую новость и пріобрѣвшую скоро сильный запросъ, благодаря прочности и сравнительной дешевизнѣ ея. Но эта маленькая шогинская мануфактура просуществовала только два года: въ казанскій пожаръ 3 сентября 1815 года она сгорѣла до тла со всѣми принадлежностями, приспособленіями и заготовленнымъ матеріаломъ, въ отсутствіе хозяина, находившагося въ Макарьевской ярмаркѣ. Много крѣпкихъ думъ и глубокихъ вздоховъ вызвало въ душѣ предпріимчиваго хозяина это страшное пожарище. Да и не одинъ Шогинъ ходилъ у насъ въ городѣ, опустивши голову: пожаръ 1815 года былъ причиною паденія значительныхъ торговыхъ фирмъ въ Казани, изъ которыхъ многія были уже не въ силахъ возстановиться. Среди всеобщаго бѣдствія Алексѣй Ивановичъ не могъ придумать ничего иного, какъ переселиться въ Козью слободу и здѣсь въ маленькомъ домѣ своихъ родителей начать снова ткацкое производство хотя и въ скромныхъ размѣрахъ. Но едва лишь новый планъ сталъ получать осуществленіе, какъ ночью случился въ Козьей слободѣ пожаръ, въ которомъ сгорѣлъ домъ Шогиныхъ и самъ Алексѣй Ивановичъ и его семья чуть-чуть не сдѣлались жертвою пламени. Это новое испытаніе уничтожило и тѣ небольшія крохи, которыя были спасены отъ перваго пожарнаго разоренія.

Послѣ двукратно перенесенныхъ въ одномъ и томъ-же году лишеній, А. И. Шогинъ очутился въ положеніи полной безпомощности и если не палъ окончательно духомъ, то только благодаря ясности и правильности взгляда на происхожденіе и цѣль человѣческихъ скорбей, взгляда, которому научила его благочестивая мать, Анисья Ивановна, бывшая единственною ему воспитательницею въ дѣтствѣ, а когда не стало матери, онъ нашелъ нравственную поддержку въ молодой женѣ своей Прасковьѣ Силантьевнѣ, урожденной Гоношиловой. Жена и ея отецъ, казанскій купецъ Сила Никифоровичъ Гоношиловъ, дѣлали все, чтобы поднять угасавшій въ изнеможеніи духъ близкаго человѣка, разбитаго скорбью; съ другой стороны—знакомые купцы и московскіе фабриканты съ готовностію предложили А. И. Шогину руку помощи. Подкрѣпленный отовсюду встрѣчаемымъ участіемъ, нашъ удрученной горемъ фабрикантъ сталъ понемногу забывать свои невзгоды и снова приступилъ къ излюбленному занятію. Онъ, съ помощію добрыхъ людей, пріобрѣлъ большое пустопорожнее мѣсто въ Ямской улицѣ, недалеко отъ Троицкой церкви, и выстроилъ на немъ ткацкую фабрику, съ небольшимъ количествомъ станковъ, на которыхъ и принялся ткать исключительно одну китайку. Требованіе на этотъ продуктъ усилилось какъ въ Ирбитской ярмаркѣ, такъ и въ особенности въ Оренбургѣ, откуда китайка расходилась по степямъ Средней Азіи. По мѣрѣ успѣшнаго сбыта китайки и фабричная усадьба Шогина стала увеличиваться: онъ купилъ нѣсколько

свободныхъ мѣстъ по сосѣдству, которыя послѣ пожара оставались незастроенными, и вскорѣ на нихъ появились два каменныхъ корпуса и нѣсколько деревянныхъ пристроекъ. Количество ткацкихъ станковъ тоже было умножено, такъ что шогинская фабрика къ началу двадцатыхъ годовъ приняла очень солидные размѣры. Вмѣстѣ съ увеличившимся количествомъ вырабатываемой ткани, улучшалось и качество ея: матеріалы для выдѣлки китайки употреблялись высокаго достоинства: утокъ, основа и кубовая краска подвергались самому тщательному выбору и получались всегда изъ первыхъ рукъ; пряжа была бухарская и англійская. Не дѣлая изъ способовъ приготовленія фабричной тайны и относясь доброжелательно ко всякому полезному начинанію предпріимчивыхъ людей, А. И. Шогинъ вызвалъ въ Казани цѣлую группу подражателей, увлеченныхъ успѣшнымъ ходомъ торговыхъ операцій съ китайкою. Конкуренты нашлись не только въ средѣ русскаго купечества, но и между татарами. Первымъ выступилъ казанскій купецъ Никифоръ Осиповичъ Чижовъ, бывшій потомъ долго городскимъ головою г. Казани.

Выходецъ изъ г. Серпухова, московской губерніи, славящагося не менѣе села Иванова мануфактурными издѣліями, Н. О. Чижовъ имѣлъ природную склонность къ ткацкому дѣлу. Пріѣхавши съ семействомъ въ Казань около того времени, когда родственники его, тоже серпуховскіе купцы братья Варгины, основали здѣсь свою контору, по примѣру такихъ-же конторъ, открытыхъ ими въ Вяткѣ, Костромѣ, Вологдѣ, Угличѣ и другихъ промышленныхъ пунктахъ тогдашней Россіи, Варгины держали милліоные подряды съ казною, поставляя для войскъ сукно и холстъ. Фирма эта была старинная и когда-то знаменитая; она впослѣдствіи раздробилась и одна изъ вѣтвей ея угасла въ Казани уже въ шестидесятыхъ годахъ текущаго столѣтія, сохранивши едва-ли не одну только представительницу, въ лицѣ Ольги Андреевны Месетниковой, урожденной Варгиной, которая здравствуетъ до настоящаго времени.

Оставляя подробную рѣчь о Чижовѣ и Варгиныхъ до будущаго времени, считая эти фамиліи заслуживающими отдѣльныхъ монографій, упомянемъ лишь, что Никифоръ Осиповичъ, въ компаніи съ казанскимъ купцомъ Михаиломъ Степановичемъ Вѣринымъ, основалъ въ Казани вторую китаечную фабрику, зданіе которой, занимающее цѣлый кварталъ, существуетъ и сейчасъ, находясь между Мочальною площадью и Поперечно-Варламовскою улицею, арендуемое городомъ подъ помѣщеніе казармъ. Со смертію Чижова, послѣдовавшею 9-го мая 1841 года, М. С. Вѣринъ сдѣлался полнымъ владѣльцемъ этой фабрики, которую и оставилъ въ наслѣдство сыну своему Евтихію Михайловичу. Одновременно съ Чижовымъ и Вѣринымъ

стали заниматься производствомъ китайки мѣстные купцы: Зайцевъ, Пискуновъ, Подошевниковъ, Азимовъ, Уразовъ и др., имѣя фабрики въ Плетеняхъ и въ Подлужной слободѣ.

Но такая сильная конкуренція нимало не ослабила торговыхъ оборотовъ Шогина: его китайка выходила лучшей доброты и славилась на всѣхъ азіатскихъ рынкахъ. Но фирмѣ Алексѣя Ивановича нанесло бѣду другое обстоятельство, явившееся совсѣмъ съ иной стороны: покойному кто-то внушилъ несчастную мысль заняться несродной для него хлѣбной операціей. Онъ поддался заманчивому предпріятію, поручивъ его старшему сыну своему Лукѣ Алексѣевичу. Сначала дѣло это пошло хорошо: Лука Алексѣевичъ закупалъ хлѣбъ на пристаняхъ пермской и уфимской губерній, доставлялъ его своевременно въ Рыбинскъ и здѣсь продавалъ для петербургскаго порта. Для хлѣбной процедуры Шогинъ завелъ двѣ коноводныя машины, на которыхъ работало до 200 лошадей, и купилъ нѣсколько подчалковъ (баржей), вмѣщавшихъ по 7 тысячъ кулей хлѣба каждый. Вскорѣ сынъ Шогина, оперировавшій хлѣбнымъ дѣломъ, завелъ знакомство съ тузами рыбинской биржи и калашниковской пристани и, между прочимъ, съ извѣстнымъ богачемъ Бенардаки, коммиссіонеромъ военнаго министерства по поставкѣ провіанта для войскъ. Съ этимъ Бенардаки молодой Шогинъ особенно сблизился: сталъ продавать ему ежегодно весь хлѣбный товаръ, съ доставкою въ Рыбинскъ на 20 іюня

Теченіе дѣлъ по хлѣбной операціи, совершавшееся повидимому благополучно, натолкнулось вскорѣ на одну случайность, незначительную на первый взглядъ, но очень прискорбную по своимъ послѣдствіямъ и послужившею одною изъ причинъ паденія фирмы нашего фабриканта.

Дѣло въ томъ, что рѣка Чусовая, по берегамъ которой прикащики Шогина грузили закупленный хлѣбъ, служила въ весеннее время однимъ изъ важныхъ транзитныхъ путей для горнозаводскихъ каравановъ; по ней сплавлялась большая половина произведеній богатаго уральскаго края, и какъ только закончатся проводы грузовъ,—рѣка эта во многихъ мѣстахъ запружалась и дѣлалась мелководною. По неопытности-ли молодого хозяина, или по оплошности служащихъ,—съ выводомъ хлѣбнаго каравана въ Каму пришлось опоздать на двое сутокъ, вслѣдствіе чего всѣ тугонагруженныя баржи обмелѣли и не было никакой возможности снять шогинскій караванъ съ мели. Какъ ни бились, а принуждены были зазимовать съ хлѣбомъ на мѣстѣ. Всѣхъ судорабочихъ: лоцмановъ, водоливовъ и бурлаковъ, которыхъ было до 300 человѣкъ,—пришлось разсчитать и отпустить. Кромѣ того, хлѣбъ на этотъ разъ былъ запроданъ казенному контрагенту купцу Иконникову и для сдачи запроданнаго хлѣба, недоставленнаго къ сроку, понадобилось купить потребную пар-

тію таковаго въ Рыбинскѣ по дорогой цѣнѣ, лишь-бы спастись отъ платежа тяжелой неустойки. Зазимовавшій хлѣбъ пролежалъ такимъ образомъ до будущей весны. Чтобы сплавить его въ Рыбинскъ, нужно было снова нанимать судовыхъ рабочихъ, затрачивая на задатки значительную сумму, а когда прибылъ хлѣбъ къ рыбинской пристани, то—въ довершеніе несчастія—проданъ былъ по самой низкой цѣнѣ, такъ какъ биржевыя цѣны на всѣ хлѣбные товары пали до послѣдняго минимума, благодаря большому скопленію хлѣбовъ въ Рыбинскѣ и Петербургѣ. Алексѣй Ивановичъ Шогинъ понесъ убытку болѣе чѣмъ на 150 тысячъ рублей.

Послѣ такой неожиданной финансовой катастрофы и фабричныя дѣла Шогина пошли хуже. На нихъ не могло не отразиться несчастное событіе съ хлѣбомъ. Хозяинъ, которому приближался седьмой десятокъ лѣтъ, сталъ терять энергію. Духъ его искалъ покоя и мира, усталыя мысли требовали отдохновенія: онъ впалъ въ мистицизмъ и сталъ находить утѣшеніе въ бесѣдахъ съ монахами и архіереями. Къ осени 1843 года здоровье его, надломленное житейскими тревогами, сильно ухудшилось. Въ октябрѣ мѣсяцѣ онъ слегъ въ постель и 14 числа этого мѣсяца умеръ, окруженный семью, состоявшею изъ жены, трехъ сыновей. Луки, Спиридона и Михаила Алексѣевичей и дочерей: Степаниды, Маріи и Елены, изъ которыхъ первая была замужемъ за извѣстнымъ кожевеннымъ заводчикомъ Степаномъ Ефимовичемъ Яковлевымъ, имѣвшимъ домъ и заводъ въ концѣ Проломной улицы, подъ бульваромъ.

Алексѣй Ивановичъ Шогинъ пользовался во всю свою жизнь любовію и уваженіемъ гражданъ г. Казани, отличаясь простотою характера и степенностію жизни; въ особенности ему благоволили казанскіе архіереи за его клерикальный складъ убѣжденій. Онъ долгое время и до самой кончины своей служилъ по выбору городского общества старостою казанскаго каѳедральнаго собора, велъ тѣсную дружбу съ городскимъ именитымъ духовенствомъ и настоятелями монастырей. Мѣстная высшая администрація тоже оказывала ему всегда знаки полнаго расположенія и благосклонности. На радушныхъ обѣдахъ Шогина можно было встрѣтить и губернатора, и архіерея, и другихъ высокопоставленныхъ лицъ казанскаго оффиціальнаго міра. Домъ его, съ фабрикой, занималъ обширную территорію на Троицкой улицѣ; но были-ли здѣсь, при наслѣдникахъ, прежнее оживленіе и кипучая дѣятельность—мы не знаемъ. Извѣстно, что старшіе сыновья его, Лука и Спиридонъ Алексѣевичи, заложили ротмистру Алексѣю Петровичу Горскому отцовскіе дома и довѣренный кредитора, коллежскій ассесоръ П. П. Соловьевъ, предъявилъ закладную ко взысканію. Всѣ заведенія отца ихъ, съ такою настойчивостію и трудолюбіемъ достигну-

тыя, проданы были съ молотка. Вотъ какая публикація появилась въ Казани, въ концѣ сороковыхъ годовъ: «Въ Казанскомъ губернскомъ правленіи 9 февраля 1850 года будетъ продаваться, въ удовлетвореніе претензіи коллежскаго ассесора Петра Соловьева, по закладной на 3885 руб. серебромъ, принадлежащее казанскимъ купеческимъ дѣтямъ Лукѣ и Спиридону Шогинымъ и состоящее въ г. Казани, 2-й части, 1-го квартала, на углу Ямской и Троицкой улицъ, недвижимое имѣніе, именно: 1) каменный 2-хъ этажный домъ, крытый желѣзомъ, съ мезониномъ и подвальнымъ этажемъ; 2) деревянный ветхій флигель на 4 саженяхъ, 3) холодныя службы: конюшня, каретникъ и 5 погребовъ; 4) деревянный флигель сосноваго лѣса, съ мезониномъ на 7 саженяхъ; 5) холодныя службы на 10 саженяхъ; 6) сарай на столбахъ съ трехъ сторонъ забранный толстымъ тесомъ; 7) деревянный на каменномъ фундаментѣ домъ, въ коемъ помѣщена: сверху фабричная ткательная китайки на 37 станковъ, внизу—колотильная на 20 колодъ и сушильная китаекъ; 8) каменная одноэтажная кухня и баня, раздѣленная пополамъ; 9) деревянная красильня. Все это имѣніе оцѣнено въ 825 руб. серебромъ» (См. *Казан. Губер. Вѣд.* 1849 г. №№ 33 и 51).— Нынѣ на мѣстѣ китаечной фабрики Шогина находятся: вдовій домъ Императорскаго человѣколюбиваго общества, домъ купца Василія Хворова (сдѣлавшійся, впрочемъ, достояніемъ ростовщины Ксеніи Моисеевой) и деревянный домъ чиновника Прозорова. Не осталось никакого слѣда отъ столь извѣстной въ городѣ мануфактуры.

Изъ сыновей покойнаго А. И. Шогина остался въ живыхъ только младшій, Михаилъ Алексѣевичъ, доживающій свои старческіе годы на оградѣ казанскаго Петропавловскаго собора, занимая должность помощника церковнаго старосты. Этотъ почтенный человѣкъ, женатый на дочери почетнаго гражданина А. А. Блохина, пользовался когда-то тоже большой извѣстностію въ нашемъ городѣ, какъ содержатель лучшей въ былыя времена литографіи. Ему приносимъ глубокую благодарность за сообщеніе нѣкоторыхъ фактическихъ данныхъ для очерка жизни его отца, славное имя котораго, какъ родоначальника китаечнаго производства въ Россіи, не должно быть забыто казанскимъ обществомъ.

13 мая 1892 года

Опека Перетрухиныхъ.

(Эпизодъ изъ казанской жизни первой четверти XIX вѣка).

Въ началѣ только-что минувшаго столѣтія проживалъ въ Казани мѣстный купецъ средней руки Ларіонъ Семеновичъ Перетрухинъ. Онъ арендовалъ у города сѣнные покосы и имѣлъ въ овощномъ ряду Гостиннаго двора лавку съ чаемъ, сахаромъ, кофсемъ и писчею бумагою Лавка эта находилась какъ разъ рядомъ съ такою-же, но только большихъ размѣровъ, лавкою купца Платона Степановича Суханова, бывшаго въ пожарный годъ (1815 г.) казанскимъ городскимъ головою. Домъ Перетрухина былъ на Московской по-нынѣшнему, и на Успенской—по тогдашнему времени улицѣ, въ приходѣ Варлаамія, деревянный на каменномъ фундаментѣ; другой домъ, или—правильнѣе—домишка, Перетрухина находился на Сѣнной, близь Кабана, ветхій, маленькій, назначенный къ сломкѣ для отвода мѣста подъ проѣзжую дорогу.

Въ 1813 году, іюня 18 числа, Ларіонъ Семеновичъ Перетрухинъ умеръ, оставивъ жену Марину Даниловну, урожденную Уксусникову, молодую еще женщину, и дочку Евлампію возрастомъ одного года.

Надъ имѣніемъ покойнаго казанскій сиротскій судъ незамедлилъ учредить опеку, каковая и ввѣрена была казанскому купцу Ивану Ивановичу Осокину, очень извѣстному тогда въ Казани торговцу башмачнаго ряда. Кромѣ лавокъ въ названномъ ряду Гостиннаго двора, Осокинъ имѣлъ козловый заводъ въ монастырской деревнѣ Игумновой (вошедшей вскорѣ въ составъ города) и два каменные двухъ-этажные дома, стоявшіе рядомъ, при спускѣ отъ Гостиннаго двора къ женскому монастырю: одинъ, угольный, принадлежалъ послѣ купцу Шигину, а другой, сосѣдній съ нимъ, находился послѣ во владѣніи купца Усова. Противъ угольнаго дома Осокина находился столь извѣстный «Серебряный кабакъ», старинной неуклюжей архитектуры, изъ котораго, по преданію старожиловъ, бѣжалъ 29 мая 1773 года Пугачевъ съ сообщникомъ своимъ Парфеномъ Дружининымъ, подпоивши въ этомъ кабакѣ конвойнаго солдата.

Купецъ Осокинъ не былъ новичкомъ въ опекунскихъ дѣлахъ. Не особенно задолго передъ симъ онъ состоялъ опекуномъ наслѣдниковъ кожевеннаго заводчика Шерстнева (въ Адмиралтейской слободѣ), хотя—слѣдуетъ сказать правду—съ временемъ «шерстневской опеки» связана на счетъ репутации Ивана Ивановича не вполнѣ лестная молва ..

Опекунская рука Осокина оказалась не совсѣмъ легкою и для сиротъ Перетрухиныхъ: но вдова терпѣла. Поданнымъ 22 марта 1816 года прошеніемъ опекунъ Осокинъ просилъ казанскій сиротскій судъ совершить купчую крѣпость на проданный имъ за 2600 руб. опекунскій домъ у Варлаамія капитанъ-лейтенантшѣ Александрѣ Ѳедоровнѣ Палицыной, а на другой день, то-есть 23 марта 1816 года, рапортомъ донесъ сиротскому суду, что хотя въ бывшій въ Казани 3 сентября 1815 года большой пожаръ все опекунское дѣло сгорѣло, однако имущество малолѣтней Евлампіи Перетрухиной и ея матери,—все въ цѣлости, коему и составилъ онъ, опекунъ, новую опись. Изъ описи этой видно, что наличныя деньги обращаются въ торговлѣ Перетрухиныхъ, не прекращенной послѣ покойнаго и производящейся по-прежнему въ той-же лавкѣ Гостиннаго двора. Лавкою завѣдывали племянники Марины Даниловны Перетрухиной, купеческіе сыновья: Иванъ и Павелъ Васильевичи Воробьевы (дѣти вдовы Ксении Даниловны Воробьевой, урожденной Уксусниковой) Другой опекунскій домъ, стоявшій на Сѣнной, у Кабана, сломанъ еще въ 1814 г., почему опекунъ просилъ судъ домъ этотъ изъ опекунскаго имѣнія исключить. Опись, составленная Осокинымъ, представлена имъ въ сиротскій судъ, въ которомъ всѣми дѣлами ворочалъ секретарь Кирпичевъ. Въ этой описи, кромѣ двухъ домовъ, мебели, одежды, разнаго въ лавкѣ товара, значатся еще: лошадь, экипажи, сбруя, строеваго лѣса 100 бревенъ по 1 руб. за каждое, да въ кирпичныхъ сараяхъ кирпичу 38 тысячъ по 10 рублей за тысячу. По долговой книгѣ состоитъ на разныхъ лицахъ, покупателяхъ покойнаго Перетрухина, долговъ, а именно: на живописцѣ Антонѣ Адамовѣ 43 руб., на Ѳедорѣ Никитичѣ Люткинѣ 15 руб., на купцѣ Гаврилѣ Карпычѣ Софроновѣ 32 руб. 65 коп., на Прасковьѣ Гавриловнѣ Хмѣлевой 12 руб. 50 к., на Павлѣ Андреевичѣ Яковлевѣ 7 руб., на секретарѣ Васильѣ Никифоровичѣ Шиловѣ 18 руб. 60 коп., на Настасьѣ Ивановнѣ Ежовой 29 руб. 32 коп., на купцѣ Павлѣ Евграфовичѣ Лихачевѣ 117 р. 30 коп., на титулярномъ совѣтникѣ фонъ-Дрентельнѣ 105 руб. 35 коп., на Миронѣ Исаевѣ 3 руб. 55 коп., на Далматовѣ 30 р. 60 коп., на Ваерѣ 15 руб, на мамадышскомъ Филиппѣ Ивановѣ 30 руб. 73 коп., на капитанѣ Иванѣ Ивановичѣ Рубановѣ 24 руб., 45 коп., на купцѣ Ефимѣ Ивановичѣ Зайцевѣ 34 руб., на Павлѣ Яковлевичѣ Кунинѣ 18 руб. 69 коп.—всего 538 руб.

4 коп., а самъ покойный Перетрухинъ былъ долженъ: тульскому купцу 1 гильдіи Даніилѣ Шапошникову 968 руб. 59 коп. и казанскому купцу Василію Семеновичу Потѣхину 280 руб. Къ означенной описи, кромѣ опекуна Осокина, подписались: вмѣсто неграмотныя вдовы Перетрухиной—племянникъ ея казанскій мѣщанинъ Иванъ Сергѣевъ Уксусниковъ, оцѣнщикъ казанскій мѣщанинъ Петръ Ивановъ Бабинцевъ, при оцѣнкѣ свидѣтели, казанскіе мѣщане: Петръ Царегородцевъ и Михей Ситновъ, ратманъ Сергѣй Губинъ и секретарь городового магистрата Петръ Капустинъ. Изъ должниковъ, поименованныхъ въ описи, заплатили купецъ Софроновъ, Ежова, фонъ-Дрентельнъ и купецъ Ефимъ Зайцевъ, да за умершаго Люткина внесъ долгъ опекунъ надъ его имѣніемъ Петръ Реутовъ. Остальные отъ долга отреклись.

Въ маѣ мѣсяцѣ того-же 1816 года, попечительница надъ малолѣтнею дочерью Евлампіей, мать ея Марина Перетрухина, подала въ сиротскій судъ жалобу, въ которой обвиняла опекуна Осокина въ причиняемыхъ ей съ дочерью обидахъ и притѣсненіяхъ, а также въ самовольномъ его, опекуна Осокина, вездѣ хозяйничаньѣ. Просительница ходатайствовала передъ судомъ о назначеніи другаго опекуна, вмѣсто Осокина, указывая на близкаго своего родственника, на купца Якова Константиновича Королькова, тоже гостиннодворскаго чайнаго торговца, человѣка—по словамъ Перетрухиной—добраго и нерасточительнаго. Сиротскій судъ уважилъ просьбу вдовы, утвердивъ Королькова опекуномъ, а Осокина уволилъ отъ этого званія, предписавши ему сдать все имущество и деньги вновь назначенному опекуну. Но при назначеніи Королькова на должность опекуна, сиротскій судъ потребовалъ, чтобы попечительница Перетрухина представила двухъ за Королькова поручителей въ обезпеченіе того, дабы онъ не растратилъ опекунскихъ денегъ. Требуемые поручатели были представлены въ лицѣ: вдовы казанскаго купца Василія Воробьева Ксеніи Даниловны (родной сестры Перетрухиной) и жены казанскаго-же купца Сергѣя Даниловича Уксусникова—Анны Сергѣевны, за неграмотностію которой росписался сынъ ея Василій Сергѣевъ Уксусниковъ.

Съ 9 іюня 1816 года Корольковъ вступилъ въ управленіе опекунскимъ имѣніемъ, но Осокинъ не сдалъ ему денегъ въ количествѣ 4758 руб 68 коп., отговариваясь тѣмъ, что 1700 р. опекунскихъ денегъ употребилъ онъ, за указные проценты, на нужды собственной своей торговли, «поелику онъ отъ пожара 3 сентября 1815 г. потерпѣлъ многотысячное разореніе», а потому и проситъ отсрочить ему сей долгъ до 1-го января 1817 года. Болѣе этой суммы (1700 руб.) онъ, Осокинъ, за собою не признавалъ, вслѣдствіе чего между нимъ и Корольковымъ началось тяжебное дѣло со всею его, столь извѣстною въ то время «судебною волокитою».

Дѣло это производилось по всѣмъ правиламъ современнаго ему канцелярскаго крючкотворства и поэтому тянулось болѣе десяти лѣтъ, съ перемѣннымъ для каждой изъ тяжущихся сторонъ счастіемъ. Тогдашніе казанскіе приказные дѣльцы раздѣлились на двѣ партіи: одна поддерживала интересы опеки въ лицѣ Королькова, другая стала на сторону Осокина, совѣтуя ему не унывать. Сиротскій судъ покровительствовалъ, повидимому, иску Королькова, но тогдашняя полиція держала руку отвѣтчика.

Новый опекунъ, Корольковъ, просилъ взыскать съ Осокина всѣ деньги, подтверждая искъ документами, но частный приставъ 1-й части г. Казани Хлѣбниковъ, которому передано «исковое дѣло», отвѣчалъ: «такъ какъ Осокинъ проживаніе имѣетъ не въ городѣ, а въ деревнѣ Игумновой, то онъ, приставъ, донесъ о семъ городской полиціи, а та препроводила дѣло о взысканіи въ вѣдѣніе земской полиціи». Корольковъ, усматривая изъ такого распоряженія пристава одну лишь каверзу, нужную для «затяжки времени», настаивалъ, чтобы Осокина искали не въ деревнѣ Игумновой, гдѣ у него только заводъ, а въ сапожной и башмачной его лавкѣ, гдѣ онъ ежедневно бываетъ, а живетъ-де онъ, Осокинъ, въ городѣ Казани, въ одномъ изъ собственныхъ каменныхъ домовъ, и просилъ, въ обезпеченіе иска, наложить на эти дома надлежащій «секвестръ». Полиція отозвалась, что прежде, нежели налагать на имущество должника запрещеніе, законами повелѣно отобрать отъ него объясненіе и въ случаѣ признанія-де имъ долга потребовать отъ него уплаты такового. Корольковъ, подавая бумагу за бумагой, проситъ, чтобы полиціи было предписано поставить караулъ для уловленія Осокина и понужденія его къ уплатѣ несданныхъ имъ опекунскихъ денегъ, но такое желаніе новаго опекуна оставалось безъ послѣдствій до февраля 1817 года

Въ описываемый нами періодъ времени пользовался въ Казани всеобщею громкою извѣстностью совѣтникъ губернскаго правленія Савва Андреевичъ Москотильниковъ. Строгій мистикъ и масонъ, переводчикъ «Освобожденнаго Іерусалима» и поэтъ, Москотильниковъ вмѣстѣ съ этимъ былъ и очень вліятельнымъ чиновникомъ и сильнымъ воротилой въ оффиціальныхъ сферахъ казанскаго міра. Къ этому человѣку нашелъ дорогу нашъ Яковъ Константиновичъ Корольковъ. Слѣдствіемъ визита къ Москотильникову было то, что указомъ казанскаго губернскаго правленія отъ 20 февраля 1817 года, подписаннымъ совѣтникомъ Москотильниковымъ и секретаремъ Половинкинымъ, предписано было казанской городской полиціи описать дома купца Осокина и, въ обезпеченіе уплаты имъ долга опекѣ, наложить на нихъ запрещеніе. Указъ губернскаго правленія былъ немедленно полиціею исполненъ, о чемъ она и сообщила сиротскому

суду, въ которомъ засѣдалъ ратманъ Мыльниковъ, секретаремъ былъ Павловъ, а повытчикомъ Столбовскій.

Осокинъ упалъ духомъ. Пріятели искренніе совѣтывали ему смириться и заплатить долгъ, въ чемъ обѣщали ему поддержку, а неискренніе—уговаривали не сдаваться, что Осокину болѣе нравилось, ибо для него не столь важна была уплата долга, который могъ быть ему разсроченъ, но тяжелымъ казалось сознаніе, что Корольковъ, этотъ маленькій въ сравненіи съ нимъ, Осокинымъ, человѣкъ, одержитъ побѣду. Иванъ Ивановичъ дѣйствительно не сдавался и, не жалѣя денегъ на подмазываніе колесъ въ канцелярскомъ механизмѣ, дотянулъ дѣло до 1824 года, руководимый и наставляемый совѣтами разныхъ «стряпчихъ» отжившаго типа, о которомъ теперь осталось одно тяжелое воспоминаніе. Въ 1824 году въ тяжебномъ дѣлѣ Осокина съ опекою произошелъ неожиданный переворотъ.

Въ началѣ этого года, утромъ, приходитъ, къ Ивану Ивановичу Осокину одинъ изъ типичнѣйшихъ «юсовъ» того времени, коллежскій регистраторъ Егоръ Аверьяновъ, и заводитъ въ полголоса такую рѣчь съ купцомъ:

— Иванъ Иванычъ, хочешь я твоего Королькова въ тюрьму упрячу.....

— Полно болтать-то!

— И нетолько Королькова, а и вдову Перетрухину....

— Говорю: не ври!—продолжалъ недоумѣвать удивленный Осокинъ.

— А вотъ-те не ври!—огрызнулся юсъ.—Пойдемъ въ Очаковскую*).

Пришли въ «Очаковскую», по дорогѣ въ которую Аверьяновъ сообщилъ Осокину главную суть своей «идеи» на счетъ Королькова. Въ гостинницѣ подлетѣлъ къ Ивану Ивановичу юркій половой въ длинной ситцевой рубашкѣ и бѣломъ фартукѣ.

— Не меня, а его спрашивай!—сказалъ купецъ, указывая на Аверьянова. Половой повиновался.

— Подносъ съ «подлежащимъ и сказуемымъ»,—произнесъ лаконически стряпчій.

Половой отлично зналъ любимый терминъ казанскихъ подъячихъ описываемаго времени по адресу водки и закуски и минуты черезъ двѣ вернулся съ графиномъ водки и тарелкою закуски.

Приказный началъ хозяйничать, какъ дома. Купецъ Осокинъ задумчиво смотрѣлъ въ окошко. Вскорѣ между нимъ и стряпчимъ произошелъ тотъ стереотипный разговоръ, который покой-

---

*) Названіе извѣстной тогда гостинницы, которую содержалъ крестьянинъ села Бѣлаго-Омута (Рязанской губерніи) Савелій Абрамовъ,

ный Щедринъ счелъ нужнымъ занести въ свои неподражаемые очерки:

— Ты вотъ пятнадцатую пропускаешь,—сказалъ Осокинъ,—а я между тѣмъ успокоиться не могу!.

— Что такое?

— Да все по поводу того разговора....

— Брось!

— Куда тутъ бросить! Законъ, братецъ!

— Ну, и пущай его! Законъ въ шкафу стоитъ, а ты напирай.

— Но, вѣдь, ты-же самъ говорилъ: до поры, до времени?

— А это именно и значитъ: напирай плотнѣе.

— Чудакъ! А подъ судъ?

— Вотъ потому-то и напирай!

Стряпчій выпилъ шестнадцатую, поморщился и прибавилъ:

— А законъ пущай въ шкафу стоитъ*).

. . . . . .

Недѣлю спустя послѣ бесѣды въ «Очаковской», коллежскій регистраторъ Егоръ Аверьяновъ, отъ лица довѣрителя своего Осокина, предъявилъ къ Королькову и Перетрухиной искъ «за причиненіе ему Осокину, убытковъ по случаю припечатанія о запрещеніяхъ на его дома объявленій». Повѣренный Осокина, кромѣ того, обвинялъ противную сторону въ «несправедливомъ приписаніи лишняго денежнаго взысканія съ Осокина» и нашелъ въ дѣяніяхъ Королькова и Перетрухиной клевету на довѣрителя своего, вслѣдствіе чего повелъ дѣло уголовнымъ порядкомъ и просилъ *о взятіи подъ стражу обоихъ названныхъ лицъ*. Опытная и бывалая рука наставила въ челобитной массу крючковъ и злосчастный Яковъ Константиновичъ, этотъ неутомимый искатель правды и зищитникъ интересовъ опекаемой имъ семьи, отведенъ былъ въ полицейскую кутузку, въ которой, подъ крѣпкимъ замкомъ и содержался около года, какъ это явствуетъ изъ подлиннаго архивнаго дѣла.

Марина Даниловна Перетрухина тоже не избѣгла позора, но ее черезъ нѣсколько дней изъ-подъ ареста освободили. За несчастную вступились. племянникъ ея Василій Сергѣевичъ Уксусниковъ, тесть его купецъ Василій Корнильевичъ Пискуновъ и именитый гражданинъ Игнатій Петровичъ Рязановъ, имѣвшій большую силу и вѣсъ въ казанскомъ обществѣ, благодаря своему природному уму и дворянскому происхожденію**).

---

*) См. соч. Салтыкова (Щедрина), изд. 1889 г., томъ III, стр 253.

**) Купеческій родъ Рязановыхъ происходитъ, дѣйствительно, изъ „опальныхъ“ дворянъ, о чемъ мы когда-нибудь разскажемъ подробнѣе. Въ періодъ „тяжебнаго дѣла“ Игнатій Петровичъ Рязановъ часто отлучался изъ Казани съ отцемъ своимъ, Петромъ Меркурьевичемъ, въ Екатеринбургъ и Сибирь, гдѣ у Рязановыхъ были винокуренные заводы и золотые пріиски

Названныя лица взяли вдову подъ свое поручительство. По выходѣ на свободу, она просила сиротскій судъ «сложить съ Королькова, по случаю содержанія его подъ стражею, должность опекуна и возложить таковую на племянника ея, казанскаго купца Василія Сергѣевича Уксусникова, который-де (говорится въ прошеніи), она надѣется, такихъ сиротъ, какъ я, въ тяжбу завлеченная,—къ принятію къ призрѣнію своему не откажется....» За неграмотностію просительницы росписался казанскій мѣщанинъ Василій Марковъ сынъ Юрьевъ, а подать просьбу она вѣритъ отставному штабсъ-капитану Евгенію Алексѣевичу Кекулеву.

Указомъ сиротскаго суда, отъ 12 января 1825 года за № 37, опекуномъ къ имѣнію Перетрухиныхъ утвержденъ купецъ Уксусниковъ. Но въ отчетѣ по содержанію несовершеннолѣтней опекаемой Евлампіи Перетрухиной, представленномъ въ сиротскій судъ въ февралѣ 1825 года, долгъ на Осокинѣ пишется неизмѣнно, съ объясненіемъ, что деньги эти продолжаютъ взыскиваться съ Осокина. Осокинъ-же ищетъ съ Королькова и Перетрухиной 7445 рублей убытковъ, причиненныхъ его торговлѣ тѣмъ, что Корольковъ публикаціею въ газетахъ объ секвестрѣ, а потомъ о публичной продажѣ его домовъ, омрачилъ доброе имя Осокина, отчего коммерческія дѣла его пришли въ упадокъ, и прочее.

Въ свою очередь и Яковъ Константиновичъ Корольковъ, выпущенный черезъ годъ изъ кутузки, жаловался черезъ повѣреннаго своего, вышеупомянутаго Евгенія Кекулева, на Осокина, взыскивая съ него 600 руб. убытковъ, понесенныхъ имъ, Корольковымъ, «черезъ содержаніе его около года, въ тюрьмѣ, отчего онъ изнурился (подлинныя слова жалобы) и отвлеченъ отъ своей промышленности».

Дѣйствительно, лавка Королькова, по взятіи его подъ стражу, осталась на рукахъ маленькаго сына его Степана да молодого прикащика Петра Иванова Цилбова, который поступилъ въ услуженіе къ Королькову 10-лѣтнимъ мальчикомъ. Правда, высшій надзоръ надъ торговлею арестованнаго купца принадлежалъ сестрѣ его, Варварѣ Константиновнѣ и мужу ея купцу Петрову, но дѣла Королькова растроились безъ него такъ, что и освобожденный впослѣдствіи хозяинъ не былъ въ силахъ поправить ихъ. Присудили-ли ему съ Осокина 600 руб.—неизвѣстно.

Но извѣстно, однако, то, что Иванъ Ивановичъ Осокинъ дѣло проигралъ. Дома его назначены были въ продажу. По троекратной публикаціи на торги никто не явился и дома 17 апрѣля 1825 года перешли въ собственность опеки. Апелляція Осокина оставлена судомъ безъ уваженія, съ положеннымъ на нее штрафомъ.

Въ заключеніе упомянемъ, что маленькая сирота Евлампія Перетрухина выросла и стала очень стройною и миловидною невѣстою. На ней женился родной братъ Игнатія Петровича Рязанова—Константинъ Петровичъ, тоже очень красивый молодой человѣкъ.

А Иванъ Ивановичъ Осокинъ подвергся совершенной нищетѣ. Въ старости судьба была къ нему неумолима: онъ жилъ въ булочной, помѣщавшейся въ нижнемъ этажѣ одного изъ принадлежавшихъ ему когда-то домовъ, и возилъ для этой булочной воду съ Кабана, чѣмъ и снискивалъ себѣ скудное пропитаніе. Покинули старика всѣ его пріятели. Одинъ только казанскій купецъ Семенъ Борисовичъ Мурзаевъ не оставлялъ несчастнаго, снабжая его до конца жизни чаемъ, сахаромъ, теплой одеждой и обувью. Жена Осокина, Ксенія Васильевна, пережила его. Она старческіе дни свои провела въ богадѣльнѣ, устроенной на средства извѣстнаго Ивана Лазаревича Рябчикова, при домѣ его въ Архангельской слободѣ. Ксенія Васильевна Осокина умерла въ глубокой старости, претерпѣвъ многочисленныя душевныя потрясенія: отнятіе домовъ, потерю двухъ сыновей (одинъ изъ коихъ отданъ въ солдаты, другой—сосланъ въ Сибирь), нищету и униженіе мужа... А было время, когда мужъ ея засѣдалъ ратманомъ въ магистратѣ, былъ кандидатомъ въ городскіе головы, пользовался почетомъ, имѣлъ вліяніе.... Sic transit gloria mundi!.....—приходится повторить со вздохомъ человѣческому языку въ милліонный разъ....

Сентября, 1890 г.

Изъ Казанскихъ преданій.

Гни сказку готовую,
Что дугу черемховую
Казакъ Луганскій.

.... На лѣвомъ берегу второго Кабана, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ загороднаго архіерейскаго монастыря, именуемаго «Новымъ Іерусалимомъ», тянется небольшая слободка Бутырки. Деревенька эта теперь захудала и обѣднѣла, дома ея почти всѣ разрушились, плетни упали, огороды засорились, тѣнистыя ивы срублены, обитатели частію вымерли, частію выселились въ Казань. Можно сказать навѣрное, что не пройдетъ и одного десятка лѣтъ, какъ отъ слободки останутся лишь кучи мусора.

А было время, когда жизнь въ этомъ уголкѣ шла весело. Домики были красивы, улица покрыта зеленью, на дворахъ мычали коровы, позади дворовъ шли цвѣтущіе огороды. Жители Бутырокъ имѣли полный во всемъ достатокъ: смотрѣли бодро, ходили нарядно; вели жизнь трезвую, трудовую, промышляя каждый тѣмъ, чему наученъ былъ съ дѣтства—кто огородничествомъ, кто пчеловодствомъ, кто рыбачествомъ, кто птицеводствомъ. Гусей и утокъ у нихъ всегда водилось въ несмѣтномъ количествѣ, благодаря близости Кабана, гдѣ птица эта плавала отъ начала весны до осеннихъ заморозковъ.

Въ юридическомъ отношеніи слобода Бутырки была крѣпостнымъ достояніемъ вышеназваннаго монастыря. Слобожане писались экономическими крестьянами и платили монастырю свои оброки, кто деньгами, кто продуктами хозяйства, а кто личнымъ трудомъ въ качествѣ архіерейскихъ служителей и монастырскихъ батраковъ. Не смотря однако на такую подчиненность свою монастырю, бутырскіе крестьяне съумѣли устроить свою жизнь вполнѣ благополучно, чего достигли, благодаря терпѣнію и трудолюбію, а главнымъ образомъ благодаря тому, что въ Бутыркахъ ни кабака, ни трактира никогда не существовало.

Въ концѣ 18-го столѣтія проживалъ здѣсь, въ своемъ маленькомъ домикѣ, съ длиннымъ огородомъ, доходившимъ до

самыхъ водъ Кабана, Егоръ Даниловичъ Морозовъ, степенный бутырскій мужикъ. Въ молодости служилъ онъ въ келліяхъ казанскаго митрополита Веніамина Григоровича, проживавшаго въ любимой своей резиденціи, селѣ Савиновѣ, заселенномъ тогда также монастырскими крестьянами. Егоръ Морозовъ былъ свидѣтелемъ того «великаго смятенія», какое испытала Казань во время пугачевскаго нашествія. Во время ужаса и труса, обуявшихъ весь городъ въ эту годину бѣдствія,—былъ убитъ пугачевцами родной братъ Егора—Иванъ Даниловичъ, вмѣстѣ съ шуриномъ его,—суконщикомъ Давыдомъ Понамаревымъ. Оба они стали отбивать на татарскомъ мосту Булака у шайки оборванцевъ, составлявшихъ часть „конницы“ Пугачева, гимназиста Петрова, мальчика лѣтъ 15-ти. Гимназистъ этотъ, встрѣтивъ этихъ оборванцевъ, состоявшихъ большею частію изъ башкирцевъ, показалъ имъ на улицѣ кулакъ, засучивъ рукавъ своего сюртука. Пугачевцы обидѣлись и потащили гимназиста на расправу, подъ ударами нагаекъ. Подоспѣвшіе Иванъ Даниловъ и суконщикъ Пономаревъ не могли отбить несчастнаго юношу и были умерщвлены вмѣстѣ съ гимназистомъ на названномъ мосту.

Народныя преданія, которыхъ мы коснулись въ нашемъ очеркѣ, имѣютъ свойство развѣтвляться на множество деталей. Неудивительно поэтому, что собирателю и записывателю этихъ сказаній очень часто приходится уклоняться въ сторону отъ главнаго предмета рѣчи. Но пусть такъ и будетъ. Сказанія народныя во всѣхъ своихъ мелочахъ должны имѣть цѣну для историка, который, вооруженный „критическимъ методомъ“, какъ любятъ выражаться люди ученые,—одинъ только можетъ отдѣлить правду отъ вымысла. Успокоивъ себя этой оговоркой, продолжаемъ.

Изъ двухъ сыновей Егора Морозова—старшій Петръ былъ портной и, женившись на дочери служителя Кизическаго монастыря Ивана Калачикова—Матренѣ, сталъ жить отдѣльно, въ купленномъ ему тестемъ домѣ въ Суконной слободѣ, на Новой улицѣ, противъ колодца. Онъ шилъ монахамъ рясы, работалъ и на сторону, изготовляя преимущественно одежду для особъ духовнаго званія. Второй сынъ Егора, Григорій, жилъ служкою въ загородномъ архіерейскомъ домѣ. Смерть его была трагическою: онъ былъ убитъ лебедемъ; по крайней мѣрѣ, въ одно утреннее время, на кладбищѣ Архангельской слободы, онъ былъ найденъ мертвымъ съ синяками и кровоподтеками на лицѣ; недалеко отъ него лежалъ мертвый лебедь. Народная молва увѣряла, что многіе видѣли, какъ Григорій боролся съ напавшимъ на него лебедемъ. Но авторъ записалъ это преданіе со словъ вышеозначенной Матрены Ивановны Морозовой, урожденной Калачиковой, которую зналъ лично. Она умерла въ преклонной старости въ концѣ 1850-хъ годовъ.

Мы заговорили о домѣ бутырскаго жителя Егора Даниловича Морозова потому, главнымъ образомъ, что съ именемъ его тѣсно связано совсѣмъ иного рода событіе, отголосокъ котораго проникъ даже въ печать (см. № 12 „Литературныхъ Прибавленій къ Русскому Инвалиду“ 1839 года, стр. 250).

Въ деревнѣ Аметевѣ, мѣстонахожденіе которой хорошо извѣстно всякому казанцу, жилъ въ описываемое нами время крестьянинъ Афанасій, немудрый мужиченко, любившій и выпить, и поскандальничать, и при удобномъ случаѣ поживиться чужой собственностью. Онъ имѣлъ въ Бутыркахъ свояка, который занимался слесарнымъ ремесломъ, а между дѣломъ, любилъ порыбачить. Афанасій былъ тоже рыбакъ и у него съ свояком имѣлась даже лодка, купленная на общія деньги для рыбной ловли.

Наканунѣ праздника Успенія, въ самыя сумерки, приходитъ на Бутырки, къ слесарю, своякъ его Афанасій съ приглашеніемъ отправиться вмѣстѣ на рыболовлю. Слесарь, доканчивавшій какую-то спѣшную роботу, отказался идти. Афанасій ушелъ одинъ. Накрапывалъ мелкій дождикъ.

— Съ ночевой, что-ли?—спросилъ слесарь.

— Какъ случится,—отвѣчалъ Афанасій, исчезая въ калиткѣ свояковаго огорода, вдоль котораго тянулась тропинка къ лодкѣ.

Афанасій былъ очень доволенъ, что сотоварищъ его остался дома додѣлывать свою работу. У аметевскаго мужика давно созрѣлъ планъ на счетъ того, какъ славно, а главное безъ хлопотъ, можно было-бы воспользоваться чужой рыбкой. Отваливши отъ берега, онъ направился въ тихомолку къ монастырскимъ садкамъ, гдѣ всегда водилась живая рыба. Имѣя съ собою нѣсколько ключей, Афанасій расчитывалъ отпереть подобраннымъ ключемъ замокъ садка и вынувъ оттуда сачкомъ ведерко рыбы, какая попадетъ. Желѣзное ведро было съ нимъ. Онъ уже подчаливалъ къ одному изъ садковъ, какъ увидѣлъ внезапно, вправо отъ себя, огонекъ, мелькавшій между кустовъ лѣса, покрывавшаго всю мѣстность, гдѣ теперь находятся бараки и идетъ дорога въ Борисково.

— Чтобы это значило?—думаетъ Афанасій. Надо освѣдомиться...

Направивъ лодку къ мѣсту, гдѣ мигалъ огонекъ, Афанасій скоро убѣдился, что въ началѣ едва замѣтный, а теперь ярко освѣщающій широкую поляну огонь, есть ничто иное, какъ пылающій костеръ, вокругъ котораго сидѣла толпа.

Цѣлая вереница мыслей явилась вдругъ въ головѣ Афанасія. Онъ былъ подавленъ страхомъ и находился въ раздумьѣ: что бы все это значило? Спустя нѣсколько минутъ, Афанасій, крадучись, съ большою осторожностію, сталъ вылѣзать на берегъ,

чтобы, пользуясь темнотою, приблизиться хотя нѣсколько къ „интересной компаніи“ и составить себѣ болѣе опредѣленное понятіе о томъ, изъ кого она состоитъ.

— Вотъ тебѣ на! Сначала думалъ я, что татары чай пить пріѣхали на лужайку.. —шепчетъ Афанасій самъ себѣ.—Теперь вижу, что это шайка головорѣзовъ, о которыхъ давно здѣсь слухъ прошелъ...

Афанасій не ошибся. Это дѣйствительно были разбойники, заходившіе сюда, благодаря густотѣ лѣсовъ, нынѣ вырубленныхъ, и простотѣ нравовъ, нынѣ выведенныхъ,—съ Волги и съ Камы, гдѣ село Шуранъ было одною изъ главныхъ резиденцій разбойничьяго коновода. Впрочемъ, какъ мы вскорѣ увидимъ, шайка разбойниковъ, которая была передъ глазами Афанасія, вольничала самостоятельно, безъ всякого соотношенія къ шуранскому разбойничьему гнѣзду. Шуранскіе разбивали товарныя суда, плывшія лѣтомъ по Камѣ и Волгѣ, а зимою заворачивали цѣлые обозы, тянувшіеся по этимъ рѣкамъ. Здѣсь-же, подъ Казанью, появилась шайка особаго типа: атаманомъ ея была—дѣвушка...

Когда для Афанасія стало несомнѣннымъ, къ какого рода профессіи принадлежали люди, расположившіеся вокругъ костра; когда передъ взорами его обрисовались до мельчайшихъ подробностей всѣ аттрибуты этой профессіи,—у аметевскаго мужика блеснула мысль употребить противъ разбойниковъ хитрость. Онъ вернулся въ лодку, взялъ изъ нея желѣзное ведро и ключъ отъ большаго замка и, выбравъ выгодную позицію, могущую благопріятствовать на случай бѣгства,—забарабанилъ, что было силы, о дно ведра и въ то-же время во все горло закричалъ: «эй, солдаты! сюда, здѣсь!... Держи, лови, вяжи»!...

Хитрая уловка, напоминавшая отчасти суворовскій „глазомѣръ, быстроту и натискъ“, удалась: разбойники, вскочивъ съ мѣстъ, бросились, стремглавъ въ разсыпную по кустамъ, оставивъ на мѣстѣ своего привала не мало добра. Афанасій, довольный своей находчивостью, прежде всего поволокъ къ себѣ въ лодку огромную бутыль съ водкой, которую распивали разбойники и которою онъ поторопился овладѣть, какъ очень любезной для его сердца вещью. Однако Афанасій, среди восторговъ, не замѣтилъ, какъ кто-то, съ быстротою молніи, бросился съ берега въ его лодку и, поспѣшно оттолкнувъ ее отъ берега, плылъ. Когда Афанасій явился на томъ мѣстѣ, гдѣ была причалена лодка (онъ отлично помнилъ это мѣсто), до слуха его долетали одни лишь всплески веселъ. Новое явленіе это озадачило нашего героя не менѣе предъидущаго. Что дѣлать? Кричать безполезно, угрожать нечѣмъ. Но онъ не растерялся. Поставивъ главный трофей своей побѣды водку, на берегу Кабана, онъ принялся перетаскивать въ безопасное мѣсто всѣ цѣнныя вещи, остав-

ленныя разбойниками, а потомъ съ бутылкою на рукахъ отправился на Бутырки пѣшкомъ, въ обходъ Кабана, чтобы посвятить свояка-слесаря въ тайну своего открытія и съ помощію его увезти поскорѣе спрятанныя вещи домой Между тѣмъ, вдали слышались глухіе выстрѣлы и свистъ разсѣявшихся разбойниковъ.

Въ то время, какъ Афанасій шелъ торопливыми шагами на Бутырки, неупуская случая дѣлать по временамъ маленькія остановки для поддержанія силъ выпиваньемъ изъ бутылки,— къ огороду Егора Даниловича Морозова подплыла лодка и вышедшій изъ нея человѣкъ сталъ слегка торкаться въ калитку. Такъ какъ было еще не совсѣмъ поздно, то на стукъ скоро вышла Дарья Васильевна, жена Морозова. На ея опросъ послышался изъ-за калитки женскій голосъ и хозяйка не затруднилась впустить незнакомку, не разсмотрѣвъ въ потьмахъ, что послѣдняя была одѣта въ мужской полу-татарскій костюмъ. Войдя въ горницу, гостья набожно помолилась передъ иконами, а затѣмъ поклонилась низко хозяевамъ, стоявшимъ въ глубокомъ изумленіи.

— Вотъ это вамъ!—сказала незнакомка, кладя на столъ узелъ съ чѣмъ-то тяжелымъ.—Но вы не бойтесь, а выслушайте, въ чемъ будетъ моя къ вамъ просьба....

Незнакомка была молодая высокаго роста женщина. Глаза ея были мокры отъ слезъ, голосъ дрожалъ; она едва держалась на ногахъ Морозовы усадили ее на скамью, но все еще не могли освободиться отъ разныхъ сомнѣній на счетъ гостьи, на счетъ странности ея одѣянія, несвоевременности посѣщенія и прочее.

— Что у тебя тутъ завернуто?—спросилъ Егоръ Даниловичъ, боязливо дотрогиваясь до свертка, положеннаго гостьей на столъ.

— Золото!. .—отвѣтила она тихо, какъ-бы не смѣя смотрѣть въ лицо хозяевъ.

— Какъ золото?... Откуда? Чье?—воскликнули разомъ хозяинъ и хозяйка съ усиленнымъ испугомъ.

— Погодите, все раскажу... Не бойтесь: я не злой человѣкъ.

Прогоривъ эти слова плачущимъ голосомъ, таинственная незнакомка бросилась вдругъ въ ноги хозяевамъ и потокъ неудержимыхъ истерическихъ рыданій огласилъ уютную морозовскую свѣтлицу.

— Данилычъ! Что у насъ творится?—обратилась Дарья Васильевна къ мужу, всхлипывая отъ слезъ, вдругъ на нее нахлынувшихъ.—Затеплю-ка я лампадку передъ образомъ Пречистой Владычицы....

Но Данилычъ стоялъ безмолвно, переводя лишь глаза съ гостьи на золото и обратно. Что соображалъ онъ въ эти необык-

новенныя минуты, рѣшить трудно. Сыновья его, Петръ и Григорій, жили отъ него отдѣльно, какъ уже замѣчено выше. Съ другой стороны—въ Бутыркахъ не было ни старосты, ни полицейскаго, ни даже простого караульщика, ибо жизнь текла здѣсь до того патріархально и безмятежно, что во всѣхъ перечисленныхъ нами установленіяхъ надобности не предстояло.

— Въ монастырь надо идти. Дарья; отцу эконому доложить обо всемъ...—Проговорилъ глухо Егоръ Даниловичъ.

— Ой, не оставляй меня одну. Отложи до утрева.

Между тѣмъ вопли странной гостьи стали переходить въ протяжный стонъ. Морозовы засуетились вокругъ нея, растегнули пуговицы ея полукафтанья, сшитаго на татарскій манеръ, подсунули подъ голову подушку.

— Дайте воды! Горитъ моя душенька...

Дарья сбѣгала въ сѣни и принесла оттуда кружку холодной воды.

— На-ка испей, милая. Благослови тя Господи.

Освѣжившись водой, гостья стала подниматься съ полу. Хозяева пособили ей сѣсть снова на скамью

— Чья—ты? спросилъ ее робко Морозовъ.

Молодая женщина взглянула на него, потомъ на Дарью, потомъ на иконы, освѣщенныя лампадкой, но молчала. Такъ прошло еще нѣсколько минутъ.

— Дайте мнѣ еще водицы,—произнесла она тихимъ голосомъ.

Послѣ нѣсколькихъ глотковъ незнакомка начала, наконецъ, разсказывать хозяевамъ о томъ, кто она, зачѣмъ пришла къ нимъ, и откуда взяла она золото.

Меня зовутъ Авдотьей. Деревня, гдѣ живутъ мои родные,—далеко за Камой. Росла я въ домѣ своей барыни М—й, которая меня очень любила и отъ себя ни на минуту не отпускала. Никто изъ дворовыхъ дѣвушекъ на могъ ей такъ потрафить, какъ я. Но вотъ барыня, благодѣтельница моя, умерла со страху, заслышавши, что идетъ какой-то Пугачъ и вѣшаетъ баръ и поповъ. Дочь ея, молодая моя барышня, Марья Львовна, не имѣла ко мнѣ такого расположенія, какъ покойная ея мамаша, и даже ненавидѣла меня, потому что я была красивѣе ея. Когда пріѣзжали къ намъ гости—сосѣди, то мужчины больше заглядывались на меня, нежели на нее. Я и пряталась, и убѣгала въ деревню, но случалось почти всегда такъ, что гости меня отыщутъ на зло моей госпожѣ. Сама себѣ была я не рада. Плачу, бывало, по цѣлымъ ночамъ... Наконецъ, чтобы отдѣлаться отъ меня разомъ, Марья Львовна велѣла выдать меня замужъ за садовникова сына Микишку, горькаго пьяницу. Онъ былъ извѣстный во всемъ нашемъ округѣ озорникъ и обидчикъ: драки ли гдѣ случились, тамъ непремѣнно Микишка; караулъ-ли гдѣ

кричатъ—тамъ напремѣнно Микишка; плачетъ-ли кто изъ женщинъ или дѣвушекъ на барскомъ дворѣ и на деревнѣ—непремѣнно отъ Микишки. Вотъ кто даденъ мнѣ въ женихи самой барышней. Я въ ногахъ валялась у ней, просила, молила не отдавать за него, но барышня и слышать не хотѣла. «Я, говоритъ, и попу приказъ послала, чтобы вѣнчалъ завтра тебя съ Микишкой",—сказала она, и послѣ этихъ словъ не велѣла пускать меня къ себѣ на глаза... Я съ отчаянія чуть-чуть въ мельничный омутъ не бросилась, да Господь избавилъ меня отъ этой погибели

Наступило утро. Всю ночь я не спала и бродила какъ сумасшедшая. Но утромъ явилась во мнѣ мысль бѣжать куда глаза глядятъ. Я при этой мысли словно вдругъ воскресла: мнѣ стало легче. Я совсѣмъ не думала о томъ, куда и какъ пойду, радость не давала мнѣ много помышлять объ этомъ. Не сказавъ никому ни слова, помолясь втихомолку Богу, я ушла изъ дому въ томъ, въ чемъ была, позабывъ даже взять на дорогу хлѣба. Путь избрала я не по дорогѣ, гдѣ ходятъ и ѣздятъ люди, а лѣсомъ, густымъ дремучимъ лѣсомъ, который тянется отъ нашихъ мѣстъ до самой Камы. Солнце стало клониться къ закату, но ноги мои не слышали усталости, только жажда страшно мучила меня. Наконецъ стало смеркаться, а лѣсу конца-краю не было видно. На меня напалъ страхъ при мысли о томъ, какъ придется провести ночь. Но, вспомнивши, что я освободилась отъ великаго для меня несчастья, я снова успокоилась и на сердцѣ моемъ дѣлалось все веселѣе. И шла я такимъ способомъ всю ночь, не рѣшаясь нигдѣ ни присѣсть, ни прилечь. Къ утру только почувствовала, что ноженьки мои я такъ отбила, что онѣ едва-едва передвигались, да и сонъ сталъ тяготить меня, а лѣсъ все тянется и тянется.. Выбравъ мѣстечко, на которое падали лучи взошедшаго солнца, я упала, какъ снопъ, и заснула, закутавшись въ широкій платокъ, бывшій со мною.

Спала я долго, потому что, когда проснулась, солнце уже снова садилось. Прохлада сдѣлалась до того сильной, что я вся дрожала какъ въ лихорадкѣ, да и голодъ сталъ одолѣвать, а перекусить было ничего: на радостяхъ я не догадалась захватить съ собою съѣстного. Однако, хотя тихо, а всетаки пошла я впередъ. На этотъ разъ ходьба моя длилась не долго: я вышла на песчаный берегъ Камы. Здѣсь вскорѣ увидѣла я лодку, плывшую по серединѣ рѣки, наполненную народомъ. Я стала звать ихъ и голосъ мой, какъ ни былъ слабъ, но съ лодки его услышали и повернули путь къ тому мѣсту, на которомъ я стояла. Черезъ нѣсколько минутъ лодка пристала къ берегу и участь моя была рѣшена: я очутилась среди шайки разбойниковъ...

На этомъ мѣстѣ разсказа слезы снова стали душить молодую женщину. Морозовы поняли теперь ясно судьбу ихъ гостьи и почувствовали къ ней полное состраданіе. Они предложили ей поужинать съ ними, а продолженіе разсказа оставить до утра. Но за ужиномъ они не утерпѣли, чтобы не сдѣлать гостьѣ новыхъ вопросовъ о дальнѣйшемъ ходѣ ея исторіи и узнали, что, пробывши нѣкоторое время въ должности разбойничьяго «кашевара», Авдотья потомъ была избрана ими въ «атаманы», каковое званіе должна была принять почти насильно. Но не имѣя силъ ни раздѣлять разгульной жизни разбойниковъ, ни видѣть ихъ свирѣпыхъ нападеній на мирныхъ путниковъ, ни слышать ихъ исполненныхъ цинизма рѣчей,—она постоянно озабочивалась: какъ бы поскорѣе разорвать ей всякія связи съ обществомъ преступныхъ людей. Въ роли „атамана“ ей казалось удобнѣе исполнить свое завѣтное желаніе, потому что безпрекословное и слѣпое повиновеніе волѣ «атамана» было, какъ извѣстно, первѣйшимъ закономъ разбойническихъ шаекъ всѣхъ народовъ. По ея велѣнью, они устроили свой разбойническій станъ вблизи города Казани, избравъ мѣстомъ своего логовища узкую разсѣлину (щель), находящуюся и понынѣ недалеко отъ Кабана, по правую сторону большого Оренбургскаго тракта, и сдѣлавшуюся впослѣдствіи извѣстной подъ именемъ *Дунькина ущелья* Въ ночь, на успеньевъ день, ей удалось наконецъ осуществить затаенную рѣшимость. Пока разбойники беззаботно пьянствовели, она, какъ уже знаетъ читатель, бросилась въ пустую лодку аметевскаго мужика прежде, нежели раздалась по лѣсу произведенная имъ ложная тревога. На удачу поплыла она по Кабану, на удачу причалила къ дому Егора Морозова и постучалась въ калитку....

На другой день Морозовъ поднялся рано, когда еще въ домѣ его спали. Онъ обсудилъ, что необходимо обо всемъ, что разсказала гостья, объявить по начальству, дабы не остаться въ отвѣтѣ. Но какъ это сдѣлать? Онъ вспомнилъ, что у него есть старый знакомый, отставной приказный канцелярисгъ Максимъ Заруцкій, къ которому Егоръ Даниловичъ и рѣшилъ обратиться за совѣтомъ. Заруцкій былъ человѣкъ опытный и бывалый; его на Бутыркахъ знали всѣ, такъ какъ онъ былъ старый рыбакъ и часто охотился на Кабанѣ вмѣстѣ съ бутырскими мужичками. Здѣсь, кромѣ того, проживалъ его родственникъ, бывшій архіерейскій форейторъ Кирила Прокофьевъ М—въ. Къ этому-то Кириллѣ Прокофьеву и направился рано утромъ Егоръ Морозовъ.

Кирила Прокофьевъ жилъ вдвоемъ со своею матерью. Онъ былъ человѣкъ молодой, трезвый и хорошій красильщикъ. Не только жители Бутырокъ, но и крестьяне ближнихъ деревень везли къ нему холсты, бумагу, пряжу, нитки, которыя онъ

окрашивалъ въ разные цвѣта: пунцовый, кубовый, коричневый. Ремесло это унаслѣдовано было имъ отъ покойнаго отца. Кирила Прокофьевъ уже не спалъ, когда постучалъ къ нему подъ окно Морозовъ

— Кирюша! выйди-ка ко мнѣ на часокъ времени. Дѣло есть...

Тотъ вышелъ.

— Не сходишь-ли со мной къ роднѣ твоему, барину Заруцкому. Нуженъ мнѣ этотъ человѣкъ..

— Что, аль бѣда приспѣла? Судомъ чтоль кто пужаетъ?

— Нѣтъ, не то; а вотъ пойдемъ-ка потолкуемъ, ты парень разсудительный.

Во время пути Морозовъ сообщилъ Кириллѣ о вчерашнемъ приключеніи, а когда пришли они къ Заруцкому, жившему гдѣ-то около Георгіевской церкви, онъ снова разсказалъ въ подробности обо всемъ, какъ было дѣло, и все, что слышалъ отъ Авдотьи. Старый подъячій выслушалъ разсказъ внимательно, помолчалъ, подумалъ и глубокомысленно произнесъ:

— Дѣло сіе слѣдуетъ держать въ наистрожайшей тайнѣ.

Заруцкій велѣлъ Морозову идти домой и Авдотьи отъ себя не отпускать, а ждать его, Заруцкаго, приходу. Егоръ Данилычъ отправился, а Кирила Прокофьевъ остался у Заруцкаго.

— Дѣло „закомуристое“, можно или руки нагрѣть, или „втюриться“....—сказалъ Заруцкій Кириллѣ по уходѣ Егора Морозова.

— Это какъ есть!—отозвался собесѣдникъ.

Къ вечеру этого дня, въ домъ Морозова явился Максимъ Заруцкій въ сопровожденіи Кирилы Прокофьева. Авдотья сидѣла молча съ опущенной головой. На вопросы вошедшихъ она тѣмъ-же искреннимъ тономъ повторила печальную свою повѣсть и присовокупила, что «лучше ужъ объявиться,—по крайней мѣрѣ легче будетъ моей душенькѣ»...

Заруцкій слушалъ и въ тоже время поводилъ глазами по сторонамъ, какъ будто что-то отыскивая. Морозовъ догадался и подалъ тяжелый свертокъ съ золотомъ.

— Возьми, сударь, я и не развертывалъ.

— Взять надо: это вещь «сурьезная»,—сказалъ многозначительно Заруцкій и всталъ съ мѣста.

— Ты и гостью-то возьми, батюшка!..—прибавилъ Морозовъ вполголоса.

— Возьму и гостью—отвѣтилъ Заруцкій и велѣлъ Авдотьѣ слѣдовать за собою.

Когда всѣ они вышли, Морозовы, крестясь, произнесли: «Ну теперь гора свалилась съ плечъ»... И жизнь ихъ, такъ неожиданно рѣзко выбитая изъ колеи,—приняла прежнее спокойное положеніе.

По прошествіи не больше, какъ съ недѣлю времени послѣ описаннаго событія, Дарья Васильевна сообщила мужу:

— Слышалъ новость-то?

— Какую?

— Кирила красильщикъ женится на Авдотьѣ.

Морозовъ уставилъ на жену удивленные глаза.

— Все дѣло Заруцкій устроилъ... Говорятъ, она указала имъ мѣсто, гдѣ было зарыто разбойниками много денегъ.

— Дѣло не наше, Дарья!—отозвался Егоръ Данилычъ, и запретилъ женѣ болтать объ этомъ.

Дѣйствительно, свадьба Кирилы Прокофьева на Авдотьѣ состоялась въ селѣ Архангельскомъ (теперь село это вошло въ составъ города). Приходитъ Заруцкій къ архангельскому попу, своему давнишнему пріятелю, и говоритъ:

— Батька, ты зналъ воспитанницу мою, которая въ скиты-то керженскіе убѣжала?

— Это Параньку-то? Еще-бы не знать.

— Вернулась. Я ее замужъ выдаю..

— За кого?

— За бутырскаго красильщика.

— Въ добрый часъ! Только не старовѣръ-ли онъ?

— Самый православнѣйшій: у архіерея форейторомъ былъ.

— Ну, это хорошо.... Образумилась значитъ дѣвка?

— Ты ужъ, отецъ, не откажи, обвѣнчай.

— Пріѣзжайте. Съ нашимъ полнымъ удовольствіемъ.

Авдотья, подъ именемъ Прасковьи Максимовны (воспитанницы Максима Заруцкаго), стала женою Кирилы Прокофьева. Вскорѣ послѣ свадьбы мужъ ея купилъ домъ около Архангельскаго и переселился туда на житье, выписавшись въ казанскіе мѣщане.

Но намъ интересно было-бы теперь заняться избою слесаря, который приглашенъ былъ своякомъ Афанасіемъ везти добычу, оставшуюся послѣ разбойниковъ. Къ сожалѣнію, народное преданіе оставило намъ объ этомъ мало свѣдѣній. Извѣстно только-то, что не прошло и года, какъ у аметевскаго мужика Афанасія появился на рыбномъ базарѣ въ Казани лабазъ, въ которомъ торговалъ онъ мукой, крупой, масломъ и солью, а спустя еще нѣсколько времени, онъ изъ деревни Аметевой переписался въ горожане. Но, наскучивъ торговлею въ лабазѣ, Афанасій предпринялъ другую аферу: онъ выстроилъ подъ аметевскою горою торговую баню и содержалъ ее до тѣхъ поръ, пока не попалъ въ казаматъ. А въ казаматѣ очутился онъ за то, что имѣлъ при банѣ трактирное заведеніе подъ именемъ «бѣлой харчевни», гдѣ происходилъ у него самый разнузданный разгулъ. Купеческіе сынки, пріѣзжая сюда

изъ Казани, въ надеждѣ, что родительскіе взоры будутъ менѣе достигать до мѣста ихъ безобразій,—проматывали здѣсь, въ этомъ вертепѣ пьянства и непотребства, отцовскіе капиталы, и одинъ изъ этихъ несчастныхъ даже кончилъ здѣсь молодую жизнь свою, найденный мертвымъ съ признаками насилія... Это обстоятельство было ближайшею причиною того, что хозяинъ «бѣлой харчевни» заключенъ былъ въ городскую тюрьму. Его впослѣдствіи приговорили къ кнуту и каторгѣ, но, невѣсть какими судьбами, вмѣсто Сибири, Афанасій попалъ въ Самару, гдѣ и проживалъ до глубокой старости.

Многіе изъ казанцевъ, ѣздившіе по торговымъ дѣламъ въ Самару, встрѣчали тамъ Афанасія. Какъ ухитрился онъ переселиться въ этотъ городъ и основать житье-бытье,—объ этомъ исторія молчитъ. Впрочемъ, все разсказанное «дѣла давно минувшихъ дней, преданье старины глубокой»...

Январь, 1889 г

Казанская героиня „Въ лѣсахъ“ Андрея Печерскаго.

.... Кто читалъ *„Въ Лѣсахъ“* Андрея Печерскаго, тотъ, безъ сомнѣнія, припомнитъ Марію Гавриловну, казанскую купеческую дочь, къ личности которой авторъ относится во все время разсказа съ постоянною симпатіею. Марія Гавриловна была родомъ изъ Казани, поэтому Андрей Печерскій всю четвертую главу второй части своего произведенія посвятилъ этому городу. Но, описывая купеческій домъ и семью, изъ которой вышла его казанская героиня, авторъ однако не пожалѣлъ красокъ (которыми, всякій знаетъ, онъ умѣлъ владѣть съ замѣчальнымъ талантомъ), отчего романическая завязка въ судьбѣ Маріи Гавриловны перешла подъ перомъ Павла Ивановича далеко за предѣлы дѣйствительности, имѣвшей мѣсто въ Казани въ началѣ пятидесятыхъ годовъ XIX столѣтія.

Собравши свѣдѣнія—частію по архивнымъ документамъ, частію по устнымъ разсказамъ старожиловъ, мы можемъ безъ труда констатировать передъ читателемъ этотъ казанскій эпизодъ, изъ котораго И. И. Мельниковъ почерпнулъ романическій сюжетъ, вставленный имъ въ свои «заволжскіе очерки“.

Извѣстно, что нашъ знаменитый беллетристъ-этнографъ служилъ долго чиновникомъ особыхъ порученій при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и употреблялся большею частію для разслѣдованія разныхъ дѣлъ по части раскола, такъ какъ въ компетентности и глубокомъ пониманіи истинныхъ причинъ русскаго старообрядчества Мельниковъ не имѣлъ (да едва-ли и теперь имѣетъ) себѣ равнаго знатока, по крайней мѣрѣ—по безпристрастному отношенію къ этому историческому явленію и его сущности. Въ Казани какъ разъ возникло въ то время одно очень запутанное тяжебное уголовнаго характера дѣло между двумя старообрядцами различныхъ сектъ. Дѣло это доходило до синода, который, разсмотрѣвши его, передалъ на окончательное рѣшеніе министерства внутреннихъ дѣлъ, въ вѣдѣніи котораго сосредоточены русскія раскольничьи дѣла. Министръ поручилъ П. И. Мельникову произвести самое тща-

тельное разслѣдованіе на этому дѣлу, для каковой цѣли сей послѣдній и прибылъ въ Казань. Суть дѣла заключалось въ слѣдующемъ:

Съ незапамятныхъ временъ славился въ Казани купеческій домъ Дегтяревыхъ. Старики, главные представители этого дома, давно умерли и ко времени, къ которому относится нашъ разсказъ, остались лишь одни потомки, считавшіеся между собою въ двоюродномъ и троюродномъ родствѣ. Одни изъ нихъ были купцы, другіе—мѣщане.

Лѣтъ за пятьдесятъ до нашего времени, одинъ изъ членовъ этой фамиліи, Петръ Андріановичъ Дегтяревъ, былъ извѣстенъ между прочимъ тѣмъ, что началъ уголовный процессъ съ свекромъ дочери своей, Марьи, казанскимъ купцомъ Степаномъ Яковлевичемъ Макѣевымъ. Процессъ Дегтярева съ Макѣевымъ имѣлъ въ свое время громкую извѣстность въ нашемъ Поволжьи, такъ какъ герои его были люди торговые, извѣстные. Теперь, впрочемъ, едвали кто даже помнитъ о нихъ.

Петръ Андріановичъ Дегтяревъ принадлежалъ сначала къ православной церкви, но съ 1846 г., т. е. со времени основанія старообрядцами поповцами собственной канонически-правильной іерархіи, заимствованной отъ греческой церкви, перешелъ въ это старообрядческое общество. Жена его, Евфросинья Ильинишна, была родомъ уральская казачка (урожденная Голчина), исконная старообрядка, отличавшаяся великою непримиримостію съ „великороссійской церковію“. Семейство Дегтяревыхъ, кромѣ того, состояло изъ сына Андрея и дочери Маріи Старшая дочь, Клавдія Петровна, находилась замужемъ за казанскимъ купеческимъ сыномъ Абрамомъ Степановичемъ Горшенинымъ, между тѣмъ, какъ младшая сестра ея, Марія, оставалась дѣвицею. Въ обществѣ казанскаго купечества было очень много красавицъ, но особенною миловидностію блистали въ описываемое время только двѣ: Екатерина Антоновна, дочь купца Антона Парфеновича Кондырина, и дѣвица Дегтярева—Марія Петровна, наружность которой произвела на министерскаго чиновника такое сильное впечатлѣніе, что онъ исписывалъ въ порученномъ ему слѣдственномъ дѣлѣ буквально цѣлые листы, посвѣщая ихъ характеристикѣ этой дѣвушки, и характеристика эта цѣликомъ перенеса потомъ въ его „заволжскіе очерки“, для портрета Маріи Гавриловны

Марія Петровна Дегтярева считалась въ Казани очень завидною невѣстою. Руки ея добивались не только купеческіе сыновья, но и молодые чиновники. Однако, религіозныя препятствія были для Дегтяревыхъ сильною преградою къ свободѣ выбора жениха для ихъ дочери. Такъ шли дни, мѣсяцы и годы. Наконецъ, судьба повернула дѣло по своему. Понравился Марьѣ Петровнѣ купеческій сынъ Степанъ Степановичъ Мокѣевъ. Родители Мокѣева принадлежали къ ѳедосѣевскому

толку и ходили молиться на «Стекольный» *), хотя и имѣли собственную молельню при своемъ домѣ, въ Ягодной слободѣ. Старикъ Мокѣевъ былъ казанскій купецъ, имѣлъ при домѣ большой заводъ, на которомъ вырабатывались разныя снасти и войлоки, и велъ обширную этимъ товаромъ торговлю. Человѣкъ онъ былъ суровый, упрямый, про него въ снастномъ ряду обыкновенно говорили: «Степана Яковлевича въ семи ступахъ не умолчешь». Еще фанатичнѣе была жена его, Акулина Максимовна.

Степанъ Степановичъ Мокѣевъ не видалъ прежде Маріи Петровны Дегтяревой, а когда случайно встрѣтился съ нею на Казанкѣ, во время провожанія Смоленской иконы (а не встрѣчи, какъ сказано *„Въ лѣсахъ“*, то все время не спускалъ съ нея глазъ. Наружность дѣвушки до того подѣйствовала на Мокѣева, что онъ, какъ самъ говоритъ въ одномъ изъ имѣющихся въ «дѣлѣ» показаній»,—едва не лишился разсудка. Самъ онъ былъ тоже мужчина представительной наружности: высокъ ростомъ, статенъ корпусомъ, имѣлъ очень красивые, выразительные глаза и молодцоватую походку. Черезъ нѣсколько дней молодой человѣкъ сообщилъ свои сердечныя думы отцу и матери.

— Не рука она намъ!—отозвалась мать.—Я найду тебѣ невѣсту нашей вѣры...

Отецъ, зная хорошо семейство Дегтярева, его родню и связи съ именитыми купеческими фамиліями, очень непрочь былъ породниться съ этимъ домомъ; но согласіе на бракъ давалъ лишь при томъ непремѣнномъ условіи, чтобы никакого церковнаго вѣнчанія отнюдь не было, а все дѣло ограничилось бы только однимъ благословеніемъ родителей, какъ съ той, такъ и съ другой стороны. «Благословеніе бо отчее утверждаетъ домы чадъ»—говорилъ онъ словами Сираха, и съ этого аргумента сдвинуть старика не было возможности.—Сватовство однако началось...

Всѣ тонкости этого дѣла поручено было вести родственницѣ Мокѣевыхъ, Пелагеѣ Лобашевой, которая оказалась хорошей по этой части мастерицей, ибо въ короткое время довела дѣло до «рукобитья». Вопросъ-же о томъ: гдѣ и какъ должно быть совершено бракосочетаніе—выясненъ былъ въ томъ смыслѣ, что хотя «вѣнчанія» на самомъ дѣлѣ учинено не будетъ, но что, для крѣпости союза съ формальной стороны, бракъ будетъ записанъ въ метрическихъ книгахъ Ягодинской

*) Старообрядческій скитъ, находящійся среди поля, недалеко отъ Казани, за Ямскими улицами. Встарину здѣсь былъ монастырь Дмитрія Прилуцкаго, а потомъ вся эта усадьба перешла въ собственность попечителя казанскихъ старообрядцевъ-безпоповцевъ, купца Василія Андреевича Савинова.

церкви, въ приходѣ которой находился домъ купца Мокѣева. На такой компромиссъ отецъ невѣсты, послѣ сильной осады со стороны женщинъ,—согласился.

Все устроилось, повидимому, благополучно. Бракъ совершился; обѣ стороны остались довольны: гости, пировавшіе на свадьбѣ,—еще довольнѣе. Молодые искренно любили другъ друга, другъ на друга не могли наглядѣться: всѣ знакомые говорили, что лучшей пары нельзя было придумать, и прочее

Минулъ годъ. У молодыхъ Мокѣевыхъ былъ уже маленькій сынъ Ваня. Оправившись отъ болѣзни родовъ, Марія Петровна явилась внезапно въ домъ своихъ родителей, Дегтяревыхъ, и къ общему изумленію объявила, что она къ Мокѣевымъ возвращаться болѣе не намѣрена, что мужъ хотя и любитъ ее страстно, какъ и она его, но отъ свекра и свекрови—ей нѣтъ житья: притѣсняютъ, оскорбляютъ, поминутно ворчатъ и очень явно выражаютъ къ ней полное свое нерасположеніе. Мужъ пробовалъ защищать ее, но защита эта оказывалась всякій разъ слабой и безуспѣшной, такъ какъ и самъ-де онъ не мало терпитъ отъ своихъ родителей, не смѣя выйти изъ повиновенія. Сообщала все это Марія Петровна, всхлипывая отъ слезъ; но сообщеніе ея было далеко неполное: она видимо колебалась пускаться въ подробности.

— Говори все!—произнесъ строго отецъ ея, инстинктивно отгадывая, что случилось что-то болѣе важное.

Дочь отвѣчала лишь слезами Мужъ навѣстилъ ее въ тотъ-же день; но отъ него тесть и теща добились еще меньше.

Наконецъ, спустя нѣсколько дней, молодушка, въ интимной бесѣдѣ съ матерью, проговорилась, что ее въ домѣ свекра «крестили».

— Какъ крестили!?—вскочилъ пораженный отецъ, узнавши новость.

— Дочь испугалась и заплакала.

— Разсказывай по-порядку: какъ дѣло было?—требовалъ Петръ Андріановичъ.

— Сначала долго уговаривали, а потомъ стали дѣлать угрозы...

— И ты согласилась! Отчего намъ не сказала.

— Мнѣ запретили... Я боялась, чтобы хуже не вышло.

Дегтяревъ, выслушавъ отъ дочери всѣ подробности, при которыхъ совершено было ея насильственное крещеніе, отправился къ своему священнику Трофиму Тихоновичу Щедрину за совѣтомъ и наставленіемъ. Трофимъ Тихоновичъ жилъ въ своемъ домѣ, на Вознесенской улицѣ (теперь домъ купца Новикова). Старикъ даже руками всплеснулъ, узнавши о скорбномъ событіи въ семьѣ Дегтярева. Чтобы обсудить дѣло толковѣе, Щедринъ послалъ за Лукою Ѳедоровичемъ Свѣшнико-

вымъ, извѣстнымъ знатокомъ каноническихъ законоположеній. Однако, на этомъ совѣтѣ главнымъ виновникомъ признанъ не Мокѣевъ, а самъ жалобщикъ, Дегтяревъ.

— Ты гдѣ бралъ благословеніе на бракъ дочери своей съ безпоповцемъ?—спросилъ Лука Ѳедоровичъ.

— А развѣ есть въ томъ какая ересь? — оправдывался Петръ Андріановичъ.—Сами знаете, что византійскій императоръ Алексѣй Комненъ выдалъ дочь свою за турецкаго султана Махмета.

— Мы тебя не спрашиваемъ о томъ: льзя или нельзя выходить вѣрной за невѣрнаго, а ты намъ отвѣть: почему согласился на такой бракъ безъ епископскаго спросу?

Дегтяревъ смутился и не нашелся, что возразить.

— Заварилъ ты, Петръ Андріановичъ, кашу, не спрося насъ. Теперь и расхлебывай ее самъ!

Съ тѣмъ и отпустили несчастнаго отца во-свояси. Долго ходилъ Дегтяревъ, повѣсивъ голову...

— Махни рукой на все!—говорили ему купцы на базарѣ.

— Уговорили Степана отдѣлиться отъ отца: пусть живетъ и торгуетъ съ тобой,—совѣтывали—другіе.

Но утѣшенія пріятелей не удовлетворяли оскорбленнаго отца. Онъ искалъ способа смыть позоръ болѣе чувствительнымъ для противника образомъ. Кто-то шепнулъ ему, что для этакихъ «дѣловъ» существуетъ къ Казани подходящій человѣкъ, старый подъячій Михаилъ Алексѣевичъ Прозоровскій. Онъ-де можетъ взяться за дѣло, если Дегтяревъ не пожалѣетъ денегъ. Петръ Андріановичъ отправился отыскивать названнаго подъячаго *)

— Обратись къ «единовѣрію», тогда начнемъ дѣло уголовнымъ порядкомъ,—сказалъ купцу Дегтяреву Прозоровскій...

— Дегтяревъ передалъ такой совѣтъ женѣ. Та и руками, и ногами противъ этого предложенія.

— Да пойми ты, глупая женщина, вспылилъ мужъ. Вѣдь «наши» въ путь слова не хотятъ со мной молвить. Но баба начала выть на весь домъ и на слова мужа не сдавалась.

— Ты оставайся—сказалъ ей, помолчавъ немного, Петръ Андріяновичъ, а я пойду къ отцу Дмитрію **).

И хлопнулъ дверью. Съ Евфросиньей Ильинишной началась истерика.

Вскорѣ послѣ «присоединенія», поступило въ казанскую духовную консисторію прошеніе Петра Андріановича Дегтяре-

---

*) М. А Прозоровскій былъ извѣстный въ Казани „юсъ“ по духовнымъ дѣламъ. Характеристика его описана когда-то въ „Современникѣ“ (См. этотъ журналъ за 1860 г., май, стр 69)

**) Единовѣрческій священникъ въ Казани.

ва, въ которомъ обиженный жаловался не только на „перекрещеніе“ Мокѣевымъ своей невѣстки, а его, Дегтярева, дочери, но и на обманъ, выразившійся въ томъ, что дочь его, Марія, оказалась съ мужемъ «не вѣнчаною» и ни въ какія метрическія книги бракъ ея незаписаннымъ.

Суть жалобы Дегтярева состояла въ слѣдующемъ (передаемъ въ извлеченіи подлинный текстъ ея, взятый изъ архивнаго дѣла): „..... 30 января 1852 г., я, Дегтяревъ, дочь свою Марью отдалъ въ замужество за казанскаго купеческаго сына Степана Степанова Мокѣева съ тѣмъ, чтобы они были обрачены въ казанской Ягодинской церкви, такъ какъ купецъ Мокѣевъ имѣетъ домъ въ приходѣ этой церкви. Въ доказательство согласія на такое условіе онъ, Мокѣевъ, пригласилъ ягодинскихъ священниковъ Петра Аквилянова и Николая Вальбуцкновскаго съ ризницею къ себѣ въ домъ для благословенія брачной вечери. Здѣсь означенные священники дѣлали новобрачнымъ поздравленія съ законнымъ бракомъ, что и увѣрило его, Дегтярева, что дочь его обрачена. Свидѣтелями сего были приглашенные на брачную вечерю гости: Алексѣй Яковлевичъ Рыжаковъ, Иванъ Михайловичъ Ложкинъ, Ѳерапонтъ Владиміровичъ Серебренниковъ, его жена Анна Ивановна, Степанъ Герасимовичъ Медвѣдевъ, съ женою Устиньею Никитишною, сыномъ Михаиломъ Степановичемъ и женою сего послѣдняго Екатериною Андреевною, Яковъ Викуловичъ Жаровъ и Павелъ Порфирьевичъ Лобашевъ, съ женою Пелагеею Максимовной. Когда-же дочь его Марья разрѣшилась отъ бремени сыномъ Иваномъ, то онъ, Дегтяровъ, не знаетъ. кѣмъ крещенъ и гдѣ по смерти отпѣтъ и погребенъ сей младенецъ, а Марья, послѣ родовъ, съ согласія мужа ея, взята имъ къ себѣ въ домъ, гдѣ и открылся обманъ свекра ея, купца Мокѣева. Дочь объявила, что она съ сыномъ Мокѣева, Степаномъ, не вѣнчана, а черезъ нѣсколько времени къ сему присовокупила, что она въ домѣ свекра „перекрещена“ Исполнить это надъ собою допустила по стѣсненной жизни и угрозамъ свекра и свекрови Перекрещиваніе совершено 23 марта, черезъ два почти мѣсяца послѣ свадьбы, въ домовой молельнѣ Мокѣевыхъ, духовникомъ ихъ, казанскимъ мѣщаниномъ Ларіономъ Сергѣевымъ Плаксинымъ. Крестнымъ отцомъ ея былъ крестьянинъ гг. Шереметевыхъ, села Юрина (Васильсурскаго уѣзда), Алексѣй Васильевъ Стешевъ, а крестною матерью—казанская купчиха Татьяна Ѳедотова Мыльникова, а какія-то молитвы при этомъ случаѣ читала казанская мѣщанка Аграфена Зиновьева Забѣлина. Во время сего крещенія дочь его, Марья, простудясь отъ холодной воды, сдѣлалась больною. Такое поруганіе обряда православной церкви, совершенное надъ его дочерью, онъ, Дегтяревъ, считаетъ безчестнымъ, почему и проситъ, для пресѣченія таковаго беззаконія и удержанія Мокѣева отъ обмановъ, произвести разслѣдованіе...»

По жалобѣ Дегтярева поручено было священнику Евдокіинской церкви Алексѣю Петровичу Самосатскому произвести строжайшее дознаніе. Изъ дознанія выяснилось, какъ донесъ Самосатскій консисторіи, что женихъ и невѣста суть раскольники, а потому консисторія постановила переслать все дѣло въ казанское губернское правленіе, на основаніи узаконеній, по которымъ ни о совершенныхъ раскольниками бракахъ, ни о крещеніи ихъ, ни о погребеніи умершихъ—духовное начальство входить не должно. Губернское правленіе заключило признать дѣло сіе подлежащимъ судебному разсмотрѣнію министерства внутреннихъ дѣлъ, куда, съ своимъ заключеніемъ, и внесло его черезъ начальника губерніи.

Министръ внутреннихъ дѣлъ, находя съ своей стороны, что дѣло это содержитъ въ себѣ оглашеніе въ обманѣ и совращеніе въ расколъ, а потому подлежитъ, по строжайшемъ изслѣдованіи, разсмотрѣнію уголовнаго суда,—призналъ нужнымъ произведенное уже изслѣдованіе дополнить въ гражданскомъ вѣдомствѣ, и объ этомъ заключеніи сообщилъ святѣйшему синоду. По предложенію синодальнаго оберъ-прокурора, генералъ-адъютанта графа Протасова, синодъ, разсмотрѣвъ дѣло, заключилъ, что по объявленію, сдѣланному Петромъ Андріановымъ Дегтяревымъ о подлогѣ, употребленномъ при совершеніи брака дочери его, изслѣдованіе таковаго подлога, какъ совершившагося между свѣтскими лицами, надлежало епархіальному начальству, на точномъ основаніи существующихъ узаконеній, представить гражданскому начальству, а потомъ святѣйшій синодъ опредѣлилъ: слѣдствіе, произведенное въ духовномъ вѣдомствѣ, признать недѣйствительнымъ и просить произвести по сему предмету новое строжайшее изслѣдованіе черезъ благонадежныхъ лицъ, при депутатѣ съ духовной стороны, назначенномъ мѣстнымъ епархіальнымъ начальствомъ, а потому министръ внутреннихъ дѣлъ и поручилъ производство слѣдствія по сему предмету состоящему при министерствѣ коллежскому совѣтнику Мельникову.

Андрей Печерскій прибылъ въ Казань.

Павлу Ивановичу Мельникову Казань была хорошо извѣстна *). Здѣсь воспитывался онъ въ университетѣ (1834—1837 гг.) и сюда пріѣзжалъ потомъ, въ качествѣ чиновника особыхъ порученій, чтобы запечатать «Коровинскую часовню»—мѣсто Богослуженія старообрядцевъ, пріемлющихъ священство. Но тогда никто здѣсь не замѣтилъ чиновника Мельникова, кромѣ «часовенныхъ», на которыхъ Павелъ Ивановичъ нагналъ порядочную панику. Еще менѣе казанцы подозрѣвали, что изъ этого чиновника, ѣздившаго по Заволжью упразднять старо-

*) См. „Заволжскую Вивліоѳику“ Выпускъ I Казань 1887 г., стр. 36.

обрядческіе скиты и часовни, выйдетъ въ очень скоромъ времени столь извѣстный «Андрей Печерскій». И дѣйствительно, съ появленіемъ въ 1852 году его повѣсти: *Красильниковы*, (*) подписанной названнымъ псевдонимомъ, въ русской прессѣ всюду заговорили, что Павелъ Ивановичъ замѣчательный литераторъ; въ особенности въ большомъ восторгѣ были наши казанцы, вспомнивъ, что авторъ *Красильниковыхъ* питомецъ здѣшняго университета. Повѣсть Андрея Печерскаго обратила на себя вниманіе лучшихъ людей литературы того времени, поэтому вѣсть о пріѣздѣ въ Казань не Мельникова, а Андрея Печерскаго, быстро распространилась среди мѣстной интеллигенціи.

— Слышали? Авторъ *Красильниковыхъ* въ Казани!—говорилъ одинъ учитель словесности молодому профессору университета.

— Не только слышалъ, а даже былъ у него съ визитомъ.

— Эдакій вы счастливецъ! Ну что? Какъ? Какое впечатлѣніе вынесли?

— Пренепріятное? Я отправился къ Павлу Ивановичу, конечно, не какъ къ чиновнику Мельникову, а какъ къ Андрею Печерскому, автору *Красильниковыхъ*... Прихожу и вижу: въ передней стоитъ навытяжку жандармъ, далѣе другой. Самъ Павелъ Ивановичъ сидѣлъ въ роскошномъ кабинетѣ, развалясь въ креслѣ, и съ видомъ „юпитера олимпійскаго» распекалъ какую-то плачущую старуху, повидимому, старовѣрку, которая, насколько можно было понять изъ ея словъ, ходатайствовала о возвращеніи ей древней иконы, благословенія родителей, конфискованной Мельниковымъ во время разгрома «Коровинской часовни". —Представьте теперь мое неловкое положеніе: когда я шелъ къ этому литератору, всѣ мысли мои погружены были въ идеальный міръ художественныхъ образовъ и эстетическихъ красотъ... и вдругъ—такая обстановка, такая сцена!...

Павелъ Ивановичъ занималъ два лучшихъ номера въ гостинницѣ Акчурина, на Воскресенской улицѣ. Сдѣлавши визиты городскимъ властямъ, слѣдователь приступилъ къ порученному ему дѣлу.

Но дѣло оказалось порядочно запутаннымъ. Со времени подачи Дегтяревымъ жалобы въ консисторію по день пріѣзда въ Казань министерскаго чиновника прошло около трехъ лѣтъ. Въ этотъ промежутокъ времени нѣкоторыя прикосновенныя къ дѣлу лица умерли, другія—запамятовали то, въ чемъ заклю-

*) Сюжетомъ повѣсти: *Красильниковы* послужилъ автору чебоксарскій купецъ Яковъ Тимофеевичъ Крашенинниковъ и его семья. Андрей Печерскій, будучи студентомъ казанскаго университета, часто останавливался въ домѣ этого купца, проѣзжая черезъ Чебоксары въ Нижній, на каникулы

чалась „суть дѣла“. Степанъ Степановичъ Мокѣевъ изъ боязни, чтобы судьи не разлучили его съ красавицей женой, согласился обвѣнчаться съ него въ казанской четырехъ-евангелистовской единовѣрческой церкви, тайно отъ своихъ родителей, что и совершилось 14 апрѣля 1854 года.

Первою Мельниковъ привлекъ къ допросу героиню всего этого дѣла, Марію Петровну. Та въ слезы.

— Не въ рекруты ведутъ, чего боишься, дурочка!—уговаривалъ ее отецъ.

Но за молодую женщину вступилась ея мать:

— Ты одно вспомни, Петръ Андріановичъ!—говорила Дегтяреву жена:—Вѣдь, это тотъ самый Мельниковъ, который разорилъ у насъ „Домъ Пресвятыя Богородицы“ (*).

Присланному жандарму скучно было слушать длинныя пререканія Дегтяревыхъ и слезы собравшихся бабъ. Онъ сталъ требовать, чтобы торопились.

— Я самъ отправлюсь съ ней,—заявилъ мужъ Маріи Петровны.

Слова его успокоили разомъ всѣхъ. Марія Петровна отерла слезы, одѣлась и вмѣстѣ съ мужемъ, въ сопровожденіи жандарма отправилась къ «Андрею Печерскому».

Въ кабинетѣ Павла Ивановича сидѣлъ казанскій городской голова, коммерціи совѣтникъ Онисимъ Кирилловичъ Месетниковъ. Онъ пріѣхалъ заплатить визитъ министерскому чиновнику, но съ визитомъ соединена была и другая цѣль: дочь головы Татьяна Онисимовна, по-мужѣ Дегтярева, приходилась родственницей „нашей героинѣ“, поэтому въ посѣщеніи городскимъ головою Мельникова заключалась и дипломатическая нотка... Впрочемъ, Онисимъ Кирилловичъ не сочуствовалъ процессу, называя его «кляузой» со стороны Петра Андріановича Дегтярева. Мельниковъ былъ того-же мнѣнія.

Когда уѣхалъ городской голова, начался допросъ Маріи Петровны, показаніе которой въ существенныхъ чертахъ записано рукою слѣдователя въ подлинномъ архивномъ дѣлѣ такъ:

„..Дочь Петра Андріановича Дегтярева, Марія Мокѣева, подтверждая во всемъ жалобу своего отца, дополнила, что отецъ отдавалъ ее за Мокѣева съ тѣмъ условіемъ, чтобы она была вѣнчана въ церкви. Во время бытности ея въ невѣстахъ, женихъ всегда увѣрялъ ее, что они будутъ вѣнчаны въ церкви. Передъ свадьбою за нею пріѣхали: дружка Стахѣевъ и замужнія сестры жениха—Прасковья и Ѳедосья, съ которыми она, невѣста, и поѣхала, думая, что везутъ ее въ церковь; но вмѣсто того привезли ее въ домъ Мокѣева, гдѣ былъ и женихъ.

*) Коровинскую часовню.

ея. Такъ какъ въ домѣ этомъ, наверху, была моленная, то отвели ее туда, и отецъ жениха, Степанъ Яковлевичъ Мокѣевъ, сталъ вѣнчать ихъ При этомъ, хотя она и говорила, что условіе было вѣнчаться въ церкви, но Мокѣевы уговорили ее не противиться, увѣряя, что это все равно и что въ церковныхъ книгахъ бракъ будетъ записанъ и что отецъ ея, Дегтяревъ, объ этомъ не узнаетъ Будучи молода и неопытна, не имѣя надлежащаго духовнаго и нравственнаго назиданія, она не поняла важности того, къ чему ее уговаривали, а любовь ея къ жениху, полное довѣріе къ нему, какъ къ человѣку, который черезъ часъ будетъ мужемъ ея, и совершенное незнаніе дѣлъ церковныхъ и гражданскихъ,—были причиною того, что она согласилась на вѣнчаніе ея по обряду поморскому, совершенному Степаномъ Яковлевымъ Мокѣевымъ. Онъ читалъ передъ ними молитвы и накладывалъ имъ на головы иконы; но вкругъ аналоя не обводилъ. При этомъ случаѣ были только домашнія Мокѣева, т. е. жена его Акулина Максимовна, дочь ихъ дѣвица Евдокія, и двѣ замужнія дочери: Прасковья и Ѳедосья, съ которыми она пріѣхала, дружка Стахѣевъ и зять Мокѣева Кондратій Чирковъ; другихъ-же никого она, Марья, не замѣтила. Послѣ вѣнчанія былъ ужинъ, за которымъ, кромѣ названныхъ выше домашнихъ лицъ, никого постороннихъ не было. На другой день дѣлала съ мужемъ визиты къ ея родителямъ и роднымъ и другимъ лицамъ и вездѣ ихъ поздравляли съ законнымъ бракомъ. Въ праздникъ Срѣтенія, 2 февраля, были на вечерѣ у купца Степана Герасимовича Медвѣдева, въ его домѣ на Булакѣ *), гдѣ тоже ихъ всѣ поздравляли, а 3-го февраля былъ вечеръ у Мокѣевыхъ. Причемъ ей строго запрещали свекръ и жена его говорить о «вѣнчаніи», а также и мужъ совѣтывалъ ей молчать объ этомъ, исполняя въ этомъ случаѣ волю родителей. Любя своего мужа, она не говорила никому того, что ей запрещали. Вышедши такимъ образомъ замужъ за любимаго человѣка, она первое время пользовалась полнымъ расположеніемъ и вниманіемъ его родителей и не слыхала отъ нихъ никакого грубаго слова. Но когда наступилъ Великій постъ, свекровь стала сначала слегка, а потомъ настойчиво—говорить, чтобы она, Марья, «исправилась», то-есть вступила въ ихъ поморское общество. Мужъ, изъ повиновенія родителямъ, говорилъ ей о томъ-же; но она не соглашалась. Тогда свекръ и свекровь стали уже стращать ее разными угрозами, которыя—косвеннымъ образомъ дѣйствовали и на мужа ея, поэтому и онъ уговаривалъ ее исполнить волю родителей его. Она всетаки цѣлый мѣсяцъ не солгашалась, борясь сама съ со-

(*) Нынѣ домъ Патрикѣева, на лѣвой набережной Булака

бою и, не смѣя въ тоже время разсказать про все отцу своему родному, ибо, зная рѣшительный характеръ его, она опасалась, какъ-бы отецъ не взялъ ее домой, оторвавши отъ милаго ей человѣка, хотя и крайне безхарактернаго Степана Степановича.

Наконецъ, привязанность къ мужу и желаніе вывести его самого изъ того невыносимаго положенія, въ какомъ находился онъ, терпя отъ родителей ежедневныя угнетенія,—она приняла предложеніе и 23 марта 1852 года ее „перекрестили“ въ моленной Мокѣева. Крестилъ ее ночью наставникъ поморской секты Ларіонъ Сергѣевичъ Плаксинъ; воспреемниками были: Алексѣй Васильевичъ Стешевъ и купчиха Татьяна Ѳедотовна Мыльникова; при этомъ были также: свекръ, свекровь, золовка ея Авдотья Степановна и мѣщанская дѣвушка Аграфена Зиновьевна Забѣлина, которая помогала Плаксину, читая за дьячка Вода была холодная и она Марья Мокѣева, какъ отъ простуды, такъ и отъ сильнаго душевнаго волненія (ей дано было новое имя), сдѣлалась на другой день больна и четыре дня пролежала въ постели въ жару и безъ памяти. И хотя она нѣсколько оправилась, но долго ее мучила совѣсть, что сдѣлала такой страшный грѣхъ, принявъ противъ воли и желанія вторичное крещеніе. Впрочемъ, при совершеніи надъ нею этого обряда, на нее напалъ такой ужасъ, что она совсѣмъ почти потеряла въ то время сознаніе и очень смутно понимала то, что съ нею дѣлали.... Однако, и послѣ „перекрещенія“ положеніе ея въ домѣ Мокѣевыхъ нисколько не улучшилось, хотя она жила смиренно, покорно подчиняясь всѣмъ принятымъ въ домѣ порядкамъ и обычаямъ.

Старики боялись, чтобы она не высказалась передъ своимъ родителемъ о томъ, во-первыхъ, что ее вѣнчали не въ церкви, и во-вторыхъ, о томъ, что ее «перекрестили»,—поэтому не пускали ее къ нимъ въ домъ, и когда она сдѣлалась больною, родителямъ ея не дали даже знать объ этомъ. Все это она терпѣливо перенесла, любя своего мужа, хотя часто задумывалась надъ своею жизнію и въ такіе часы особенно сильно совѣсть щемила ей сердце. Ей было тяжело сознавать и то, что ея бѣдные родители, отецъ и мать, такъ страстно ее любившіе и изъ любви къ ней рѣшившіеся выдать ее въ семью чуждыхъ имъ по вѣрѣ людей,—остаются до сихъ поръ обманутыми.... Много разъ она совѣтывалась съ мужемъ своимъ, прося его отдѣлиться отъ отца, но мужъ уговаривалъ ее потерпѣть еще немного, и такъ шли дни за днями. Наконецъ, она разрѣшилась отъ бремени сыномъ. Гдѣ и когда крестили ея ребенка, она не знаетъ а ей сказали только, что его зовутъ «Иваномъ», и больше ничего. Послѣ родовъ она заболѣла горячкою и очень долго не видѣла своего сынка и не знала, кто кормилъ его. Мужъ во-все время ея болѣзни не отходилъ почти отъ ея кровати, ока-

зывая ей самое нѣжное вниманіе и ласки, но это стоило ему большихъ непріятностей: старуха мать злилось и ворчала на него за то, что такъ сильно пекся о женѣ и не оставлялъ ее одну. Много, очень много претерпѣлъ онъ отъ стариковъ, и особенно отъ матери своей, за его привязанность и любовь къ женѣ.. По выздоровленіи, она не была уже въ силахъ сносить притѣсненій отъ Мокѣевыхъ и съ согласія и разрѣшенія мужа ушла въ домъ своихъ родителей *) съ тѣмъ, чтобы не возвращаться въ мокѣевскій домъ...»

Мы не станемъ утруждать вниманіе читателя выписками изъ «дѣла» многочисленныхъ свидѣтельскихъ показаній, въ которыхъ рѣзко различались одинъ отъ другого два направленія: сторонники стариковъ Мокѣевыхъ, принадлежавшіе къ одному съ ними религіозному согласію, показывали въ пользу ихъ, а другая часть свидѣтелей, сочувствовавшая сторонѣ Дегтяревыхъ, держала руку этихъ послѣднихъ.

При произведенномъ съ домѣ Мокѣева обыскѣ найдены разныя старопечатныя книги, рукописные духовные сборники и цвѣтники. Кромѣ множества старинныхъ иконъ, украшавшихъ углы почти всѣхъ комнатъ, имѣлись литографированные портреты старообрядческихъ отцовъ и „страдальцевъ за вѣру»: Аввакума Петровича, Никиты Константиновича, Андрея Денисовича (кн. Мышецкаго), Данилы Викулича, Мануила Петровича, игумении Соломоніи Денисьевны (сестры Андрея Мышецкаго) и Павла епископа коломенскаго, сосланнаго при Алексѣе Михайловичѣ за отказъ подписать соборное проклятіе на употребляющихъ двуперстіе и потомъ сожженнаго въ срубѣ. Всѣ эти вещи: книги, иконы и портреты, а также кадильницы съ рукоятками, лѣстовки, подручники, желтаго воска свѣчи и ладонъ,—были конфискованы и увезены полиціей въ духовную консисторію (см. листъ 150-й «дѣла»).

Результатомъ произведеннаго слѣдствія явилось слѣдующее судебное постановленіе, приводимое нами подлинникомъ изъ архивнаго дѣла:

«Казанскій городовой магистратъ мнѣніемъ своимъ, состоявшимся 23 марта 1856 года, постановилъ: 1) казанскаго купца Степана Яковлева Мокѣева, жену его Акулину Максимовну и сына Степана, по предмету повѣнчанія Марьи Дегтяревой по-старообрядчески, противу воли ея и согласія родите-

*) Деревянный, въ три окошка на улицу, съ маленькимъ мезониномъ, на верху, домъ Петра Андріановича Дегтярева цѣлъ до настоящаго времени. Онъ находится на правой сторонѣ Булака, у моста, противъ второй гимназіи, и принадлежитъ теперь стекольщику Соловьеву. Въ этомъ домѣ родилась и выросла Марья Петровна, по-Печерскому—Гавриловна, и оттюда-же выходила она замужъ за Мокѣева

лей, а равно и по предмету принужденія перекреститься въ ихъ поморскую секту, на основ. 1169, 1, 176 ст. XV тома Св. Зак. Угол. и 97 ст. Уложенія, какъ не сознавшихся и не уличенныхъ отъ суда по сему дѣлу, освободить; 2) Прочихъ оговоренныхъ Дегтяревыми казанскихъ мѣщанъ: Ларіона Козмина Плаксина, Елисея Кузьмина, Степана Степанова Стахѣева, жену его Ѳедосью Степанову, Татьяну Ѳедотову Мыльникову, Аграфену Зиновьеву Забѣлину, Парфена Иванова Камедина, Прасковью Степанову Чиркову—по несознанію и недоказательству ни въ какомъ преступленіи по тѣмъ-же 1169, 1, 176 ст. XV т. и 97 ст Улож, отъ суда по сему дѣлу освободить; 3) мѣщанину Дегтяреву и его дочери предоставить право доказывать свою претензію отъ дѣла сего особо съ ясными доказательствами; 4) обстоятельство, относящееся до повѣнчанія Степана Мокѣева съ Марьею Дегтяревой по-старообрядчески за состояніемъ ихъ издавна въ расколѣ оставить безъ преслѣдованія; 5) купеческаго сына Степана Степанова Мокѣева, изъявившаго желаніе присоединиться къ православной церкви безусловно, отослать въ казанскую духовную консисторію для надлежащаго съ ея стороны въ отношеніе его распоряженія, и 6) издержанныя чиновникомъ особыхъ порученій при г. министрѣ внутреннихъ дѣлъ Мельниковымъ, во время производства по сему предмету слѣдствія, деньги 784 р, 50 к. сер. по неоткрытію виновныхъ принять на счетъ казны.

Опись съ дѣломъ повѣрялъ столоначальникъ Кіаксаровъ и недостатковъ въ ней нѣтъ.

Законами повелѣно: тома XIV уст. гражд. и проч. преступленія статьею 60·

Раскольники не преслѣдуются за мнѣнія ихъ о вѣрѣ: но запрещается имъ совращать и склонять кого-либо въ расколъ свой; подъ какимъ-бы то видомъ ни было, чинить какія-либо дерзости противу православной церкви или противу ея священно-служителей и вообще уклоняться почему-либо отъ наблюденія общихъ правилъ благоустройства, законами опредѣленныхъ.

Ст. 92· полиція не должна входить въ частныя ссоры и несогласія между супругами; въ случаѣ-же преступленія уголовнаго обязана, сообразуясь съ законами, производить слѣдствіе и передавать дѣло суду.

Если случилось что судебными приговорами, по упомянутымъ взысканіямъ учиненными, никто виновнымъ признанъ не былъ, то и о семъ судебныя мѣста увѣдомляютъ казенныя палаты, а сіи, получивъ таковыя увѣдомленія, деньги, по означеннымъ взысканіямъ употребленныя, записываютъ въ невозвратный расходъ, исключая оный изъ недоимокъ, установленнымъ порядкомъ. Сія записка изъ дѣла составлена правильно, при-

личные законы списаны всѣ и болѣе приличныхъ законовъ по сему дѣлу нѣтъ, въ чемъ и подлежу отвѣтственности по законамъ за всякую неправильность. Секретарь Октаевъ.

Приказали: Изъ дѣла сего видно: казанскій мѣщанинъ Петръ Дегтяревъ жаловался сперва въ сентябрѣ 1853 года казанскаму преосвященному, а потомъ и г. министру внутреннихъ дѣлъ; а,) что дочь его Марья, отданная въ замужество въ январѣ 1852 года за сына казанскаго купца Степана Яковлева Мокѣева, съ условіемъ вѣнчаться въ православной церкви, вѣнчана съ нимъ не была и бракъ совершенъ по обряду поморскому: б) что послѣ она, Марья, по притѣсненію Мокѣевыхъ перекращена была въ туже поморскую секту, в) что рожденный отъ нея сынъ былъ также крещенъ и по смерти его погребенъ по обрядамъ той-же секты, и г) что мужъ ея Марьи сынъ Мокѣева теперь не признаетъ ея своею женою и получилъ паспортъ съ званіемъ холостъ, тогда какъ въ купеческихъ свидѣтельствахъ, выданныхъ Мокѣеву, дочь Дектярева значилась женою сына Мокѣева, Степана, и на брачной вечери, бывшей у Мокѣева, всѣ поздравляли ихъ съ законнымъ бракомъ, въ томъ числѣ и два приходскіе священника, тамъ-же бывшіе для благословенія вечери. Но по произведеннымъ изслѣдованіямъ, сперва по распоряженію преосвященнаго архіепископа Григорія (*) черезъ духовныхъ лицъ, при депутатѣ съ градской стороны, а потомъ по распоряженію г министра внутреннихъ дѣлъ, чрезъ состоящаго при томъ министерствѣ коллежскаго совѣтника Мельникова, при депутатѣ съ духовной стороны и ратманѣ городового магистрата, изъясненная жалоба мѣщанина Дегтярева не подтвердилась и обнаружено: 1) что во время соединенія дочери Дегтярева съ сыномъ Мокѣева, т. е. въ январѣ 1852 года, всѣ они состояли въ расколѣ, а именно Дегтяревъ съ семействомъ поповщинской секты, въ каковую, какъ самъ онъ при допросѣ сознался, отпалъ отъ православія, женившись въ 1826 г. на раскольницѣ, и Мокѣевъ съ семействомъ поморской секты, въ которой, по его показанію, состоитъ со дня рожденія, хотя вѣнчанъ былъ въ 1824 году въ единовѣрческой церкви четырехъ-евангелистовъ, находящейся въ г. Казани, но безъ обязанности неуклонно пребывать въ той церкви; 2) что при такомъ соединеніи дочери Дегтярева съ сыномъ Мокѣева между ними никакого письменнаго условія вѣнчаться въ церкви не было и Дегтяревымъ отпущена была дочь къ Мокѣеву съ одними родными Мокѣевыхъ безъ поѣзжанъ, каковыми обыкновенно бываютъ изъ посторонніхъ, по сему и бракъ ихъ былъ совершенъ скрытно, по своимъ обрядамъ, только

*) Григорій Постниковъ, впослѣдствіи митрополитъ с.-петербургскій (ум. 1860 г.).

въ присутствіи родныхъ Мокѣева, въ отдаленной комнатѣ, на чердакѣ, какъ объясняетъ самъ Мокѣевъ, потому что въ нижнихъ комнатахъ были сторонніе люди, слѣдовательно, безъ постороннихъ свидѣтелей и безъ всякой огласки; 3) что съ того времени Марья Дегтярева, живя въ домѣ Мокѣева, именовалась женою сына его Степана и значилась при полученіи Мокѣевыми купеческихъ свидѣтельствъ, выданныхъ 20 декабря 1853 года и 21 декабря 1853 г. наконецъ и въ 1855 г., при слѣдслѣдствіи, признавали ее, Марью, отецъ и мать Мокѣевы невѣсткою, а сынъ ихъ Степанъ своею женою, произвольно отъ нихъ удалившеюся и невозвратившеюся, не смотря на многократныя просьбы мужа. Въ чемъ главнѣйше признаютъ они, Мокѣевы, виновнымъ отца ея Дегтярева, который, домагаясь того, что она, Марья, съ мужемъ была отдѣлена отъ семейства Мокѣевыхъ, успѣлъ возмутить ее къ тому; въ паспортѣ-же, выданномъ сыну Мокѣева 22 іюля 1853 года (въ полученіи котораго росписывался отецъ Мокѣева), названъ холостымъ, какъ объясняютъ Мокѣевы, по ошибкѣ, произшедшей вслѣдствіе того, что этотъ паспортъ писанъ былъ съ прежняго, въ коемъ онъ значился, какъ и дѣйствительно тогда былъ, еще холостымъ; 4) что Дегтяревъ началъ дѣло сіе въ показанное время, т. е. черезъ 1 годъ и 8 мѣсяцевъ послѣ означеннаго брака дочери, вслѣдствіе изясненнаго семейнаго раздора, взявъ къ себѣ дочь Марью и получа назадъ приданое ея за росписку, данною Мокѣеву того-же 1853 года іюля 7, въ которой между прочимъ значится, что сію росписку онъ далъ, не доводя до судебнаго мѣста, въ чемъ и претендовать не будетъ, а далѣе сказано: «невѣнчанный бракъ за законъ не почитаю». Послѣ, а именно 14 февраля 1853 года, Дегтяревъ присоединился къ православію, на условіяхъ единовѣрія, потомъ и дочь его Марія, живя уже у отца, присоединена къ православію на тѣхъ-же условіяхъ единовѣрія 12 февраля 1855 года, дотолѣ-же она всегда состояла въ расколѣ, и чтобы она была перекрещиваема по образцамъ поморской секты, когда находилась въ домѣ Мокѣева, сего точно и ясно ничѣмъ не доказано, хотя-же имѣется въ дѣлѣ показаніе наставника поморско ѳедосѣевской секты Ларіона Плаксина, что ее, Марью, перекрещивалъ другой наставникъ Елисѣй Кузьминъ, а самъ онъ, Плаксинъ, крестилъ только сына Петровой, внука Мокѣева, но это показаніе, несознанное Кузьминымъ и само по себѣ разнорѣчащее показанію Марьи Петровой, не имѣетъ никакой достовѣрности; 5) что касается родныхъ и гостей, бывшихъ на брачной вечери и поздравлявшихъ дочь Дегтяреву и сына Мокѣева съ законнымъ бракомъ, то объясняется, что они, не бывъ при обрядѣ бракосочетанія новобрачныхъ, считали ихъ вѣнчавшимися въ церкви, тѣмъ болѣе, что здѣсь на вечери видѣли и двухъ приходскихъ свя-

щенниковъ, также поздравлявшихъ съ законнымъ бракомъ, но священники однако этого не подтвердили. Впрочемъ, до какой степени уважительны объясненія тѣхъ священниковъ о причинѣ бытности ихъ на раскольнической брачной вечери и почему они не донесли своему начальству о совершившемся у Мокѣева бракѣ, это обстоятельство принадлежитъ особому разсмотрѣнію духовной власти, какъ и сказано въ послѣдовавшемъ уже по сему дѣлу заключеніи святѣйшаго синода, разсмотрѣть это по рѣшенію дѣла свѣтскимъ судомъ, и 6) между-же тѣмъ Марія Дегтярева на вопросъ слѣдователя, желаетъ-ли она снова сойтись съ мужемъ, — показала, что, любя своего мужа, который и самъ любитъ ее и жилъ съ ней хорошо, она желала-бы съ нимъ законно обвѣнчаться и жить вмѣстѣ, онъ ни въ чемъ не виноватъ. Отецъ же Мокѣева, на вопросъ: желаетъ ли онъ, чтобы сынъ его обвѣнчался съ Маріей Петровой въ церкви, такъ какъ бракъ ихъ незаконенъ? отозвался, что, признавая совершонный бракъ законнымъ, онъ не хочетъ чтобы бракъ былъ совершонъ въ церкви, не можетъ также и принять ее въ домъ потому, что отецъ ея подавалъ на него просьбу и началось дѣло, но воли съ сына своего не снимаетъ, если онъ хочетъ, пусть обвѣнчается съ нею законно въ церкви и живетъ съ нею. Затѣмъ сынъ Мокѣева, Степанъ, въ показаніи отобранномъ слѣдователемъ 12 марта 1855 года, отозвался: а) что онъ признавалъ и теперь признаетъ Марію Петровну своею женою, но ея дѣло было оставить его и потому обвѣнчаться съ нею не можетъ до того, когда правительство ихъ разберетъ, и б) что онъ церковью не пренебрегаетъ и самъ желаетъ присоединиться къ святой церкви безусловно и пребывать въ ней неуклонно. О таковомъ желаніи его Степана Мокѣева, присоединиться къ святой церкви слѣдователь сообщилъ 15 того-же марта на распоряженіе г. начальника губерніи, а его превосходительство 16 того-же марта отнесся къ епископу Никодиму, викарію казанской епархіи, для надлежащихъ со стороны его распоряженій. Потомъ, въ особомъ объясненіи, поданномъ слѣдователю, коллежскому совѣтнику Мельникову, купеческій сынъ Степанъ Мокѣевъ 15 того-же марта написалъ, что такъ какъ со стороны Маріи Петровой возведена на него и родителей его клевета и при томъ отецъ ея при личной просьбѣ о возвращеніи ея, Марьи, выгналъ его, Степана, сказавъ: «нѣтъ тебѣ жены» и послѣ, взявъ приданое ея, поносилъ всячески и говорилъ, что его дочь не жена ему, то теперь брать ее и вѣнчаться не можетъ, какъ и любви къ ней такой, какую питалъ прежде, уже не имѣетъ за всѣ тѣ поступки. Дегтяревы и Мокѣевы при послѣднемъ спросѣ слѣдователя 24 того-же марта отозвались: первые желаютъ чтобы бракъ былъ освященъ въ церкви, а послѣдніе, что не желаютъ сего и къ тому отецъ и

мать Мокѣевы присовокупили: «благословенный нашъ родительскій бракъ почитаемъ и къ второму приступить не смѣемъ, здѣсь разумѣется бракъ сына Степана съ Марьею Петровной; о вѣнчаніи въ церкви воли отъ нихъ не отъемлемъ». На повальномъ обыскѣ поведеніе Дегтяревыхъ и Мокѣевыхъ одобрено и, по справкамъ, оказался только одинъ Мокѣевъ бывшимъ подъ судомъ въ 1830 году по оговору, что онъ бѣглый солдатъ, но по рѣшенію уголовной палаты учиненъ свободнымъ отъ суда по непризнанію и недоказательству его въ томъ. Изъ таковыхъ обстоятельствъ дѣла сего уголовная палата находитъ: оглашеніе мѣщанина Петра Дегтярева а) въ обманѣ его при выходѣ дочери Марьи въ замужество за купеческаго сына Мокѣева, тѣмъ, что она осталась невѣнчанною въ церкви, и б) въ совращеніи ея потомъ въ расколъ, будто-бы по притѣсненію Мокѣевыхъ оказывается неосновательнымъ, ибо для перваго, т. е. для вѣнчанія брака въ церкви имъ самимъ Дегтяревымъ, состоявшимъ тогда, какъ и Мокѣевъ, въ расколѣ, не было соглашено и соблюдено правилъ, предписанныхъ для сего въ 30 ст. св. зак. гражд. т. X, а напротивъ та дочь его была имъ отпущена къ Мокѣевымъ безъ всякихъ существующихъ при православныхъ бракахъ обрядовъ, посему нынѣ, за силою 60 ст. XIV т. уст. пред и пресѣч. пр, невозможно входить ни въ разсмотрѣніе допущеннаго соединенія дочери Дегтярева съ сыномъ Мокѣева по обрядамъ раскола, ни въ преслѣдованіе за мнѣніе ихъ о вѣрѣ. Что-же относится до послѣдняго обстоятельства, т е. совращенія дочери его въ расколъ, то по дѣлу видно, что она, выходила въ замужество, какъ и рождена была, въ расколѣ, въ каковой отпалъ самъ отецъ ея, проситель Дегтяревъ, изъ православія, женившись на раскольницѣ, въ 1826 году; присоединеніе же къ православію, принятое на условіяхъ единовѣрія самимъ Дегтяревымъ въ 1853 году, когда онъ и дѣло сіе началъ, и означенною его дочерью Марьею въ 1855 году по разлукѣ уже съ мужемъ и когда началось сіе, есть само по себѣ доказательство того, что въ 1852 году, во время соединенія ея Марьи Дегтяревой съ сыномъ Мокѣева, они Дегтяревы не состояли въ православіи, слѣдовательно и относить къ Мокѣевымъ совращенія невозможно Но, разрѣшая эти главныя въ дѣлѣ обстоятельства, палата усматриваетъ еще слѣдующіе предметы: 1) что дочь Дегтярева, отлучившаяся отъ мужа своего Степана Мокѣева, желаетъ снова сойтись съ нимъ по освященіи брака ихъ въ церкви, чего главнѣйше и домогаются нынѣ Дегтяревы, и 2) что купеческій сынъ Степанъ Мокѣевъ не отвергаетъ того, что означенная Марія Петрова есть жена его; но не соглашается брать ее и вѣнчаться съ нею въ церкви по поступкамъ ея противъ него и родителей его, самъ между тѣмъ изъявилъ желаніе при-

соединиться къ святой церкви безусловно и пребывать въ ней неуклонно, о чемъ сдѣлано уже и сношеніе со стороны начальника губерніи съ епископомъ Никодимомъ, викаріемъ казанской епархіи. Но сообразивъ эти предметы съ законами (вышепривед. т. X ст. 30 и т. XIV ст. 92 и 315), палата не считаетъ себя въ правѣ входить въ разрѣшеніе ихъ, такъ какъ а) частыя ссоры и несогласія между супругами не принадлежитъ судебному разсмотрѣнію, б) браки раскольниковъ въ православной церкви совершаются только по желанію ихъ съ обязательствомъ быть въ православіи твердымъ и съ раскольниками согласія не имѣть, а бракъ правовѣрныхъ (къ числу коихъ нынѣ принадлежитъ Марія Дегтяревa) съ раскольниками допускаются не иначе, какъ по принятіи сими послѣдними съ церковью святой соединенія съ присягою Но для таковаго обращенія къ православію господствующая церковь не допускаетъ себѣ ни малѣйшихъ принудительныхъ средствъ, а поступаетъ по обряду проповѣди апостольской, а потому палата полагаетъ: 1) обстоятельство соединенія и разлуки мѣщанской дочери Маріи Дегтяревой съ купеческимъ сыномъ Степаномъ Мокѣевымъ, допущенныя по обрядамъ раскола, въ коемъ всѣ они состояли, за силою 60 и 315 ст. уст о предуп. и пресѣч. прест., оставить безъ преслѣдованія, 2) означенному купеческому сыну Степану Мокѣеву, изъявившему желаніе присоединиться къ православію (о чемъ сдѣлано уже сношеніе съ духовною властію) внушить, что бракъ его съ Марьею Петровою, какъ въ православномъ отношеніи для твердости и въ отвращеніе разврата, такъ и въ видахъ гражданскихъ для сохраненія законныхъ правъ дѣтямъ, требуетъ освященія и признанія его въ церкви по установленнымъ правиламъ, и что сего желаетъ жена его Марія Петрова, принявшая уже православіе и изъявляющая готовность примириться съ нимъ и жить вмѣстѣ, въ чемъ не отъемлютъ воли и родители его, Мокѣевы. О чемъ, къ свѣдѣнію и для надлежащаго увѣщанія Мокѣева при обращеніи его въ православіе, сообщить и казанской духовной консисторіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ сообщить на разсмотрѣніе той-же консисторіи и обстоятельство дѣла сего, касающееся приходскихъ священниковъ Ягодинской церкви, бывшихъ на раскольнической брачной вечери у Мокѣева; 3) какъ въ оглашаемомъ мѣщаниномъ Дегтяревымъ обманѣ о совращеніи дочери его Маріи ни означенный мужъ ея купеческій сынъ Степанъ Степановъ Мокѣевъ, ни отецъ его Степанъ Яковлевъ и мать Акулина Максимовна Мокѣева, никто изъ всѣхъ прочихъ привлеченныхъ къ отвѣтственности по сему дѣлу лицъ, поименованныхъ во 2 пунктѣ мнѣнія городового магистрата, какъ то: мѣщане Ларіонъ Плаксинъ, Елисей Кузьминъ, Степанъ Стахѣевъ, Ѳедосѣй Степановъ, Татьяна Мыльникова, Аграфена

Забѣлина, Прасковья Чиркова и Алексѣй Степевъ,—въ томъ не сознались, точно ясно не доказаны и не уличены, то всѣхъ ихъ, согласно мнѣнію того магистрата и на основаніи ст. 1169 св. зак. угол. т. XV, отъ суда освободить, и 4) затѣмъ издержанныя состоящимъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ коллежскимъ совѣтникомъ Мельниковымъ, по его исчисленію, на подъемъ 450 руб., на прогоны изъ С.-Петербурга до Казани и обратно, и разъѣзды для поѣздокъ изъ Казани въ пригородную слободу Ягодную 172 руб. 50 коп., суточныхъ и квартирныхъ, какъ неполучающему жалованья, съ 19 января по 19 апрѣля, за три мѣсяца 162 руб., а всего 784 руб. 50 коп., по неоткрытію виновныхъ, по силѣ 909 ст. св. зак угол. т. XV, зачислить въ невозвратный расходъ, исключа оныя изъ недоимки установленнымъ порядкомъ. О чемъ довести до свѣдѣнія г. начальника губерніи для представленія министерству внутреннихъ дѣлъ. Рѣшеніе сіе объявить мѣщанину Дегтяреву, дочери его Марьѣ, купцу Степану Мокѣеву, женѣ его Акулинѣ Максимовой и сыну ихъ Степану въ палатѣ и для сего вызвать ихъ сюда чрезъ казанскую градскую полицію по правиламъ 1350 ст. XV т. св. зак. угол. (по VI прод.), а о объявленіи всѣмъ прочимъ причастнымъ къ дѣлу лицамъ и для надлежащаго въ отношеніи ихъ исполненія послать указъ казанскому городовому магистрату и велѣть по исполненіи рапортовать. Но предварительно дѣло сіе съ рѣшительнымъ опредѣленіемъ представить на утвержденіе къ начальнику губерніи. Въ семъ опредѣленіи по почищенному написано: секты и заскоблено церкви Мокѣевъ и приписано съ условіемъ. За предсѣдателя и. д. товарища Писаревъ. Читалъ Анучинъ 24 іюля. Засѣдатель Котеловъ. Сіе опредѣленіе г. предсѣдатель Перцевъ, засѣдатели Андреевскій и Рязановъ не подписали за бытіемъ на вакантномъ времени, 13 іюля 1856 года".

Въ Казани еще существуютъ люди, состоящіе въ родствѣ съ домомъ Дегтяревыхъ, изъ котораго вышла Марья Петровна Мокѣева (по *Печерскому* Марья Гавриловна Масленникова); съ ними пишущему эти строки случалось не разъ бесѣдовать. Изъ распросовъ онъ получилъ о дальнѣйшей судьбѣ этой семьи слѣдующія свѣдѣнія.

Вскорѣ послѣ окончанія судебнаго процесса умеръ отецъ Маріи Петровны, Дегтяревъ, а еще немного спустя—ея мужъ Степанъ Степановичъ Мокѣевъ. Мать Марьи Петровны, строгая старообрядка, рѣшила уѣхать съ дочерью въ одинъ изъ старообрядческихъ скитовъ Семеновскаго уѣзда, уцѣлѣвшихъ отъ разгрома. Здѣсь проживала почитаемая даже въ Казани знаменитая мать Манеѳа, столь авторитетная игуменя Комаровскаго скита. Она изрѣдка пріѣзжала въ Казань и была близка купеческому дому Дегтяревыхъ. Въ ея скитѣ, въ от-

дѣльномъ домикѣ, и поселилась Марья Петровна съ своею матерью.

Павлу Ивановичу Мельникову приходилось бывать въ скитахъ, въ томъ числѣ и Комаровскомъ; въ немъ онъ встрѣтилъ старую знакомку, казанскую красавицу Марью Петровну. Назвавъ ее Марьей Гавриловной, онъ ввелъ ее въ рядъ героинь своего талантливаго литературнаго произведенія, столь извѣстнаго русскому читающему обществу, украсивъ біографію этой героини цвѣтами своей игривой фантазіи.

Ноябрь, 1890 г.

По поводу статьи: „Казанскій поэтъ Каменевъ".

Въ «Волжскомъ Вѣстникѣ» отъ 25 марта 1889 года № 76 напечатана статья неизвѣстнаго автора: *„Казанскій поэтъ Каменевъ»*; причемъ сказано, что статья взята изъ публичной лекціи П. А. Пономарева.

Не бывши на лекціи г. Пономарева, мы ничего о ней сказать не можемъ, но противъ того, что прочитали въ вышеупомянутой статьѣ о Каменевѣ, считаемъ долгомъ сдѣлать нѣкоторыя возраженія, а именно:

Предокъ Каменевыхъ хотя дѣйствительно былъ татарскій мурза (Макулъ), но ни откуда не видно, чтобы онъ принадлежалъ къ числу упорныхъ старовѣровъ и былъ живъ 27 мая 1722 года, т. е. во время пріѣзда въ Казань императора Петра Великаго, который, будто-бы освободивши крещенаго татарина-старообрядца изъ 20-лѣтняго заточенія, назвалъ его за упорство, или—какъ сказано въ статьѣ—за «твердость характера», *Каменевымъ*.

Намъ такое «историческое» показаніе кажется неосновательнымъ и вотъ почему:

Такъ какъ семейство поэта Гавріила Петровича Каменева находилось въ близкомъ родствѣ съ извѣстными въ Казани дворянскими домами: Апехтиныхъ, Горталовыхъ, Корсаковыхъ, Рубановыхъ и съ старинымъ купеческимъ домомъ Крупениковыхъ, то изъ ихъ фамильныхъ бумагъ и семейныхъ преданій о родѣ Каменевыхъ установилось слѣдующее представленіе:

«Предокъ Каменевыхъ былъ казанскій мурза, крещеный царемъ Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ, вскорѣ послѣ покоренія Казани. Причемъ новопросвѣщенный мурза получилъ изъ царскихъ рукъ двѣ иконы: 1) Образъ Спасителя, находящійся теперь въ домовой церкви Крупениковыхъ, и 2) Образъ Іоанна Предтечи (царскаго ангела), хранившійся у Гавріила Ивановича Горталова († 20 іюля 1885 г.) и находящійся въ настоящее время у его наслѣдниковъ». Показаніе это записано со словъ Г. И. Горталова.

Съ другой стороны, трудно повѣрить, чтобы Петръ Великій, всю свою жизнь боровшійся съ упорствомъ и живучестію московской старины, могъ погладить по головѣ ревнителя древняго благочестія за его приверженность къ русской старинѣ, а главное за принадлежность къ ненавистному для Петра національному культу. Если-бы авторъ сообщенія вздумалъ провѣрить приводимое имъ извѣстіе по изданнымъ историческимъ документамъ, то онъ несомнѣнно остановился-бы на вопросѣ: какимъ образомъ «великій преобразователь Россіи» въ маѣ 1722 года поощрилъ въ Казани старообрядца за упорство, назвавъ это упорство твердостью характера, и даже мужествомъ, и *въ томъ-же самомъ году*, за 2-3 мѣсяца до пріѣзда въ Казань, издалъ рядъ именныхъ указовъ о повсемѣстномъ и неумолимомъ преслѣдованіи старообрядцевъ? Въ одномъ изъ таковыхъ указовъ, между прочимъ, читаемъ: «... Многіе раскольники, хотя другія свои противности, которыя отправляться могутъ тайно, утаиваютъ, а которое тако отправляемо быть не можетъ, а именно—двуперстное креста изображеніе, что всякій присмотрѣть за ними можетъ, якобы неважную причину, не таятъ и объявляютъ и то есть противность и раскольнической-же прелести и подъ клятвою, того ради оное двоеперстное креста изображеніе всякихъ чиновъ людемъ изображать запретить, а кто послушанія не похощетъ, таковыхъ писать по указу въ расколъ и чинить объ нихъ, какъ и о прочихъ раскольникахъ опредѣлено, *безъ всякаго имъ за тое противность послабленія*»... Далѣе: «хотя на раскольниковъ записныхъ двойной окладъ и положенъ и они записывались, однакоже не для того, чтобы они свою раскольническую прелесть разсѣевать могли и другихъ учили, но токмо двойной окладъ на нихъ положенъ за то, что по *упрямству своему* обращаться ко святѣй церкви и въ соединеніи съ правовѣрными быть не хотятъ, того ради *всѣхъ раскольниковъ* обязать сказками, съ подтвержденіемъ лишенія имѣнія и ссылкою на галеры *)»... (См. указъ 28 февраля 1722 г.). Слѣдующіе указы этого года были для русскихъ старообрядцевъ еще тяжелѣе. Любопытные могутъ найти ихъ во 2 томѣ «Полнаго собранія постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія Россійской имперіи». (Спб. 1872 г., стр. 105).

Въ виду приведенныхъ соображеній, мы отрицаемъ *историческую достовѣрность* сообщенія автора о предкѣ Каменева, хотя-бы сообщеніе его исходило изъ публичной лекціи археолога.

Отецъ поэта, Петръ Григорьевичъ Каменевъ, родившійся 28 сентября 1740 года и умершій 12 октября 1776 года,—же-

*) Тогдашняя каторга.

нать былъ на дочери казанскаго купца Ивана Васильевича Крохина, Татьянѣ Ивановнѣ, умершей 36-ти лѣтъ отъ роду въ 1779 г. Она была, дѣйствительно, старообрядка и погребена на старообрядческомъ кладбищѣ Арскаго поля, вдали отъ мужа и сына, похороненныхъ въ оградѣ Кизическаго монастыря, въ двухъ верстахъ отъ Казани. Возлѣ надгробнаго камня Т. И. Каменевой находится могила отца ея, который, по словамъ купца И. А. Сухорукова, «былъ у Пугачева первымъ вельможей. Крохинъ жилъ въ собственномъ домѣ на Георгіевской улицѣ (теперь домъ купцовъ Шапабринныхъ) и содержалъ при домѣ молельню. Пугачевъ ходилъ къ нему въ молельню и въ баню (см. Каз. Губ. Вѣд. 1843 г. № 44)».

Родственники поэта хотя и не одобряли предполагавшагося брака его съ дочерью иностранца, но не препятствовали ему впослѣдствіи жениться на молодой, красивой барышнѣ Маріѣ Александровнѣ Подладчиковой, богатой пензенской *дворянкѣ и помѣщицѣ*, а не на невѣстѣ «изъ купеческой семьи», съ которою, какъ сказано въ статьѣ «Волжскаго Вѣстника»,—*его окрутили на купецкій ладъ*.

Если принять во вниманіе, что отецъ автора «Громвала» былъ президентомъ казанскаго губернскаго округа (какъ значится на его могильной чугунной плитѣ), получившій изъ рукъ императрицы Екатерины (въ 1767 году) шпагу, вынутую ею изъ портупеи одного изъ стоящихъ близъ нея придворныхъ (см. «Литературн. Сборникъ гр. Соллогуба: «Вчера и Сегодня», ч. I, стр. 33), если онъ имѣлъ собственныхъ крѣпостныхъ людей, изъ которыхъ Михаилъ Ивановъ убитъ Пугачевымъ, что видно изъ «Исторіи пугачевскаго бунта», Пушкина; если, наконецъ, принять къ свѣдѣнію, что поэтъ отданъ былъ на воспитаніе въ лучшій въ городѣ пансіонъ Вюльфинга,—то съ полною увѣренностію можно сказать, что Гаврила Петровичъ родился и выросъ при обстановкѣ совершенно барской и при условіяхъ, проникнутыхъ далеко не «купецкими» тенденціями. Въ такомъ мнѣніи утверждаетъ насъ и то обстоятельство, что поэтъ, оставшись послѣ отца четырехъ, а послѣ матери семи лѣтъ, находился подъ ближайшимъ руководительнымъ вліяніемъ старшихъ сестеръ своихъ, изъ которыхъ Пелагея Петровна была замужемъ за совѣтникомъ казанской гражданской палаты, надворнымъ совѣтникомъ и дворяниномъ Гавріломъ Ивановичемъ Дѣдевымъ, а Анна Петровна—за казанскимъ городничимъ, маіоромъ и дворяниномъ Андреемъ Ивановичемъ Апехтинымъ (отцомъ извѣстной казанской писательницы Александры Андреевны Фуксъ)

Вотъ въ какой сферѣ проводилъ Г. Н. Каменевъ дни первой молодости, обладая въ тоже время и самъ вполнѣ великосвѣтскимъ образованіемъ. Можно ли, въ виду такихъ фактовъ,

утверждать, что родственники Каменева выбрали для него невѣсту *по собственному вкусу изъ купеческой семьи и окрутили молодца на купецкій ладъ.*

Что Гавриилъ Петровичъ, женившись на Подладчиковой, не пользовался семейнымъ счастьемъ,—это объясняется тѣмъ, что поэтъ, страстно любя свою жену, славившуюся не одной красотою, но и образованіемъ, не встрѣчалъ съ ея стороны соотвѣтственной взаимности При своемъ умѣ и изяществѣ манеръ, Марья Александровна Каменева была женщиной вѣтренною; она съ самыхъ первыхъ лѣтъ замужества охладѣла къ мужу и вольностію своего поведенія отравляла нравственный покой его. Онъ тосковалъ, уходилъ грустный изъ дому, всѣ лѣтнія ночи 1803 года бродилъ по кизической рощѣ и въ іюлѣ того-же года умеръ исхудалый физически и разбитый морально... Въ боковомъ карманѣ его сюртука нашли карандашъ и мелко исписанный листъ бумаги съ слѣдующимъ стихотвореніемъ:

Вчера съ друзьями я ходилъ
Въ тѣни сосновой темной рощи,
Прохладной ожидая нощи,
Тамъ съ ними время проводилъ
Природа сумракомъ одѣлась,
Угрюмо на закатѣ рдѣлась
Тускло-червленая заря
Туманъ спустился на луга,
Зефиръ заснулъ, древа молчали,
Нахмурясь небо покрывали
Темно-густыя облака,
Луна изъ-за горы лѣсистой
Явила намъ сквозь воздухъ мглистый
Блѣдно-багровое чело
Явила—и печальный свѣтъ
По рощѣ тихой разливался,
Въ тоску и мрачность облекался,
Казалось, каждый тамъ предметъ
Унынie въ призракахъ черныхъ,
На насъ безмолвно устремленныхъ,
Безмолвныхъ, утомленныхъ,
Простерло свой свинцовый жезлъ
Отрада удалилась прочь,
Мое тутъ сердце пріуныло,
Забившись, тихо говорило:
„Въ твоей душѣ темно, какъ ночь.
Надежды тусклой лучъ затмился,
Оставленъ всѣми, всего лишился,
И цѣль твоя—одна лишь смерть!“
Въ глазахъ, гдѣ жизни огнь погасъ,
Слезу мнѣ горесть навернула,
При сумракѣ она блеснула
Прискорбно въ сей печальный часъ
— Друзья!—сказалъ я—я несчастенъ,
Мой жребій бѣденъ и ужасенъ·
Страданье—жизнь, темница—свѣтъ

На все гляжу сквозь черный флеръ,
Нигдѣ, ни въ чемъ красотъ не вижу,
Въ веселыхъ кликахъ стоны слышу,
При солнцѣ мрачность кроетъ взоръ .
Вино мнѣ въ ядъ преобразилось,
Восторговъ сердце тѣхъ лишилось,
Что чувство нѣжитъ и живитъ!
Я вздохомъ начинаю день,
Смущенный взоръ вокругъ вращаю,
Ищу отрадъ—тоску встрѣчаю,
Печаль слѣдитъ за мной, какъ тѣнь...
Исчезла радость наслажденья,
Прошли забавы, и мученье
Рукой желѣзной сердце жметъ!
Влачится въ скукѣ жизнь моя,
Лишась подруги кроткой, милой,
Въ сей жизни горестный, унылый,
Я къ смерти съ хладною косою
Въ могилу темную сойду.
Тогда, какъ солнце, скрывшись въ понтъ,
Оставитъ въ небѣ цвѣтъ лазурный,
Померкнетъ свѣтъ сребристый, лунный,
Туманъ задернетъ горизонтъ..
Какъ ночь разверзнетъ мрачны нѣдры
И заревутъ, завоютъ вѣтры,—
Друзья, придите вы сюда!
Придите—древнихъ соснъ въ тѣняхъ
Надгробный камень тамъ бѣлѣетъ,
Подъ нимъ вашъ другъ несчастный тлѣетъ,—
Слезой его почтите прахъ.
Почувствуйте въ душѣ унылой,
Какъ надъ безмолвною могилой
Во мракѣ ночи воетъ вѣтрь

Послѣ Гавріила Петровича Каменева осталась не одна дочь *Таня*, какъ говорится въ статьѣ «Волжскаго Вѣстника», а еще и Екатерина, которая была старше Тани. Обѣ они были потомъ замужемъ. Екатерина Гавриловна († 1828 г.) за капитаномъ и казанскимъ помѣщикомъ Иваномъ Ивановичемъ Рубановымъ *), а Татьяна Гавриловна († 1866 г.) за купцомъ Родіономъ Петровичемъ Хворовымъ, домъ котораго былъ купленъ аптекаремъ Е. Я. Бахманомъ, а потомъ перешелъ къ зятю Бахмана—нынѣшнему владѣльцу его Ф. Х. Грахе, вмѣстѣ съ аптекою **). Татьяна Гавриловна Хворова, урожденная Каменева, унаслѣдовала отъ отца горькую долю семейной жизни: она была покинута мужемъ и кончила жизнь свою монахиней въ казанскомъ женскомъ монастырѣ, въ глубокой старости. Единственная дочь ея, Александра Родіоновна, была женою не-

*) Сынъ этого Рубанова, Викторъ Ивановичъ, былъ въ 1860 годахъ казанскимъ полиціймейстеромъ.

**) Въ этомъ домѣ (купца Р. П. Хворова) жилъ когда-то профессоръ казанскаго университета К. И. Броннеръ.

давно умершаго Константина Леонтьевича Крупеникова, въ домѣ котораго, на Лядской улицѣ, помѣщается домовая церковь.

Упомянемъ кстати о домахъ, принадлежавшихъ роду Каменевыхъ. Ихъ было три и всѣ каменные. Одинъ былъ на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь университетская типографія; домъ этотъ достался Дѣдеву. Другой домъ Каменевыхъ (старый, родовой) стоялъ на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь штабъ казанскаго военнаго округа, на Черноозерской улицѣ, и наконецъ третій, доставшійся поэту, Гаврилу Петровичу Каменеву, гдѣ онъ и умеръ,— принадлежитъ теперь г. Боратынскому. Онъ находится при спускѣ отъ Гостиннаго Двора къ казанскому женскому монастырю. Въ немъ очень долго помѣщалась гостинница «Гамбургъ»—купца Ульяна Батурина.

Заключимъ нашу замѣтку спискомъ литературныхъ произведеній Г. П. Каменева, напечатанныхъ имъ въ періодическихъ изданіяхъ того времени. Кромѣ баллады «Громвалъ», давшей извѣстность поэту, имъ написаны:

а) въ журналѣ *Муза* (издавалъ въ С.-Петербургѣ Ив. Ив. Мартыновъ, извѣстный переводчикъ классиковъ): 1796 г., февраль: *Мечта* (стих.); мартъ: *Софья*; апрѣль: *Декабрьскій вѣтръ завылъ...* (стих.), *Малиновка* (стих.); *Мысли пьянаго астронома* (изъ Клейста); *Громобой*, повѣсть; май: *Старикъ* (стих.); *Утренняя пѣснь*, пер. съ нѣмецкаго; іюнь: *Къ Плѣнирѣ* (стих.); іюль: *Отрывокъ*; ноябрь-декабрь: *Кладбище* (стихъ.).

б) въ журналѣ *Ипокрена* (издавалъ въ Москвѣ проф. Павелъ Афанасьевичъ Сохоцкій): 1800 г., часть V: *Ритогеръ и Ванда*, перев. съ нѣм.; часть VI: *Флориса*, перев. съ нѣм.; *Раміеръ или самоубійца*, и *Отрывокъ изъ журнала одного путешественника;* часть VII: *Аделаида Бургундская*, историческая повѣсть; пер. съ нѣм.; *Желаніе спокойствія* (стих.) изъ Клейста, пер. съ нѣм.; часть X: *Экспромтъ* (стих.); *Сельмаръ* и *Селима*, съ нѣмецк.; *Олла или состраданіе*.

в) въ журналѣ *Новости русской литературы* (издавалъ въ Москвѣ тотъ-же Сохоцкій): 1802 г., часть II: *Волшебная сила скромности*, съ нѣмецкаго; часть IV: *При внутренней прохладѣ...* и пѣсня: *Я въ лѣсочкѣ*.

Дрябловскій домъ.

По мѣстному преданію въ «Дрябловскомъ домѣ» останавливался императоръ Петръ Первый въ 1722 г

Былъ-ли «Дрябловскій домъ» мѣстопребываніемъ императора Петра въ бытность его въ Казани—этого фактически доказать нечѣмъ. Такое преданіе основано, вѣроятно, на словахъ усерднаго собирателя матеріаловъ о Петрѣ Первомъ Ив. Ив. Голикова, которому, какъ извѣстно, Екатерина II приказала открыть всѣ архивы. Голиковъ говоритъ:

„. Будучи за-городомъ, заѣхалъ (Петръ I-й) на суконную свою фабрику, осматривалъ въ оной съ особеннымъ вниманіемъ, яко собственныхъ рукъ своихъ дѣло, всѣ мастерскія, кладовыя и матеріалы въ дѣлѣ и не въ дѣлѣ: потомъ заѣхалъ на другую суконную-же фабрику, заведенную тамошнимъ купцомъ Михляевымъ, и найдя оную коль ни малу, но несравненно въ лучшемъ порядкѣ и устройствѣ, толико хозяиномъ ея былъ доволенъ, что не только удостоилъ домъ его своего посѣщенія и своего съ нимъ о подробностяхъ фабричныхъ разговора, но пожаловалъ ему и упомянутую свою казенную фабрику со всѣмъ оной строеніемъ, съ людьми и со всѣми матеріалами, сказавъ: „Я надѣюсь, что ты скоро доведешь ее до желаемаго мною состоянія“. (См „Дѣянія Петра Великаго“, *Голикова* Часть 9, изд 1838 г., стр. 128)

У другихъ историковъ Петра I, Бергмана и Устрялова, никакихъ свѣдѣній объ этомъ предметѣ не имѣется (послѣдній, впрочемъ, своего труда не кончилъ). Не упоминаетъ ничего по поводу этого и историкъ Россіи С. М. Соловьевъ.

Между тѣмъ мѣстные историки: Рыбушкинъ («Исторія Казани“. Часть 1-я, стр. 57), Шпилевскій („Указатель историческихъ достопримѣчательностей г Казани», стр. 61), Пинегинъ («Казань въ ея прошломъ и настоящемъ», стр. 153) и Загоскинъ („Путеводитель по Казани“, стр. 188),—ссылаясь одинъ на другого, утверждаютъ, что императоръ Петръ Первый останавливался въ домѣ купца Михляева.

Что касается меня, то я держусь того убѣжденія, что, былъ или не былъ Михляевскій домъ квартирою Петра I—это не доказано; но не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію одно

что этотъ домъ Михляева, перешедшій потомъ во владѣніе и въ родъ родственниковъ его жены, Дрябловыхъ, а потомъ къ родственнику Дряблова купцу Ивану Петровичу Осокину,—есть тотъ самый домъ, который сохранился до настоящаго времени и извѣстенъ подъ именемъ «Дрябловскаго». Это вполнѣ ясно изъ духовнаго завѣщанія Михляева, напечатаннаго въ книгѣ протоіерея Петра Васильевича Малова. „Лѣтопись Петропавловскаго собора" (Казань. 1890 г, стр. 58) Во всякомъ случаѣ, одно то обстоятельство, что домъ этотъ посѣщалъ Петръ Великій, обѣдалъ у его хозяина Михляева, даетъ дому право на увѣковѣченіе его среди не многихъ историческихъ достопримѣчательностей г. Казани. Въ бывшіе въ Казани пожары домъ этотъ не горѣлъ, а лишь обгоралъ, и вся его внѣшняя орнаментура конца XVII вѣка сохранилась до нашихъ дней.

Теперь о Екатеринѣ Второй.

Она была въ Казани въ маѣ 1767 года. О путешествіи ея велся дорожный журналъ, въ видѣ дневника, напечатанный въ томъ-же 1767 году въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" (см. прибавленіе къ № 58, въ пятницу, іюля 20 дня 1767 г.) Послѣ подробнаго описанія встрѣчи императрицы казанскимъ начальствомъ и обществомъ на пристани, въ журналѣ говорится слѣдующее:

„У пристани, съвъ Ея Величество въ предуготовленную карету, изволила пойти сквозь Тайницкія ворота въ городъ, прямо къ соборной Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы церкви Губернаторъ казанскій *) и прочій генералитетъ ѣхали у кареты, а многіе дворяне передъ каретою верхами. Отъ Тайницкихъ воротъ даже до Спасскихъ стоящіе въ строю гарнизонные батальоны подъ командою коменданта казанскаго отдавали честь уклоненіемъ знаменъ, съ музыкою и барабаннымъ боемъ Многочисленный соборъ духовенства, предводимый преосвященнымъ архіепископомъ *Вениаминомъ* казанскимъ и свіяжскимъ, въ служебномъ облаченіи ожидалъ Ея Величество у воротъ ограды церковныя; а жадный видѣть монархиню свою народъ, не вмѣстившійся ни на улицахъ, ни на кровляхъ, ни въ окнахъ, преслѣдуя многочисленными толпами каретъ, смѣшенными отъ невмѣстимой въ сердцѣ радости восклицаніями, ѣдущую привѣтствовалъ. По прибытіи къ собору, преосвященный, оградивъ животворящимъ крестомъ, говорилъ поздравительную съ вожделѣннымъ Ея Величества прибытіемъ рѣчь, которая въ прекрасныхъ выраженіяхъ заключала великое и неудобь-изъяснимое города Казани о присутствіи Ея Величества веселіе

По скончаніи оной рѣчи Ея Императорское Величество, приложась къ животворящему кресту, изволила идти въ церковь за предшествуемымъ со св иконами соборомъ; а между тѣмъ по обѣимъ сторонамъ пути стоящіе въ бѣлыхъ одеждахъ и вѣтви въ рукахъ, а на главахъ вѣнцы имѣющіе семинаристы пѣли нарочито къ прибытію сочиненные стихи По возглашеніи многолѣтія, Ея Величество, приложась къ святымъ иконамъ и мощамъ препо-

*) Андрей Никитичъ Квашнинъ-Самаринъ

добнаго Гурія. тѣмъ-же порядкомъ изволила пойти въ каретѣ въ приготовленный и достойно для пребыванія Ея прибранный домъ купца Ивана *Осокина.* Шествіе было сквозь нарочито сооруженныя торжественныя ворота"

Итакъ, что императрица Екатерина 2-я останавливалась *въ домѣ купца Ивана Осокина,*—несомнѣнный фактъ. Теперь необходимо установить: гдѣ былъ этотъ домъ? Нынѣшній «Дрябловскій домъ» былъ купленъ городскимъ обществомъ въ 1816 году на торгахъ у Приказа общественнаго призрѣнія, а до того, какъ перейти Приказу, онъ былъ *Осокинскимъ.* Это видно изъ текста «данной» на его пріобрѣтеніе городомъ, въ каковой „данной" сказано:

„1816 года сентября дня, по указу Его Императорскаго Величества изъ казанской гражданской палаты казанскому градскому обществу, подвѣдомому городовому магистрату. Вслѣдствіе сообщенія, полученнаго изъ казанскаго губернскаго правленія отъ 27 числа текущаго сентября за № 19538, въ которомъ съ требованіемъ о дачѣ сей данной прописывается, что въ правленіи оном, по сношенію казанскаго приказа общественнаго призрѣнія и по предписанію г-на главнокомандующаго въ С-Петербургѣ, съ произведенныхъ торговъ, за цѣну послѣдне-данную торговавшимся отъ изъясненнаго общества, по приговору его, градскимъ главою Платономъ Сухановымъ, проданъ обществу тому каменный обгорѣлый домъ съ землею, принадлежавшій Приказу означенному, состоящій въ Казани, въ Петропавловскомъ приходѣ, за 26 000 рублей, съ условіемъ, какія содержатся въ кондиціяхъ, постановленныхъ сего году сентября 6 числа. А въ тѣхъ кондиціяхъ написано: „Въ казанскомъ губернскомъ правленіи, при г-нѣ губернскомъ прокурорѣ и членахъ приказа общественнаго призрѣнія, произведена была продажа обгорѣвшему каменному дому, приказу сему принадлежащему, называемому Осокинскимъ, состоящему здѣсь въ Казани, въ Петропавловскомъ приходѣ, котораго въ длину по улицѣ, идущей отъ хлѣбныхъ деревянныхъ лавокъ и всего квартала 60 саженъ, въ глубину двора съ правой стороны четырнадцать, съ лѣвой 30 саженъ, за оставленіемъ одиннадцати съ половиною саженъ на проѣздъ къ церкви Козмы и Демьяна, что при соборѣ Петропавловскомъ". (См Дѣло казанскаго городского архива № 45. „По доношенію городового старосты Тезикова о покупкѣ мѣста, принадлежавшаго прежде Приказу общественнаго призрѣнія", листъ 171-й). Въ этомъ-же „дѣлѣ" есть вѣдомость, „учиненная состоящимъ на общественномъ мѣстѣ, что у дома бывшаго *Осокинскаго,* подвижнымъ лавочкамъ, съ показаніемъ мѣры мѣстъ, ими занимаемыхъ, и суммы арендной годовой платы")

Изъ переписки сената съ синодомъ по спору наслѣдниковъ Михляева съ мѣстнымъ епархіальнымъ вѣдомствомъ (см. Исторію каз. дух. семинаріи, А. Благовѣщенскаго. 1881 г., стр. 58) видно, что домъ, бывшій купца Михляева, въ которомъ онъ самъ жилъ, утвержденъ за наслѣдникомъ Михляева, Афанасіемъ Дрябловымъ, содержателемъ суконной фабрики. А такъ какъ изъ прилагаемой при семъ родословной росписи можно усмотрѣть, что родной внукъ Афанасія Дряб-

лова, Иванъ Ѳедоровичъ Дрябловъ, голштинской службы коммерціи совѣтникъ и содержатель суконной фабраки (какъ изображено на его надгробномъ камнѣ въ Кизическомъ монастырѣ), былъ женатъ на родной сестрѣ балахнинскаго купца и заводчика Петра Гавриловича *Осокина*, то въ ея родню перешелъ Дрябловскій домъ, а послѣ смерти Ивана Ѳедоровича и вся суконная фабрика, вмѣстѣ съ другимъ Дрябловскимъ домомъ, который находится противъ фабрики и въ которомъ жилъ и умеръ Иванъ Ѳедоровичъ Дрябловъ (см. между прочимъ, Высочайше пожалованную привиллегію (грамоту), данную государыней императрицей Анной Ивановной въ 1735 году, сентября въ 6 день, хранящуюся у Петра Гавриловича Осокина и упоминаемую въ „Журналѣ казанской палаты гражданскаго суда“ за 1816 годъ, томъ III, листъ 3). Иванъ Ѳедоровичъ Дрябловъ былъ *первымъ* казанскимъ городскимъ головою *)

Историкъ г. Казани, адъюнктъ-профессоръ здѣшняго университета Михаилъ Самсоновичъ Рыбушкинъ, знавшій лично живыхъ свидѣтелей описываемаго событія, видѣвшихъ и встрѣчавшихъ Екатерину Вторую въ Казани (Рыбушкинъ началъ службу въ 1812 году, а писалъ о пріѣздѣ въ Казань Екатерины въ 1832 году), повѣствуетъ:

„Въ 1767 году Казань осчастливлена была прибытіемъ въ здѣшній городъ на галерѣ „Тверь“ изъ г Твери-же Ея Императорское Величество Екатерина II Монархиня, приплывъ къ пристани на рѣкѣ Казанкѣ, изволила шествовать въ каѳедральный Благовѣщенскій соборъ По дорогѣ, ведущей къ церкви чрезъ Тайницкія вороты, постлано было алое сукно Отслушавъ Божественную литургію, Государыня отправилась въ назначенный для ея пребыванія каменный домъ, близъ церкви св. апостоловъ Петра и Павла, принадлежавшій тогда содержателю суконной фабрики Дряблову, а нынѣ дворянскому обществу“ (См „Заволжскій Муравей“ 1832 года, № 16, стр. 902).

Здѣсь у Рыбушкина произошла очевидная описка, неисправленная въ корректурѣ: слѣдовало сказать; „городскому обществу“, а не дворянскому. Не могъ-же въ самомъ дѣлѣ Рыбушкинъ не знать, что упоминаемый имъ домъ въ его время принадлежалъ городскому обществу. Этою опискою воспользовался покойный профессоръ Н. Н. Буличъ, утверждавшій, что „Екатерина останавливалась въ домѣ коллежскаго ассессора Петра Осокина, домѣ, принадлежащемъ нынѣ наслѣдникамъ Соболева; въ немъ до пожара 1842 года помѣщалось Дворянское собраніе, а теперь Судебная Палата“. (См. Булича „Изъ первыхъ лѣтъ казанскаго университета“, часть 1-я, стр. 277).

*) См. проф. С М. Шпилевскаго „Путешествіе Императрицы Екатерины II-й по Волгѣ въ 1767 г.“ („Камско-Волжская Газета“ 1873 годъ, №№ 25 и 26).

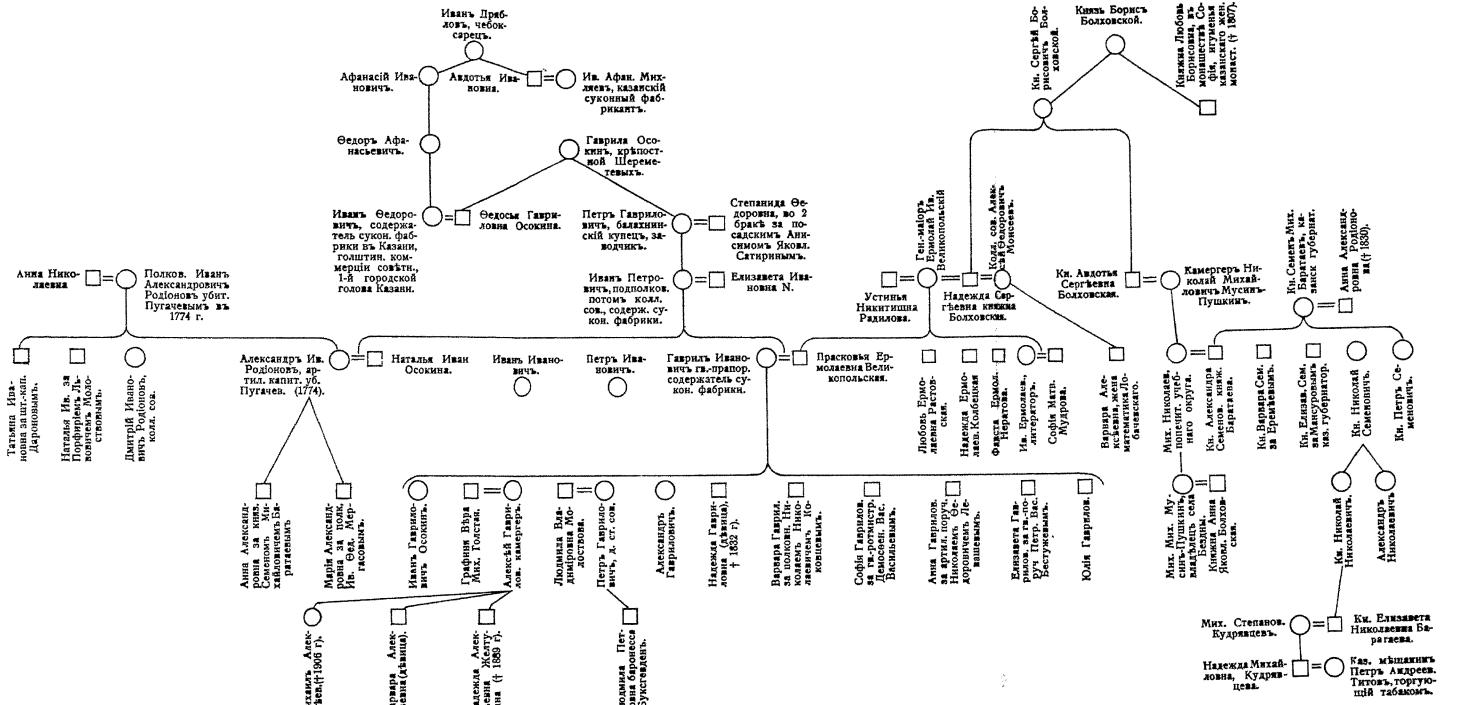
Хотя мы знаемъ, что въ теперешнемъ Петропавловскомъ переулкѣ находился другой домъ Осокина, проданный потомъ казанскому плацъ-маіору Соболевскому, и въ которомъ дѣйствительно помѣщалось Дворянское собраніе, какъ это явствуетъ изъ книги городского архива подъ № 254, называющейся «Докладный реестръ 1814 года», листъ 32; но дома этого въ пріѣздъ Екатерины не существовало. онъ выстроенъ послѣ Пугачевскаго погрома (т е послѣ 1774 года), по новоду городскому плану, значительно измѣнившему топографію нашей Казани. Въ спискѣ домовъ города Казани 1787 года, хранящемуся въ городскомъ архивѣ и составленномъ по обновленіи города послѣ Пугачева, подъ № 1745 домовладѣльцевъ, значится: «Осокинъ, Иванъ Петровъ, подполковникъ, содержатель заводовъ. Домъ каменный, въ приходѣ Петропавловскомъ, по улицѣ Воскресенской, № 509, построенъ Осокинымъ на собственный капиталъ. За нимъ-же считается въ приходѣ Богоявленія мѣсто, на которомъ каменная красильная для крашенія суконъ и кожевенный ветхій деревянный заводъ съ каменною палатою, подъ № 798».

Этотъ домъ, по моему мнѣнію, былъ все того-же Ивана Петровича Осокина, который былъ сначала купцомъ, потомъ, послѣ посѣщенія Казани Екатериною,—подполковникомъ и, наконецъ, перечисленъ въ коллежскіе совѣтники, въ каковомъ званіи и умеръ. Онъ, безъ сомнѣнія, послѣ перехода его «приданнаго» Дрябловскаго дома въ вѣдомство Приказа общественнаго призрѣнія, выстроилъ себѣ, послѣ 1774 года, на отведенномъ по новому плану мѣстѣ другой домъ, который сыномъ его, Гаврилою Ивановичемъ Осокинымъ, и проданъ былъ плацъ-маіору Соболевскому, гдѣ помѣщалось потомъ Дворянское собраніе Но домъ этотъ отнюдь не былъ ни «Дрябловскимъ», ни купеческимъ (ибо Осокинъ, при постройкѣ его былъ уже подполковникомъ, а Екатерина останавливалась въ купеческомъ домѣ, какъ и сама писала о томъ графу Панину (см. «Сборникъ Русскаго Историческаго Общества", томъ X). Въ спискѣ домовъ, видѣнномъ мною въ Архивѣ казанскаго окружнаго суда, составленномъ въ 1796 году, вышеупомянутый домъ подполковника Ивана Петровича Осокина показанъ не на Воскресенской улицѣ (какъ въ спискѣ 1787 года), а въ Петропавловскомъ переулкѣ, а Дрябловскій домъ значится принадлежащимъ Приказу общественнаго Призрѣнія.

Вотъ тѣ историческія основанія, въ силу которыхъ я считаю себя въ правѣ утверждать, что нынѣшній такъ-называемый „Дрябловскій домъ" былъ домомъ купца *Ивана Осокина,* и именно тѣмъ самымъ, который служилъ резиденціею Императрицы Екатерины II-й.

Считаемъ не лишнимъ приложить «Родословную роспись» Михляева и Дрябловыхъ, въ связи съ родственными имъ доворянскими фамиліями:

РОДОСЛОВНАЯ РОСПИСЬ.



„Изъ Казанской Исторіи“, *Н. Агафонова*

Къ біографіи В. А. Сбоева.

Въ очеркѣ В. К Магницкаго. „Нѣчто о чувашахъ, татарахъ и мишарахъ", напечатанномъ въ III томѣ „Сборника нижегородской архивной комиссіи" (стр. 37), между прочимъ, упоминается о В. А. Сбоевѣ, адъюнктъ-профессорѣ казанскаго университета и изслѣдователѣ быта крестьянъ, преимущественно инородцевъ Казанской губерніи. Авторомъ очерка выражено желаніе, чтобы чрезъ посредство членовъ названной архивной комиссіи были розысканы свѣдѣнія о времени рожденія и родителяхъ В. А. Сбоева.

Имѣя честь состоять членомъ нижегородской архивной комиссіи и располагая нѣкоторыми біографическими данными о покойномъ адъюнктъ-профессорѣ, полученными мною отъ сына его, доктора медицины Михаила Васильевича Сбоева (въ собственноручномъ письмѣ его отъ 10 марта 1877 года), я считаю долгомъ откликнуться на предложеніе В. К. Магницкаго и сообщить слѣдующія свѣдѣнія о Сбоевѣ:

Василій Афанасьевичъ Сбоевъ, адъюнктъ-профессоръ русской словесности казанскаго университета, былъ урожденецъ Нижегородской губерніи. Онъ родился 21 марта 1810 года въ селѣ Чернухѣ, близъ села Лыскова. Отецъ его, мѣстный дьячокъ, Афанасій Яковлевичъ Сбоевъ, былъ женатъ на Екатеринѣ Никитишнѣ, урожденной Протопоповой. Рано лишившись отца, Василій Афанасьевичъ первые годы жизни провелъ въ селѣ Кошкахъ, Чебоксарскаго уѣзда, у своихъ родныхъ по матери, среди чувашскаго населенія, а затѣмъ посаженъ былъ за науку въ чебоксарское духовное училище. Отсюда онъ перешелъ въ казанскую духовную семинарію, а изъ нея, въ 1829 году, въ петербургскую духовную академію, въ которой и завершилъ свое высшее образованіе, въ числѣ воспитанниковъ десятаго курса, въ 1833 году, одновременно съ авторомъ извѣстной книги о доходахъ и имущественныхъ богатствахъ нашихъ монастырей, Д. И. Ростиславовымъ Въ этомъ-же 1833 году В. А. Сбоевъ былъ опредѣленъ въ казанскую духовную семинарію учителемъ церковной исторіи и греческаго языка.

Одинъ изъ воспитанниковъ этой семинаріи (протоіерей села Бурундуки, Буинскаго уѣзда, А. И. Баратынскій), учившійся у В. А. Сбоева, дѣлаетъ такой отзывъ о своемъ преподавателѣ: «Сбоевъ прославился краснорѣчивымъ преподаваніемъ церковной исторіи, своими рѣзкими возраженіями и дебатами на экзаменахъ, гдѣ не имѣлъ себѣ соперниковъ, кромѣ учителей: Григорьева и Смирнова, которые, не церемонясь, въ пылу споровъ, называли его пустозвономъ. Сбоевъ былъ дѣйствительно краснорѣчивъ, обладая всѣми внѣшними качествами оратора, любилъ щегольнуть остротами, а иногда и нескромными анекдотами; но подъ конецъ слишкомъ легко относился къ своему дѣлу» (См. „Исторію казанской духовной семинаріи“, Благовѣщенскаго. 1881 г., стр. 347).

Другой современникъ Сбоева, студентъ казанскаго университета, выпуска 1842 года, покойный Александръ Васильевичъ Тимофеевъ, бывшій окружный инспекторъ казанскаго учебнаго округа, разсказывалъ, что Василій Афанасьевичъ изъ преподавателей семинаріи попалъ на университетскую каѳедру, благодаря лишь счастливой случайности. На страстной недѣлѣ 1840 года, казанскій попечитель М. Н. Мусинъ-Пушкинъ присутствовалъ на церковной службѣ въ Крестовой церкви, гдѣ въ тотъ день говорилъ проповѣдь учитель семинаріи Сбоевъ. Проповѣдь говорена на тему о томъ, что «всѣ младшіе должны безусловно почитать старшихъ и всѣ подчиненные должны безпрекословно повиноваться своимъ господамъ и начальникамъ»: она привела Мусина-Пушкина въ восторгъ. Попечитель до такой степени былъ очарованъ словами проповѣдника, что тутъ-же, не выходя ихъ храма, сталъ освѣдомляться объ ораторѣ и черезъ короткое время опредѣлилъ его на каѳедру русской словесности казанскаго университета. Защитивъ 29 декабря 1840 года диссертацію на степень магистра, подъ заглавіемъ: «Гносисъ и гностики» (Казань, 1839 г.), Сбоевъ былъ утвержденъ въ должности адъюнктъ-профессора, въ каковомъ званіи и находился до дня отставки своей, согласно прошенію, 29 ноября 1850 года.

Лекціи В. А. Сбоева по русской словесности не отличались, однако, какими-либо достоинствами. Онѣ, по словамъ слушателей, были безжизненны по изложенію и крайне бѣдны содержаніемъ, не оставлявшія въ головѣ и сердцѣ студента никакого научнаго слѣда, кромѣ скуки. Этихъ сбоевскихъ лекцій совсѣмъ почти не записывали студенты, хотя читавшій ихъ и сохранялъ за собою славу оратора... И не удивительно, Сбоевъ пересаженъ, какъ молодое деревцо, на другую, несродную ему почву. Пройденная Сбоевымъ школа, съ ея инфимой, синтаксимой и прасодіей, со всѣми прочими схоластическими аттрибутами, готовила его для интересовъ чисто клерикальнаго харак-

тера и служенія. Ему не откуда было почерпнуть данныхъ, тѣсно связанныхъ съ изученіемъ родной для русскаго народа словесности. Русская національная культура и поэзія народнаго духа и творчества были не только чужды той руссофобской сферѣ, откуда вышелъ Сбоевъ, но и прямо враждебны ей, какъ начала, положившія рѣзкую, историческую рознь между идеалами русскаго народа и требованіями того оторваннаго отъ народа, обособленнаго, специфическаго класса, къ которому принадлежалъ по рожденію и воспитанію Василій Афанасьевичъ. Вся эрудиція читаемаго имъ съ университетской каѳедры предмета вращалась болѣе около мѣстной инородческой миѳологіи и этнографіи, какъ колесо около своей оси Русскую литературу вообще, какъ выраженіе духа и генія русской культурной жизни, если приходилось ему заводить объ этомъ предметѣ рѣчь,—онъ начиналъ обыкновенно съ Симеона Полоцкаго и Дмитрія Ростовскаго. По его убѣжденію, до основанія въ Москвѣ славяно-греко-латинской академіи, никакой серьезной литературы у русскаго народа не было, а если и была, то раскольничья, о которой говорить не стоитъ, и т. д.

В. А. Сбоевъ умеръ въ Казани отъ апоплексическаго удара 8 іюня 1855 года, оставивъ жену Александру Васильевну (урожденную Утѣхину), двухъ сыновей Михаила и Вадима и двухъ дочерей: Анну и Маріониллу, а также домъ на Рыбнорядской улицѣ.

Изъ напечатанныхъ учено-литературныхъ трудовъ В. А. Сбоева мнѣ извѣстны слѣдующіе:

1) О книгѣ Іова въ художественномъ отношеніи. Казань. 1837 г.

2) Гносисъ и гностики. Казань, 1839 г. (магистерская диссертація).

3) О предлежательной реальности человѣческихъ познаній. («Ученыя записки казанскаго университета», 1845 г.)

4) Замѣтки о чувашахъ (письма къ редактору «Каз. Губ. Вѣдомостей»). См. эту газету 1848 г. №№ 31 и 32 и 1849 г. №№ 10, 12, 16, 21, 27, 29, 30, 37, 42, 43, 45, 50, 52 и 1850 г. №№ 44, 45, 49 и 50.

5) Осипъ Павловичъ Войцеховскій. (Некрологъ). „Каз. Губ. Вѣдомости". 1851 г. № 3.

6) Андрей Васильевичъ Кайсаровъ. (Некрологъ). «Каз. Губ. Вѣдомости». 1854 г. № 31.

7) О бытѣ крестьянъ въ Казанской губерніи. Казань. 1855 г.

— Тоже. Изданіе 2-е, книгопродавца И. В. Дубровина. Казань. 1856 г.

8) Изслѣдованія объ инородцахъ Казанской губерніи. Казань. Изданіе книгопродавца И. В. Дубровина. 1856 г.

Кромѣ того, въ рукописи остался очеркъ В. А. Сбоева: «Казанскія гульбица», въ которомъ авторомъ описывается празднованіе масляницы въ Россіи вообще и въ Казани въ особенности. Очеркъ этотъ читанъ имъ въ засѣданіи казанскаго общества любителей отечественной словесности 14 октября 1852 года. (См. «Каз. Губ. Вѣдомости». 1852 г. № 43).

1901 года

БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.

Нѣсколько словъ о моемъ знакомствѣ съ И. В. Брызгаловымъ.

23 сентября 1886 года явился ко мнѣ, съ письмомъ отъ А. С. Гацискаго, нижегородскій археологъ И. В. Брызгаловъ. Раньше я Брызгалова не зналъ, хотя и слышалъ о немъ много отъ покойнаго Александра Серафимовича. Имѣя самъ нѣкоторую наклонность къ изученію мѣстной исторической старины и уже наслышанный о замѣчательной эрудиціи въ этой спеціальности Брызгалова, я былъ очень обрадованъ его приходомъ. Немедленно мы усѣлись и между нами сейчасъ-же потекла живая рѣчь о мертвыхъ предметахъ, т. е. объ умершихъ дѣятеляхъ нашего края, о разныхъ достопримѣчательностяхъ Казани и Поволжья и проч. Иванъ Васильевичъ съ первыхъ же словъ нашей бесѣды поразилъ меня своею необыкновенною памятью. Онъ нетолько подробно зналъ старину роднаго ему Нижняго-Новгорода, но и старину Москвы, Новгорода-Великаго и даже Казани. Называлъ, въ какомъ году, какого мѣсяца и числа основанъ въ Москвѣ тотъ или другой монастырь, кѣмъ, при какихъ обстоятельствахъ, кто изъ великихъ князей московскихъ, а также и удѣльныхъ, когда и гдѣ постригся въ иночество, подъ какимъ именемъ, когда скончался, гдѣ погребенъ и когда канонизованъ. И обо всемъ этомъ говорилъ разсказчикъ безъ всякаго затрудненія, безъ запинки, точно диктовалъ „Исторію государства россійскаго“ Карамзина. И дѣйствительно, онъ кажется зналъ наизусть всѣ томы этого классическаго произведенія.

Когда коснулась рѣчь другихъ, новѣйшихъ историковъ Россіи, то собесѣдникъ мой отнесся къ нимъ несовсѣмъ благосклонно. Соловьеву, напримѣръ, онъ простить не могъ того, что историкъ этотъ, совершенно зря, безъ всякой провѣрки, выдаетъ за фактъ событіе, котораго совсѣмъ не было и которое выдумано лишь въ прошломъ столѣтіи, какъ одна изъ мѣръ борьбы съ старообрядчествомъ это—Кіевскій соборъ 1157 года на Мартина-армянина. Погодина недолюбливалъ Брызгаловъ за

истребленіе рукописей, въ которыхъ историкъ этотъ находилъ противорѣчіе своей теоріи происхожденія Руси. Костомарова—за умаленіе заслугъ Скопина-Шуйскаго, а главное за Минина и Пожарскаго. Объ Иловайскомъ отозвался, что сей ученый мужъ въ выпускахъ своей „Исторіи Россіи“ не сказалъ ничего новаго, а лишь заимствовалъ все сказанное у другихъ историковъ и въ особенности изъ „Исторіи русской церкви“ Макарія Булгакова, которой, по словамъ разказчика, слѣдуетъ вѣрить съ большою осторожностью, и такъ далѣе Только Забѣлинъ, Бестужевъ-Рюминъ и Ключевскій удостоились сочувствія моего гостя

Перейдя къ казанской старинѣ, Иванъ Васильевичъ безошибочно называлъ годы основанія древнихъ казанскихъ храмовъ. Перечислилъ поименно всѣхъ казанскихъ архіереевъ отъ Гурія Руготина до Антонія Амфитеатрова—включительно.

Въ Казань пріѣхать побудило его желаніе взглянуть послѣдній разъ на замѣчательный памятникъ древней русской архитектуры, на Іоанно-Предтеченскій монастырь, приговоренный къ сломкѣ. Узнавши въ Нижнемъ о томъ, что приступлено къ сломкѣ этого монастыря, Брызгаловъ тотчасъ-же сѣлъ на пароходъ и поплылъ въ Казань: но прибывши сюда, онъ уже не засталъ въ живыхъ этой дорогой для русскаго сердца святыни. Нѣсколько десятковъ нанятыхъ татаръ-поденьщиковъ разломали монастырь въ двое-трое сутокъ. Печальное событіе это вызвало негодованіе со стороны Императорскаго московскаго археологическаго общества, которое по этому поводу обратилось къ обществу археологіи при казанскомъ университетѣ съ бумагою слѣдующаго содержанія (какъ это видно изъ протоколовъ названнаго общества археологіи): „Императорское московское археологическое общество, получивъ извѣстіе, что церковь Іоанна Предтечи въ г. Казани назначается къ сломкѣ, обратилось къ архіепископу казанскому и свіяжскому Палладію за объясненіемъ по этому дѣлу, разъясняя при семъ преосвященному, что названная выше церковь, съ своими шатровыми главами, съ колокольней, съ закомарами, съ изящною входною дверью составляетъ замѣчательный памятникъ русскаго зодчества, который необходимо сохранить тѣмъ болѣе, что, по отзыву архитектора Пивлинова, осматривавшаго эту церковь по порученію московскаго археологическаго общества въ 1874 году, она не представляетъ *никакихъ* ветхостей и опасностей, а только незначительныя трещины, которыя всегда возможно пробрать и исправить. Палладій въ своемъ отвѣтѣ указываетъ на отзывъ казанскаго общества археологіи, исторіи и этнографіи, которое яко-бы согласилось съ возможностью уничтоженія этого древняго памятника. Императорское московское археологическое общество обращается съ покорнѣйшею просьбою къ казанскому археологическому обществу повліять на преосвященнаго Палладія и на

мѣстное духовенство, всегда готовое замѣнять древнія церкви новыми, дабы Іоанно-Предтеченская церковь была сохранена въ ея настоящемъ видѣ, какъ достойный и интересный памятникъ, составляющій по своимъ архитектурнымъ деталямъ единственный примѣръ русскаго зодчества XVI столѣтія".

Однако вмѣшательство даже такого компетентнаго и авторитетнаго учрежденія, какъ московское археологическое общество, не помогло дѣлу сохраненія древняго храма. Іоанно-Предтеченскій монастырь былъ сломанъ до основанія и московскому археологическому обществу пришлось ограничиться лишь тѣмъ, что оно выразило казанскому археологическому обществу (въ отношеніи за № 236 „свое *глубокое сожалѣніе* по поводу совершившагося факта". Этимъ дѣло и кончилось

Казанскій архіепископъ Палладій (теперь уже покойный), какъ и многіе россійскіе іерархи, смотрѣлъ на древніе церковные памятники Россіи съ миссіонерской точки зрѣнія. Лицамъ, обращавшимся къ нему съ просьбами пощадить древнюю церковь Іоанно-Предтеченскаго монастыря, архіепископъ Палладій отвѣчалъ:

— Я удивляюсь, какъ казанскіе архипастыри, мои предшественники, терпѣли это уродливое зданіе и не сломали его раньше. Всѣ эти старинные церковные памятники поддерживаютъ только старовѣрскій духъ въ русскомъ народѣ. Развѣ слѣдуетъ этому сочувствовать? Живучесть русскаго старообрядчества тѣмъ и крѣпка, что разные остатки излюбленной славянофилами старины связуютъ нашихъ старовѣровъ съ прошлымъ. Но я раскольникамъ не удивляюсь: они ищутъ въ остаткахъ старины какого-то вдохновенія по своей глупости и невѣжеству; но мнѣ непонятно, какъ люди просвѣщенные и солидные находятъ возможнымъ „построять" свои идеалы на нелѣпостяхъ мрачнаго и невѣжественнаго культа до-Перовской Руси.

Но возвратимся къ И. В. Брызгалову. Почтенный ревнитель русской старины, подойдя къ оградѣ монастыря, нашелъ на мѣстѣ сломаннаго храма однѣ руины Онъ отыскалъ какого то монаха и просилъ продать ему два кирпича отъ сломанной древности Каждый изъ этихъ кирпичей вѣсилъ 18 фунтовъ. Брызгаловъ, увязавъ кирпичи въ клѣтчатый платокъ, принесъ ихъ къ себѣ въ номеръ, въ которомъ остановился. Ему дороги были эти кирпичи, какъ современники царя Ивана IV Васильевича

— Одинъ кирпичъ оставлю себѣ на память,—говорилъ И. В. Брызгаловъ; а другой пожертвую въ такое мѣсто, гдѣ его будутъ цѣнить и хранить.

Къ этому онъ прибавилъ:

— Ужъ если обломки камней и черепки болгарскихъ развалинъ покупались членами IV археологическаго съѣзда въ

Казани за хорошую цѣну, то тѣмъ болѣе дороги должны быть для насъ памятники старины церковной.

Покойный былъ очень свѣдущъ въ области русской палеографіи. Одинъ изъ казанскихъ собирателей древнихъ рукописей показалъ Ивану Васильевичу славянскія святцы стариннаго письма. Владѣлецъ этой рукописи относилъ ее къ XII вѣку, такъ какъ въ числѣ святыхъ, поименованныхъ въ святцахъ, не значилось ни Александра Невскаго, ни Сергія Радонежскаго. Брызгаловъ, разсмотрѣвъ тщательно письмена и бумагу рукописи, объявилъ, что святцы писаны не ранѣе XVII столѣтія; а если въ нихъ не попали только-что названные святые, то это потому, что святцы списаны съ болѣе древняго оргинала, который могъ относиться къ такому времени, когда еще не были канонизованы ни Александръ Невскій, ни Сергій Радонежскій, а можетъ быть эти люди были еще живы.

Черезъ два года послѣ свиданія моего съ Брызгаловымъ въ Казани, я, бывши въ Нижнемъ-Новгородѣ, посѣтилъ, вмѣстѣ съ сыномъ своимъ, Ивана Васильевича, жившаго тогда на Большой Ямской улицѣ, въ домѣ Молніева, на чердакѣ, подъ самой крышей. Это было 28 іюня 1888 года. Мы распивали съ нимъ чай съ ягодами и вели бесѣду о нижегордскихъ древностяхъ, о Павлѣ Ивановичѣ Мельниковѣ (Андреѣ Печерскомъ), о нижегородской архивной коммиссіи и проч. Въ теченіе всего разговора нашего, Брызгаловъ поражалъ меня своего необыкновенною эрудиціей и знакомствомъ съ книжной стариной и отечественной исторіей. Казалось, не было момента въ русской исторіи, который не былъ-бы извѣстенъ этому чудному человѣку-простолюдину, который, по его словамъ, „никакой школы николиже видѣхъ“. Мамаево побоище, разгромъ Новгорода, завоеваніе Ермака, смутное время при самозванцахъ, возмущеніе стрѣльцовъ, введеніе новыхъ церковныхъ обрядовъ и передѣлка текста Богослужебныхъ книгъ при Никонѣ и проч. и проч.— обо всемъ этомъ мой собесѣдникъ разсказывалъ такъ компетентно, что у слушателя получалось впечатлѣніе, какъ будто повѣствователь самъ жилъ въ эти эпохи и участвовалъ въ событіяхъ, о которыхъ разсказывалъ. Онъ, между прочимъ, показалъ мнѣ нѣсколько старопечатныхъ книгъ и древнихъ рукописей, между сими послѣдними было немало очень рѣдкихъ, напримѣръ, служебникъ XVI вѣка и каноникъ новгородскаго письма XIV вѣка

Увлекшись разговоромъ съ словоохотливымъ и благодушнымъ Иваномъ Васильевичемъ, я не замѣтилъ, какъ протекло время. Мы разстались; но вечеромъ того-же дня я снова съ нимъ увидѣлся въ одной изъ башенъ кремля, гдѣ помѣщалась нижегородская архивная коммиссія. Опять началась оживленная рѣчь старца-антикварія, вызванная на этотъ разъ вопросами тог-

дашняго предсѣдателя коммиссіи Александра Серафимовича Гацискаго, который съ какою-то особенною нѣжностію относился къ Брызгалову и, какъ истый нижегородскій патріотъ, гордился даже, что въ Нижнемъ-Новгородѣ живутъ такіе выдающіеся археологи и палеонтологи изъ простыхъ мѣщанъ, какихъ не производила еще Москва, славящаяся ученостью своихъ историковъ и славистовъ.

На другой день я выѣхалъ изъ Нижняго и съ Иваномъ Васильевичемъ болѣе не видался.

Онъ, по моему мнѣнію, представляетъ очень крупное и чрезвычайно отрадное явленіе и долженъ составить блестящую страницу для будущаго историка „Славнаго Новгорода Низовскія Земли“.

1900 г

Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ.

(Сынъ перваго казанскаго студента)

„Братія и дружино! волею и неволею станемъ противу, не посрамимъ Земли Русскія, но ляжемъ костьми Аще моя глава ляжетъ предъ вами, то промыслите собою "

(Изъ рѣчи Святослава къ дружинѣ).

Телеграфъ возвѣстилъ Россіи о совершившейся 27 января (1886 г.) крупной литературной утратѣ. Въ этотъ день, въ Москвѣ, скончался отъ разрыва сердца *Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ*, редакторъ и издатель единственнаго въ Россіи національнаго печатнаго органа газеты *„Русь"*.

Можно сказать напередъ, что ни одно изъ повременныхъ изданій нашего Отечества не пройдетъ молчаніемъ этого печальнаго событія, ибо если немного было людей искренно солидарныхъ съ направленіемъ публицистической дѣятельности Ивана Сергѣевича, то трудно представить, чтобы нашлись такіе, которые заподозрили-бы искренность и чистоту убѣжденія въ покойномъ дѣятелѣ Можно было въ чемъ-либо не соглашаться съ нимъ, но не уважать искренности, устойчивости, послѣдовательности и неподкупности взглядовъ и убѣжденій этого человѣка—немыслимо. Это былъ умъ сильный, просвѣщенный, ясный, способный реализировать самыя запутанныя теоріи въ области русской жизни; но это былъ умъ спеціальный, отмѣтившій себѣ извѣстную, опредѣленную сферу дѣятельности. Это былъ одинъ изъ послѣднихъ и самый видный, типическій представитель столь извѣстной у насъ славянофильской школы, сдѣлавшейся теперь достояніемъ исторіи.

И. С. Аксаковъ принадлежалъ къ семьѣ, въ которой всѣ члены были очень видными дѣятелями въ области русской мысли и русскаго національнаго самосознанія. Отецъ его, извѣстный всему нашему читающему міру, Сергѣй Тимофеевичъ

Аксаковъ, авторъ *Семейной Хроники*, воспитывался въ Казани и былъ однимъ изъ первыхъ студентовъ здѣшняго университета (выпуска 1807 года). Имя его вырѣзано золотыми буквами въ пантеонѣ нашей первой гимназіи, вмѣстѣ съ славными именами ея воспитанниковъ. Гавріила Державина, Владиміра Панаева, Михаила Веревкина, Василія Перевощикова, Николая Лобачевскаго, Ивана Симонова, братьевъ Княжевичей. Старшій братъ Ивана Сергѣевича—Константинъ, умершій на одномъ изъ острововъ Іоническаго архипелага, на 44 году жизни, въ пору могучей философско-публицистической дѣятельности, былъ не менѣе извѣстенъ, нежели и отецъ. Еще братъ—Григорій Сергѣевичъ—стяжалъ себѣ доброе имя, какъ администраторъ самарскаго края и въ особенности извѣстенъ своею гуманною дѣятельностію по земскому и крестьянскому дѣлу. Самъ Иванъ Сергѣевичъ по женѣ своей, Аннѣ Ѳедоровнѣ, урожденной Тютчевой, былъ близкимъ человѣкомъ въ семьѣ извѣстнаго русскаго поэта Ѳ. И. Тютчева, стихотворенія котораго печатались въ *Современникѣ*, въ эпоху возрожденія русской литературы.

Покойный родился 26 сентября 1823 года, въ селѣ Надежинѣ (Куроѣдово тожъ), Белебеевскаго уѣзда, Оренбургской (нынѣ Уфимской) губерніи. Воспитывался въ Петербургѣ, въ училищѣ правовѣдѣнія. Служебная карьера его была непродолжительна и неблестяща: въ 1842 году, онъ поступилъ съ чиномъ IX класса на должность секретаря московскаго сената, потомъ очень недолго состоялъ товарищемъ предсѣдателя уголовной палаты въ Калугѣ. Затѣмъ, въ 1848 году, онъ опредѣленъ чиновникомъ особыхъ порученій въ министерство внутреннихъ дѣлъ, а въ 1850 году вышелъ въ отставку и поселился въ Москвѣ, въ домѣ своего отца, съ непремѣннымъ желаніемъ посвятить всѣ свои духовныя силы дѣлу русской литературы. Впрочемъ, и оффиціальная дѣятельность Ивана Сергѣевича не была безслѣдною министерство внутреннихъ дѣлъ командировало Аксакова для изслѣдованія нѣкоторыхъ старообрядческихъ вопросовъ сначала въ южную Россію, а потомъ въ Ярославскую губернію, для обсужденія дѣлъ по водворенію здѣсь такъ-называемаго единовѣрія, допущенію котораго очень противился мѣстный архіерей Евгеній (Казанцевъ). Плодомъ этихъ поѣздокъ было обширное (до 600 страницъ) сочиненіе И. С. Аксакова о русскомъ сектанствѣ, которое только незначительною частію напечатано въ *Русскомъ Архивѣ* 1866 года, стр. 627.

Литературная дѣятельность Ивана Сергѣевича началась въ 1844 году, въ журналѣ *Москвитянинъ* (стихотвореніе «Колумбъ»). Затѣмъ, въ тѣсномъ кружкѣ московскихъ славянофиловъ: А. С. Хомякова, Д. А. Валуева, братьевъ Кирѣевскихъ, Ю. Ѳ. Самарина, Ѳ. В. Чижова, кн. В. А. Черкасскаго и К.

С. Аксакова, печатнымъ и тенденціознымъ органомъ которыхъ были *Московскіе сборники* Первый изъ этихъ «Сборниковъ» появился въ 1846 году. Здѣсь Иванъ Сергѣевичъ напечаталъ первыя свои стихотворенія, написанныя во время службы въ Калугѣ (числомъ шесть). Въ слѣдующемъ 1847 году вышелъ новый томъ «Сборника», въ которомъ И. С. Аксаковъ напечаталъ драматическое произведеніе: «Зимняя дорога». Наконецъ, въ 1852 году, онъ самъ уже выступилъ въ редакторской дѣятельности, издавши особый (первый) томъ *Московскаго сборника*, въ которомъ, кромѣ стиховъ, помѣстилъ отрывокъ изъ очерка *Бродяга*. Но, къ сожалѣнію, дальнѣйшему изданію этихъ «Сборниковъ» положенъ былъ, въ 1853 году, конецъ строгостью тогдашней цензуры, которая видѣла въ славянофильскомъ направленіи этихъ изданій вредное для государственной и общественной безопасности вѣяніе. Душею этой группы молодыхъ московскихъ литераторовъ, или вѣрнѣе—этой недостаточно понятой обществомъ школы, былъ братъ Ивана Сергѣевича—Константинъ Аксаковъ, о которомъ тогдашнее правительство отзывалось такъ: «Константинъ Аксаковъ, магистръ московскаго университета, живетъ въ Москвѣ, пропитанъ славянофильствомъ. Въ 1846 году онъ напечаталъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* статью: «Семисотлѣтіе Москвы». Въ этой статьѣ высказывались мысли, несообразныя съ монархическимъ правленіемъ. За эту статью и сочинителю, и цензору сдѣлано было строгое замѣчаніе. Этотъ молодой человѣкъ не безъ ума и образованъ, добросовѣстенъ и хорошей нравственности, но его, какъ фанатика, трудно убѣдить въ ложности его мнѣній». (См. *Русс Старину* 1875 г., т III, стр. 374) Вся вина состояла въ томъ, что въ изданномъ Ив. С. Аксаковымъ «Сборникѣ» весьма настойчиво проводились идеи, неслыханныя и страшныя для умовъ того времени, напримѣръ, что «духъ христіанства чуждъ учрежденіямъ Имперіи», что «законы гражданскіе составили какую-то таблицу счетоводства между Богомъ и Его твореніемъ, непонятную для насъ, сыновъ церкви православной», что: «Голосъ Божій въ писаніи замолкъ» и т. д (см. статью Хомякова). Въ статьяхъ Константина и Ивана Аксаковыхъ усмотрѣно стремленіе именовать всѣхъ людей братьями, призванными къ вольному труду для блага общественнаго. Въ статьѣ кн. Черкасскаго открыто намѣреніе доказать вредъ продажи крѣпостныхъ людей врозь: дочь отъ матери, сына отъ отца, мужа отъ жены, и проч. Такимъ образомъ, 3 марта 1853 г, состоялось распоряженіе о воспрещеніи печатанія „славянофильскихъ сборниковъ“, какъ вредныхъ по содержанію своему спокойствію Россіи. Уже въ новое царствованіе кружокъ московскихъ славянофиловъ получилъ свободу вновь открыто высказать свои убѣжденія: 8 февраля 1856 г.

имъ разрѣшено издавать *Русскую Бесѣду*, которая и стала выходить подъ редакціею Тертія Ивановича Филипова, извѣстнаго потомъ своими капитальными трудами по русскимъ церковнымъ вопросамъ (и главнымъ образомъ по изъясненію псевдо-единовѣрія) и при ближайшемъ участіи тѣхъ-же дѣятелей, въ томъ числѣ и И. С. Аксакова.

Не ограничиваясь сотрудничествомъ въ «Русской Бесѣдѣ», Иванъ Сергѣевичъ выхлопоталъ право издавать отдѣльный самостоятельный органъ славянофильской партіи, подъ названіемъ *Парусъ*. Получивъ разрѣшеніе на изданіе этой газеты, Ив. С. Аксаковъ разослалъ объявленіе о «Парусѣ» на языкахъ польскомъ, чешскомъ, сербскомъ и болгарскомъ, имѣя въ виду стянуть разрозненныя интеллектуальныя силы всего славянства подъ одно общее знамя «возрожденія». Но смѣлая мечта оказалась преждевременной и «Парусъ», выпустивъ *два номера*, погибъ отъ причинъ, независѣвшихъ отъ редакціи. Это было въ 1859 году.

Сочувствіе къ печальной исторической судьбѣ славянскихъ племенъ, подпавшихъ съ давнихъ поръ разрушительному вліянію сосѣдей (на сѣверѣ онѣмеченію, на югѣ угнетенію фанаріотскому и мадьярскому), держалось очень сильно въ русскомъ обществѣ того времени. Еще болѣе это сочувствіе взволновало умы, когда въ январѣ 1860 году явилась знаменитая повѣсть И. С. Тургенева: *Наканунѣ*. Ив. С. Аксакову повѣсть эта доставила неописанное наслажденіе, какъ и большинству представителей тогдашней русской интеллигенціи.

Упомянувъ объ изданіи И. С. Аксаковымъ газеты «Парусъ», мы должны сказать два-три слова еще объ одной газетѣ славянофильскаго направленія, предпринятой за два года до «Паруса», подъ непосредственнымъ смотрѣніемъ и нравственнымъ руководительствомъ братьевъ Аксаковыхъ. Мы говоримъ о мало извѣстномъ органѣ московской публицистики, газетѣ *Молва*, выходившей съ 13 апрѣля по 28 декабря 1857 года, подъ редакторствомъ молодого кандидата московскаго университета С. М. Шпилевскаго, впослѣдствіи очень извѣстнаго казанскаго профессора, публициста и археолога. Всѣ номера «Молвы» переполнены статьями Аксаковыхъ, направленными противъ крѣпостничества, презрѣнія къ русской народности, къ національному русскому творчеству, противъ слѣпого, безконтрольнаго поклоненія западно-европейской цивилизаціи. По смыслу передовыхъ статей «Молвы» можно и должно заимствовать у запада все полезное и, въ тоже время, оставаться вполнѣ русскимъ человѣкомъ, не стыдясь своей національности. Петръ I, мѣтко и справедливо охарактеризованный нашимъ знаменитымъ Крыловымъ въ баснѣ: «Трудолюбивый Медвѣдь», водворяя на русской почвѣ голландско-

нѣмецкую культуру посредствомъ насилія, принесъ, по словамъ «Молвы», гораздо болѣе зла родной странѣ, нежели блага, что и не замедлило вскорѣ обозначиться въ жизни и нравахъ высшаго сословія нашихъ столицъ въ теченіе петербургскаго періода русской исторіи. Нѣтъ сомнѣнія, что очень многія мысли, высказанныя „Молвою“, признаются въ наше время вполнѣ вѣрными и справедливыми, ибо нельзя-же признать безупречною ту логику, что достаточно перемѣнить у народа кафтанъ на фракъ, натуральные волосы на парики, ситцевыя рубашки на крахмаленныя, сарафаны на корсеты,—чтобы признать за нимъ право на названіе цивилизованнаго. Точно также исторія съ мельчайшими подробностями раскрыла намъ теперь—каковъ былъ самъ Петръ I-й, что за личность былъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, одинъ изъ усерднѣйшихъ его сподвижниковъ: кто были дѣятели, окружавшіе дворъ нашихъ императрицъ XVIII вѣка. Все это уже выяснено съ достаточною полнотою нашими изслѣдователями и картина величаваго изображенія преобразованій Россіи, воспѣтыхъ и возведенныхъ въ ореолъ казенными историками тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ девятнадцатаго вѣка, значительно видоизмѣнилась и уже не возбуждаетъ, при анализѣ спокойнаго ума, тѣхъ телячьихъ восторговъ, съ которыми носились еще такъ недавно и наша журналистика, и наша педагогика .«Молва» утверждала, что если русскій народъ и нуждался въ перевоспитаніи, то нимало не получилъ его съ реформою Петра и его послѣдователей; равнымъ образомъ не улучшилось ни на іоту и его матеріальное благосостояніе; напротивъ, даже сдѣлалось несравненно тяжелѣе прежняго, благодаря усовершенствованному крѣпостничеству, рекрутчинѣ, сословной разрозненности, налогамъ и пошлинамъ на бороду, на двуперстіе, на одежду, на всякую всячину, не считая обычнаго крестьянскаго тягла. Со всѣмъ этимъ, конечно, нельзя не согласиться и нельзя не воздать благословенія памяти величайшаго изъ россійскихъ монарховъ, Александра II, сдѣлавшаго для своего народа несравненно болѣе, нежели Петръ Первый и всѣ его сподвижники, вмѣстѣ взятые.

Газета „Молва“ не избѣгла гоненія, но гоненіе это шло не изъ правительственныхъ сферъ, а отъ собратовъ по оружію. «Молву» и «Парусъ» подняла на смѣхъ почти вся тогдашняя журналистика, едва начавшая говорить какъ слѣдуетъ послѣ тридцатилѣтней печати на устахъ. Самымъ сильнымъ антагонистомъ «Молвы» и ея направленія выступилъ извѣстный, бездарный поэтъ-крѣпостникъ князь П. А. Вяземскій. Вотъ выдержка изъ его письма къ Константину Аксакову: «Историческій, наслѣдственный вопросъ о крѣпостномъ состояніи въ Россіи есть вопросъ щекотливый и жгучій и потому самимъ правительствомъ изъятый изъ среды вопросовъ, предоставленныхъ гласному печатному

сужденію Слѣдовательно, не для чего, вопреки извѣстнымъ и положительнымъ распоряженіямъ правительства, поднимать его. Упованіе на водвореніе вольнаго труда—утопія, которая можетъ сбить съ толку трудящихся». По поводу статей о гоненіи на русскую одежду этотъ-же поэтъ-крѣпостникъ замѣчаетъ: «И въ этомъ вопросѣ, какъ онъ ни малъ, *есть своя относительная важность*. Частными предписаніями высшаго начальства, такъ-называемая русская одежда не допускается Сей вопросъ оффиціально или полицейски рѣшенъ. Здѣсь уже не мѣсто выводить печатно, чего желаютъ «славянофилы» въ вопросѣ объ одеждѣ... Сдѣлайте одолженіе, во имя Карамзина, Жуковскаго, Пушкина, заколотите нѣсколько нескромныхъ пушекъ въ вашей батареѣ Берите примѣръ съ главныхъ нашихъ учителей Воздержитесь ради Бога отъ пальбы въ заповѣдныя мѣста Спросите батюшку вашего. онъ страстный охотникъ, но и онъ вамъ скажетъ, что охота имѣетъ свои законы, свои ограниченія. Въ чужихъ дачахъ охотиться не дозволяется, а тѣмъ паче въ казенныхъ \минь» (См. *Русск. Архивъ* 1879 г № 11)— На газету «Парусъ» писались самыя злыя насмѣшки въ стихахъ и прозѣ...

Потерпѣвъ неудачу съ «Молвою» въ 1857 году и съ «Парусомъ» въ 1859 году,—славянофильская партія ограничила свою умственную дѣятельность исключительно одною «Русскою Бесѣдою», которая въ послѣдніе годы своего существованія выходила уже подъ редакціею Ив. С. Аксакова, на иждивеніе А И. Кошелева Но толстыя книжки этого журнала мало соотвѣтствовали цѣлямъ кипучей дѣятельности кружка, представителямъ его хотѣлось имѣть еще газету, которую можно было-бы выпускать чаще и распространять въ болѣе широкомъ кругу читателей, что и пробовали они осуществить. Кромѣ неудачъ на этомъ поприщѣ, славянофилы испытывали болѣе горькія скорби: неумолимая смерть уносила изъ ихъ среды самыя лучшія и дорогія силы: въ 1856 году умерли Иванъ и Петръ Кирѣевскіе, въ 1859 году не стало почтеннаго патріарха ихъ литературной семьи С. Т. Аксакова, въ слѣдующемъ 1860 году сошли въ преждевременную могилу Константинъ Аксаковъ и А. С. Хомяковъ. Удрученный тяжелыми испытаніями Иванъ Сергѣевичъ уѣхалъ заграницу и путешествовалъ около года по славянскимъ землямъ. Вернувшись въ Россію съ запасомъ свѣжихъ силъ и впечатлѣній, Ив. С. Аксаковъ предпринялъ осенью 1861 г. изданіе газеты «*День*» Первый номеръ этого новаго органа славянофиловъ вышелъ 15 октября 1861 года, предпосланный передовою статьею, въ которой между прочимъ говорится: «...Сколько накопили мы лжи въ теченіе нашего полуторастолѣтняго разрыва съ народомъ! . Это не значитъ, чтобы до разрыва не было у насъ ни зла, ни мерзостей: ихъ

было много, но то были пороки, порожденія грубости и невѣжества. Только послѣ разрыва заводится у насъ ложь: жизнь теряетъ цѣльность, ее органическая сила убѣгаетъ внутрь, въ глубокій подземный слой народа. Не пускаясь въ пространныя разсужденія, скажемъ, что знамя нашей газеты есть знамя „Русской Бесѣды“, знамя русской народности, понятой и опредѣленной всей такъ - называемой славянофильской школой. Каждому безпристрастному читателю извѣстно теперь, что это ученіе чуждо односторонности и исключительности относительно запада, и что всѣ обвиненія подобнаго рода были изобрѣтены во время-оно недобросовѣстностью или непонятливостью. Впрочемъ, эти обвиненія въ настоящее время едва-ли уже не разсѣялись сами собою»...

И дѣйствительно, лучшіе и передовые умы нашей литературы смотрѣли на дѣятельность славянофиловъ съ безмолвнымъ уваженіемъ, хотя и недоумѣвали подчасъ—изъ-за чего бьются эти послѣдніе. Бѣлинскій горячо любилъ Константина Аксакова: Герценъ хотя и возставалъ противъ ученія московскихъ славяфиловъ, но къ дѣятелямъ ихъ относился съ глубокимъ уваженіемъ, цѣня въ нихъ искренность и святость убѣжденія. Грановскій писалъ о славянофилахъ, что „въ этихъ людяхъ столько святости, чистоты, силы, какъ рѣдко приходится встрѣчать». „День“ прекратился въ 1865 году. Во все время изданія его И. С. Аксаковъ имѣлъ постоянныя непріятности. Одно время онъ даже былъ отстраненъ отъ газеты и ее редактировалъ Ю. Ѳ. Самаринъ. Послѣ невольнаго прекращенія «Дня», Иванъ Сергѣевичъ опять ухитрился получить право на изданіе газеты. Съ 1 января 1876 года стала выходить его *„Москва“* въ форматѣ большого листа, ежедневными выпусками. Направленіе газеты оставалось неизмѣннымъ разъ навсегда: одни и тѣ-же домогательства, одни и тѣ-же обличенія. Новая газета пуще прежнихъ возстановила противъ себя цензурное вѣдомство. Въ періодъ ея существованія (съ 1 января 1867 года по 21 октября 1868 года) она подверглась *девяти* предостереженіямъ и *тремъ* пріостановленіямъ, на 3, на 4 и наконецъ на 6 мѣсяцевъ. Главнѣйшія статьи, которыя ставились въ вину редактору, были въ 1867 году слѣдующія: въ № 8 передовая, въ коей «порицается правительство за то, что оно принимаетъ на себя обязанность направлять и опекать умъ, чувство и волю своихъ подданныхъ и тѣмъ ослабляетъ общество, держа его вѣчно въ пеленкахъ и водя на помочахъ, порицается общество за то, что оно усвоивая себѣ точку зрѣнія правительства, принимаетъ на себя несвойственныя ему обязанности III отдѣленія, а съ другой стороны прибѣгаетъ къ добровольному ограниченію своихъ правъ, къ ненужному, неблаговидному угодничеству передъ правительствомъ». Въ

томъ-же № 8-мъ «порицается зависимость церкви отъ правительства: приравненіе разныхъ степеней духовенства и благодати Св. Духа къ табели о рангахъ. Епископы причислены къ одному рангу съ генералъ-маіорами, архимандриты сравнены съ полковниками, священники—съ маіорами Высшіе пастыри обратились, въ силу предъявленныхъ имъ отъ правительства требованій, въ государственныхъ сановниковъ и кавалеровъ, а простые священники—въ чиновниковъ. Духовенство, въ свою очередь, занималось въ большинствѣ случаевъ пререканіями съ пасомымъ имъ стадомъ, весьма мало уважавшимъ своихъ пастырей, или надоѣдало свѣтской власти безконечными жалобами и кляузами на раскольниковъ, испрашивая для нихъ различныя болѣе или менѣе суровыя кары и наускивая на ихъ молитвенныя убѣжища чиновъ полиціи» .. Такія статьи, затрогивавшія самые щекотливые и нетронутые вопросы русской жизни, печатались Ив. С. Аксаковымъ въ продолженіе всего 1867 года.

Во время запрещенія «Москвы» она замѣнялась «*Москвичемъ*», газетою выходившею за подписью С. А. Юрьева, въ томъ-же видѣ, объемѣ и направленіи, какъ и «Москва». Рѣзкія статьи фактическаго редактора ея не переставали тревожить правительство, въ особенности духовное. Въ рѣдкомъ номерѣ не было обличеній, направленныхъ на ненормальность и антиканоничность церковной практики въ Россіи, въ которой, по словамъ автора, ни одного таинства нельзя получить даромъ: родился—давай деньги, хочешь креститься—давай деньги, говѣть—деньги, вѣнчаться—деньги, умрешь—тоже деньги. Молебенъ, панихида или простая молитва—все это оцѣнено по таксѣ и стоитъ денегъ. Въ № 12 «Москвы» за 1868 годъ Ив. С. въ передовой статьѣ говоритъ о необходимости допустить у насъ полную свободу совѣсти въ дѣлахъ религіи и устранить вмѣшательство государственной власти въ дѣла церкви. У ограды церковной—продолжаетъ онъ—стоитъ не Ангелъ Божій, охраняющій ея входы и выходы, а жандармы и квартальные надзиратели, какъ органы государственной власти; это стража нашего русскаго душеспасенія, охранители догматовъ русской православной церкви»: далѣе, въ № 18 Ив. С. напечаталъ статью, начинающуюся такъ: „Вѣсилица, какъ странствующій педагогъ, обходя грады и веси, преподаетъ свои назидательные уроки». Когда тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ, генералъ-адъютантъ Тимашевъ, замѣтилъ рѣзкость этой статьи, редакторъ отвѣтилъ, что онъ «не считаетъ себя обязаннымъ относиться къ смертной казни съ сочувствіемъ и даже признаетъ за собою право выражать къ ней свое полное отвращеніе“, и т. д. Такой рѣзкій, протестующій голосъ покойнаго русскаго публициста былъ причиною того, что и

„Москва“ и „Москвичъ“ были запрещены (послѣдній на 38 номеръ), а редактору воспретили впредь всякую литературную дѣятельность.

Безмолвіе его продолжалось около *девяти лѣтъ*. Въ засѣданіи московскаго славянскаго комитета онъ произнесъ рѣчь по поводу Санъ-стефанскаго перемирія. Рѣчь эта была напечатана въ двухъ-трехъ русскихъ газетахъ („Московскихъ Вѣдомостяхъ“, „Современныхъ Извѣстіяхъ“ и „Гражданинѣ“— 1877 г.), но номера этихъ газетъ были изъяты, а самъ ораторъ вынужденъ былъ отправиться въ ссылку Только въ 1880 году онъ возвратился снова къ излюбленной имъ публицистической дѣятельности. Въ этомъ году, съ 15 ноября, ему позволено снова стать издателемъ и газета «*Русь*» не замедлила зажечь свое яркое пламя на горизонтѣ русской журналистики. Статьи ея по внутреннимъ вопросамъ свидѣтельствовали, что авторъ ихъ остался все тѣмъ-же немолчнымъ глашатаемъ истины, которая была всегда и во всемъ его единственною путеводною звѣздою. Всѣ честные дѣятели стремятся къ истинѣ, хотя и разными дорогами, но идти къ ней съ такимъ упорствомъ, съ такимъ постоянствомъ, съ такимъ могучимъ сознаніемъ святости своего призванія и долга—могъ только Иванъ Сергѣевичъ и подобные ему характеры, воспитанные въ полномъ общеніи съ нравственными инстинктами и судьбами родного народа.

Вотъ кто былъ Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ, котораго лишилась Россія!...

30 января 1886 г.

Конецъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр

1. **Женитьба Кафтанникова** 1
2. **Изъ мѣстныхъ литературныхъ воспоминаній:**
   а) Высылка изъ Казани баккалавра Щапова . . 12
   б) Пріѣздъ въ Казань Всеволода Крестовскаго . . 18
3. **Изъ исторіи казанскаго университета:**
   а) Къ столѣтнему юбилею Н. И. Лобачевскаго . 30
   б) Гавріилъ Ильичъ Солнцевъ 40
   в) Къ біографіи Н. Н. Булича . . . 49.
   г) Профессоръ Н. А. Осокинъ . . 54.
   д) Академикъ А. М. Бутлеровъ . . . . 58.
   е) Къ біографіи профессора Н. К. Нелидова . . . 65.
   ж) Казанскій оріенталистъ (памяти И. Н. Холмогорова) 68.
   з) Маріанъ Альбертовичъ Ковальскій . . . . . 71.
   и) Николай Ивановичъ Ильминскій . . . . . 74.
4. **Воспоминаніе объ А. С. Гацискомъ** . . . . . 80.
5. **Старыя купеческія фамиліи въ Казани:**
   а) Крупениковы . . . . . 100.
   б) Фамилія Сухановыхъ въ Казани (Очеркъ изъ мѣстной бытовой исторіи) . . . . . 123.
   в) Родъ купцовъ Серебренниковыхъ. . . . . 133.
   г) Родъ купцовъ Унженинныхъ . . . . . 141.
   д) Купецъ А. И. Шогинъ, первый въ Россіи китаечный фабрикантъ . . . . . 148.
6. **Опека Перетрухиныхъ (Эпизодъ изъ казанской жизни первой четверти XIX вѣка).** . . . . . 155.
7. **Изъ казанскихъ преданій** . . . . . 162.
8. **Казанская героиня „Въ лѣсахъ“ А. Печерскаго** . 174.
9. **По поводу статьи: „Казанскій поэтъ Каменевъ“** . 194.
10. **Дрябловскій домъ** . . . . . 200.
11. **Къ біографіи В. А. Сбоева** . . . . . 205.
12. **Нѣсколько словъ объ И. В. Брызгаловѣ** . . . . 209.
13. **Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ (сынъ перваго казанскаго студента)** 214

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

Страница	*Строка (сверху).*	*Напечатано*	*Слѣдуетъ быть:*
18	12	признанье,	призванье,
49	1	25 мая 1893 г	25 мая 1895 г
88	28	баронессы Дидрихъ	баронессы Пирхъ
107	7	Попова.	Папова